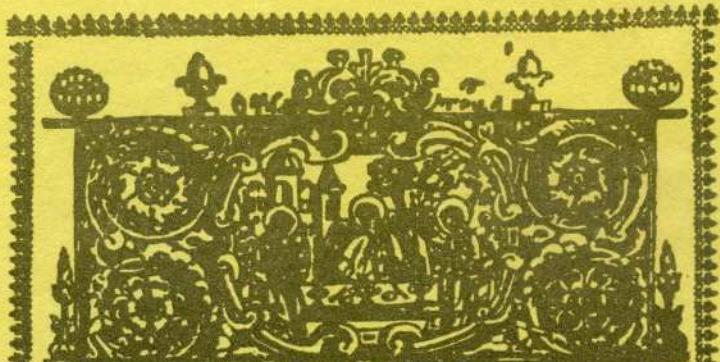

**Русская
старопечатная
литература
XVI—
первая четверть
XVIII в.**

**Симеон Полоцкий
и его
книгоиздательская
деятельность**

Ро́мáв и́тия тýци . О́ци , и
Сиа , и ота́го да : Начата бытие
печатати книга та , ве́чера
т дніемъ , на праздники гдікіл ,
шгороднікы , и отыкъ наочнтыхъ ,
из пнцъ словъ ежіа дашамъ хртіанъ
предоставленыхъ въ нашееніе дхнове ,
ежінъ пособіемъ і уготованиемъ :
Повідѣніе блаженна памяті , Баго-
тичнє сїшаго Блакаго Груда нашаго
Ціла , и блакаго Кнзла . Аюдара
Алехісента , вна блакія , и
мама , и ёма рюні самодірка :
Багоікоіїсѧ же въ дхновомъ чинѣ
Оца ёгѡ и егомолца , блакаго
гдика , отблескаго Куре ҃шакіма .
патріарха тоискоискаго . и та рушіи :
Въ цѣтавицьмъ блакомъ градѣ
моікъ , въ типографії вірдній :

Ро́змѣръ сты́лъ тѣцы . О́ца . и Сы́нъ .
И́стеги́ш А́хъ : Душа́мъ же Христіанъ
изъ православныхъ въ национальной Ахомове :
Съ Поведѣниемъ Еготтиишиаго белы-
наго Гдѣ, нашигъ Церквь . и великанъ
князь Абодора Азехіевна , въ
бланкія . и малая . и сѣлья россіи
такодицда : Благбеніемъ же въ Ахомовѣ
тынъ О́ца Егѡ и егомолца , белынаго
гдѣла . Еготтиишиаго Курт Шакима .
Патріарха моккоинаго , и вѣлѣ россіи :
Киңга шебѣдѣ дүшинын , на вѣлѣ днѣ
богородынъ вигш жѣта , и зѣпнѣре Слова
жїя , Егѡ поясіемъ , тұдоанеiemъ
преднарш О́ца Іоанонахъ Сумбина
полоцкаго , въ црквициамъ Градѣ
Моккаѣ шентанциаго , ш бозданея
мира . въ жѣто Эрлд . и когорданынъ :
Нэзденія въ томъ же црквициамъ вланко
градѣ Моккаѣ . въ тупографіи віхитѣй :
Ек жѣто ш сотворійл міра . Эрлд :
Съ рюты же по плюти Бга яловы . Ахъ ,
індикта , є . Міца Оютшемѣ .

Академия наук СССР

Институт
мировой литературы
им. А. М. Горького

Русская
старопечатная
литература
(XVI—
первая четверть
XVIII в.)

Редакционная
коллегия:
О. А. Державина
А. С. Дёмин
А. С. Елеонская
К. Н. Ломунов
А. Н. Робинсон
(главный редактор)

* * *

Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность

Издание подготовили:

В. К. Былинин
В. П. Гребенюк
О. А. Державина
А. С. Дёмин
А. С. Елеонская
А. С. Курилов
Е. С. Овчинникова
А. Н. Робинсон
Л. И. Сазонова
Ф. И. Сетин
Л. П. Сидорова
Л. А. Черная

Под редакцией
А. Н. Робинсона

Издательство «Наука»
Москва 1982

Русская старопечатная литература
(XVI — первая четверть XVIII в.)

Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность

Утверждено к печати Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького Академии наук СССР

Редактор издательства Л. М. Нечипоренко. Художник М. В. Буткевич
Художественный редактор С. А. Литвак. Технический редактор С. Г. Тихомирова
Корректоры Б. И. Рывин, Е. В. Шевченко

ИБ № 25075

Сдано в набор 12.02.82. Подписано к печати 28.06.82. А-10836. Формат 60×84×1/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,46. Усл. кр. отт. 21,97. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 5000 экз.
Тип. зак. 1444. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90
2-я типография издательства «Наука» 123099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Р 4603010101—265
042(02)—82 530—82, кн. 1

© Издательство «Наука», 1982 г.

От редактора

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена исследованию творчества и деятельности выдающегося белорусского и русского поэта, драматурга, оратора и педагога Симеона Полоцкого, 300-летие со дня смерти которого было отмечено в 1980 г. по рекомендации ЮНЕСКО специальной научной конференцией в г. Минске, проведенной Институтом литературы им. Янки Купалы АН БССР совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

Симеону Полоцкому посвящена значительная научная литература. Однако почти совсем не изученными остались две проблемы: во-первых, деятельность Симеона как первого в России профессионального писателя, который создал типографию для издания своих и некоторых других книг, и во-вторых, место и значение его творчества в русском литературном процессе вообще. Группа древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР предприняла опыт изучения двух названных проблем, основываясь на разысканиях ранее не известных или мало обследованных архивных и историко-литературных материалов. Анализ этих ценных материалов позволил авторскому коллективу прийти к целому ряду выводов и даже, насколько это возможно, проникнуть в «творческую лабораторию» этого замечательного старинного писателя, выявить его деятельность как литератора, редактора и издателя книг. Симеон Полоцкий был, несомненно, новатором во всех этих областях.

Настоящая коллективная монография имеет самостоятельное значение, так как она охватывает определенную долю литературной, просветительской и книгоиздательской работы одного писателя, причем из числа самых прославленных древнерусских и древнебелорусских авторов. Вместе с тем эта книга является завершающим (по времени выхода) выпуском серии «Русская ста-

ропечатная литература (XVI — первая половина XVIII в.)»¹. Объем книги не позволил рассмотреть с исчерпывающей полнотой все обширные творческие и книгоиздательские начинания Симеона Полоцкого, но основные из них представлены в книге достаточно обстоятельно.

¹ См.: Русская старопечатная литература (XVI — первая половина XVIII в.). Редкол.: О. А. Державина, А. С. Дёмин, А. С. Елеонская, К. И. Ломунов, А. Н. Робинсон (главн. ред.); а) Литературный сборник XVII века. Пролог / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Дёмин, А. С. Елеонская, А. С. Курилов, Л. И. Сазонова, Л. А. Черная; Под ред. А. С. Дёмина. М., 1978; б) Панегирическая литература Петровского времени / Изд. подг. В. П. Гребенюк; Под ред. О. А. Державиной. М., 1979; в) Тематика и стилистика предисловий и послесловий / Изд. подг. А. С. Дёмин, А. С. Елеонская, Л. А. Итигина, А. С. Курилов, Ю. А. Лабынцев, Л. И. Сазонова, Л. А. Софронова, Л. А. Черная; Под ред. А. С. Дёмина. М., 1981.

Глава первая

Симеон Полоцкий и русский литературный процесс

А. Н. РОБИНСОН

Исполнилось триста лет со дня смерти белоруса Самуила Гавриловича Петровского-Ситниановича (1629 г., Полоцк — 25 августа 1680 г., Москва), получившего при пострижении в монахи имя Симеона, к которому впоследствии, в Москве, было добавлено определительное прозвище «Полоцкий». Это прозвище стало первой фамилией в русской литературе, принадлежавшей первому в России писателю-профессионалу, впервые в печати обозначившему таким именованием свои сочинения. Симеон был также первым в русской литературе писателем, чье имя приобрело международную европейскую известность.

Выдающийся английский (оксфордский) лингвист голландец Г.-В. Лудольф, написавший и напечатавший первую в Западной Европе «Русскую грамматику», писал по-латыни (на языке науки) в предисловии к этому труду: «Не так давно некий монах Симеон Полоцкий перевел славянскими стихами Псалмы Давида и издал их, как и многие другие еще богословские книги, именно „Духовный обед“, „Духовный вечер“, „Многоцветный вертоград“¹. Профессор Лудольф оповестил, таким образом, просвещенных европейцев о появлении в России первого писателя, не только написавшего, но и издавшего в печати несколько своих больших книг, именно тех, которые (наряду с другими) исследуются нами теперь в настоящем труде. Лудольф включил здесь в число напечатанных книг и «Вертоград многоцветный» (возможно, известный ему в роскошной рукописи, подготовленной к печати

¹ Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quae continent non tantum praeceptra fundamenta Russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Oxonii, 1669; Лудольф Г.-В. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Подг. к изд., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937, с. 114. Лудольф имел в виду книги: Псалтир царя и пророка Давида, художеством рифмованным... преложенная. М.: Тип. Верхняя, 1680; Обед душевный. М.: Тип. Верхняя, 1681; Вечеря душевная. М.: Тип. Верхняя, 1683.

и для преподнесения царю Федору Алексеевичу), намного опередив историю, поскольку замечательный труд этот, как и другой литературный сборник Симеона — «Рифмологион», еще не издан.

Несколько ранее Лудольфа оповестил западных европейцев о Симеоне курляндский аристократ Яков Рейтенфельс, также побывавший в Москве, где он лично познакомился с писателем. Отправившись в Италию, Рейтенфельс написал там большую книгу для тосканского герцога Козьмы с тем, чтобы ознакомить его с «Московией». Книга была издана сначала на латинском языке в Падуе, затем на немецком — в Нюрнберге. Среди московских своих впечатлений Рейтенфельс отметил с уважением, что «писатель — монах Базилианского ордена, по имени Симеон, в высокой степени преисполнен латинской учености»². Симеон не утаил от своего иностранного собеседника то, что он должен был тщательно скрывать от русских: он был не только и не просто униатом, но даже принадлежал к католическому Базилианскому ордену (принявшему устав одного из восточных «отцов церкви» Василия Великого), который был реорганизован папством (1617 г.) силами доминиканских монахов для пропаганды католицизма на западнорусских, украинских, белорусских землях и в Литовском великом княжестве. Принадлежность Симеона к этому монашескому ордену, существовавшему в католическом мире и теперь, в те времена, если об этом стало бы известно, грозила ему в Москве в лучшем случае ссылкой куда-нибудь на Соловки. Но Симеон, как никто другой, сумел стать идеологом становящегося российского абсолютизма, и твердое покровительство царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича обеспечили ему благополучие и все условия для плодотворной деятельности.

В Москве Симеон стал постоянным учителем в семье Романовых: он обучал наследников российского престола царевичей Алексея и Федора (впоследствии царя), царевну Софью (одновремя правительницу России). По велению царицы-матери Натальи Кирилловны экзаменовал дьяка (впоследствии графа) Н. И. Зотова, определяя его пригодность быть учителем царевича Петра, будущего первого императора. Симеон основал первую самостоятельную Верхнюю типографию, создал проект первого в России высшего учебного заведения, который лег в основу московской Славяно-греко-латинской академии. Таков неполный список

² Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 / С лат. пер. Алексей Станкевич. М., 1905, с. 160. В латинском издании о религиозной принадлежности Симеона сказано: «quidem Basilianus» (Patavi, 1680, p. 206), в немецком издании: «ein Basiliianischer Mönch» (Nürnberg, 1687, S. 209).

деяний Симеона, не говоря уже о его огромном литературном наследии, до сих пор изданном лишь в малой его доле.

После смерти Симеона царь Федор Алексеевич заказал его ученику Сильвестру Медведеву, новому придворному поэту, специальный «Епитафion». Царь, придирчиво оценивая это стихотворение, согласился утвердить лишь пятнадцатый его вариант, в котором славился Симеон Полоцкий прежде всего как «муж благоверный, церкви и царству потребный»³.

Жизнь Симеона была полна коллизий, контрастов и компромиссов, что отвечало его характеру и темпераменту, трудолюбию и карьеризму, а также закономерно обусловливалось его природным положением между европейским Западом и Востоком, между католицизмом и православием, между образованием и невежеством, между бедностью и богатством.

Симеон окончил первую у восточных славян и знаменитую регулярную школу (одновременно низшую, среднюю и высшую) — Киево-Могилянскую коллегию, где он учился (видимо, с 1637 по 1651 г.) всем схоластическим наукам — грамматике, риторике, поэтике, философии, арифметике, геометрии, астрономии, музыке и, главное для эпохи, богословию. Преподавались там и разные языки: «славянский», древнегреческий, латинский, польский. Симеон отлично успевал по латинскому, но плохо учил греческий. Любознательный и трудолюбивый, Симеон для совершенствования своего образования учился, видимо, и в иезуитской Виленской академии. Возможно, Симеон, судя по его позднейшим памяткам (он сподобился «странных идиомат... вертограды видѣти, посѣсти...»⁴), побывал и в каких-то европейских странах. В 1656 г. бывший профессор Симеона по Киеву, ставший игуменом полоцкого Богоявленского монастыря, Игнатий Иевлевич постриг его в монахи (позже поэт достиг сана иеромонаха) и назначил дидаскалом (учителем) небольшой «братьской» школы при монастыре.

Какая же историческая и идеологическая обстановка окружала молодого учителя? Во всех странах Восточной Европы феода-

³ Прозоровский А. Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896, с. 392.

⁴ Симеон Полоцкий. Избр. соч./Подг. текста, ст. и comment. И. П. Еремина. М.; Л., 1953, с. 206 (серия «Лит. памятники»). См. также: Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков /Общая ред. П. Беркова. М.; Л., 1935 («Биб-ка поэта». Малая серия, № 3); Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв./Вступ. ст., подг. текста и примеч. А. М. Панченко; Общая ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970 («Биб-ка поэта». Большая серия); Месяцеслов. Стихотворил иеромонах Симеон Полоцкий. М., 1680; СПб., 1882; Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого / Сообщ. Н. А. Смирнова.—ОЛДП. СПб., 1915, т. 133.

лизм господствовал, религиозное мировоззрение было всеобщим, просвещение, искусство и литература находились под эгидой церкви. Речь Посполитая (Польско-Литовское государство) переживала значительный экономический и политический упадок, сопровождавшийся церковнополитической экспансией Контрреформации. Наиболее трудная социально-религиозная обстановка сложилась на землях украинской и белорусской народностей, так как эти восточнославянские народности принадлежали польской короне и не имели своей государственности. На церковном соборе в Бресте (1596) была утверждена «уния», церковный закон, согласно которому православная церковь, ранее существовавшая и на территории Речи Посполитой, объединялась с католической, превращаясь в униатскую церковь (соединявшую католическую доктрину с православной обрядностью), подчиненную римскому папе. На землях исконно православных украинцев и белорусов католицизм господствовал (многие местные феодалы, подобно польским, стали католиками), униатство существовало на законных основаниях, а православие (религия народа) преследовалось.

После воссоединения Левобережной Украины (включая и Киев) с Россией (1654 г.) взоры украинских и белорусских интеллигентов с новой надеждой обратились с европейского Запада на Восток, где в это время возвышалось огромное государство — Российская (им этнически родственная, тоже восточнославянская) православная империя. Царство это, укрепляясь в отношениях военном и политическом, остро нуждалось в иностранных учителях, переводчиках и писателях, также как и в офицерах, и в мастерах разного рода.

Царь Алексей Михайлович был первым российским монархом «западником», а потом это качество еще сильнее — с вулканической энергией — проявилось у его сына Петра Великого. Окренув в Москве, 27-летний Алексей первым из российских самодержцев лично возглавил военный поход на Запад. На короткое время он отвоевал у Речи Посполитой значительную часть западнорусских, белорусских, литовских и латвийских земель, хотел даже стать польским королем, но был отвергнут сеймом и, наконец, потерпел военное поражение от шведов, оборонявших Ригу.

Как только царь при первых успехах обосновал свою ставку в Витебске, к нему неожиданно явился из Полоцка учитель Симеон, его ровесник, и произнес со своими «отроками» перед удивленным восточным самодержцем свои «Метры», исполненные западной холастической «пинитики». Эта встреча в 1656 г. породила впервые типичную для России ситуацию, которую можно обозначить формулой «поэт и царь» и которая впоследствии определила судьбу Симеона. Дело в том, что до этого жизненного рубежа бедняк

и неудачник, самолюбивый Симеон не находил применения своим, как он чувствовал, недюжинным силам. В раннем автобиографическом стихотворении он горько иронизировал над собой: очень уж у поэта «ума» в голове много стало, так много, что даже «...Сквозь нос разум вытекает, // Да Семен умен — языком приимает». Как же найти выход из такого положения? Поэт откровенно предложил самого себя:

Видите мене, как я муж отраден,
Возрастом велик и умом изряден? (...)
Ума излишком, аж ныгде дъвати,—
Купи кто хочет, а я рад продати⁵.

Этот крик души белорусско-украинского интеллигента оказался эпохальным. Предлагался невиданный товар и покупатель его, тоже невиданный, скоро нашелся⁶. Смелый и искательный учитель в витебских «Метрах» заявил царю именно то, что тот хотел услышать:

Не всегда на воздухе бывает тма имглистая...
Але и солнечное променъми коло блестает
Затым и самаго сияющаго свѣтлость бывает.
О, наставниче наши благочестия и веселія! (346).

Так зарождалась первая русская ода монарху, в которой образ царский заблистал лучами солнца. Вслед за этим в приветственной речи, обращенной к царю в Полоцке, Игнатий Невлевич сказал: «тма бысть, царю Восточный, в странах сих долговременная... пынне же сияющу тебе зде Солнцу праведному...»⁷. В «Метрах», кроме того, Симеон провозглашал:

Радуйся бѣлорусская земля, иж упадают
Ереси в тебѣ, през Алексея преч ищезают (347).

Впервые русскому царю поэт предлагал свою литературную «службу»:

Здрав буди и многольтен царю! Я тебе сладкими
Не забуду ныгды въхваляти вършами моими (347).

⁵ Цит. по изд.: Хрестаматыя на старажытнай бѣларускай літаратуры / Склад А. Ф. Коршунаў. Мінск, 1959, с. 345 (далее страницы указываются в скобках в тексте).

⁶ Подробно см.: Робинсон А. Н. Политическое и эстетическое значение ранней поэзии Симеона Полоцкого (1656 г.). — В кн.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского. Л., 1973, с. 299—307.

⁷ См. сборник документов «касательно города Полотска»: Древняя Российская винчиофики. 2-е изд. М., 1788, ч. 3, с. 317.

Сам «помазанник божий», царь «всеха Великия, и Малыя и Белыя России» (последнее звено титула — «и Белыя» было добавлено только что), и первые вельможи его царства, бояре Б. И. Морозов и А. С. Матвеев, окольничий Ф. М. Ртищев и др., слушали «отроков»-декламаторов благосклонно, хотя восторженная стихотворная речь поэта казалась им, видимо, не только чем-то новым, но и довольно странным. Она как будто бы была почти русской и в то же время нерусской. Для Алексея Михайловича и его «холопов» — московских феодалов, гордых своим могуществом, богатством и происхождением, язык этих виршей не мог представляться ни чем иным, как «славянским» языком своих, русских книг, напрасно испорченным смесью наречий земель, завоеванныхими за последние месяцы и еще не освоенных.

Разобраться в этом было трудно (только позднейшая лингвистика могла бы определить в этом языке, кроме церковнославянской основы, белорусизмы, украинизмы и полонизмы). К тому же вельможным слушателям резал ухо иностранный акцент самого поэта и его учеников.

Эти затруднения особенно чувствовались в тех стихах, в которых Симеон стремился изо всех сил продемонстрировать свое благочестие. Он гневно обличал и унижал жестоких гонителей православия, «ляхов» — католиков, у которых сам недавно научился всем тонкостям силлабического стихосложения, поэтики и риторики.

Стихи его звучали, например, так:

Нехай ганбу отнесут, нехай же и погибают,
Которыи издавна упадку церкви шукают.
Дай боже за твою взгарду и вѣсъ зганбены были,
Упадок хваличи, мовячи,— Так мы хотѣли (347).

Не случайно в 1660 г. в Москве, как видно будет далее, дьяк и справщик Печатного двора Савватий насмешливо назовет «киевских старцев» приезжими «нехаями». Еще до похода царя на Речь Посполитую из нее иммигрировали в Россию (в 1649 г.) по царскому приглашению бывшие учителя Симеона (по Киеву) Арсений Сатановский и знаменитый Епифаний Славинецкий, ученый, переводчик, проповедник и поэт. Однако никто из них не сумел создать такую придворную поэзию, какую сразу предложил царю Симеон.

Предложение («Купи кто хочет...») было заманчиво, так как впервые для русских, благодаря ему, воссиял «солнечный» апофеоз российского абсолютизма. В 1660 г. Симеон с «отроками» побывал в Москве и выступил перед царем с «Декламацией», где

восклицал еще более отчетливо: «Ты — Солнце!»⁸. И ведь эта метафера появилась как некий символический девиз абсолютизма на Востоке Европы даже чуть-чуть раньше, чем она утвердилась на Западе, во Франции. Там юный Людовик XIV еще боролся с аристократической Фрондой и только после 1661 г. был именован придворными льстецами как «король-Солнце».

Но поэту пришлось серьезно переволноваться, когда польские войска отвоевали у русских Полоцк, а его явное русофильство, оскорбительное для польского короля, стало весьма компрометирующим обстоятельством. И вот в 1664 г. Симеон самовольно иммигрировал в Россию. В 1678 г., уже на склоне лет, он напомнил об этом своему ученику — царю Федору Алексеевичу, но теперь уже на безупречном «славянском» языке:

Оставил аз от[е]чество, сродных удалихся
Вашей царской милости волею вручихся⁹.

Существует немало ценных исследований жизни и творчества Симеона Полоцкого, обзор которых не входит в нашу задачу. Симеон изучался в различных аспектах: как поэт, драматург, проповедник, педагог, переводчик, общественный и церковный деятель¹⁰. Но менее всего осталось изученным место Симеона Полоцкого (и его последователей Сильвестра Медведева, Кариона Истомина) в общем русском литературном процессе второй половины XVII — начала XIX в. Наряду со многими причинами этого положения в науке выделяются две основные. Во-первых, исследование истории древнерусской литературы до XVII в. включительно и изучение

⁸ Еремин И. П. «Декламация» Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8, с. 359—360.

⁹ [Симеон Полоцкий]. Рифмологион, ГИМ, Синод. собр., № 287, л. 597 об. Следует принять во внимание, что по андрусовскому перемирию 1667 г. России пришлось вернуть белорусские земли Речи Посполитой, под властью которой они оставались до трех разделов Польши (1772—1795 гг.), а затем вошли в состав Российской империи.

¹⁰ Кроме указанных выше работ, см.: Татарский И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886; Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории.— В кн.: Сборник Историко-филологического общества при имп. Харьковском ун-те. Харьков, 1914, т. 21, с. 587—668; Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6, с. 125—153; Пушкирев Л. Симеон Полоцкий.— В кн.: Жуков Д., Пушкирев Л. Русские писатели XVII века. М., 1972, с. 199—335 (серия «Жизнь замечательных людей»); Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974; Матхаузерова Светла. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976.

русской литературы XVIII в. представляют собой две различные филологические специальности. Тем самым глубокие внутренние связи русской литературы XVII в. и XVIII в. изучаются редко. Обычно такие штудии не выходят за пределы более или менее частных вопросов, исследования отдельных произведений, видов творчества. Подобные начинания должны были бы найти свое обобщение при рассмотрении спорного вопроса о том, было ли вообще русское литературное барокко в XVII в., и если таковое было, то как оно соотносилось с русским классицизмом XVIII в. Между тем именно фигура Симеона Полоцкого, как в фокусе, собирает вокруг себя те важнейшие проблемы, которые призваны рассмотреть и утвердить представление о единстве русского литературного процесса в переходный период истории от средневековья к новому времени, иначе говоря, от формации феодальной к капиталистической, а с позиций литературных — от барокко к классицизму и даже далее.

В связи с этой принципиальной проблематикой нуждаются в новом исследовании взгляды и творчество как самого Симеона Полоцкого, так и его идеальных союзников, и его противников, писателей XVII—XVIII вв., а в ряде случаев и эпох последующих. Важное место в аспекте таких исследований, в качестве их фундамента, должно занять изучение, тщательное рассмотрение его огромной работы как редактора и издателя книг (собственных и иных).

Чтобы определить роль Симеона Полоцкого в истории русской литературы, необходимо сначала представить себе характер того литературного движения, в котором он был воспитан первоначально и крупнейшим деятелем которого стал в России.

В украинском и белорусском просвещенном обществе полемическая литература, боровшаяся с католицизмом и частично с униатством, по своему стилистическому облику сочетала традиции своей церковнославянской книжности с требованиями польского схоластического барокко. Большую роль стали играть развернутые церковно-апологетические и полемические трактаты (Х. Филалет, И. Галятовский, Л. Барапович и др.) и проповеди (К. Транквиллон-Ставровецкий и др.), не лишенные барочной драматизации и стилистической изысканности. Однако наибольшую силу эта полемика смогла приобрести на славянско-демократической основе (сочинения Ивана Вишненского, направленные против Петра Скарги). Полемическая литература, имевшая национально-освободительный характер, тем не менее настолько поглотила интересы и усилия нескольких поколений писателей, что у них оставалось немного возможностей для культивирования собственно художественных (и по традиции преимущественно аристократических) форм барокко, например лирической поэзии религиозно-философского характера,

барочной героической эпопеи, пасторали и т. п.¹¹ На украинской и белорусской почве польское высокое барокко почти не привилось, тем более, что здесь оно не нашло свойственной ему сословно-корпоративной среды (аристократического обихода магнатов-католиков, частично — протестантов, с их давними западноевропейскими культурными связями). Успехи шляхетского барокко с его выраженной польской («сарматской») идеологией оказались тоже весьма ограниченными. Этот тип барокко смог проявиться преимущественно в поддержанных украинскими и белорусскими поэтами традициях школьной драматургии и, более явственно, в панегирическом стихотворстве, развивавшемся в трех его поэтических функциях: светско-геральдической (Г. Смотрицкий, С. Зизаний, Л. Мамонич и др.), церковно-иерархической (П. Берында, М. Мелешко и др.) и схоластично-дидактической (Л. Зизаний, Х. Филалет и др.)¹². Вслед за практикой такого рода возникала и теория барочного стихотворства (И. Величковский).

Литературное барокко, явление неоднозначное у самых своих западноевропейских истоков, тем более не может рассматриваться у восточных славян как целостное идеологическое движение. При переходе барокко в российские пределы в его составе и даже общем типе произошли еще более существенные перемены, чем те видоизменения, которые имели место на польско-украинско-белорусских рубежах. Контрреформация (как ранее и Реформация) до России не дошла, религиозная полемика с католицизмом имела второстепенное значение, собственное инакомыслие (особенно демократическое движение «раскола») преследовалось жестокими государственными репрессиями, а системы схоластического просвещения вообще не было.

Бурно развивавшийся российский абсолютизм сильно отличался от слабеющей польской сословной монархии (или «шляхетской республики») и не оставлял возможностей для создания какой-либо дворянской литературы (она стала появляться во второй половине XVIII в.), кроме литературы служебно-придворной.

Когда Симеон обосновался в Москве, он оказался здесь мудрейшим придворным «философом» и «витией». Судьба Симеона как бы в миниатюре иллюстрировала процессы ассимиляции латинско-схоластической барочной культуры, которые наблюдались в протестантских или православных (т. е. антикатолических) литерату-

¹¹ См.: Липатов А. В. Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы. — В кн.: Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979, с. 39–98.

¹² См.: Українська поезія: Кінець XVI — початок XVII ст./Упорядники В. П. Колосова, В. І. Крекотень. Київ, 1978.

рах изучаемого региона. Симеон олицетворял собой идею религиозного и культурного компромисса, исторически неизбежного на рубежах христианского Запада и Востока. Вне такого объединения в данную эпоху не могли бы раскрыться возможности ориентально-го распространения западноевропейской цивилизации вообще и ее литературно-барочного компонента в частности.

Необходимо подчеркнуть, что просветительская и вероисповедная позиция Симеона была закономерным следствием отмеченных историко-идеологических условий эпохи и по типу своему соответствовала положению нескольких других выдающихся русских писателей и просветителей XVII – начала XVIII в. Так, один из менее удачливых, но не менее образованных предшественников Симеона, Арсений Грек (ок. 1610 г., Траколе – ок. 1666 г., Соловки), по крещению православный, окончил в Риме иезуитскую греческую коллегию, где принял католичество, учился в Венеции и в Падуе, стал доктором философии и медицины. В Стамбуле он постригся в православные монахи, но вскоре был вынужден принять ислам. Затем в Молдавии опять перешел в православие, а в Речи Посполитой жил при королевском дворе в положении униата. Прибыл (1649) в Москву в качестве преподавателя «риторского учения», но по доносу Арсения Суханова был осужден как «еретик» и для «исправления веры» сослан в Соловецкий монастырь «под начал» старца Мартирия. Очень показательно откровенное признание Арсения этому старцу в том, что его вероотступничество было вызвано стремлением к европейскому образованию. Арсений сказал так: «Что-де, батко, таить тебя; был де я во многих школах, сиречь училищах, во многих государствах; да только не примешь того государства веры, и во училиши не примут». Став патриархом (1652 г.), Никон вернул Арсения в Москву, назначил его главным справщиком (редактором) новых изданий церковных книг на Печатном дворе и «дидаскалом» школы при кремлевском Чудовом монастыре. Но с падением Никона карьера Арсения была исчерпана. В 1662–1666 гг. он снова жил на Соловках в качестве ссыльного, где, очевидно, и умер¹³. Второй пример не менее показателен. Православный украинец Елеазар Прокопович (1681 г., Киев – 1736 г., Петербург), окончив Киево-Могилянскую коллегию, отправился в Речь Посполитую, где принял униатство, постригся в монахи под именем Елисея. Потом в Риме в иезуитской коллегии св. Афанасия изучал античных классиков и схоластические науки. В Киеве (1704 г.) вновь перешел в православие под именем Феофана, стал профессором, а затем ректором Киево-Могилянской академии. В 1715 г. Феофан был

¹³ См.: Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963, с. 289–291.

вызван в Петербург и стал одним из ближайших сподвижников Петра Великого в качестве идеолога российского абсолютизма, яркого публициста, проповедника, поэта, писавшего стихи на языках русском, польском и латинском. Феофан стал архиепископом и членом Синода. В плане литературном его творчество занимало промежуточное положение между преобладавшим еще барокко и зарождавшимся классицизмом. Положение Феофана Прокоповича при дворе Петра по типу своему в такой же мере отвечало царским требованиям, в какой им же ранее отвечало положение Симеона Погоцкого при дворе Алексея Михайловича. Оба писателя были идеологами двух этапов, первого и второго, в процессе формирования российского абсолютизма, оба они были просветителями.

Возвращаясь к общей оценке идеологической и литературной деятельности Симеона, следует принять во внимание, что в период Контрреформации томизм (учение Фомы Аквинского XII в.) вновь укрепился как активная философия католицизма, а вместе с ним появилась и «вторая схоластика», процветавшая в иезуитских коллегиях и академиях. На этих основах развивалось схоластическое барокко. Уже в украинских и белорусских «братьских» школах схоластическое барокко во многом начало приобретать униатский или православный облик, и Симеону предстояло завершить такое преобразование барокко в новых и最难 для него московских идеологических и культурных условиях.

Литературное барокко и на Западе, в условиях Контрреформации, по самой своей социально-идеологической сущности в целом служило задачам охраны «вселенской» церкви, т. е. католицизма, от всех ее реформантов и противников. Исторические обстоятельства сложились в России так, что и здесь к середине XVII в. в связи с никоновской реформой государственной церкви главнейшей задачей правительственный идеологической политики стала борьба с восставшим против этой церкви демократическим движением «раскола». Поэтому и в России представители литературного барокко должны были прежде всего заняться охраной государственно-церковной идеологии. На этом пути первым испытанием идеологической «службы» Симеона царю Алексею Михайловичу была его активнейшая литературно-полемическая деятельность (книга «Жезл правления», 1667) в защиту государственной церкви и придворной идеологии вообще. Никоновская реформа, в известной мере повторившая грекофильскую украинскую реформу (осуществленную при митрополите Петре Могиле), была хорошо знакома Симеону. Что же касается национально-русской «старой веры», как и всей связанной с нею древнейшей культурной традиции, то она была глубоко чужда и враждебна всему его мировосприятию. Не только усердная, но и яростная борьба Симеона с «расколом»

субъективно укреплялась необходимостью и внешне скрыть, и внутренне превозмочь свое униатство и базилианство.

Итак, прирожденный конформист среднеевропеец Симеон вынужден был мгновенно превратиться в восточноевропейского монаста-ортодокса. Это важнейшее обстоятельство закономерно повлекло за собой метаморфозу барочных традиций Симеона, которая в свою очередь была облегчена несомненной для западноевропейских и даже среднеевропейских условий архаичностью (схоластической ограниченностью) самих этих традиций. Однако именно на этой нелегкой «службе» Симеону более всего помогла средневековая (сложившаяся задолго до появления барокко) западноевропейская культура полемики («диалектика»), прекрасно усвоенная им со школьных лет как в украинско-белорусской (православной) форме, так и в форме гораздо более изощренной — польской (особенно иезуитской).

Подобно некоторым деятелям барокко в других европейских странах, Симеон был в московской среде иностранцем: он говорил по-русски с акцентом (отразившимся на правописании в его ранних московских стихах), не сразу научился писать кириллицей (например, латиницей писал протоколы «священного собора» 1666—1667 гг.). Но «польская» мода, как и всякая иностранная мода при королевских европейских дворах, начинала входить в свои права и при царском дворе. Поэтому и весь облик Симеона, взысканного особой царской «милостью», мог вызывать одновременно с неизбежной неприязнью и острое любопытство. Отсюда и возникло прозвище Симеона, подчеркивавшее его иностранное происхождение, — «Полочанин», затем «Полоцкий». Отсюда и прямое религиозное обвинение его в католицизме со стороны Аввакума, сразу прозвавшего его «римлянином», приехавшим будто бы из «Рима» (т. е. из католического региона в целом). При всем этом положение Симеона могло внушать и страх окружающим, поскольку его школа с латинским языком находилась в ведении первой тайной полиции — Приказа тайных дел.

Симеон стал не только первым московским просветителем среднеевропейского типа, но и первым собственно русским профессиональным писателем. Решающее значение в деле сближения барокко с русской феодальной культурой для Симеона (как и других приехавших в Москву «киевских старцев») имел, очевидно, тот психологический переворот, который произошел в его душе, когда скромная монастырско-мещанская среда полоцкой «братской школы» сменилась сказочной роскошью восточного царского двора, а амбиции мелкой разноплеменной шляхты мгновенно заменились абсолютным произволом российского самодержца. Ситуация оказалась предельно простой: первоначальное относительно автоном-

ное существование (бюргерское или монашеское) исчезло, а вместе с ним возникло ежедневное колебание между антагониями царской «милости» или «опалы», т. е. почетом и богатством, с одной стороны, или бесчестием и нищетой, а возможно и смертью, с другой. Именно такие повседневные условия жизни Симеона способствовали тому, что ему пришлось стать как главным основателем холастического барокко в России, так, одновременно, и радикальным его преобразователем.

Когда в древнерусскую литературу еще до Симеона Полоцкого стало понемногу проникать холастическое барокко (отдельные вирши, затем «приказная школа» первой половины XVII в.)¹⁴, оно неожиданно и значительно предварило своим появлением организацию в России нового школьного образования. Тем самым, в отличие от среды польской, украинской и белорусской, в русской общественности холастическое барокко оторвалось от ранее обусловливавшей его школьно-корпоративной среды нескольких поколений педагогов-холастиков, их учеников, школьных меценатов из числа просвещенных церковных и светских феодалов. В русском обществе, сохранившем средневековые традиции еще в большей мере, чем это имело место в других странах Средней и Восточной Европы, барокко должно было найти для себя какую-либо конкретную и благоприятную феодальную среду. Вполне закономерен тот факт, что литературное барокко начало прививаться сначала в среде «служилой» — приказной (административно-канцелярской), а затем, с гораздо большим размахом и эффективностью, в среде собственно придворной, т. е. непосредственно при царях.

Такие условия распространения барокко создали возможность существенного видоизменения его идеологически-функционального содержания и значения. Вместо школьной, монастырской, шляхетской, приказной ориентации придворное литературное барокко, оставаясь холастическим и даже в некоторых случаях становясь еще более холастическим, только здесь смогло приобрести мощную государственную целенаправленность, а вместе с нею и черты российского национального облика. Поэтому барокко быстро приобрело признаки идеологического синтеза, признаки одновременно просветительского, панегирического и полемического назначения. Главная закономерность внутренней эволюции литературного барокко в России состояла в том, что оно вынуждено было преодолеть давние и сильные традиции своего индивидуализма и духовной депрессии (трагизм, пессимизм, скептицизм, минорная тональность творчества вообще) и сочетать по возможности преж-

¹⁴ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в., с. 34—102.

ние литературные достижения и формы (сохранив даже не свою-
ственную русскому, украинскому и белорусскому языкамполь-
скую силлабику) с духом государственного оптимизма и «служеб-
ного» единодушия как формы нового коллективизма становящейся
Российской империи. Эти глубокие преобразования барокко были
осуществлены группой писателей, среди которых первое место
занимали Симеон Погоцкий, Сильвестр Медведев и Карион
Истомин.

В московской, а затем петербургской среде прежде всего изме-
нилась идеологическая целенаправленность просветительских тра-
диций холастического барокко. В украинских и белорусских го-
родах развитие холастического просвещения, а вместе с ним и барокко поддерживалось пафосом национально-освободительной борьбы, облечённой в религиозные формы (сопротивление народного и частично феодального православия католической и пре-
имущественно феодальной экспансии). Это движение культивиро-
валось в местных центрах («братьских школах»), имевших во многих отношениях не столько феодальный, сколько бюргерско-демо-
кратический характер. И напротив, в России главное просветитель-
ское движение (при царях Алексее Михайловиче и в особенности
его сыне Петре Великом) распространялось первоначально и наи-
более эффективно из господствующего центра (царского двора),
не имея, разумеется, никаких функций церковной или националь-
ной оппозиции. «Служба» придворных писателей, переводчиков,
проповедников, педагогов должна была ориентироваться на полити-
ческо-просветительские задачи. А вместе с этим идеологическая
деятельность таких монашествующих писателей, как Симеон Погоцкий, Епифаний Славинецкий, Сильвестр Медведев и др., долж-
на была отвечать не столько интересам церкви, сколько светским
религиозно-культурным требованиям царского дома и придворной аристократии. Так, на протяжении многих лет (1664—1680) Симеон неустанно выступал на всех придворных торжествах и празд-
никах, церковных и светских, с написанными им на один и тот же
«случай» однотипными по содержанию и барочной символике
стихотворениями, речами, проповедями. Социально-идеологиче-
ские условия и культурные формы всей этой деятельности (вклю-
чая научные переводы Епифания Славинецкого) в зародышевой
форме предваряли те кардинальные просветительские реформы,
которые в недолгом времени стали исходить непосредственно от
Петра Алексеевича и нового государственного управления, которыем он сам руководил.

Завоевав большой авторитет, Симеон решил осуществить не-
ожиданное для московского обихода начинание, а именно — част-

ную типографию. Если, однако, такие самостоятельные типографии распространялись в польской, украинской и белорусской среде при монастырях и школах, бургерских цехах и магнатских дворцах, католических, униатских или православных (например, у князя К. Острожского), то в России личная типография могла быть только у одного лица, конечно же у царя. И вот Симеон Полоцкий вдохновил своего ученика, молодого царя Федора Алексеевича, на устройство (1679 г.) такой собственной и, главное, не зависимой от государственного Печатного двора (следовательно и от цензуры патриарха Иоакима) Верхней (дворцовой) типографии. В этой свободной типографии (зависимой только от царской «милости») Симеон с удивительной быстротой и энергией развернул книгоиздательскую деятельность, имевшую новаторский (т. е. барочный) характер. Правильное представление об этом недолговечном начинании Симеона (во время правления царевны Софьи, в 1683 г., типография была закрыта) требует констатации того, что в России количество типографий удвоилось (вместо одной стало две), а в Польше в XVII в. число их более чем вдвое уменьшилось (вместо 134 осталось 44), причем это огромное различие в состоянии книжного дела продолжало сохраняться еще долгое время.

Для понимания сущности русского барокко необходимо раскрыть главные закономерности его связей с иерусским барокко.

Высокое польское барокко, теснейшим образом связанное с западноевропейскими литературами (особенно итальянской и французской), расцвело при королевском дворе со своейственной ему пышностью и одновременно политической зависимостью от буйного шляхетского сейма. В еще большей степени это барокко культивировалось в относительно независимых (и укрывшихся от сурровой контрреформационной цензуры) магнатских дворцах (католических и арианских), в том числе и тех, которые располагались на землях украинских, белорусских, литовских. Но в самом украинском и белорусском обществе (как в среде угнетаемых национальных и иноверных меньшинств польской короны) этот тип литературного барокко не мог получить необходимых социально-корпоративных условий для своего развития. Необходимых условий для освоения высокого барокко не могло быть вовсе и в русском боярском обществе, более богатом, национально и религиозно замкнутом, консервативном и невежественном по сравнению с давно уже европеизированными магнатами. Главное же состояло в том, что в отличие от магнатских амбиций боярское общество под ударами опричнины Ивана Грозного и последующих событий (особенно при царе Алексее и окончательно при Петре)

потеряло свое былое политическое значение и, подобно всем сословиям, вошло в общегосударственный состав царских «холопов».

По этим же причинам в России не было достаточных оснований для развития второго типа литературного барокко (близко связанного с первым), а именно — дворянского (по образцу шляхетского — «сарматского»). В частности, не нашли необходимых стимулов для освоения барочный роман, любовная лирика, пасторали, эпиграммы. Остался без внимания даже преобразованный в Средней Европе барочный героический эпос. Дело было в том, что в российском феодальном обществе после свержения монголо-татарского ига (XV в.), естественно, никакой национально-освободительной борьбы не возникало, а большие победы Российской империи над Оттоманской Портой и вассальным ей Крымским ханством были еще далеко впереди (во второй половине XVIII в.). Если в украинской и белорусской среде вслед за польскими примерами весьма распространялась геральдическая поэзия барокко (стихи на гербы местной шляхты, а иногда и духовенства), то в России она тоже не могла привиться, хотя и была известна, что подтверждается наличием сравнительно немногих стихотворений такого рода. Вполне закономерно, например, что широко рассеянная по Украине стихотворная «гербомания» (по выражению В. И. Перетца), существовавшая в форме относительно коротких стихотворений, посвященных отдельным феодалам, в Москве сконцентрировалась в огромной поэме Симеона Полоцкого на царский герб («Орел Российский»). Этот пример служит надежным показателем идеологической чуткости Симеона, начавшего осваивать ранее ему незнакомую, но для России традиционную (с XV в.) феодальную психологию религиозно-национальной исключительности, яснее всего выраженную концепцией Москвы — «третьего Рима» — как единственной и вечной евразийской наследницы двух величайших европейско-азиатских империй — Римской и Византийской. По существу созданные Симеоном одна частная — царская — типография и одна геральдическая царская поэма представляли собой однотипные явления российско-государственной центростремительной концентрации западнопартикулярных центробежных функций барочной культуры.

Закономерным следствием отмеченных серьезных перемен, произошедших с барокко на русской литературной почве, оказалось ослабление ранее доминирующей религиозно-философской самоуглубленности барокко, особенно утраты отвечавших этой идеологической ориентации лирики и медитаций, а вместе с ними столь важных для барочного мировосприятия мотивов «брэнности бытия», изначальной «вины» человека, внимания к глубоким страданиям личности (прежде всего автобиографическим). Отдельные

стихотворения Симеона Полоцкого с налетом подобных переживаний, оставшиеся практически без читателей, утратили барочную остроту и возвращали подобные проблемы и эмоции к традиционным и для русских формам средневековых покаяний в «грехах».

Означенные выше идеологические требования крепнущего российского абсолютизма обусловливали и наиболее полезные для него формы развития русского барокко, которое и становилось феноменом отечественной культуры сначала в виде придворного, а затем и школьного панегирического и правоучительного стихотворства и ораторства (светских речей и церковных проповедей), а также драматургии, ставшей к началу XVIII в. на сравнительно короткий период доминирующей формой во всем русском литературном процессе¹⁵. Однако неизбежные утраты, понесенные русским литературным барокко, с одной стороны, уже предопределили сравнительную недолговечность самого барокко такого типа, а с другой — неожиданно стали его преимуществом, весьма положительно повлиявшим на дальнейшее развитие русской литературы, зависевшее от соотношения барокко и классицизма.

Известно, что классицизм в западноевропейских странах (XVII в.) и у западных славян (особенно в Польше в середине XVIII в.) противостоял барокко по своим идеям, мировосприятию и формам. Барокко и классицизм представляли собой теоретически осознанные литературные направления, исторически сменявшие друг друга. В отличие от этого в русской литературе острых противоречий между зародившимся классицизмом и традициями барокко не возникло. Главная причина такого своеобразного литературного развития обусловливалась качественными преобразованиями барокко в России. Государственно-патриотический оптимизм русского барокко и сложившаяся система его преобладающих жанров нисколько не препятствовали классицизму. Ведь сам классицизм создавался и развивался в Западной Европе, ярче всего во Франции при дворе Людовика XIV, как главная художественная форма выражения идей и настроений абсолютизма. Сюда входили, разумеется, и беззаветная «служба» государству в лице государя (по формуле Людовика: «Государство — это я»), и непреложность для подданных любви к отечеству, и обязательное торжество «долга» над «чувством». А отсюда — и торжество нормативной эстетики как нового «порядка» в искусстве и литературе.

¹⁵ См.: Робинсон А. Н. Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху Петровских реформ.— В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVII—XIX вв. М., 1978, с. 176—182.

Но следует принять во внимание, что схоластическое барокко задолго до освоения классицизма, идущего от абсолютизма западноевропейского, на российской почве впервые попало под «гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством»¹⁶. Задолго до классицизма обруслевшее барокко стремилось снабдить это «варварство» собственным нормативным опытом правоучительно-эстетического рационализма. На этих путях, как у барокко, так затем и у классицизма, возникали неизбежные условия взаимоотношений с абсолютизмом.

Главный зачинатель российского литературного барокко первым установил церемониальную форму авторской подписи, определявшую придворные отношения первого писателя и первого читателя: «Пресветлого царского ти величества... нижайший раб... Симеон Погоцкий»¹⁷. Виднейший провозвестник русского классицизма, великий ученый так же не забывал печатно (перед всем обществом) и навсегда засвидетельствовать, что свои восторженные оды, адресованные сменявшим друг друга царям и царицам, им «всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов»¹⁸. В стихах он даже отдавал предпочтение отечественному «рабству» иным «свободам». Так, Елизавете Петровне он писал:

Пусть мнимая других свобода угнетает,
Нас рабство под твоей державой возвышает.

Даже знаменитый революционер (по словам Екатерины II, «бунтовщик») А. Н. Радищев, воспевая «Вольность» и следуя одилическим традициям классицизма, не отказался, того не ведая, от восходящей к Симеону Погоцкому «рабской» автохарактеристики:

О, вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел¹⁹.

Подобные формулы отнюдь не были данью литературной метафоричности. Гораздо позже А. С. Пушкин писал: «...государь император изволил объявить мне, что ему угодно быть самому моим цензором»²⁰. До буржуазной (коммерческой) зависимости писате-

¹⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 20, с. 387; см.: Там же, т. 2, с. 455; т. 9, с. 384; т. 12, с. 10; т. 20, с. 326. Приведенное определение В. И. Ленина относится к российскому самодержавию конца XIX — начала XX в., но оно с не меньшими, если не большими историческими основаниями может быть отнесено к нему же применительно к XVII—XVIII вв.

¹⁷ Симеон Погоцкий. Избр. соч., с. 112.

¹⁸ Ломоносов М. В. Поли. собр. соч. М.; Л., 1959, т. 8, с. 751; см. также с. 43, 498.

¹⁹ Радищев А. Н. Избр. соч. М.; Л., 1949, с. 265 (далее страницы указываются в тексте в скобках).

²⁰ Пушкин. Поли. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 16, с. 229. Даже

ля от успеха у «читающей публики» было еще далеко. Не только творчество Симеона, но и сама его жизнь повседневно находились в полном распоряжении одного его читателя — Алексея Михайловича. Аналогичная зависимость писателя от царственного читателя привела А. Н. Радищева к сибирской ссылке, а затем и к самоубийству.

Осознавая эти реальные обстоятельства и стремясь к соединению западных «идиомат» с российской традицией, Симеон первым определил Алексея Михайловича так: «отец всех», а посмертно — «гражданин небесный». Эти символы, необходимые для абсолютизма всех времен и народов, претерпевали на рубежах XVII—XVIII вв. (средневековья и нового времени) определенные идеологические видоизменения. Если при Алексее все «холопы», как князья так и поэты, просто «служили» ему одному, то его сын Петр усугубил эту нелегкую задачу. По установлению первого российского императора, который, по определению В. И. Ленина, «ускорял перенимание западничества варварской Русью»²⁴, его «верные подданные» (по «Табели о рангах») обязаны были оказывать «знатные услуги» теперь и «нам и Отечеству». Это было неизбежно, так как старое именование «отец всех» (т. е. всех «холопов») наполнилось новым идеяным содержанием, превратившись в титул «Отец Отечества» (принятый Петром по образцу титула древних римских императоров и по примеру Людовика XIV). Об устойчивости этих идей и формул свидетельствует тот факт, что и А. Н. Радищев продолжал в таком стиле восхвалять монархов прошлого, украшенных, по мнению мировой мольвы, определенными «добродетелями», как, например, он почитал римского императора Антонина: «Гражданин, не царь во граде, // Се отец благий не титлом, // Коим красились венчанны // И злодеи и юроды, // Но отец он истым делом» (392).

Симеон восхвалял Алексея Михайловича, но в то же время многозначительно и нравоучительно осуждал библейского царя — «тирана» Навуходоносора и других «тиранов». А. Н. Радищев отвергал «самодержавство», но полагал, как когда-то и Симеон, что царь — «отец народа». Так, в «Беседе о том, что есть сын отечества» он писал: «...Знак сына отечества, когда он благороден», «единственно устремлять старания свои, чтобы, повинуясь законам и блестителям оных, придержащим властям, как всего себя... не

А. С. Пушкину было нелегко освободиться от абсолютистской традиции; при определении А. П. Ганибала он колебался: «И сходно купленный арап... Царю наперсник, а не раб», но — «...Петра питомец // Царей, цариц любимый раб... // Скрывался прадед мой Арап...»; о себе — «Давно, усталый раб, замыслил я побег...».

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 301.

почитать иначе, как принадлежащим отечеству... как вверенный ему залог благоволения соотчичей и государя своего, который есть отец народа...» (248).

Принимая во внимание отмеченные выше закономерные идеологические предпосылки и последствия российских условий освоения сначала барокко, затем классицизма, следует констатировать, что уже первые (вильенские) «Метры» Симеона (Вильнюс, 1656 г.), обращенные непосредственно к царю Алексею, а позже его московская драма «О Навходоносоре царе» были по своим основным идеям отдаленными предшественниками господствовавших в русском классицизме соответственно оды и трагедии.

Разнообразие западной барочной тематики получило в России определенную ограниченность и необходимую идеиную сосредоточенность. Поэтому одна из главных тем московского творчества Симеона — смелое противопоставление образа «благочестивого» и если еще не «просвещенного», то просвещающегося царя (персонально — Алексея, Федора) традиционному в мировой литературе образу царя как «нечестивого» деспота; эта важная тема задолго предваряла последующие идеиные представления и литературные опыты классицистов, относящиеся к актуальной для всей Европы проблеме «просвещенного абсолютизма».

В связи с этим следует заметить, что уже указанное выше перенесение общественного внимания с восторженной оценки царя как личности («отца» всех подданных) к еще более восторженной и официально абстрагированной оценке императора (как «отца» государства) в дальнейшем содействовало восприятию и развитию русским классицизмом важного жанра (почти не затронутого русским барокко), а именно — национально-героической эпопеи, которая занимала большое место в барокко западно- и среднеевропейском. Освоение этого жанра произошло далеко не сразу. К попыткам такого рода следует отнести незаконченные поэмы — «Петрида» А. Д. Кантемира и «Петр Великий» Ломоносова, которые как бы продолжали на новых основаниях тему обширного (еще не опубликованного целиком) сочинения Симеона «Глас последний» (1676 г.), послужившего поэтическим реквиемом Алексею Михайловичу. В полной мере эпопея была представлена «Россиядой» М. М. Хераскова (1779 г.), ориентированной (как это было и в среднеевропейском барокко) на национальную историю (завоевание Казанского ханства Иваном Грозным) и на комплексное освоение опыта европейского эпоса от античности («Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия), через важную для развития всего барокко поэму Тассо «Освобожденный Иерусалим», до новейшей «Генриады» Вольтера.

Русский классицизм значительно углубил идеиную значимость литературы, расширил ее жанровую систему (ввел, например, сатиру, едва затронутую Симеоном и установленную Кантемиром), существенно обогатил проблематику по сравнению с барокко. Все эти вопросы достаточно изучены историками русской литературы XVIII в. Поэтому теперь в научном смысле целесообразнее взглянуть на процессы первоначального образования русского классицизма не с традиционных позиций изучения истории литературы XVIII — начала XIX в., а с позиций изучения русской литературы XVII в.

Для обоснования такого принципа прежде всего следует иметь в виду, что первое поколение классицистов воспитывалось в традициях старой русской книжности, среди которой собственно литературное начало и было представлено главным образом схоластическим барокко. В Славяно-греко-латинской академии учились В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, а через своего учителя И. Ильинского влияние академии испытал и А. Д. Кантемир. Юный Кантемир составил «Симфонию на Псалтырь», первым ее после Симеона Полоцкого целиком переложил новыми стихами Тредиаковский (1753 г., перевод не издан), затем А. П. Сумароков (1774 г.). Ломоносов превосходно перелагал псалмы. В дальнейшем переложение псалмов увлекало Г. Р. Державина, Н. Ф. Глинку, И. М. Языкова и др.

Ранее, в эпоху Реформации, католическая церковь преследовала переложение «Псалтыри» протестантами (особенно на национальные языки), и, например, такие переводы, принадлежавшие гугенотам К. Маро и Ж. Кальвину, были запрещены Сорбонной (1542 г.). Напротив, в эпоху Контрреформации переложение псалмов с латинского именно на национальные языки стало излюбленным занятием католических поэтов барокко. Влияние первого православного опыта в этом роде — «Псалтыри рифмовальной» Симеона (составленной по образцу польского перевода Я. Кохановского) — на классицистов (Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова) не следует недооценивать. Но как раз наличие такого влияния и побуждало этих поэтов к поискам литературной самостоятельности. И в этом случае происходил неизбежный для развития всех литературных направлений (как и всех форм идеологии вообще) спор учеников с учителями²². Несмотря на различие времен и тем (а также, как стало модно говорить, «уровней»), это был типологически аналогичный (извечный) литературный протест

²² См.: Робинсон А. Н. Учение о формации как основа литературно-исторической типологии средневековья.— В кн.: Современные проблемы литературоведения и языкоznания. К 70-летию со дня рождения академика М. Б. Храпченко. М., 1974, с. 211—227.

«детей» против «отцов». Таким был некогда, например, протест автора «Слова о полку Игореве» (XII в.) против песенного наследия Бояна Вещего (при явном подражании ему). Или у трубадуров подобного рода оказалась борьба «ясного» стиля Гираута де Борнейля, с «темным» стилем Раймбахта III графа Оранского, а в миннезанге выступление Вальтера фон дер Фогельвейде против его учителя Рейнхара фон Хагенау.

В плане выяснения таких зависимостей исключительный интерес представляет заявление Тредиаковского в «Предисловии» к своему переложению «Псалтыри»: «Преложение Симеона Полоцкого есть не токмо не лирическое, но и какого б было из поэзий вида, определить не без трудности... Сие, впрочем, сказано не в укор честному и ученному мужу... Но понеже в его время стихотворение наше не имело еще правил и не было приведено в порядок... оный иеромонах таким перелагал стихом, какой инде, там свойственный от своих преданный воспринял учителей, видя, что у нас собственного тогда не обреталось»²³. Это замечательное по наглядности и наивности стремление неофита-классициста воспринять тему и объект творчества у архаяста — его русского предшественника с непременным желанием поэтически привести свой образец «в порядок» и, конечно же, по своим новым «правилам». Все то, чтоказалось Тредиаковскому беспорядочным в заимствованном (по неизбежности с Запада) стихосложении, исторически, т. е. на самом деле (особенно в его схоластической форме), отвечало когда-то собственному хорошо разработанному барочному нормативу. Таким образом, выясняется важнейшая особенность российского соотношения классицизма и барокко: образец принимался, но «порядок» изменялся.

Нужнее всего в этом процессе (по-видимому, и легче всего) было изменить «порядок» стихосложения, перейдя от невольно навязанного в XVII в. русской поэзии польского силлабического стиха к силлабо-тоническому и тоническому. Это и сделали классицисты, которые тем не менее первоначально не смогли выйти за пределы литературного компромисса с барокко как в теории, так и в поэтической практике. Достаточно сказать, что в этом отношении (из двух названных поэтов наиболее зараженных школьной «мудростью») некоторые стихотворения Тредиаковского ничем не лучше (по современным представлениям) и даже архаичнее по отношению к своему времени, чем — соответственно — некоторые лучшие стихи Симеона Полоцкого.

Как русских барочных поэтов, так и поэтов-классицистов более всего волновала необходимейшая задача обрушения поэзии, ее при-

²³ Цит. по кн.: ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 224—225.

способления к литературному русскому языку соответственной эпохи. Для классицистов эта задача приобрела принципиальное и широчайшее значение. Высокие умы эпохи понимали, что в только что образованной Российской империи языком литературы должен был стать язык национальный. Но оставалось неизвестным, во-первых, каков этот язык в его письменной форме и каким образом должны согласовываться исконные различия между русским языком книжным (по существу московским изводом церковнославянского языка) и устным. Во-вторых, было неясно, на какой основе следует предпринять работу по освобождению отечественного языка от засилия варваризмов, заполонивших его в результате прогрессивных петровских реформ²⁴. Поиски национальных основ языка как языка литературного закономерно привели классицистов к пересмотру в этом смысле книжной русской традиции, и в первую очередь в наиболее интересных для них назидательных ее видах — стихотворстве (как проблеме поэзии) и проповеди (как проблеме ораторства). В силу этой закономерности обращение классицистов к наследию русского барокко стало неизбежным (в том числе к книгам Симеона, изданным в царской «Верхней типографии»). Это явление было чревато противоречиями.

Тредиаковский от всей души возмущался «глубокословной славянищностью» тех книг, по которым он учился. Он заявлял: «...Язык словенский ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми...»²⁵. С другой стороны, Сумароков укорял молодого читателя в программном стихотворении «Эпистола о русском языке»: «Кто винен в том, что ты Псалтыри не постиг... // Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем, // Которы мы с тобой, не русскими зовем.// Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь... // Так чтож осталось бы при русском языке?»²⁶.

Вполне понятно, что приведенное декларативное заявление Тредиаковского, как и всякого литературного новатора, прозвучавшее в данном случае в форме категорического отречения от «грехов» своей литературной юности, на самом деле превосходило возможности автора, который так и не смог вполне освободиться от пресловутой «славянищности». Подобные намерения всегда существовали в русской литературе, но никогда не осуществлялись в полной мере потому, что «славянищна» была нужна (особенно для торжествен-

²⁴ См.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938, с. 88—138.

²⁵ Тредиаковский В. К. Езда в остров Любви.—Соч. СПб., 1849, т. 3, с. 649 (Предисловие).

²⁶ Сумароков А. П. Полн. собр. соч. М.: Изд. Н. Новикова, 1781, т. 1, с. 332—333.

ногого прославления чего бы то ни было), а также потому, что русский литературный язык слагался из двух основ: собственно русской и церковнославянской. В плане типологических соотношений можно заметить, что демонстративный «футуризм» В. В. Маяковского, отказ от русского классического литературного наследия, привел на практике, когда того потребовал социальный «заказ» (и именно в сфере «высокого стиля»), к усилению церковнославянизмов в его поэтическом языке. Сначала ему и его друзьям очень хотелось «Сбросить Пушкина... с Парохода Современности» (1912 г.), а потом, довольно скоро, великому поэту-новатору пришлось признать, говоря о Пушкине, — «Вы б смогли — у вас хороший слог» (1924 г.). Так, Г. О. Винокур указывал на «тяготение Маяковского к грандиозным образам, которые он создает при помощи сложных прилагательных, следуя в этом старой книжно-риторической традиции (XVII век, классицизм), иногда даже дословно ее повторяя, как, например, в слове „быстролетный“»²⁷. Исследователь приводил ряд примеров из Маяковского: «мордой многохамой», «книгой времени тысячелистной», «миллионоглазый», «тысячамилионокрыших волжских селений...» и др. У Симеона Полоцкого сложные прилагательные также весьма характерны: «многоцветный» (205), «многоценный» (206), «благопхвальный» (205), «добротворный» (209), «светлорадостное» (109), «всеусердное» (205), «душевитительного вкусити» (206), «семен богодухновенноцветородных» (206) и т. п.²⁸.

Такие типологические закономерности развития русской поэзии применительно к ее каждому переходному периоду, в данном случае — к XVII—XVIII вв., ясно наблюдаются, например, в творчестве литератора-революционера А. Н. Радищева.

Пушкин, со свойственной только ему поэтической проницательностью, писал о творчестве А. Н. Радищева: «В стихах лучшее произведение его есть Осьмнадцатый Век, лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером...» (XII, 35). Радищев заканчивал программное и предсмертное стихотворение «Осьмнадцатое столетие» (1801 г.) следующим пожеланием веку наступавшему:

Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российской,
Свет ты на землюнеси, молны смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность ляются от трона,
Екатериной, Петром воздвигнут, чтоб счастлив был Росс...
Гений Хранитель всегда Александр будь у нас... (289).

²⁷ Винокур Г. В. Маяковский — новатор языка. М., 1943, с. 72, 99, 117.

²⁸ Симеон Полоцкий. Избр. соч. (здесь и далее страницы указываются в скобках в тексте).

По архаичности для начала XIX в. своих идей, символов, а в известной мере и стиля это стихотворение (независимо от авторской воли) возвращалось не только к зачинателям классицизма, но еще далее — к Симеону Полоцкому. В барочной поэзии Симеона были обильно представлены все главные символы абсолютизма («орел», «солнце», «свет», «правда», «истина» и др.).

Еще в молодые годы царя Алексея Михайловича, в бытность его в Полоцке (1656 г.), Симеон сумел изобразить поражение, а именно несостоявшееся на сейме избрание русского царя польским королем, как победу одного из двух геральдических «орлов»:

Ликуй, орле Российский, под небо взнесенный
Твой власти есть Польский орел порученный²⁹.

Позже в большой московской геральдической поэме «Орел Российский» (1667 г.) Симеон усердно развивал эту символику: образы «Орла» — царя Алексея, и «Орленка» — царевича Алексея. Здесь образ «Орла Российского» достиг таких космических масштабов, какие впоследствии никогда не смогли превзойти великие одописцы классицизма. Симеон создал барочную гиперболу пресловутого «Орла»:

Глава ти небес самых достизает,
простертость крилу весь мир покрывает (14)³⁰.

Государственная символика классицизма по сравнению с символикой барокко была в сущности той же самой, но по метафорической масштабности она заметно изменилась: ее размах, очевидно, стал стеснять категории века Просвещения с его «разумом» и «естественнотью». Если по Радищеву «Орел российский» должен был взлететь к «солнцу» за «светом», то у Симеона тот же «Орел российский» выглядел гораздо импозантнее, так как он сам действовал на своих «верных» подданных, «яко солнце»:

Вся ны, яко солнце, царь наш согревает,
блюдет, освещает, як отец питает (28).

Этот «Орел», разумеется, был для Симеона также источником правосудия и мудрости:

Ты солнце наше лица не воззриши
правосудством ти мир возвеселиши (54).
Блаженны суть вси, тебе служащии
Мудрость от уст твоих слушащии (18).

²⁹ См.: Робинсон А. Н. Политическое и эстетическое значение ранней поэзии Симеона Полоцкого (1656 г.), с. 305.

³⁰ Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого (здесь и далее страницы указываются в скобках в тексте).

В сборнике «Рифмологион»³¹ Симеон не уставал повторять, что «Царь, истины хранитель» (19) вершит суд «в образ правды» (19). Он писал царю:

Солице ты убо, царю богом даний,
будеши вправду от раб верный званный,
Ибо свет веры от тебе сияет... (125).

Возглашая, что «весь мир» славит российского царя (14-летнего Федора), Симеон подчеркивал, что он, поэт-«раб», только присоединяется («С ним же») к этой всемирной молве:

С ним же аз, раб твой, тех же ты желаю
гласом приветным верно восклидаю:
Здравствуй, глаголю, царю православный,
на престоле ты буди миру явный
Премудростию царя Соломона,
силою наeki славна Македона (157).

Поэты XVIII в. Феофан Прокопович, Ломоносов, Державин и др. постоянно повторяли и варьировали применительно к обстоятельствам (о царе — «земной бог», о царице — «богиня» и т. п.) восходящие к творчеству Симеона художественные символы абсолютизма. Они снимали постепенно персонифицированную гиперболичность такой традиционной символики и даже начинали распространять подобного рода стиль на могущественных «вельмож»-меценатов, но делали это с осторожностью (разумеется, без именования «бог»), дабы не нанести невольного «оскорблении величеству».

Писателям стало ясно, что нужно отвергнуть старую «славянщину», чтобы писать по-русски. Но вот чем же заменить «славянщину»? Возможно ли вообще ее заменить полностью чем-либо? Это было неясно сначала никому из них, затем начало проясняться, но так и не выяснилось окончательно до первой четверти XIX в. Новые направления литературы неразрывно связывались с тем или иным пониманием, разработкой и применением языка этой литературы.

В перспективе рассмотрения этих проблем возникает необходимость положить в их основу сопоставление идей, культурных традиций и литературных начинаний, с одной стороны, русского барокко, а с другой — русского классицизма. Такому сопоставлению, основанному на методе литературно-исторической типологии

³¹ Симеон Полоцкий. Избр. соч.

тии³², не может помешать то очевидное обстоятельство, что научный уровень питавшего барокко схоластического просвещения XVII в. был значительно ниже бурно развивавшихся «словесных» наук у писателей-классицистов XVIII в.

Уже из предшествовавшего изложения можно было заметить, что, стараясь утвердить в русской литературе освоенный им в оригиналах западноевропейский классицизм, Ломоносов убежден по обращался к таким же по типу идеям и опытам, какие некогда вдохновляли Симеона Полоцкого, когда он начинал вносить схоластическое барокко в русскую феодальную культуру. Главной движущей силой этих двух разновременных идеологических процессов было неукротимое стремление их фундаторов к освоению (т. е. обрусению) западных культурных достижений. Единственной возможностью для этого было и оставалось сочетание иноземных новаций с традиционной русской основой как в сфере постоянной государственной идеологии, так и в области соответственной старой книжной культуры.

Подводя итоги своей литературной деятельности, Симеон писал в предисловии к своему замечательному и огромному сборнику «Вертугра́д многоцветный» (1678 г.), что он стремился освоить иностранный опыт — «странных идиомат... вертуграды видѣти, посѣтити», и «тщание положих многое и труд немалый, да и в домашний ми язык славенский, яко во оплот и ограждение церкве Российская, оттуду пресаждение корней и пренесение семян... содею...», «...да рифмотворное писание распространяется в нашем славенстем языце...» (206, 208). Нужно сопоставить эти программные установки Симеона с основными теоретическими положениями Ломоносова в его знаменитом «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757 г.). Обращение Ломоносова, ставшего уже великим ученым, вновь к «церковным книгам», по которым он в юности учился, имело глубокие причины. Одной из закономерностей развития литературных языков в Европе, как считал В. В. Виноградов, были «сложные стилистические взаимоотношения между разными системами выражения при становлении общенациональной нормы литературного языка. Например, сложная проблема трех стилей во французском языке XVI—XVII вв. и в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. Та же в основном проблематика возникает по отношению к болгарскому и отчасти сербскому литературному языку XIX в., по

³² О методе литературно-исторической типологии подробнее см.: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья. XI—XIII вв. М., 1980, с. 5—44 (глава «Некоторые вопросы типологии литературного процесса»).

отношению к старочешскому и разговорному языку в истории чешского языка начала XIX в.»³³

Создавая свою теорию «трех штилей», Ломоносов в принципе не предлагал ничего нового. В России давно уже была первая русская «Риторика» (1623 г.), написанная вологодским епископом Макарием, с главой «О тройных родах глаголания»³⁴. На такой же традиции словесных холастических наук, восходивших в конечном счете к теориям античности (всемирно известных «Позитики» и «Риторики» Аристотеля), воспитывались все «киевские старцы», в частности и Симеон Полоцкий, сохранивший свои конспекты курсов по этим предметам. С другой стороны, эти же идеи Ломоносов и другие классицисты черпали и из наследия Аристотеля непосредственно, и из программного труда французского классицизма: Н. Буало «Поэтическое искусство» (*L'art poétique*, 1674). Новыми, однако, были найденные для этой теории национальные основы, уходившие в глубокую старину русской культуры. Ломоносов писал: «...российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий» (558)³⁵. «Посредственный» и «низкий» стили в прогрессирующей последовательности должны были сближаться с русским живым языком и даже с «простонародными речениями». Но «высокий штиль» был особенно важен для классицистов в литературах всей Европы, так как этот придворный стиль фактически морально и материально обеспечивал общественное положение и жизнь профессиональных писателей. Этот «штиль», по убеждению Ломоносова, «составляется из речений славенороссийских, т. е. употребительных в обоих наречиях», иначе говоря, в языках церковнославянском и «природном» русском. «Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях... Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком словенским из книг церковных» (589). И в другом случае: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных...» (589).

А. С. Пушкин писал о Ломоносове, как всегда, с исключитель-

³³ Виноградов В. В. Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 291.

³⁴ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.; Вомперский В. И. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М.: Изд. МГУ, 1970; Die Makarij—Rhetorik (*«Knigi sut' ritoriki dvoi po tonku v voprosech spisany...»*). Von Renate Lachmann. Köln; Wien, 1980.

³⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 7 (здесь и далее страницы указываются в скобках в тексте).

ной проницательностью: «Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного — вот его главная заслуга» (13, 178)³⁶.

Главнейшей проблемой для писателей XVII—XVIII вв. была проблема национального языка в целом как более широкая, чем вопрос о трех разных его «стилях». Кроме того, проблема языка была гораздо более трудной, чем вопросы утверждения в русской литературе новых жанров классицизма.

Перестройка жанровой системы в русской литературе не вызывала больших принципиальных затруднений у русских классицистов. Все они достаточно владели основными европейскими языками (а в некоторых случаях — и античными) и поэтому обладали обширной начитанностью в современных им и предшествующих европейских литературах (вплоть до оригинальных или переводных древнегреческих и римских шедевров). Поэтому у русских классицистов (особенно тех, кто учился за границей) быстро сформировались отчетливые и теоретически обоснованные представления о необходимых им идеях, проблемах и жанрах, таких, например, как ода и поэма, трагедия и комедия, сатира и басня, эпистола и лирика и т. п. Но вопрос о литературном языке, необходимом для русского воспроизведения жанров классицизма, как в свое время и жанров барокко, вызывал чрезвычайные затруднения, творческие муки писателей, их попытки преодолеть эти муки при помощи усердных занятий словесными науками. Было бы весьма интересно типологически сопоставить в этом плане ранние поэтические усилия и размышления Симеона Полоцкого и Тредиаковского. Некоторые ранние стихотворения Тредиаковского при всей их новизне (тонизации стиха) сравнительно немногим отличались от приведенных выше виршей Симеона как по символике, так и по общему стилю. Например, Тредиаковский (1730 г.) писал:

Да здравствует днес императрикс Анна,
На престол седна увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!...
Се благодать всем от небес лишется:
Что днес венцем Анна вязется³⁷.

Затейливая ученость («Анна» по-древнееврейски значит «благодать») не смогла компенсировать литературной необработо-

³⁶ Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1949 (здесь и далее том и страница указываются в скобках в тексте).

³⁷ См.: Хрестоматия по русской литературе XVIII в./Сост. Г. А. Гуковский. М., 1938, с. 52.

таниости языка («императрикс», «вязется», «седша»). Немалые затруднения появлялись и в более «низких», а потому, казалось бы, и легких жанрах. В басне «Петух и жемчужина» Тредиаковский писал:

Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре³⁸.

Нужно подчеркнуть, что насущность огромной и трудной проблемы языка остро ощущалась писателями второй половины XVII — первой половины XVIII в. потому, что они были свидетелями и участниками процесса формирования русской нации и Российской империи. Проблема языка одновременно и объединяла и разделяла барокко с классицизмом.

Писатели барокко и писатели классицизма понимали, что проблема письменного языка была бы неразрешимой без внимательного рассмотрения и утверждения определенных «правил» (норм) речи, т. е. той или иной грамматики. Но составление каждой новой грамматики могло осуществляться только на основе освоения и преодоления грамматики предшествующей.

Всякий «новый» литературный язык (как и кажущиеся новыми идеальные представления о нем) в своем стремлении стать языком литературы неизбежно должен был исходить из «старой» нормы, в каждом историческом случае по-своему авторитарной («классической»), хотя и нуждавшейся, по мнению реформаторов, в какой-то более или менее оправданной модификации. Мечта выдающихся писателей (разных времен и народов) о языке идеальном, как его часто называли — «чистом», всегда ограничивалась необходимостью совмещения противоположных (диалектически связанных) начал — новации и консервации литературной речи. Для России первой половины XVIII в. такую норму предоставляла в распоряжение классицистов их первоначальная схоластическая образованность.

«Вратами учености» своей назвал Ломоносов «Грамматику» Мелетия Смотрицкого (6-е изд. М., 1721 г.), «Псалтырь рифмовторную» Симеона Полоцкого (М., 1680 г.) и «Арифметику» Л. Ф. Магницкого (М., 1703 г.). Значение названной книги Симеона для Ломоносова (добавим, и для других классицистов) лучше всего определил А. Н. Радищев. В знаменитой книге «Путешествие из Петербурга в Москву» он писал: «Псалтырь, Симеоном Полоцким в стихи преложенная, ему (Ломоносову.— A. P.) откры-

³⁸ См.: Хрестоматия по русской литературе XVIII в. / Сост. А. В. Кокорев. М., 1952, с. 103.

да в нём таинство природы, показала, что и он стихотворец»²⁰. Объединение Ломоносовым в числе главных своих источников знания книги Симеона с названием «Грамматикой» представляет большой интерес для соотнесенности изучаемых писателей (М. Смотрицкий, Погоцкий, Славинецкий, Ломоносов и др.).

Труд Смотрицкого «Грамматики славенския правилное синтагма» (Евью, 1619 г.) — с последующими изданиями в Вильне (1629 г.), Кременце (1638 г.), Москве (1648, 1721, 1782 гг.), Угровлахии (1697 г.), Рымнике (1755 г.) — приобрел международное значение для православно-славянской образованности.

Отталкиваясь от «Грамматики» Смотрицкого, великий ученый создал новую «Российскую грамматику», которую он преподнес наследнику российского престола, будущему императору Павлу, когда тому исполнился один год (в день его рождения 20 сентября 1755 г.), с под才是真正ю под посвящением — «всенижайший раб Михаило Ломоносов». Но и после этого старинный труд Смотрицкого был переиздан в Москве.

Следует обратить внимание на единый восточнославянский ареал обращения «Грамматики» Смотрицкого и Библии. «Грамматика» эта строилась в основном на анализе языка прославленной «Острожской Библии» (Острог, 1581 г.), напечатанной в Речи Посполитой выехавшим из России русским первопечатником Иваном Федоровым. Мелетий Смотрицкий сам учился по этому изданию в Острожской школе (устроенной князем К.-В. Острожским), ректором которой был его отец, знатный шляхтич и хороший писатель Герасим Смотрицкий. «Грамматика» была переиздана в Москве (1648 г.) с очень важным добавлением: «Максима Грека ответ к вопросившему», т. е. с его рассуждением о пользе грамматики, риторики и философии, а также с необходимыми замечаниями об исправлении церковных книг, некоторыми другими добавлениями (включавшими грамматический разбор стихов и др.). «Острожская Библия» в свою очередь легла в основу первого московского издания Библии (1663 г.), осуществленного профессором Епифанием Славинецким, который этим изданием передал России иноzemный труд московского первопечатника. Данное издание Библии переиздавалось и было авторитарным вплоть до обновленного (перевод и редакция) издания, посвященного императрице Елизавете Петровне (М., 1759 г.). Таким образом, в числе важнейших первоначальных источников языка русской книжности — «славянского» (церковнославянского языка московского извода) у Ломоносова были «Грамматика» Смотриц-

²⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. 1, с. 380 (далее том и страницы указываются в скобках в тексте).

кого, Библия, изданная Епифанием (включавшая, разумеется, Псалтырь), и «Псалтырь рифмовторная» Симеона. Те же самые источники книжной русской культуры были в основе первоначального образования В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова и вообще поколения культурной русской молодежи первой трети XVIII в. Это обстоятельство интересно сопоставить с другим фактом. Симеон, провозвестник русского барокко, учился по той же «Грамматике» Смотрицкого и имел своим образцом ту же Библию (с Псалтырем), что и Ломоносов и все другие классицисты до середины XVIII в.

Можно представить себе радость Симеона, когда он застал в Москве переизданными и вошедшиими в употребление эти знакомые ему книги. Ведь автор «Грамматики» Смотрицкий (ум. в 1633 г.) был старшим современником Симеона (род. в 1629 г.), был он и ректором Киево-Могилянской коллегии (где позже учился Симеон), был он и архиепископом полоцким. Еще важнее то, что Смотрицкий с ярким темпераментом публициста защищал в своих книгах (на польском и «славянском» языках) сначала православие, затем униатство и, наконец, католичество, причем делал это свободно (в одном случае под спасавшим его псевдонимом) в Речи Посполитой. Лишенный такой возможности в России, Симеон тем не менее явно или тайно прошел те же религиозные метаморфозы и не мог не видеть в Смотрицком своего предшественника, близкого по духу и более высокого по образованию.

Главнейшей задачей Симеона как царского поддданного, писателя и просветителя, когда он приехал в Москву, была необходимость научиться не только говорить, но и писать по-русски. Несомненно, эта задача была для него более легкой относительно «славянского» книжного языка (он был достаточно подготовлен), чем языка канцелярско-делового, гораздо ближе стоявшего к живому русскому языку. Существовало русское двуязычие и, как правильно заметил Лудольф, в России стало «невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком», «разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски»⁴⁰. Лудольф совершенно ясно охарактеризовал язык сочинений Симеона. Ознакомившись с основными его книгами, Лудольф писал: «Он (Симеон.—А. Р.) избегал, насколько мог, употребления трудных славянских слов, чтобы быть понятным для большинства читателей, и тем не менее язык у него славянский и много таких слов и выражений, которые в народной общей речи неизвестны»⁴¹.

⁴⁰ Лудольф Г.-В. Русская грамматика, с. 113—114.

⁴¹ Там же, с. 114. Термин «славянский язык» у писателей украинских и белорусских, с одной стороны, и у русских — с другой, имел различное

Составляя «Предисловие ко благочестивому читателю» своего обширного сборника «Рифмологион», Симеон указал на последовательную разноязычность своего письма (язык «славянский», сначала белорусско-украинского типа, затем московского):

Писах в началѣ по языку тому,
иже свойственный бѣ моему дому.
Также увидѣв многу ползу быти
славенскому ся чистому учiti,
Взях грамматику, прильжах читати,
бог же удобно даде ми ю знати (218).

Грамматика была для Симеона необходимым условием осуществления той барочной художественной программы, которая предписывала автору писать по-книжному «образно», как подобает «ветиям». Он формулировал это так:

Тако славенским рѣчем приложихся,
елико дал бог знати научихся;
Сочинение возмогох познати
и образная в словенском держати.
Писах книжная, яко же вѣтии
пишут и яко от вѣтий вящшии... (218).

В Москве Симеону пришлось не только пересмотреть свои познания в области грамматики и других словесных наук, ориентируя их на русскую церковно-книжную традицию, но и значительно расширить представления о направлении и задачах собственной литературной практики. Сначала он писал так, как было принято в его «дому». Но отечественный дом на дом Романовых не был похож. Здесь поэт стал осваивать новый для него язык высшей русской аристократии, культивировать его, а затем и развивать как свой же язык — «домашний». Этот процесс описан Симеоном в «Предисловии» к сборнику «Вертоград многоцветный» (1678 г.). Как отмечалось выше, писатель стремился перенести в «домашний ми язык славенский, яко во оплот или ограждение церкве Российсия... не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая, занеже имущему дается» (206). Писатель рассматривал здесь «славенский» книжный язык московского извода не только как язык свой, «домашний», но и как язык очень развитой («богатому богатство...»). Симеон был грамматически образован еще во вре-

реальное содержание: книжный церковнославянский язык позднего украинско-белорусского типа или московского типа; см.: Толстой Н. И. Взаимодействие локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) — В кн.: Славянское языкоизнание. М., 1963, с. 230—272.

мена учения в Киево-Могилянской коллегии. Но в Москве эти познания ему пришлось серьезно преобразовать в связи с ориентацией их на русскую церковнонкнижную традицию. На эти различия в собственной литературно-языковой практике Симеон сам указывал: сначала он писал, как было принято в «моему дому». Потом, в России, его язык «славенский» по-новому стал «домашним». Симеон усматривал в качестве важнейшего условия своей духовно-просветительской миссии необходимость перенесения в «славенский» язык иностранной образности и символики речи — «странных идиомат». Симеон подчеркивал, что весь его «труд немалый» направлен на «ограждение» российской государственной церкви, а защищать церковь и самую государственную власть, как уже упоминалось, было необходимо от движения «раскола», охватившего значительные массы народа и представленного блестящими истинно русскими писателями. В данной ситуации охранительная функция деятельности Симеона была хорошо подготовлена аналогичной и давно уже традиционной задачей официальных течений в западноевропейском барокко.

Становится несомненным, что между обрусевшим схоластическим барокко XVII в. и русским классицизмом XVIII в. существовали типологические соответствия, первоначальные контакты, сопоставления и противопоставления. Подобного рода явления имели глубокие социальные, идеологические и культурные основы.

Идейно-социальная направленность классицизма (особенно французского) в самих западноевропейских литературах в значительной мере обусловливала историческим процессом, вновь принявшим типичные признаки абсолютизма. Это явление, казалось бы новое в своих идеологических формах и даже словесных формулах (например, «вождь» и «кормчий», «отец отечества» и «солище», даже «земной бог» относилось в равной мере и к Людовику XIV, и к Петру I, ранее к его отцу Алексею Михайловичу), было обычным по отношению к абсолютизму как типу власти всех времен, начиная от египетских фараонов, китайских богдыханов и римских императоров. В российских условиях в эту типологию форм государственного церемониала (в числе их и форм литературных) были внесены восточноевропейская самобытность, то европейско-азиатское начало, которое исторически было почертнуто русскими государственными деятелями и феодалами вообще в монголо-татарской Золотой Орде. Об этом государственном качестве писал К. Маркс, на него не раз указывал В. И. Ленин, когда он характеризовал «азиатские» и «полуазиатские» черты династии Романовых и оценивал «весь гнет абсолютизма, пропитанного

азиатским варварством»⁴². Кумир всех русских просветителей и «вольтерьянцев» Ф.-М. Вольтер как раз в годы развития русского классицизма (в книге «*Histoire de L'empire de Russie sous Pierre le Grand*», 1759) писал, что «обычаи, одежда и нравы в России всегда сходствовали более с азиатскими, нежели с европейскими...»⁴³. И, несомненно, Симеон Полоцкий со своими последователями чувствовал эту самобытность (не свойственную Речи Посполитой) еще сильнее, чем воспитанные в ней русские писатели классицизма. Вполне закономерно, что и русское барокко, и классицизм в большей мере, чем их источники и аналогии западноевропейские, должны были стать литературным выражением придворных идеологических программ. По-видимому, только великому Ломоносову удавалось, соблюдая требования церемониала, самому формировать эти программы (конечно, в пределах науки, а не политики). Певец «Фелицы» Г. Р. Державин в своем «Памятнике» не случайно гордился тем, что он «истину царям с улыбкой говорил». Тем не менее вплоть до восстания декабристов в широкой сфере дворянской общественной идеологии (при традиционном монархизме народа), в частности в литературе (несмотря на сатиру А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина и др.), служение государству отождествлялось со службой государю. Патриотическая специфика русского барокко состояла в откровенной и даже патетически-раболепной «службе» царю, а через него и царству. В век классицизма эта специфика, сохранив свое первоначальное значение (а в ряде случаев и формы: писатель выступал в печати как «раб» цари, или царицы, или царевича), стала постепенно усложняться и расширяться под влиянием западноевропейских идей «просвещенного абсолютизма», приобретая назначение восторженного самоутверженного служения «государству» — «отечеству» и даже «обществу», так или иначе понимаемому «долгу» и т. п.

Если в западноевропейских литературах классицизм упорно боролся с барокко и победил его, то в русской литературе, напротив, классицизм исходил из идейных и языково-стилистических традиций русского барокко, зависел от него и модифицировал его. Наиболее интересной в этом плане была промежуточная и противоречивая литературная позиция (теория и практика) Тредиаковского.

Для освоения западноевропейского классицизма (главным образом французского и немецкого) первые русские классицисты Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков в жестоких спорах друг

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 387.

⁴³ История царствования императора Петра Великого, сочиненная г-ном Вольтером. М., 1810, ч. 1, с. 118.

с другом в сущности искали одно и то же, а именно «свою», национальную основу (некий «корень»), необходимую для «чужой» литературной «прививки». Этим же самым задолго до них занимался основатель русского литературного барокко Симеон Полоцкий, его коллеги и последователи. Принципиальное идеологическое различие между ними состояло в том, что в XVII в. представители барокко обусловливали свои схоластические словесные науки религией, а писатели классицизма освободили от нее эти же науки, заменив преданность церкви преданностью государству. Близость тех и других писателей продолжала, однако, сохраняться в том общем убеждении, что поэзия и вообще всякое литературное начинание как «художество письническое» качественно определяются познанием словесных наук с их специальными нормативами.

Писатели барокко и классицизма усматривали основу своего творчества, и в первую очередь необходимейшего для них «высокого» стиля, в традициях древнерусской книжности со свойственным ей «славянским», научно говоря, церковнославянским языком. Но многолетние и упорные теоретические споры и практические опыты решения важнейшей проблемы языка вызвали у них большие трудности и неизбежные противоречия.

В XVII в. проблема национального литературного языка вообще не могла быть никак разрешена ввиду того, что она неизбежно вводилась в состав остройшей внутринациональной религиозно-политической борьбы. Симеон Полоцкий и его сподвижники были литературными представителями только языка «славянского» — книжного. Они стремились приблизиться к церковнославянскому языку московского типа, сделать его «чистым» при помощи отличного знания грамматики и других схоластических наук, а добиться этого ценой собственного освобождения от традиций тоже языка книжного «славянского», но украинско-белорусского типа, а также от своих отечественных белорусизмов, украинизмов, полонизмов. Будучи славянами-иностранцами, к тому же по сравнению с русскими очень образованными, они не могли, да и не хотели осознать и признать значение русского языка. Им удалось на удовлетворительном для русской придворной среды, но весьма усложненном в барочном вкусе и даже архаизированном «славянском» языке сообщить русской литературе польское силлабическое стихосложение, обосновать на русской почве украинско-белорусскую школьную драматургию в качестве придворного развлечения и поучения, развить ораторское искусство, церковное и светское. Во всем этом наследие барокко стало опорой классицизма в главных его новациях.

Но в XVII в. проблема русского языка как такового, объединяющего речь книжную и живую, была с необычайной силой

заявлена («Люблю свой русской природной язык...») и с неповторимым талантом реализована протопопом Аввакумом, многочисленные сочинения которого — «Житие», три книги, послания и др.— были поддержаны талантливым творчеством его соратников. Этот феномен, опережавший свое время на два века, зиждился на диффузном двуязычии его посителей, представителей низшего духовенства, близкого к народу и воспитанного на древней культуре русской «святоотеческой» книжности. Разумеется, царские «философы» — «холопы», новаторы — «киевские старцы» победили, но не убедили русских архаистов — «старолюбцев», «апостолов» и «обличителей». Идеологическая победа высокообразованных писателей-иммигрантов сопровождалась со стороны государства физическим уничтожением их противников, целой группы мастеров русской прозы. С одной стороны, эта победа создавала в России нужную и новую литературную культуру, с другой — она загнала в подполье лучшие образцы собственно русской литературы и русского письменного языка. Русская проза смогла появиться вновь и в новых, европеизированных условиях, но в соединении с извечно старой основой — живым русским языком только у Н. М. Карамзина и особенно — у А. С. Пушкина. Классики русской литературы и русские революционеры восхищались потом личностью, творчеством и языком Аввакума, но никто из них не вспоминал о Симеоне Полоцком.

Тем не менее классицисты, в отличие от писателей барокко и в силу очевидной государственно-национальной необходимости, вновь выдвинули, не зная о своих казненных предшественниках, проблему «природного» русского языка, его «чистоты», «славы» и «богатства». С тех пор эта проблема для всех выдающихся русских писателей стала непреходящей. Но решить эту сложнейшую проблему классицисты смогли лишь компромиссно и главным образом в пределах перевода на русский язык системы стихосложения, отказа от польской «силлабики» ради восточнославянской «тоники», чего не сумели сделать украинско-белорусские писатели XVII в. В остальных видах творчества введение «простонародного» языка в литературу, теоретически регламентированное по жанрам, практически только начиналось, чаще претерпевая неудачи, чем успехи. Репитительно протестуя против старой «славянщины», классицисты и их последователи до начала XIX в. как бы невольно отдавали ей немалую дань в своем творчестве. Живой язык писателей XVIII в. дальше отстоял от их литературного языка, чем живой язык Аввакума от языка его сочинений. Словесные науки господствовали над словесным творчеством, и в этом была одна из главных причин, по которой никто из писателей XVIII в., также обладавших немалыми талантами, не в силах был выразить себя

в литературной прозе так, как это задолго до них сделал Аввакум, который говорил о себе не без скрытой гордости: «какой я философ? простой мужик...»

Можно сказать по этому поводу, что в истории русской литературы XVII—XVIII вв., как и в литературах всех народов, многие таланты неустанно развивали литературу. Они всегда двигали и двигают вперед литературный процесс, ибо все они умножают, дополняют и распространяют, т. е. в целом повторяют усилия и достижения своих предшественников и свои собственные, пролагая такие же пути для последователей. Таковыми были русские деятели барокко и классицизма. И наоборот, гении, писатели единственные, внезапно останавливают литературный процесс, потому что они создают неповторимое, т. е. навсегда новое. Таким до Пушкина на пороге нового времени был Аввакум, архаист-новатор.

Углубляя оценку специфического процесса преемственности между русским классицизмом и предшествовавшим ему барокко, следует обратить внимание на общие закономерности движения европейского барокко. Барокко как международное литературное движение распространялось с Запада на Восток Европы на протяжении двух столетий. Оно было одним из важных идеологических и собственно поэтических процессов, связанных с общим распространением европейской цивилизации в исполненный противоречий переходный период между двумя общественно-экономическими формациями — феодальной и капиталистической. В историко-литературном отношении на своем долгом пути барокко претерпело значительные видоизменения, превратившие его из западно- и среднеевропейского предшественника и противника классицизма в российского предшественника и союзника классицизма. Духовным пафосом обоих этих направлений в русской литературе было рациональное, т. е. холастическое для первого и академическое для второго, отношение к искусству слова. Господствовавшие педагогичность и официозность барокко и классицизма неизбежно ограничивали их творческие достижения.

Не только русский классицизм, но и русское барокко требуют весьма высокой качественной оценки, хотя они и не породили шедевров. Что касается литературных шедевров как памятников вечных, то, по-видимому, непреходящее их значение, позволяющее каждой последующей эпохе находить в них особый интерес, давать им новую интерпретацию, зависит от заложенной в шедеврах авторами, чаще интуитивно и эмоционально, сложной структуры функций, которая обладает самостоятельной способностью к перемене первоначально господствовавшей функции в иных обстоятельствах не только на разные иные функции, но даже на анти-

воположную⁴⁴. Есть основания предполагать, что и без шедевров на русской почве многофункциональное западное барокко оказалось настолько эффективным, что оно обнаружило неожиданную возможность, сохраняя ряд основных литературных качеств, главным образом в стиле языка вообще и в стихосложении в частности, именно к такой перемене прежней доминирующей функции на противоположную. Индивидуальный пессимизм западного барокко сменился государственным оптимизмом восточного, а потом барочный стилистический «бесспорядок» заменился строго регламентированным «порядком» классицизма. Исконное богатство и гибкость внутренних возможностей барокко оказали значительное ускоряющее воздействие не только на зарождение классицизма, но и далее, через классицизм, а иногда, видимо, и параллельно с ним, на все поступательное движение русской литературы XVIII — начала XIX в. как периода своего рода огромной литературной школы. В начале этого необычно быстрого, сравнительно с западноевропейскими условиями, движения словесного творчества стоял Симеон Полоцкий со своей маленькой, но важной литературной школой.

⁴⁴ См. подробно: Робинсон А. Н. Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении.—В кн.: Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979, с. 98—181; *Он же*. Об историко-функциональном изучении памятников древнерусской литературы.—Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, вып. 6, с. 521—529.

Глава вторая

Верхняя типография Симеона Полоцкого

Л. А. ЧЕРНАЯ

Верхняя типография, созданная незадолго до смерти Симеона Полоцкого, была его поздним и любимым детищем. Потребность в расширении типографского дела и в организации изданий светского характера осознавали во второй половине XVII в. многие деятели русской культуры. О необходимости создать и «передать в типографии» сочинение по истории «своего государства, и начала, и предки...» писал автор предисловия к историческому сочинению, скорее всего Николай Спафарий¹. Автор рукописного сборника русских пословиц сообщал, что видел «своима очима» издания народных изречений в других странах, выражая тем самым желание увидеть изданными и собранные им русские поговорки и пословицы². Симеон Полоцкий также вводил в вирши мысль об издании своих произведений. В «Гусли добrogласной», преподнесенной Федору Алексеевичу по случаю вступления на престол в 1676 г., это его желание выражено наиболее ярко и определенно³. Как отмечал Г. Я. Голенченко, здесь «отчетливо выявлено понимание Симеоном международного политического и культурного звучания отечественного книгопечатания»⁴. Действительно, поэт убеждал царя в том, что новое типографское дело принесет ему «славу и прибыток», поскольку не одним мечом должна завоевываться слава государства, но и «скоротечным типом, через книги сущим многовечным».

¹ ГПБ, IV.159, л. 6—6 об. Авторство Н. Спафария предполагают исследователи его творчества. См.: Белоброва О. А. Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария.— В кн.: Николай Спафарий: Эстетические трактаты, Л., 1978, с. 7.

² ЦГАДА, ф. 181, № 250, л. 39 об.

³ См.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Подг. текста, ст. и comment. И. П. Еремина. М.; Л., 1953, с. 158—159.

⁴ Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании.— В кн.: Книга: Материалы и исследования, М., 1966, сб. 13, с. 109.

За этими словами чувствуется не только мечта Симеона об издании своих сочинений, но и наличие программы нововведений в издательское дело в России. Возможно, после того, как «Гусль доброгласная» прозвучала в царских хоромах, предложение поэта запало в голову молодому царю, но к непосредственной организации новой типографии он приступил далеко не сразу.

О времени, которое следует считать началом Верхней типографии, существуют две точки зрения. Первая принадлежит А. А. Покровскому, который впервые специально занялся изучением Верхней типографии⁵. Он обнаружил ряд архивных документов, отражавших основные моменты ее истории. Исходя из имеющихся у него данных, исследователь отнес начало организации новой типографии к февралю 1679 г. Основанием для этого предположения послужила запись в Расходной книге Печатного двора о том, что столяр Елизар Савельев «с товарищи» изготовил 4 новых печатных стана «со всякими становыми снастями» для «Верхней типографии»⁶. Другая точка зрения была выдвинута Г. Я. Голенченко, который писал, что «к организации типографии „на Верху“ приступили в Приказе Большого Дворца осенью 1677 г.»⁷ Таким образом, ученый передвигал срок создания типографии более чем на год вперед. Голенченко обнаружил ряд новых материалов о Верхней типографии в фондах Оружейной палаты. Он предложил считать началом типографии заказ на изготовление станка глубокой печати для гравюр на меди, оформленный 22 ноября 1677 г. Этот «деревянной» печатной станок печатать фрясские листы сделал органных дел мастер Симон Гутовский, за что и получил 14 марта 1678 г. деньги в Приказе Большого Дворца. Тогда же был сделан еще один станок: «книжной деревянной, дубовой, веретенья кленоевые», за который было уплачено токарю Алексею Васильеву. Г. Я. Голенченко считает, что этот второй станок был подсобного назначения. Таким образом, по мнению исследователя, Верхняя типография начиналась со станов глубокой печати — граверных станков, что придавало ее деятельности с самого начала своеобразное направление. Действительно, если новая типография начиналась со станов для печатания гравюр, то следует предположить, что она мыслилась прежде всего для издания гравюр и гравированных книг. Однако ни одной цельногравированной книги, прямо или косвенно связанный с Верхней типографией, исследователи не

⁵ Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916.

⁶ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 78, л. 129.

⁷ Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании, с. 111.

отмечают⁸. Гравюры же действительно украшают издания Верхней типографии, но нельзя сказать, чтобы их количество значительно превосходило количество гравюр в изданиях Печатного двора. Первая книга, выпущенная новой типографией, появилась в 1679 г.—«Букварь языка славенска». Оформлена она весьма скромно, без гравюр. Поэтому говорить с окончательной твердостью о том, что Верхняя типография начиналась в 1677 г. со станы глубокой печати, не следует. До тех пор, пока не появились станы высокой печати, предназначенные для издания книг, это была не Верхняя типография, а «мастерская резного дела». Так во всяком случае называет ее указ от 11 марта 1679 г.⁹

Дату создания Верхней типографии, названную А. А. Покровским, на наш взгляд, следует признать более близкой к истине. Но вызывает возражения общая концепция Покровского, согласно которой создание Верхней типографии имело целью «улучшение рисунков при изданиях». Основанием для такого вывода Покровскому послужило известное посещение Печатного двора царем Федором в 1677 г., когда были взяты «вверх» два стана «для приправы и дела антиминсов»¹⁰. Буквально через две недели эти станы были возвращены на старое место. Исследователь назвал это «первым опытом», за которым последовало открытие Верхней типографии¹¹. На наш взгляд, проводить такую прямую непосредственную связь между этими столь разными по масштабу явлениями не вполне правомерно. Печатание антиминсов в царских покоях в течение двух недель могло быть простой прихотью государя, проявлением интереса к этому делу, в крайнем случае — попыткой увеличить выход необходимых в церковном богослужении антиминсов. Верхняя типография, напротив, была затеей серьезной и долговременной. Интерес к печатанию антиминсов, вероятно, сменился у Федора Алексеевича интересом к печатанию гравюр, что и объясняет заказ, сделанный Симону Гутовскому, на изготовление стана глубокой печати. Возможно, дело с печатанием гравюр не имело ничего общего с организацией более чем через год после этого типографии. Гравюра, получавшая все большую популярность в России, стала достойным украшением книг, выпущенных Верхней типографией. Но было ли стремление к улучшению оформления изданий главной и единственной причиной создания новой печатни? Скорее всего, нет. Для этого не обязательно было начинать новое предприятие. Печатание гравюр на меди

⁸ См.: Клепиков С. А. Русские гравированные книги XVII—XVIII веков.— В кн.: Книга: Материалы и исследования. М., 1964, сб. 9, с. 141—177.

⁹ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 76, л. 109 об.

¹⁰ Там же, № 78, л. 89 об.

¹¹ Покровский А. А. Древнее... наследие, с. 94.

могло было наладить непосредственно на Печатном дворе. Правые исследователи, которые считали, что своим созданием типография «Вверху» обязана Симеону Полоцкому¹².

Симеону Полоцкому для выпуска своих сочинений необходима была независимость от патриарха Иоакима, под контролем которого находился Печатный двор. Зависимость от царя его не тяготила: Федор Алексеевич был его воспитанником. Царь почитал «старца Симеона», что видно хотя бы из следующего: после смерти учителя царь заказал Сильвестру Медведеву вирши, посвященные памяти Симеона Полоцкого, и признал годным далеко не первый вариант произведения.

Можно представить, с каким нежеланием дал патриарх Иоаким благословение на новое дело: из его рук ускользала власть над Симеоном. Выпуклая книга, вернее готовя их к печати, Симеон упоминал в титульном листе о благословении патриарха на издание данного произведения (как это было принято на Печатном дворе), но на самом деле этого благословения не было и в помине. Впоследствии патриарх открыто обвинил Симеона в обмане. Известно стремление Иоакима подчинить своему контролю все выходящие книги, и не только в Москве, но и на Украине. В определенной мере это связано с борьбой против «латинствующих», обострившейся в связи с распространением так называемой хлебопоклонной ереси. Так, в письме к Варлааму, архимандриту пещерскому, в 1688 г. Иоаким выступил против издания «Четыре Минеи» Дмитрия Ростовского (Туптала), так как тот «приложисте некая словеса церкви... необычна» и печатал в Киево-Печерском монастыре без предварительного разрешения патриарха: «сами типом издасте без досмотрения и благословения». Иоаким завершал свое письмо запрещением: «А впредь вам каковы книги случится печатати, первее к нам объявити и написав присылати»¹³. В ответ на это запрещение Варлаам Ясинский спрашивал у Иоакима в 1689 г. в своем письме, как ему печатать псалтырь: «аще по московски, то не обыкоша сии людие тако читати и не имут куповати, разве аще особный на то был монарший и патриарший всенародный указ; аще ли по киевскому», то можно ли поставить благословение Иоакима¹⁴.

¹² См.: Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве. М., 1859, с. 56—57; Татарский И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886, с. 239—243; Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века.— В кн.: Книга. М., 1960, сб. 2, с. 166; и др.

¹³ См.: Шляпкин И. А. Святой Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891, с. 191—192.

¹⁴ Архив Юго-Западной России. Киев, 1872, т. 5, ч. 1, с. 284—287.

Свое раздражение самоволием издателей Верхней типографии патриарх излил в «Слове учительном» на московском Соборе 1690 г.: «Толико той Симеон освоеволився... дерзне за некиим попущением яко и печатным тиснением некия своя книги издати, оболгав мерность нашу, предписа в них, якобы за нашым благословением тыя книги печатаны. Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитахом, ниже яко либо видехом, но, яже еже печатати, отнюдь не токмо благословение, но ниже изволение наше бысть...»¹⁵

Нелюбовь патриарха и Симеона Полоцкого была взаимной, иначе бы последний не пренебрегал благословением патриарха. Так или иначе, но конфликтные отношения Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева с верховым московским духовенством помешали изданию книг поэта на Печатном дворе и, возможно, подтолкнули его к мысли наладить независимое книгопечатное дело под покровительством монарха.

Процесс формирования Верхней типографии не прослеживается с наибольшей полнотой, поскольку архив типографии не сохранился (во всяком случае, неизвестно, есть ли он). Изготовленные к 1 февраля 1679 г. четыре новых стана, по-видимому, некоторое время находились на Печатном дворе, пока 11 марта не поступил указ «прислать с Печатного двора в приказ Большого дворца книг печатного дела стан с азбукою, да азбуку слов полную никитинскую весом три пуда и со всеми снастьми, чем книги печатают» и «быть ему (стану.—Л.Ч.) резного дела в мастерских полатах до указу»¹⁶. Затем через два дня поступило распоряжение отправить мастеровых людей, «сколько человек к одному стану пристойно». 18 марта 1679 г. в Верхнюю типографию с Печатного двора были отосланы наборщик Иван Варфоломеев, разборщик Григорий Леонтьев, тередорщики (печатники) Богдан Иванов и Иван Автомонов, батырщики («батыйщики» — накладчики краски) Михаил Иванов и Денис Федоров¹⁷. В начале апреля 1679 г. с Печатного двора были взяты три евангельские азбуки «с кодраты и с патцы весом четыре пуда без гривенки» и «запасы» к ним¹⁸. Все это было использовано для выпуска первой книги, увидевшей свет 4 декабря 1679 г.: «Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем хотящим учитися чтению писаний». За первой книгой последовали и другие: январь 1680 г.— «Тестамент, или Завет

¹⁵ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865, с. 138.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 76, л. 109 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 110 об., 111.

Василия царя греческаго к сыну его Лву философу»; апрель 1680 г.—«Псалтыр художеством рифмованным преложенная»; сентябрь 1680 г.—«История о Варлааме пустыножителе и Иоасафе царе Ипдейстем»; октябрь 1681 г.—«Обед душевный»; 1682 г.—«Считание удобное, которым всякий человек купующий или продающий зело удобно изыскати может всякия вещи»; январь 1683 г.—«Вечеря душевная».

Все необходимое для издания этих книг Верхняя типография либо получала с Печатного двора, либо изготавливала на базе Печатного двора. Указ великого государя, данный 27 октября 1680 г. в Приказ книг печатного дела, гласил: «отпускат всякие книжные запасы с роспискою наборщиком Лаврентья Богданова к стану, которой взят в верх в прошлом 187 году марта в первом на десять числе»¹⁹. А в ноябре 1679 г. на Печатном дворе были изготовлены еще два новых стана, «что указано сделать к Великому государю в верх»²⁰. Резец Печатного двора Алексей Нефедьев выполнял отдельные виды работ и для изданий Верхней типографии. За эту «излишнюю работу» он получал дополнительное жалованье²¹. В декабре 1680 г. с Печатного двора было отпущено «к ево великому государю книжному печатному верховому делу топник да лейка железные»²².

Санкцию на отпуск материалов давал архиепископ Сибирский и Тобольский Симон, поставленный «ведать печатный двор» в 1677 г.²³ Известно также, что словолитец Верхней типографии Иван Андреев был послан на Печатный двор, где получил формы и матрицы «библейной азбуки», чтобы отлить по ним новую азбуку для своей типографии. В указе отмечалось, что «та азбука отливать Верхня типографии словолитцу Ивану на Книжном печатном дворе»²⁴. По предположению А. А. Покровского, отливка этого шрифта потребовалась для издания «Считания удобного»²⁵. До настоящего времени нельзя было с точностью утверждать, что «Считание удобное» выпущено именно Верхней типографией, поскольку выходные данные не содержали указания, имевшегося в других ее изданиях: «печатано в Москве в типографии верхней». Обнаруженный нами документ позволяет внести большую ясность в этот вопрос: эту небольшую книжицу практического характера, адресованную «купующим и продающим», выпустила в свет Верх-

¹⁹ Там же, л. 111 об.

²⁰ Там же, № 78, л. 267.

²¹ Там же, л. 262.

²² Там же, л. 418.

²³ Там же, № 67, л. 47—48.

²⁴ Там же, л. 67.

²⁵ См.: Покровский А. А. Древнее... наследие, с. 94.

ная типография. Среди оборудования типографии имелась «мелкая азбука» и «осмннатцат фунтов оливных поперечных линеек, которыми печатаны числительные книжицы»²⁶ (курсив мой.—Л. Ч.). Под «числительными книжицами», скорее всего, подразумевается «Считание удобное», состоящее из таблиц, разлинованных при помощи упомянутых в записке «оливных линеек».

Библиотека, создававшаяся при Верхней типографии, пополнялась также из книжных фондов Печатного двора. И. А. Бессонов нашел в описи Типографской библиотеки 13 печатных книг и рукописей, отданных «на верх» по царскому указу от 12 августа 1681 г.: «Требник киевский, Политика на чешском языке, Номоканоны два (киевский и львовский), две книги Лютия, Жития святых на польском языке Лазаря Бараповича, две книги письменные на раскольников (Книга поучения на Преображение Господне и на Успение Преподобной Богородицы на белорусском языке), две книги на греческом языке, именуемые Поливиевы да собрание многих вещей, катехизис на белорусском языке, книга в четверть восточных судов печатная на греческом языке». В получении книг расписался «печатные полаты подъячей Михаил Родостамов»²⁷.

По царскому указу из Приказа книг печатного дела «на верх» отправлялись «безденежно» новые издания Печатного двора. Только в 1680 г. было взято 5 часословов в переплете, 55 часословцев в тетрадях, 7 книг жития Николая Чудотворца, 10 вечерен в одном переплете, 10 книг о трехперстном сложении, 10 книг молитв в переплете и т. п.²⁸ Какая-то часть этих книг откладывалась при Верхней типографии. В 1683 г. в Приказ Верхней типографии поступило с Печатного двора 10 книг Евангелия «на большой бумаге» и 15 «на средней бумаге»²⁹.

За годы существования Верхней типографии при ней образовалась библиотека, которая по характеру собранных в ней книг не намного отличалась от библиотеки при Печатном дворе. В 1684 г. 71 книга из библиотеки Верхней типографии была передана в Посольский приказ. Это были книги на латинском, греческом, польском языках, которые «в прошлом во 189-ом году снесены были для книжной библиотеки ис хором блаженные памяти... Феодора Алексеевича»³⁰. Отсюда следует, что в 1680 или 1681 году царь отдал в книжный фонд Верхней типографии часть своей библиотеки. Среди переданных книг были исторические, естествен-

²⁶ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 81, л. 62 об.

²⁷ Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве, с. 56.

²⁸ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 78, л. 264 об., 332 об., 342 об.

²⁹ Там же, № 80, л. 30.

³⁰ ЦГАДА, ф. 159, оп. 1, № 1365, л. 34.

нонаучные, медицинские, математические и др. Много было словарей, лексиконов, поэтических руководств³¹.

Получая постоянную подмогу с Печатного двора, Верхняя типография тем не менее была самостоятельным учреждением. А. А. Покровский, утверждавший, что новая типография была лишь филиалом старой, пришел к неверному выводу. Он писал: «Учреждение Верхней типографии „на верху“ при царском дворце не было чем-либо новым. Печатный двор не один раз переходил целиком во дворец (в 1619—1620 гг. в связи с литовским нашествием; в 1634 г. после пожара). Поэтому можно думать, что и на этот раз Верхняя типография являлась до известной степени только филиальным отделением Печатного двора»³². Собранные архивные данные сейчас уже не позволяют думать так же, да и аргументы Покровского имеют слабое место: упоминая о переводе Печатного двора в царские покои, он сам указывал причины, вызвавшие это перемещение. В обоих случаях налицо экстраординарные обстоятельства — вражеское вторжение и пожар. К тому же перевод на новое место всего Печатного двора в целом и был лишь перемещением одного и того же учреждения.

Совсем другое дело с Верхней типографией. Здесь не было каких-либо внешних обстоятельств, вынуждавших спасать типографское оборудование. Здесь происходило создание нового самостоятельного издательского центра. В оценке значения Верхней типографии следует учитывать, во-первых, тот факт, что к изданию привлекались новые книги, не входившие в репертуар Печатного двора: «Псалтирь рифмованная», «Обед душевный», «Считание удобное» и др.³³ Во-вторых, Верхняя типография постепенно росла, набирала силу и могла в недалеком будущем превратиться в равную Печатному двору. Для нее было сделано в сумме 6 новых станов: 4 к 1 февраля 1679 г. изготавливали столяр Елизар Савельев «с товарищи» и 2 были сделаны в ноябре 1679 г. Верхняя типография имела в своем распоряжении 7 касс, 26 пудов отлитых азбук³⁴. Самостоятельную значимость Верхней типографии, по верному наблюдению Г. Я. Голенченко, доказывает и организация специального Приказа, который ведал ее делами. Первоначально вся документация новой типографии проходила через Приказ Большого Дворца. Дьяк этого приказа подписывал указы, поступавшие в Приказ книг печатного дела от имени царя. С ростом типографии

³¹ См.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI веке. М., 1898, с. 75—78.

³² Покровский А. А. Древнее... наследие, с. 99.

³³ «Букварь» издавался Печатным двором ранее. См.: Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978, с. 140.

³⁴ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 81, л. 62 об.

возникла потребность создания при ней своего Приказа, который так и назывался — «Приказ Верхней типографии». Произошло это, вероятно, во второй половине 1681 г. К новому приказу перешла часть функций, выполнявшихся ранее Приказом Большого Дворца и так или иначе связанных с книжным делом. Так, в «памяти» от 31 октября 1681 г. сообщалось: «велено отпускает книги от книжных выходов указанное число вместо того, что отпускано в Приказ Большого Дворца по пятидесяти книг в Приказ Верхней Типографии в тетратех безденежно»³⁵. Речь идет об изданиях Печатного двора, которые через Приказ Большого Дворца рассыпались по монастырям и церквам. Теперь эта обязанность перешла к Приказу Верхней типографии. Вышедшие в 1682 г. «Уставы», например, отправлены в «Приказ Верхней типографии пятьдесят книг вместо тех, что отпусканы в Приказ Большого Дворца»³⁶. Бумаги Приказа Верхней типографии подписаны дьяком Матвеем Семенниковым и дьяком Михаилом Воиновым³⁷.

Значение Верхней типографии в культурной жизни Москвы определяется еще одной особенностью: по существу она представляла собой «вольную» типографию со своей программой изданий, предвосхищавшую русское частное книгопечатание XVIII века³⁸.

К сожалению, существование Верхней типографии было недолговременным. 17 февраля 1683 г. прозвучал царский указ о закрытии типографии. 28 февраля 1683 г. на Печатный двор были перевезены из Верхней типографии четыре стана «со всякими снастями и з буквами»³⁹. А 7 марта того же года столяр Елизар Савельев получил деньги за разломку «четырех станов, что из Верхней типографии»⁴⁰, вероятно, как раз тех станов, которые он четыре года назад делал для начинавшейся печатни. «Мастеровые люди» (24 человека), служившие в Верхней типографии, были возвращены на Печатный двор к станам «по-прежнему», им были положены прежние оклады⁴¹.

Материальное обеспечение мастеровых людей Верхней типографии, возможно, было несколько лучше, чем рабочих Печатного двора. Сказывалось особое расположение государя к «своей» типографии. Официально Верхняя типография считалась личной печатней Федора Алексеевича. В указах нередко подчеркивалось:

³⁵ Там же, № 67, л. 68 об.

³⁶ Там же, № 81, л. 18.

³⁷ Там же, № 67, л. 67, 68 об.; № 80, л. 30.

³⁸ Называть Верхнюю типографию «вольной» можно лишь с известными оговорками.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 80, л. 93 об.

⁴⁰ Там же, л. 95.

⁴¹ Там же, л. 132.

прислать или изготовить что-либо «по указу Великаго Государя к нему в Верхнюю типографию»⁴² (курсив мой.—Л.Ч.). От имени царя делались подарки мастеровым. Известно, например, что они получили в награду за работу хорошее сукно. Узнав об этом, наборщики Печатного двора обратились в Приказ Большого Дворца с просьбой «о сукнах против дачи Верхния Типографии мастеровых людей»⁴³. Но в целом положение рабочих обеих типографий было одинаковым. Все они «вышли» с Печатного двора, многие туда же и вернулись после закрытия Верхней типографии. Удалось проследить судьбу некоторых из них. Из четырех мастеровых, перешедших в Верхнюю типографию в первом наборе, только тередорщик Богдан Иванов числился среди вернувшихся на Печатный двор в 1683 г. Состав рабочих печатни «вверху» менялся. Неизвестно, когда были туда переведены наборщик Евдоким Федоров и тередорщик Харитон Евфимьев, но известно, что на Печатный двор они поступили в 1677 г. к 8 стану⁴⁴. До 1679 г. Петр Ефимов был наборщиком в Никольской палате у первого стана, а в 1683 г. он назван в числе наборщиков Верхней типографии⁴⁵. После возращения на Печатный двор рабочие приступили к обычным своим занятиям. Тередорщику Григорию Осипову «с товарищи» было поручено очистить 4 пуда Осиповской азбуки, перевезенной из Верхней типографии⁴⁶. Наборщикам Петру Ефимову и Никите Михайлову пришлось печатать вотчинные жалованые грамоты, за что они получили в июне 1683 г. 6 рублей⁴⁷.

Так сложилась судьба Верхней типографии. Она просуществовала недолго, если считать, что со дня выхода первой ее книги прошло четыре года. После возвращения части оборудования на Печатный двор «остальное имущество Верхней типографии в Кремле было, по-видимому, консервировано»⁴⁸, а затем перешло к Синодальной типографии.

В открытии Верхней типографии был заинтересован прежде всего Симеон Полоцкий, деятельность которого на русской почве «получила две новые важные функции. Во-первых, это был пафос просветительства, насаждения основ схоластической культуры в среде иконациональной... Во-вторых, творчество Симеона Полоцкого, этого провинциального учителя, оказавшегося в центре иностранного „царства“, сразу окунулось в непривычную атмо-

⁴² Там же, № 78, л. 129.

⁴³ Там же, № 67, л. 71 об.

⁴⁴ Там же, л. 51 об.—52.

⁴⁵ Там же, л. 70.

⁴⁶ Там же, № 80, л. 148 об.

⁴⁷ Там же, л. 151 об.

⁴⁸ Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании, с. 118.

сферу формирующегося абсолютизма»⁴⁹. Каким образом это положение сказалось на интересующем нас деле создания и работы Верхней типографии? Была ли она украшением придворного быта или учреждением государственного масштаба? Какова степень участия здесь Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и, наконец, Федора Алексеевича? Как уже отмечалось, во главе Верхней типографии名义上 стоял молодой царь. От его имени отдавались распоряжения по типографии: «царь указал»; «к ево величеству государя книжному печатному делу» отпускались средства⁵⁰. В письме к «приятелю» Сильвестр Медведев сообщал, что «великий государь все книги издания пречестного господина отца Симеона благоволил печатать у себя в Верхней типографии...»⁵¹ Важно выяснить, что стояло за этим привычным — «царь указал»: абстрактная формула феодального делопроизводства или личная заинтересованность Федора Алексеевича в этом деле. Из указов, касавшихся Верхней типографии, сделать определенный вывод нельзя. Эти указы не содержат обстоятельной аргументации, какого-либо обоснования или мотивировки. Они невыгодно отличаются от указов Петра I, в которых личное участие царя в каждом деле прослеживается четко, из которых не только видно, что делалось, но и почему, с какой целью, так как петровские указы содержат развернутую характеристику того или иного нововведения. Типография располагалась в царских покоях. По упоминаниям о ней в материалах Оружейной палаты Г. Я. Голенченко установил предположительное местонахождение Верхней типографии — «в царских хоромах, против нижней стряпчей избы»⁵². Это могло служить основанием для приведенных выше заявлений: «у себя» означало «во дворце». Но, с другой стороны, царь мог принимать деятельное участие в этом деле, противопоставив «свою» типографию Печатному двору, находившемуся во власти церкви. Федор Алексеевич высоко ценил Симеона Полоцкого, что безусловно повлияло на вопрос о создании новой печатни и сказалось на ее «репертуаре». Если бы Верхняя типография была задумана как развлечение молодого царя, то ее издания носили бы придворно-аристократический характер. Между тем уже первая книга новой типографии — «Букварь языка славенска» — свидетельствует о просветительской направленности типографии, о расчете на массового читателя. Из сочинений Симеона для «печатного тиснения» были избраны

⁴⁹ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 14.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 78, л. 418.

⁵¹ Цит. по кн.: Прозоровский А. В. Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896, с. 186.

⁵² Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании, с. 115.

не панегирические произведения в честь монарха и его окружения (не считая «Приветства брачного», которое причисляют к изданиям Верхней типографии⁵³), а произведения, в которых сконцентрированы педагогические, этические, политические взгляды поэта. Идейным вдохновителем Верхней типографии, без сомнения, был Симеон Полоцкий. Он имел свою программу изданий, которую вынашивал не один год. Известна тяга Симеона к печатному слову. В 1668 г. на Печатном дворе были изданы два его поучения: «О еже не пети бесовских песней», «О благоговейном стоянии в храме». Совершенно верно отмечает Л. Н. Пушкирев скромность и непривлекательность этого издания, лишенного к тому же имени автора⁵⁴. За год до этого вышла в свет полемическая книга, направленная против расколоучителей, «Жезл правления», к которой Симеон имел непосредственное отношение. В 1669 г. Печатный двор издал «Букварь языка славенска», открывавшийся «Предисловием к юношам учитися хотящым», составленным, по всей вероятности, Симеоном Полоцким. Но основные свои сочинения поэт смог издать только в Верхней типографии.

Симеон Полоцкий осознавал себя пезаурядной личностью, способной на большую умственную работу, «литератором»⁵⁵. В течение жизни взгляды Симеона на свою миссию литератора значительно изменились. Первоначально по приезде в Москву он оказался в бедственном положении, поскольку не был допущен к царю, и пытался реализовать свои литературные способности на службе у частных лиц. Но и здесь ему не повезло: «один только меценат Федор Михайлович (Ртищев.—Л. Ч.) имеет обыкновение держать открытыми уши для хвалебных голосов литераторов»,— так писал Симеон в Киево-Печерскую лавру⁵⁶. Отсюда ясно, в чем конкретно видел он свою задачу литератора в это время: «хвалебным голосом» влиять бальзам лести в «открытые уши меценатов». Став вскоре первым придворным поэтом при Алексее Михайловиче, Симеон широко развернулся в этой роли и вполне мог бы ограничиться ею, так как она хорошо обеспечивала его материально⁵⁷. Но этого не случилось. Он стремился к наиболее полному самовыражению. Преподавание в Заиконоспасской школе он сочетал с большой писательской работой и церковно-административной

⁵³ Там же, с. 116.

⁵⁴ См.: Жуков Д., Пушкирев Л. Русские писатели XVII века. М., 1972, вып. 4, с. 258 (серия «Жизнь замечательных людей»).

⁵⁵ А. Н. Робинсон отмечает, что Симеон первым употребил термин «литератор» в Московской Руси (Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе..., с. 46).

⁵⁶ Голубев С. Отзыв на соч. В. О. Эйтгорна.—Зап. имп. Академии наук. СПб., 1902, т. 6, № 2, с. 118.

⁵⁷ Дела Тайного приказа, кн. 1.—РИБ, т. 21. СПб., 1907, стб. 1002, 1220, 1713.

деятельностью. Прекрасно справляясь с должностью учителя царских детей, Симеон Полоцкий ни на один час не забывал о своей литературной деятельности. «Литераторство» было его сущностью. Постепенно это понятие насыщалось для Симеона все более обширным содержанием, приобретало новое направление. Оказалось, что «вещать» для царя и его придворных для поэта мало; ему потребовалась широкая аудитория слушателей, он жаждет «просвещать», наставлять, учить. К концу жизни Симеон осознавал себя не придворным «шпитом», а «мудрым мужем», способным передать свои обширные познания и опыт другим. Для реализации этой своей особой миссии «литератора» Симеон Полоцкий и приступил к созданию Верхней типографии. Можно с уверенностью сказать, что если бы смерть не помешала ему, он осуществил бы свои замыслы до конца. Среди этих замыслов, по мнению Г. Я. Голенченко, была и идея опубликовать «Слово к люботщательному иконного писания» с гравюрами, изображавшими человеческое тело в различных ракурсах. Гравюры «брались назнаменовать на медных досках С. Ушаков»⁵⁸. Увидело бы свет и одно из наиболее интересных сочинений Симеона — «Вертоград многоцветный», а также и другие его произведения.

Роль Сильвестра Медведева в деле Верхней типографии скромнее. Ученик Симеона Полоцкого, он стал и его наследником: к нему перешли библиотека, рукописи и бумаги учителя, а также забота о Верхней типографии. С усердием взялся Сильвестр за подготовку к печати трудов своего наставника: «тиуся, да соберутся вся (сочинения Симеона.—Л. Ч.) в книги и миру да явятся»⁵⁹. Издания «Обеда душевного» и «Вечери душевной» Сильвестр Медведев сверял с рукописями, отмечая, что в них не сходится с оригиналом: «а что на конце написано, и то не печатано, а печатано рядом...», «сие не печатано» и т. д.⁶⁰ Опыт справщика (Сильвестр Медведев числился справщиком Печатного двора с ноября 1677 г.) помог ему в этой работе. Но «явить миру» все произведения Симеона Полоцкого не удалось. Потеряв сперва вдохновителя в лице Симеона Полоцкого (ум. 25 августа 1680 г.), а затем покровителя в лице Федора Алексеевича (ум. 27 апреля 1682 г.), Верхняя типография стала обузой для светской и духовной власти. Книги Симеона Полоцкого, изданные «вверху», были запрещены патриархом Иоакимом на основании того, что в них содержалась «ересь», а также потому, что книги выходили без патриаршего благословения: «без благословения же что творенное, аще бы и добро было,

⁵⁸ Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании, с. 116.

⁵⁹ Цит. по кн.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев, с. 185.

⁶⁰ Там же, с. 186.

всически церкви святей не есть приятно. Сих ради всех вин... запрещаем всем православным сыновом тех книг, яко подзор и ересь имущих, яко не благословенныхых, никакоже дерзати... прочитати»⁶¹.

Для современников Верхней типографии ее существование прочно ассоциировалось с именем Симеона Полоцкого. Об этом свидетельствуют, например, записки Георга-Адама Шлейсингера, жившего в России в 1684—1686 гг. Он упоминает «печатню» в Москве, которую «устроил какой-то полик»⁶², хотя в это время Верхней типографии уже не было.

Многогранность личности Симеона Полоцкого позволила ему проявить себя в различных сферах русской духовной жизни 60—70-х годов XVII в. Одним из основных его достижений следует, на наш взгляд, признать создание Верхней типографии.

⁶¹ Остап. Памятник русской духовной письменности XVII века, с. 138.

⁶² Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича / Публ. Л. П. Лантовой.— Вопр. истории, 1970, № 1, с. 122.

Глава третья

«Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого

А. С. ДЕМИН

Главным, хотя и не единственным источником нашего исследования является первая печатная книга, подготовленная Симеоном Полоцким в Москве: «Жезл сей мысленный правления, утверждения, наказания и казнения», — так относительно кратко названа книга в предисловии (л. 15 об.). На титульном листе заглавие очень длинное.

Научных работ об идеальной направленности «Жезла» довольно много¹. Поэтому мы лишь сжато повторим важнейшие сведения об идеологической сущности «Жезла»; затем несколько подробней коснемся книговедческой и текстологической стороны издания; а потом перейдем к нашей основной теме — к почти совершенно не изученным литературным особенностям «Жезла правления». «Жезл правления» — одна из знаменитых русских печатных книг XVII в. Ее стали цитировать и обсуждать сразу же после выхода. Церковный собор провозгласил, что она написана «из чистаго серебра божия слова»². К ней продолжали обращаться и в течение XVII и в XVIII в.

Причина популярности «Жезла правления» состоит в том, что «Жезл» был главной официальной книгой, обличавшей взгляды раскольников, прежде всего основоположников раскола Никиты Пустосвят и Лазаря. Никита Пустосвят, будучи священником

¹ Библиографию основных дореволюционных работ о «Жезле правления» см.: Родосский А. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891, вып. 1, с. 313, сноска 3.

Из работ за последние годы о «Жезле» см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 73—75, 221—222, 234—240, 300—301; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века, М., 1978, с. 149—152.

² Деяния церковного собора 1666—1667 годов.— В кн.: Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1853, т. 5, с. 456.

Суздале, принимал участие в исправлении и печатании книг¹, ибо, отстраненный от этого дела при патриархе Никоне, написал в конце 1665 г. большую «Челобитную» царю Алексею Михайловичу с резким критическим разбором церковных нововведений Никона и никоновских книг — «Скрижалей», «Служебников», «Требника» и «Триоди постной» (М., 1655—1658). Никита не успел вручить свою «Челобитную» царю, так как ее вместе с черновыми материалами отобрали у него еще в Суздале, прочли на церковном соборе весной 1666 г. в Москве и осудили. Никита был заточен, а его «Челобитная» печатно была подвергнута обличению в первой части «Жезла правления» (л. 19—88)². Лазарь, священник городка Романова-Борисоглебска, тоже занимался исправлением книг, тоже был отстранен Никоном и тоже составил «свитки» против Никона. Сочинения Лазаря «Роспись вкратце нововводным церковным раздором...» и «О несогласии самих с собою новых книг...» были поданы царю, но от этого ничего не изменилось. «Свитки» прочли на церковном соборе 1666 г. и осудили. Лазарь был сослан, а его сочинения были подвергнуты обличению во второй части «Жезла правления» (л. 89 об.—151 об.)³.

С первых же листов «Жезла» видно, что издатели придавали книге архиважное значение. На титульном листе — невиданное явление! — было оттиснуто изображение архиерейского посоха⁴. На титульном же листе в длиннейшем заглавии объявлялось, что книга издана от имени всего церковного собора. Издание открывалось торжественным посланием патриарха Иоасафа II и всего собора к царю Алексею Михайловичу (л. ненумерованн. 2—3). П послание было заключено в мелкоузорную наборную рамку, как в кружево. Затем, как это бывало в ответственных случаях, следовал цикл предисловий: два предисловия ко всей книге — одно краткое стихотворное (л. ненумерованн. 4), другое пространное прозаическое (л. 1—16); потом еще шли предисловия к каждой части книги (л. 16—18 и 89—89 об.). В целом «Жезл правления» имел хотя и не роскошный, но солидный, официальный вид: большой формат (2°);

¹ О Никите Пустосвятке и его «Челобитной» см.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878, т. 4, с. V—XXIII (ст. И. Субботина). Текст «Челобитной» по беловому и черновым спискам издан там же, с. 1—178. См. также: Румянцев И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). Сергиев Посад, 1916.

² О Лазаре и его писаниях см.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. 4, с. XXIV—XXVII. Текст соответствующих сочинений Лазаря издан там же, с. 179—220.

³ «Хорошая композиция, с использованием виньетки, изображающей архиерейский посох (жезл)» (Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века.— В кн.: Книга: Материалы и исследования. М., 1960, сб. 2, с. 156).

средняя, не чрезмерная толщина (154 л.); умеренное количество украшений (четыре небольших гравюры, пять заставок, две концовки, четыре ломбарда); крупный шрифт (10 строк=87 мм); подчеркнуто четкая организация печатных полос с напечатанными красной краской подзаголовками, заглавными буквами и некоторыми цитатами⁶.

Работа над изданием книги велась, по-видимому, с большим напряжением и спешкой, о чем свидетельствует несколько типографских вариантов «Жезла», все более исправных и полных. Вопрос о вариантах «Жезла» не нов. В Отделе редких книг ГБЛ хранится рукописный каталог А. С. Зерновой, с которым нас ознакомила А. А. Гусева. Не все из рукописного каталога вошло в опубликованный. Так, Зернова обратила внимание на два или на три вида «Жезла» и привела несколько разнотечений. Однако наблюдения Зерновой остались сугубо предварительными из-за смешения признаков разных вариантов «Жезла». Мы, в свою очередь, основываемся на наблюдениях над 15 экземплярами «Жезла правления», имеющимися в ГБЛ и ГПБ (шесть экземпляров ГБЛ: инвентарные номера 2848, 2849, 5298, 5299, 5300, 8223; девять экземпляров ГПБ: IV. 3. 3. а, IV. 3. 3. б, IV. 3. 3. в, IV. 3. 3. г, IV. 3. 3. д, IV. 3. 3. е, XVII. 11. 4, XXII. 2. 9. а, XXII. 2. 9. б, их инвентарные номера соответственно 1284—1289, 4347, 5180, 5181). В сопоставлениях экземпляров ГБЛ нам помогал Ю. А. Лабынцев, а экземпляры ГПБ по нашей просьбе сверила В. И. Лукьяненко.

Искрывающие исчислить все варианты издания, пожалуй, трудно, ибо многочисленные изменения делались непрерывно в процессе производства книги. Поэтому укажем лишь самые заметные печатные варианты «Жезла».

Первый вариант «Жезла» не содержал титульного листа, вступительного послания патриарха и вступительного стихотворения Симеона (т. е. л. ненумерованн. 1—4). Первый вариант начали печатать с длинного «Предисловия» ко всей книге, откуда и начиналась сплошная нумерация листов. На л. 9 об. оказалось невозможным продолжать издание «Предисловия», потому что здесь раньше, видимо, ошибочно рассчитав листаж, оттиснули красным шрифтом заглавие последующего предисловия к первой части книги. Л. 9 об. остались пустым, и это типичный признак первого варианта. Сделав соответствующий пропуск текста на л. 9 об., печатание первого варианта «Жезла» довели до конца, хоть и со множеством опечаток в тексте и с ошибками в пагинации листов

⁶ Книговедческое описание «Жезла правления» см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958, с. 96.

(1—4, 4, 6—76, 87, 88, 89, 80—84, 86, 86—111, 114—130, 132, 132—151).

Одно место в середине второй части «Жезла» заставляет думать о каком-то вмешательстве в текст, которое произошло в первом же варианте. Здесь одновременно нарушены и пагинация листов, и их обычный тетрадный состав, и система колонтитулов. После л. 111 следует л. 114, а л. 112—113 нет. Нарушение полистной пагинации совпадает с незаконченностью четырнадцатой тетради книжного блока, в которой осталось семь листов, а не восемь привычных. Кроме того, здесь же произошел сбой в повторении колонтитула. На развороте листов в данной части книги повторяется колонтитул: «вторая часть». Но на развороте л. 111 об. и 114 колонтитул получился явно ущербный: «вторая вторая». Трудно сказать, что именно удалили в данном месте, потому что, несмотря на технические нарушения, напечатанный текст во всех известных нам экземплярах издания сохраняет связность. Экземпляров первого варианта «Жезла», вероятно, сохранилось немного. В ГБЛ есть всего лишь один экземпляр первого варианта (№ 5299), а в ГПБ их совсем нет.

Второй вариант «Жезла» был полней и исправней. Во втором варианте к книге добавили напечатанные отдельно л. ненумерованн. 1—4 с титульным листом и вступительными статьями. Л. 9—9 об. для второго варианта напечатали заново и притом тоже отдельно, на отдельных листах. Эти листы, отрезав брак, подклеили в готовые экземпляры книги (так называемый картон). Картон л. 9 — типичный признак второго варианта «Жезла». Кроме того, во втором варианте из-за слишком густо следовавших опечаток перебрали набор л. 8, 76 об., 77. Например, на л. 76 об. в строке 8 сверху в первом варианте было: «истинного сице»; во втором варианте стало: «истинного сице»; в строке 12 сверху было: «иниачаша»; стало: «и начаша»; в строке 19 сверху было: «иногда»; стало: «и тогда». На л. 77, в строке 2 снизу было: «никейstem составленний»; стало: «никейском составленный». И т. д. Во втором варианте были сделаны также многочисленные мелкие исправления. Вставили предречия на л. 9, 16 об., 49 об., пропущенные в первом варианте. Замазали опечатки, не замеченные первоначально, например, на л. 118, строка 2 сверху, и л. 145, строки 2 и 16 сверху. Улучшили натиск литер в пагинации листов, бледной или пермяшливой в первом варианте. Однако все исправления во втором варианте делались непоследовательно. Множество опечаток осталось. После л. 49 об. пропущенные предречия уже не вставляли. Пагинация листов и во втором варианте пропечаталась не везде; например л. 108 и 115, как и в первом варианте, остались без пагинации или с очень бледным ее оттиском. Нарушения пер-

вого варианта в нумерации листов не только не были исправлены, но к ним во втором варианте добавилось нарушение: 53, 53, 55 (т. е. вместо 54 отпечатали 53). Экземпляры второго варианта встречаются нередко (ср. ГПБ, IV. 3. а, IV. 3. б, IV. 3. в).

Третий типографский вариант «Жезла» срочно был дополнен новым текстом. В самом конце первой части, на л. 88—88 об. мелким шрифтом, чтобы уместилась, напечатали добавочную обвинительную статью против Никиты Пустосвята (под заглавием «Исполнение возобличения на Никиту 14. Еще на листах 44 и 45», т. е. добавление к ранее напечатанному четырнадцатому «возобличению» на л. 44—45). Заодно перебрали конец первой части на л. 88 и заменили украшение-концовку. Эта дополнительная статья — характерный признак третьего варианта «Жезла». Сверх того, как заметила В. И. Лукьяненко, сверяя экземпляры ГПБ, в третьем варианте почему-то перебрали набор вступительного стихотворения Симеона Полоцкого и заменили заставку на л. не-нумерованн. 4. Если во втором варианте слова, заключающие, например, стихотворные строки 7, 10, 18, были напечатаны так: «укреплены», «разрушати», «преизбудет», то в третьем варианте надстрочные буквы переменились: «укреплены», «разрушати», «преизбудет». Все остальное в третьем варианте, включая опечатки и ошибки, осталось таким же, как во втором варианте. Экземпляры третьего варианта «Жезла» встречаются, по-видимому, чаще остальных (ср. ГБЛ, № 2849; ГПБ, IV. 3. 3. д, IV. 3. 3. е, XXVII. 11. 4).

Кроме трех наиболее крупных и заметных вариантов «Жезла», вероятно, были и какие-то мелкие варианты. Вполне возможно, например, что существовал четвертый вариант «Жезла». Он отличался л. 16 об. Еще во втором варианте на л. 16 об. добавили предречие, но добавили с ошибкой: «И пра» (к первым словам л. 17 «И прочими»). Ошибка в предречии перешла в третий вариант. Однако есть один экземпляр третьего варианта, где предречие перепечатано правильно: «И про» (ГБЛ, № 5298. А. С. Зернова отметила это в своем рукописном каталоге). Короче говоря, работы с изданием «Жезла» было очень много.

Как это ни странно, время выхода «Жезла» не обозначено на титульном листе книги и до сих пор точно не установлено. Умолчание о дате выхода, возможно, вызвано спешной и многослойной правкой вариантов «Жезла», которой в процессе печатания не было видно конца. Наблюдения Н. И. Субботина, И. А. Татарского и А. С. Зерновой позволяют следующим образом датировать «Жезл»⁷.

⁷ См.: Филиппов Т. И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882, с. 442—445. Здесь, в статье «О книге Жезл правления», Т. И. Филиппов приводит посланную ему рукописную справку Н. И. Субботина о дате выхода «Жезла». Эти сведения обнаружил и указал мне Ю. А. Лабынцев. См.

Книга могла появиться только после 7 мая 1666 г.: ведь на титульном листе «Жезл» обозначен как «сооруженный от всего освященного собора, собранного... в лето 7174 месяца мая в 7 день». Реально книга вышла в 1667 г., ибо в ее тексте год 1667 называется нынешним: «...от рождества Христова... лет... считаются доныне 1667» (л. 140; см. также л. 140 об.). Далее, книга была опубликована не позднее ноября 1667 г.: на нее ссылался «Служебник» с соборным свитком, напечатанный в Москве в ноябре 1667 г. Книга открывается посланием патриарха Иоасафа II; следовательно, издание закончили печатать не раньше постановления Иоасафа в патриархи 10 февраля 1667 г. 10 июля 1667 г., по документальному свидетельству, «после обедни государю царю поднесены книги печатная новая Жезл правления...; в то время подносил Павел митрополит сарский и подонский да с ним чин Печатного двора»⁸. Павел незадолго до того был назначен начальником Печатного двора. Значит, новопечатная книга вышла до 10 июля 1667 г. Таким образом, «Жезл правления» был напечатан между 10 февраля и 10 июля 1667 г. Дополнительных данных для уточнения этого пятимесячного срока пока нет. Необходимы поиски в архивах ЦГАДА.

Тираж «Жезла» также не известен. О том, что книг пытались сделать побольше, свидетельствует бережливость печатников. Бракованные листы не выбрасывали, а использовали в непарафных экземплярах. Есть экземпляры «Жезла», в которых перемешаны листы, например, первого и второго вариантов: л. ненумерованн. 1—4, л. 9 об., 54 — по первому варианту, но л. 16 об.— по второму варианту (ГБЛ, № 5300); перемешаны листы первого и третьего вариантов: л. 16 об., 54 — по первому варианту, но л. ненумерованн. 4 и л. 88—88 об.— по третьему варианту (ГБЛ, № 8223); перемешаны листы второго и третьего вариантов: л. 88—88 об.— по второму варианту, но л. ненумерованн. 4 — по третьему варианту (ГБЛ, № 2848; ГПБ, IV. 3. 3. г) или же, наоборот, л. 88—88 об.— по третьему варианту, а л. ненумерованн. 4 — по второму варианту (ГПБ, XXII. 2. 9. 2). Наконец, есть экземпляры, где перемешаны листы всех трех вариантов: л. 9 об.— по первому варианту, л. 88—88 об.— по второму варианту, а л. ненумерованн. 4 — по третьему варианту (ГПБ, XXII. 2. 9. б). Смешанных экземпляров, пожалуй, больше, чем одновариантных. Из этого следует, что издатели «Жезла» были ограничены в средствах и не могли заполнить весь тираж самым

также: Татарский И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886, с. 80; Зернова А. С. Книги кирилловской печати..., с. 96.

⁸ Выходы патриаршие 1666—1667 годов.— В кн.: Дополнения к Актам историческим..., т. 5, с. 109.

исправлением и полным вариантом. Общий тираж «Жезла» скорее всего превосходил тысячу. Известен один из документов Печатного двора, сообщающий, что примерно через год после выхода «Жезла», к июню 1668 г., на складе Печатного двора оставалось 855 еще не распроданных экземпляров «Жезла»⁹.

Сочинителем всего текста «Жезла правления» являлся Симеон Полоцкий. Так, по крайней мере, признано во всех научных работах о Симеоне. Стихотворное предисловие к «Жезлу» содержит акrostих: «Симеон Полоцкий трудился». Сохранилась черновая рукопись книги, писанная Симеоном латинскими буквами. Дело, как известно, обстояло так. Церковный собор 1666 г. поручил Симеону Полоцкому и обитавшему в Москве газскому митрополиту Паисию Лигариду составить опровержение на «Челобитную» Никиты. Симеон сразу же взялся за составление книги и за два месяца ее закончил. В начале черновой рукописи «Жезла» он пометил: «Nac Zah 1666 mai 18», а в конце: «Finivi 1666 julii 13»¹⁰. Сверх того, для Паисия Лигарида, который не знал русского языка, Симеон перевел «Челобитную» Никиты на латинский язык, а последовавшие затем обширные «Отражения» Паисия на Никиту перевел с латинского на русский язык. Достойным опубликования было признано сочинение Симеона.

Теперь перейдем к литературным особенностям «Жезла правления». В целом «Жезл», разумеется, не художественное сочинение. Но у него есть интересное литературное качество: необычайное обилие афоризмов. В «Жезле» ровно сто главок, и каждая из них начинается с афоризмов или содержит афористические выражения¹¹. Вот почему мы сосредоточиваемся на анализе афоризмов Симеона Полоцкого.

Нет общепринятого и пригодного для всех случаев определения, что такое афоризм¹². При определении афоризма мы опираемся в первую очередь на материал «Жезла правления». Афоризм в «Жез-

⁹ См.: Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 62.

¹⁰ ГБЛ, собр. Московской духовной академии, № 68. Запись на л. первом и л. последнем. См.: Филиппов Т. П. Современные церковные вопросы, с. 444—445. Этот сборник остался не описанным в известном описании рукописей Московской духовной академии, составленном Леонидом (М., 1887).

¹¹ Впервые это отметил Л. Н. Майков, но как недостаток изложения: «В суммах внешнем однообразии Симеоновых возобличений было много отталкивающего; каждый параграф его полемических ответов... обыкновенно... начинается с какой-нибудь общей, передко бесодержательной сентенции, смысл которой применяется к данному случаю...» (Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1880, с. 32).

¹² Ср.: «Точного же терминологического значения у слова „афоризм“ нет» (Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. М., 1970, с. 12).

ле» — это законченное высказывание Симеона (или иного автора, на которого он ссылается) в виде отдельного предложения или в виде относительно самостоятельной части сложного предложения¹³. Таково, например, высказывание-предложение в третьей главке «Жезла»: «Зряй в солнце помрачается» (л. 23). Мы используем это высказывание в роли основного примера. Как известно, афоризм может быть близок к загадке и пословице; может быть близок к высказыванию, содержащему сравнительный оборот. Однако в отличие от них афоризм прям по смыслу. Он прямо называет главный объект и прямо называет качество этого объекта в отличие от высказывания со сравнительным оборотом¹⁴. Например, в приведенном выше предложении нет загадки и нет сравнения; объект и его качество названы непосредственно.

От всякого рода иных, неафористических высказываний в «Жезле правления» афоризмы отличаются отточенностью формы и подчеркнутостью содержания. Во-первых, афоризмы кратки, насчитывают не более 7—10 полнозначных слов. Степень их краткости бывает разная. В приведенном нами афоризме всего лишь три полнозначных слова. Во-вторых, афоризмы парадоксальны, содержат открытое или скрытое противопоставление, указывают на неожиданную связь¹⁵. Степень парадоксальности афоризмов тоже бывает разная. В афоризме, взятом нами за пример, парадоксальность противопоставления не очень сильна, но все-таки ощутима: чем светлее предмет, тем, оказывается, хуже, а не лучше его разглядывать. В-третьих, афоризмы обозначают некие истины, верные всегда и для всех¹⁶. Поэтому глаголы в афоризмах стоят, как правило, в настоящем времени. В приводимом афоризме высказана «вечная» истина о зрении человека и солнце: «Зряй в солнце помрачается».

¹³ Ср. определение афоризма как «законченного» высказывания в различных словарях и энциклопедиях. «В паремиологической литературе этим словом обычно обозначают авторские изречения...» (там же, с. 12).

¹⁴ Ср.: афоризмы «как раз чаще всего имеют прямой смысл» (там же, с. 12). Ср. также: «...афоризмы (в узком смысле), т. е. паремии, обладающие прямой мотивировкой значения» в противоположность образной мотивировке значения в пословицах (Черкасский М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: пословицы и афоризмы.— В кн.: Паремиологический сборник: Пословица. Загадка. Структура, смысл, текст. М., 1978, с. 36).

¹⁵ Сюда можно отнести следующее замечание: «...свойство афористичности подразумевает способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно выражена непосредственно в его тексте» (Черкасский М. А. Опыт построения функциональной модели..., с. 37).

¹⁶ Ср. «свойство сентенциозности» у афоризмов (там же, с. 38).

Сверх обязательных признаков афоризмы в «Жезле правления» обладают еще дополнительными чертами: форма и содержание афоризмов не всегда, но часто бывают добавочно обострены. Краткость афоризма нередко усугубляется неполнотой предложения; некоторые слова лишь подразумеваются. Например, в цитированном афоризме подразумеваются еще столько же слов, сколько присутствует. В полном виде данное предложение выглядело бы приблизительно так: «Человек, зря в ослепительное солнце, помрачается очима». Парадоксальность смысла афоризмов усиливается от неожиданно возникающих в них смысловых, звуковых, ритмических перекличек слов. В данном афоризме намечена хотя и не слишком выразительная, но явственно контрастная связь слов («солнце» — «мрак»), отчего эффектней выглядит конец высказывания. Значимость смысла афоризмов возрастает от того, что афоризмы обычно стоят в ответственных или заметных местах произведения. Например, цитируемый афоризм стоит в самом начале главки, с него начинаются рассуждения. В общем высказывание «Зря в солнце помрачается» с той или иной степенью яркости демонстрирует все важные качества афоризма.

В настоящее время существуют два основных метода в изучении древнерусских афоризмов и пословиц. Один метод, выработанный очень давно, пришел в литературоведение из фольклористики: пословицы и афоризмы изучаются как самостоятельные минимальные «произведения». Такова, например, серия статей В. П. Адриановой-Перетц о взаимосвязях пословиц и книжных афоризмов в Древней Руси и об их «человековедческой» тематике¹⁷ и статья Л. Н. Пушкирева о социальном содержании древнерусских пословиц¹⁸.

Другой метод, более поздний, сформировался в самом литературоведении: афоризмы и пословицы изучаются в контексте произведений. Таковы, например, работы Д. С. Лихачева и Б. А. Рыбакова о социально-психологическом облике Даниила Заточника и о возможном круге его афористических сочинений¹⁹. Мы также

¹⁷ Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской афористической речи. — В кн.: Проблемы современной филологии: Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965, с. 301—303; *Она же*. Афоризмы Иаборника Святослава 1076 г. и русские пословицы. — ТОДРЛ. Л., 1970, т. 25, с. 13—19; *Она же*. Библейские афоризмы и русские пословицы. — ТОДРЛ. Л., 1971, т. 26, с. 8—12; *Она же*. Человек в учительной литературе Древней Руси. — ТОДРЛ. Л., 1972, т. 27, с. 4—68.

¹⁸ Пушкирев Л. Н. Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений. — Исторические записки. М., 1973, т. 92, с. 312—335.

¹⁹ Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы

стремимся анализировать афоризмы и пословицы в контексте сочинений Симеона Полоцкого.

Афоризмы в «Жезле правления» имели тройной смысл. Первое и главное — они служили, так сказать, подстигающим элементом в системе антираскольнических рассуждений «Жезла». Афоризм сразу же, обычно с самого начала рассуждения, ставил читателя перед крайним, категорическим, абсолютизированным выводом о пороках раскольников. Например, в уже упомянутой третьей главке «Жезла» Симеон не только обвинял раскольников в неверном истолковании конкретных мест «Скрижали», но вступительным афоризмом «Зряй в солнце помрачается» утверждал и нечто большее, а именно вообще непосильность для раскольников понимать правильные книги. Подобный абсолютизирующий смысл афоризма Симеон тут же разъяснял: «Выше силы стремление погубляет силу», «тако и ум свой возводяй в предлоги вышесильныя обезумляется» (л. 23).

Широко, гиперболически обвиняющих афоризмы в рассуждениях «Жезла» было предостаточно. Раскольники, обобщал Симеон, действуют без разума: «Благо есть ревновати по бозе, но с разумом» (л. 20 об.). На раскольников нельзя полагаться ни в чем: «...слепый есть вождь сам погибаяй и иныя ведый в погибель» (л. 22 об.). Раскольники все воспринимают искаженно: «...поврежденное имеяй чувство вкушения — и сладкопиция желчию именует» (л. 151). Учение раскольников зыбко: «Основанию здания подвигшуся, вся храмина бедствует и ко еже пасти преклоняется» (л. 71 об.). Внимать учению раскольников противоестественно: «...солнце не приемлет от луны света» (л. 93). Заметить раскольника легко: «Птица и зверь от гласа познавается» (л. 24). Учение раскола надо уничтожить: «...злое древо посекается и во огнь вмется» (л. 49).

В контексте главок «Жезла» афоризмы наряду с полемическим смыслом нередко имели и второй смысл — философско-этический. Например, высказывание «Лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая» (л. 48 об.) означало не только то, что раскольники — это «лукавые», но и то, что вообще все плохое неотвратимо

Древней Руси. М., 1975, с. 205—221. Ср.: *Он же. Социальные основы стиля Моления Даниила Заточника*.— ТОДРЛ. М.; Л., 1954, т. 10, с. 105—119; Рыбаков Б. А. Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в.— В кн.: Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971, с. 66—89.

Ср. также о силе модального воздействия Александрии благодаря афоризмам: Творогов О. В. Стилистические особенности романа об Александре Македонском.— В кн.: Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965, с. 177—179.

рождает плохое же. Симеон Полоцкий тут же старательно пояснял эту мысль: «И никто же, зол сущь, может добрая глаголати... И злое древо плоды злы творит: не может бо злое древо плод добр творит; убо от злого плода злое древо познавается». Наконец, афоризмы в «Жезле» имели и третий постоянный смысл, сами по себе, вне контекста и вне системы полемических рассуждений. Это очевидно. По примерам, приведенным выше, можно заметить, что в «Жезле» преобладали «естественнонаучные» афоризмы, указывавшие на связи разнообразных природных явлений и в особенности касавшиеся солнца, света.

Острота и свежесть всех трех смыслов у афоризмов в «Жезле» несомненна. Симеона Полоцкого никак нельзя обвинить в бездумном повторении чужих изречений или стершихся выражений. Он, применяясь к моменту, чаще всего по-своему излагал знаменитые изречения или придумывал афоризмы сам. Приведем лишь один пример. Очередную главку в «Жезле» Симеон начал с поговорки: «Безумных полна суть вся» (л. 40 об.). Что могло быть более стертым по смыслу, не привлекающим внимания, чем примелькавшаяся поговорка? Но у Симеона эта сентенция выразительно и даже с некоторым юмором указывала и на «безумство» раскольников, и вообще на глупость слишком мудрствующих, и просто на обилю дураков вокруг. Так получилось оттого, что Симеон предупредил о поговорке, сделав ссылку на ее общеупотребимость: «Безумных полна суть вся,— обычно глаголется». Но еще больше оттого, что он превратил поговорку в новый афоризм, неожиданно срифмовав обе части фразы («вся» — «глаголется»).

«Жезл правления» в определенной степени «держится» на афоризмах, и притом оригинальным образом. Никакому отдельно взятому русскому, украинскому, белорусскому, польскому или латинскому произведению Симеон Полоцкий в «Жезле» не следовал точно.

Что же касается каких-либо национальных жанрово-стилистических традиций в полемике, то по такому малоизученному вопросу мы в предварительном порядке можем сказать следующее. В данном случае нельзя отдать предпочтение влиянию специфических традиций украинской или польской полемической литературы. Украинские полемические памятники всегда конкретны и деловиты. Для них насыщение афоризмами как раз не было характерным. Афоризмы лишь эпизодически встречаются, например, в украинских полемических произведениях конца XVI — начала XVII вв., включая сочинения Петра Скарги и Ивана Вишенского. Почти нет афоризмов и в напечатанных на Украине полемических и учительных книгах 1650—1660-х годов Лазаря Барановича, Иоанникия Галятовского, Иннокентия Гизеля.

Но одну из русско-украинских литературных традиций Симеон Полоцкий, действительно, мог использовать. Эта традиция зародилась на Руси, в публицистике, примерно, XV—XVI вв. Русские авторы посланий и челобитных любили ссылаться на общие, вечные истины и от них вести свои рассуждения. Так, заметную роль играли сентенции-афоризмы в писаниях 1540-х годов Ивана Пере-светова, поданных Ивану Грозному. Афоризмы использовались и в посланиях Ивана Грозного, например, в первом послании Андрею Курбскому.

Во второй половине XVI в. подобная традиция перешла границы Руси и стала типичной для ожесточенных посланий православных авторов к врагам. Например, много афоризмов присутствовало в посланиях старца Артемия, бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря, бежавшего в Литву. Ту же опору на афоризмы имело изданное отдельной брошюкой в 1598 г. полемическое послание анонимного клирика острожского к униату Ипатию Потею (в ответных же посланиях Курбского к Грозному или Ипатия к клирику почти нет афоризмов). Той же манеры не чуждались во взаимной переписке раскольники и «никониане»...

Симеон Полоцкий оказался более оригинальным писателем, чем его обычно оценивают сейчас. Если он в «Жезле» и использовал отмеченную выше литературную манеру (так сказать, не латинскую, а греческую), то значительно ее обогатив и усилив. Столь четко и разнообразно выраженного тройного смысла афоризмов не находим ни в одном из только что перечисленных сочинений.

Нельзя ограничиваться только классификацией смысла афоризмов. Дальнейшее их изучение связано с выбором области для объяснений. Наш подход к афоризмам Симеона Полоцкого не совсем обычен. Нас интересует воздействие общества на литературу. За афоризмами мы стремимся различить представления Симеона о массе современных читателей, т. е. о современном ему российском обществе. Для этого прежде надо выяснить, каковы были адресаты «Жезла правления» и чего хотел Симеон от подобных адресатов.

Есть все основания считать «Жезл правления» произведением массовой предназначенностии. Массовая предназначенност «Жезла» выражена в высшей степени энергично. Книга адресовалась не к расколоучителям Никите и Лазарю, с которыми велась полемика, а к свидетелям полемики — российским читателям. Обращения к российскому народу и российским читателям были многократны и повсеместны в тексте «Жезла». В начале первой части «Жезла» Симеон Полоцкий заявлял, что предлагаемые «возобличения» он хочет «яве всем православным показати» (л. 19 об.—20). И во многих «возобличениях» прямо обращался к массе читате-

лей: «...виждь, православный народе» (л. 22 об.), «чи, благочестивый читателю» (л. 96) и т. д.

Симеон Полоцкий в «Жезле» никогда не выпускал читателей из виду. Главная цель Симеона была полемической. Все в «Жезле» служило цели активного воздействия на читательскую массу, ее церковно-политическому просвещению. Симеон использовал разнообразные способы убеждения читателей — от «ругательных» эпитетов и возмущенных восклицаний по поводу раскольников до тщательного, построчного исторического и филологического комментирования раскольнических сочинений. Своими афоризмами, особенно афоризмами «естественнонаучными», приводящими в пример неоспоримые явления природы, Симеон систематично стремился впечатить читателям «Жезла» крайне, самые радикальные мнения о раскольниках. Вторая цель Симеона была собственно просветительной. Для широкого круга читателей печатались на полях в «Жезле» упрощающие пояснения к некоторым архаическим или малопонятным словам и выражениям: «Утвердити» пояснялось как «укрепити», «щуд» пояснялся как «исполнин», «досады» пояснялись как «ругания», «вселися чреву» — «вселися во чрево», «енфимема» — «нанесение», «метафорически» — «преносне» и т. д. (л. 5 об., 9, 12, 30, 39, 55 об.).

Симеон Полоцкий не остановился только на элементарных просветительских задачах. Многочисленные и многообразные «естественнонаучные» и философические афоризмы в «Жезле» составляли своего рода разрозненный курс морали, богословия и природоведения для читателей.

Симеон Полоцкий являлся и более глубоким писателем, чем может показаться. Он живо и энергично просвещал своих читателей. Только о вялом, нетворческом следовании традиционным целям у Симеона говорить нельзя. Ведь просветительные цели не составляли большого и важного пласта в традициях русских и украинских полемических сочинений XVI—XVII вв.

Ограничимся лишь одним примером из украинской полемической литературы — упомянутым «Отписом» анонимного клирика острожского. Печатный «Отпис» предназначался для многих читателей: ср. предисловие «До чителника». Афоризмов в «Отписе» немало, но их главный смысл не полемический, не философический, не естественнонаучный, а логический. Из афоризмов конструировались сами рассуждения. Вот первые же фразы «Отписа», представляющие собой серию афоризмов: «Малый хмары оболочек кгды под насветлейшее солице подступит, мало не ввесь свет потемняет. И мал квас все вмешение квасит,— светчит голос божий. И наменшее прилучившися доброму злое всю доброту исует. . .» и т. д. Вся эта цепь афоризмов служила для плавного перехода от

одной темы к другой и в конце концов к теме о дьяволе: «Обычай бо неприятеля оного сердца и мысли людские с пилностью вышатрояти...» и пр.²⁰ Цель автора «Отписа» была вовсе не глубинно-просветительной, а поверхностно-орнаментальной. Афоризмы вместе составляли цепь быстрых вступительных силлогизмов, посылок и следствий, бегло напоминаемых читателю.

Более детальное проникновение в цели Симеона Полоцкого позволяет судить о главном для нас, — об отношении Симеона к массе читателей, для которых предназначался «Жезл». Правда, в «Жезле» нет прямых высказываний Симеона о читательской массе. Наши выводы о представлениях Симеона о читателях сделаны исключительно по косвенным, зато обильным данным. Мы исходим из той предпосылки, что, например, чем больше Симеон повторял или пояснял свои афоризмы, тем, следовательно, меньше он был уверен в читателях «Жезла». Так, можно предполагать, что Симеон не был уверен в бескомпромиссной настроенности «благонамеренных» читателей «Жезла» против раскольников. Отсюда сильнейший противораскольнический напор на читателей в «Жезле». Предположение о том, что Симеон предназначал «Жезл правления» массе читателей, колебавшихся или не прояснивших своего отношения к расколу, подтверждается анализом иных, чем афоризмы, литературных средств «Жезла»²¹.

Подробней охарактеризуем представления Симеона Полоцкого о степени просвещенности массы российских читателей. Предполагаем, что Симеон Полоцкий признавал лишь житейскую опытность своих читателей, но почти ничего сверх того. Эталоном понятности для читателей в «Жезле» служили афоризмы на житейски самые очевидные темы. Их Симеон использовал обычно без каких-либо пояснений: «Солнце хотевый соглядати стези не видит» (л. 23); «в нощиничесоже совершенно познаваем телесныма очима» (л. 21); «слепий не токмо в нощи не видит, но и в светлом полудне» (л. 32 об.).

Симеон Полоцкий явственно ощущал, что всякое отвлечение от зримого быта в области более абстрактные сразу затрудняло читателям понимание содержания афоризмов и сентенций. Все афоризмы, кроме бытовых, Симеон всегда пояснял. Симеон вовсе не надеялся на знание читателями богословских тонкостей или на

²⁰ Русская историческая библиотека. Т. 19. Памятники полемической литературы Западной Руси. СПб., 1903, кн. 3, с. 384—385.

²¹ См.: Дёмин А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660—1670-х годов.— В кн.: Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.). Кн. 1. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981, с. 243—246.

склонность читателей к философским обобщениям. Например, после высказывания с богословским содержанием — «Вещественное солнце естеством своим есть пресветло» (л. 21 об.) — Симеон долго распространялся о необходимости различать свет видимый, физический, и свет невидимый, мысленный, божественный. Точно так же прямое философическое высказывание о двух типах перемен в мире, — «Сугубо [двоико] есть изменение» — потребовало разъяснений, раз в пять длиннее главного речения: «Сугубо есть изменение: или от совершенства в несовершенство, или противне — от несовершенства в совершенство. Сие [первое] есть похвално, оное [второе] же гаждения достойно» (л. 149 об.). Добавочными изречениями пояснялись и афоризмы со скрытым общесофийским смыслом. Например, более общий смысл афоризма «Злато цену си имеет, аще и от блата возмется» раскрывался через нагнетание однотипных изречений: «Злато цену си имеет, аще и от блата возмется. Бисер, от прокаженных рук изшедый, не губит цены своих. Крест или образ Спаса нашего, аще бы и от жида был чинно соделан, не имамы не почитати или не творити поклона» (л. 54 об.).

О скептическом отношении Симеона Полоцкого к уровню московской образованности исследователи, начиная с Л. Н. Майкова, писали немало. Но вот любопытный нюанс. С особой охотой и неустанный изобретательностью Симеон разъяснял и повторял в «Жезле» следующий философический парадокс: одно и то же не для всех одно и то же. Подобная философическая идея для нас примитивна и неинтересна. Но Симеон явно считал, что она плохо знакома массе современников. Афоризмы на эту тему в «Жезле» больше всего: «Орел светлая очеса своя в солнце зрением исправляет. Нощная же птица сова и нетоцырь в конец светлыми солнца лучами помрачаются» (л. 26); «солнечное сияние здравым зеницам есть свет, недугующим же помрачение» (л. 115 об.); «птица неискусная плаванию выну гаждает глубокия воды, но не суть того ради оны гаждательны» (л. 147) и пр.

Симеон Полоцкий, очевидно, надеялся, что читатели в конце концов будут в состоянии воспринять непривычную диалектическую мысль о том, что одно и то же не для всех одно и то же. В ней он прямо-таки старался натаскивать читателей, прибегая к подробнейшим предметным сопоставлениям и истолкованиям. Например, рассуждал о разной проницаемости стекла: «Стекло дебелости плоти есть заключено, ибо дебелая плоть проникнути его не может, не разлив е. Тонкости же лучей солнечных и остроте зрения человеческаго есть отверзенно, ибо и лучи и зрение проходит стекло кроме повреждения его целости» (л. 34). Или, например, разворачивал целую серию поясняющих рассуждений: «Здравое сырице [желудок] всяку пищу добре варит и ползу деет плоти. Немощное паки

и здравотворными ядми повреждается, не могущи их сварити. Тако и ум благоразсудный, всякое писание душеполезно читая, благоползуется. Ум же неискусный...» и т. д. (л. 33—33 об.)

Оттенок надежды во взглядах Симеона Полоцкого на российское общество лишь слегка затронут исследователями²². К нему мы еще вернемся. В целом же на примере «Жезла» ясно видно, что ощущение малой просвещенности российской читательской массы было выражено у Симеона гораздо сильнее и определеннее, чем надежда на ее успехи в просвещении. Вот характерный пример. Афоризмы «Жезла» во всей их совокупности подводили ко всеобщей идее о противоречивости мира. В предисловии к «Жезлу» Симеон однажды отметил: «Обаче в предивном согласии устроение чудное естества обретаемо есть противство. Кто не созерцает светом зеницу своею, яко огнь воде весма есть вопреки; и кто не известится искусством, яко тма свету прекоходне шествует...» (л. 16). Однако этот тезис Симеон в «Жезле» даже не пытался развивать и проповедовать, отнеся его, как видно, к разряду недоступных для читательской массы.

Думаем, что Симеон не находился в пленау условных представлений о читателях, перенесенных им в Россию от украинских и польских полемистов. В «Жезле» афоризмы разжевывались так, как это не делалось в украинских и польских книгах, предназначавшихся для массового читателя.

Симеон ориентировался на российскую реальность. Недаром у него менялось изложение в зависимости от типа читателей. В качестве примера используем тоже лишь один источник. По своему церковно-полемическому характеру, активной обращенности к читателям и обилию сентенций была близка к «Жезлу правления» «Книга о исхождении святаго духа и о иных святых вещех», составленная Симеоном Полоцким в 1677 г. (имеем в виду беловой экземпляр книги, ГИМ, Синод. собр., № 289). Из одиннадцати обширных бесед в книге восемь сочинены Симеоном (остальные переведены) и наполнены огромным количеством богословских «свидетельств» против учения протестантов. Однако «Книга бесед» фактически предназначалась очень узкой группе избранных чита-

²² Ср.: «Постоянно отмечая разрыв между „аристократами духа“ и толпой, силлабики надеялись этот разрыв сократить с помощью просвещения» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 189). В «Жезле» Симеон Полоцкий показал себя «в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимися уровнем его познаний» (Матхаузеров С. Две теории текста в русской литературе XVII в.— ТОДРЛ. Л., 1970, т. 31, с. 274). В «Жезле» обнаружилось авторское «стремление преодолеть традиционный догматизм мышления» читателей (Елеонская А. С. Русская публицистика..., с. 151).

телей. Симеон Полоцкий адресовал «Книгу» особому, привилегированному, «люботрудному» читателю, который «хотяй о исхождении духа святаго препиратися со суперники», т. е. с протестантами (л. 9 об. и др.).

Соответственно к уровню знаний такого читателя приоровлялись и афоризмы. Те афоризмы, которые в «Жезле правления» обязательно пояснялись бы, в «Книге о исхождении святаго духа» следовали без каких-либо пояснений. В качестве сразу понятных «люборачителям» Симеон употреблял такие богословские афоризмы, как «бог скорей есть еже воздати мзду благу добрым, нежели злым казнити» (л. 37 об.); «Христос не равно всем пособствие деет» (л. 64 об.); «и худая вещь изящнейшая знаменовати может» (л. 103—103 об.), и т. д.

Мы лишь бегло рассмотрели представления Симеона Полоцкого о российской читательской массе, оставив без изучения далее возникающие вопросы, в частности вопрос о реальных настроениях реальной массы читателей в России XVII в. Для этого требуется большое историко-статистическое исследование. Тем не менее мы можем предположить, что в «Жезле правления» Симеон адресовался к российской читательской массе, не ахти как образованной, к тем самым читателям, которые «не во Афинах родились, ни у мудрых философ учились». Но одновременно эта масса читателей внушала Симеону кое-какую надежду на лучшее будущее.

Продолжим наши наблюдения над представлениями Симеона Полоцкого о массе российских читателей. Основными источниками для дальнейших наблюдений являются произведения массовой предназначенностии. Поэтому мы сразу можем отвести менее нужные книги Симеона. Малопродуктивными для нашей темы оказываются изданные Симеоном «Буквари языка славенска» 1669 г. и 1679 г., «Тестамент» греческого царя Василия к сыну Льву 1680 г., «Псалтырь рифмоторвная» 1680 г. и «История о Варлааме и Иоасафе» 1680—1681 гг. Массовая предназначенностть этих изданий несомненна, но личная обращенность Симеона к читателям здесь выражалась слабо, потому что в перечисленных пяти книгах он большей частью переиздавал или перелагал чужие произведения. Афористичны, например, «Тестамент» Василия или же в составе «Букваря» «Стословец Геннадия Константинопольского», но то сочинения других авторов, а не Симеона. Правда, Симеону принадлежали предисловия к изданиям. Есть в предисловиях и афоризмы, в основном об учении, чтении, книге. Однако сравнительно с «Жезлом правления» их очень немного и к облику читателя «Жезла» они не добавляют ничего существенно нового.

Большинство рукописных книг Симеона Полоцкого мы также вынуждены отклонить. Вот «Венец веры кафолический, на основании символа святых апостолов из различных цветов богословских и прочих соплетенный» 1670 г. (имеем в виду беловой экземпляр книги, ГИМ, Синод. собр., № 286). Массовое предназначение книги вроде бы обозначено: на титульном листе она предлагается «душам верных», открывается «Предисловием к читателю православному» и написана в форме ответов на вопросы. Однако все это только внешняя привязка к читателю. На самом же деле Симеон о читателях серьезно не думал: он подготовил чисто теоретический сборник «разсуждений» и притч по поводу разных мест символа веры, притом без каких-либо обращений к читателям. Почти нет в книге и афоризмов.

Не предназначалась для широкого читателя и получерновая «Книга приветствия на господский и иные праздники и иные речи разные», которую Симеон пополнял до конца жизни (ГИМ, Синод. собр., № 229). Только две статьи в этом разнородном профаническом сборнике Симеона имели массового адресата: это предисловия для печатного «Букваря» и для печатного «Часослова» (л. 237–238 и 255–256). Принципиально новых данных для нашей темы они также не содержат.

Далее. Сборник по преимуществу черновых документов и посланий Симеона (ГИМ, Синод. собр., № 130), не являющийся цельной книгой, содержит особую черновую часть — «Словеса похваливая купно же и нравоучительная на двадцать и един праздник угодников божии... народовещательная ползы ради всех христиан православных» (л. 231 и сл.). Такую отдельную «книжицу» в 1675 г. Симеон Полоцкий преподнес царю. Но ее заголовок не может нас обмануть. Хотя в предисловии Симеон просил царя книгу «не в сокровищах царских положити, но церкви в прочтение отдиши», но непосредственно для массы слушателей эта «книжица» не предназначалась. «Книгу о пастырском попечении» (ГИМ, Синод. собр., № 663) Симеон составил из переводов сочинений Григория Двоеслова и предназначил высокопоставленному «читателю — епископства желателю». Наконец, в «Книге сказаний об иконах» (ГИМ, Синод. собр., № 542) Симеон пересказал не принадлежавшие ему произведения об иконах.

Перебор печатных и рукописных книг Симеона Полоцкого заставляет вслед за «Жезлом правления» остановиться на изданиях проповедей, а также на «Вертограде многоцветном» и «Рифмологоне». Эти книги мы будем анализировать менее подробно, чем «Жезл правления».

Хорошо известны два толстых тома проповедей Симеона — «Обед душевный» и «Вечеря душевная», вышедших после его

смерти, в 1681 и 1683 г. Меньше четко установленных сведений имеется о прижизненных изданиях проповедей Симеона. До нас дошли экземпляры небольшой книжки в 24 листа (4°), содержащей две проповеди: «Поучение о благоговейном стоянии во храме божии и слушании божественных литургии» и «Поучение от иереев сущим под ними в пасстве их о еже пребывать им во всяком благочестии и не пети бесовских песней, и не творити игр и всякаго безчинства, паче же не ходити к волхвом и чародеем, ни же призывати их в дома». У книги нет титульного листа, нет предисловия или послесловия. Ни автор, ни дата выхода не названы.

Библиографы с давних пор вполне справедливо приписывают книгу Симеону Полоцкому на том основании, что обе проповеди в той же последовательности и под теми же заглавиями были переизданы в «Вечере душевной» (л. 8—23 второго счета, в «Приложении слов на различные нужды»). Кроме того, исследователи знают, что на церковном соборе 1690 г. патриарх Иоаким, критикуя похвального Симеона, говорил: «Он же Симеон Полоцкий написа особное в образе о благоговейном в храме стоянии...»²³ И затем Иоаким разбирал положения именно данной проповеди. Однако датировка издания вызывает разноречия. Одни книговеды (В. С. Сопиков, Евгений) так и не обозначили даты. Другие (П. М. Строев, И. П. Сахаров, В. М. Уидольский и даже А. С. Зериова) без каких-либо разъяснений относят издание книги ко времени около 1668 г. Мы считаем правильной датировку, обоснованную в работах И. А. Татарского и В. Е. Попова. Они учили пометы Симеона Полоцкого о времени составления этих проповедей в одном из черновых списков «Вечери душевной»²⁴. Против начала «Поучения о благоговейном стоянии» помечено: «1671 Aug. 3 dla I-mo M. P.», т. е. писано «1671 августа 3 для митрополита Павла». В конце же «Поучения от иереев» помечено: «Pisane anno 1670 may 27 na roskazanie Preosw, metrop. Paula», т. е. «писано года 1670 мая 27 для произнесения преосв. митроп. Павла»²⁵. Таким образом, книга с двумя поучениями могла быть напечатана не ранее августа 1671 г. Не могла книжечка выйти после «Вечери душевной», ибо в «Вечере», например, «Поучение от иереев» переиздано с различными мелкими исправлениями первоначальных неясностей или неудачных выражений. Например, первоначально было напечата-

²³ Родосский А. Описание старопечатных и церковно-славянских книг..., с. 317.

²⁴ Татарский И. А. Симеон Полоцкий..., с. 173, 278; Попов В. Е. Симеон Полоцкий как проповедник. М., 1886, с. 63. Ср.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 218.

²⁵ ГИМ. Синод. собр., № 657, л. 525, 534 об.

ио: «...ёму же яко первейшему словесныя пастыры и паstryей всех начальнику аз подражая, глаголю вам тожде...» («Два поучения», л. 12). К кому глаголет проповедник: и к богу, и к слушателям тоже? Эта неясность исправлена в «Вечере»: «...его же яко первейшаго словеснаго стада пастыря и паstryей всех начальника аз подражая, глаголю вам тожде...» («Вечеря душевная», л. 15 об. второго счета).

Две проповеди, сочиненные Симеоном Полоцким для митрополита сарского и подонского Павла, вышли отдельным изданием, скорее всего при жизни митрополита. Павел умер 7 сентября 1676 г. Значит, рассматриваемое издание появилось где-то между августом 1671 г. и сентябрем 1676 г. По древнерусскому календарю август был последним месяцем года, а сентябрь — первым. В таком случае самое вероятное время выхода книжечки — 1672—1675 годы. По уточнению М. Н. Сменцовского, издание обеих проповедей было осуществлено до 13 сентября 1675 г., ибо в «Чиновнике патриарха Иоакима» под этим днем записано, что патриарх «давал на всякую церковь поучение вновь напечатано о стоянии в церкви со страхом божиим»²⁶. Можно еще точнее определить время выхода книжечки с двумя проповедями, если учесть еще одну запись в черновом списке «Вечери душевной» (ГИМ, Синод. собр., № 657). «Поучение о благоговейном стоянии» занимает здесь л. 525—528 об., а «Поучение от иереев» — л. 531—534 об. Между двумя поучениями находятся два пустых листа — л. 529—530 об. На л. 530 есть только три строчки такой записи: «Сие слово напечатано А [ппо] 1674 iulii и списано против печати». Независимо от того, относится эта запись к предыдущему «Поучению о благоговейном стоянии» или к последующему «Поучению от иереев», она позволяет сделать вывод, что книжечка с двумя проповедями Симеона была издана в июле 1674 г.²⁷

До нас дошли экземпляры еще одной проповеди, изданной в виде отдельной книжечки, с пагинацией не по листам, а по страницам (всего 27 страниц). Книжечка также в 4°, без титульного листа, без предисловия или послесловия и без указания выходных данных. По шрифту, заставке и концовке издание это, несомненно, московское. Так как проповедь называется «Поучение о благоговейном стоянии во храме божии», то, очевидно, по аналогии издание также приписали Симеону Полоцкому и также отнесли ко

²⁶ Сменцовский М. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899, с. 112, сноска 5. На это сведение обратил мое внимание Ю. А. Лабынцев.

²⁷ Об этой важной записи сообщил мне Ю. А. Лабынцев и дала соответствующие консультации Ж. Н. Иванова.

времени около 1668 г. В действительности же текст этого «Поучения о благоговейном стоянии» совершенно другой, чем в книге двух проповедей Симеона. Оно отсутствует в «Вечере». Требуются специальные разыскания для достоверного установления автора и даты выхода этого загадочного «Поучения». Для последующих наблюдений мы используем в основном книжечку с двумя поучениями и бегло «Обед» и «Вечерю».

Вывод о массовой предназначенности книг проповедей можно сделать и по предисловиям к «Обеду» и «Вечере», и по постоянным в каждой проповеди обращениям автора к аудитории, и по пояснениям некоторых слов на полях книги: «отребляющий» — «отъемлющий», «кощунники» — «смехотворцы, сквернословцы», «напеватели» — «шептуны» и т. д. («Два поучения», л. 12 об., 18, 18 об.). Адресат этих книг в общем сходен с адресатом «Жезла правления». Однако нельзя не обратить внимание и на различия между книгами проповедей и «Жезлом правления», причем не только жанровые. Прежде всего несколько различались адресаты книг. Аудиторию проповедей составлял не весь российский народ сразу, как в «Жезле правления», а «слушатели православные», раздробившиеся по тем или иным церквам. Различалась и сила давления на аудиторию в «Жезле правления» и в книгах проповедей. Такие энергичные средства воздействия на аудиторию, как афоризмы, в книгах проповедей использовались гораздо реже, чем в «Жезле правления». В проповедях Симеона к слушателям были обращены преимущественно более спокойные, размеренные литературные средства, вроде неторопливых, развернутых сравнений. Афоризмы нередко включались в состав сравнений. Самостоятельные афоризмы в проповедях Симеона также были соответственно более спокойно-однообразны, чем в «Жезле». Обычно это евангельские, библейские, святоотеческие и тому подобные цитаты. Различался и преобладавший смысл афоризмов в «Жезле правления» и в книгах проповедей. Так, афористические цитаты в проповедях Симеона Полоцкого употреблялись в несколько ином контексте, чем в «Жезле правления». Если в «Жезле правления» афоризмы, как правило, имели в виду качества не автора и не читателей, а, так сказать, третьих лиц,— раскольников, то в проповедях афористические цитаты относились в начале проповеди обычно к проповеднику, а во всем остальном тексте — к его слушателям. Различались, наконец, и представления Симеона об аудитории.

Рассмотрим тот случай, когда, употребляя афористическую цитату, Симеон имел в виду себя. Так, в книге, содержащей два поучения, «Поучение от иереев» начиналось со знаменитого евангельского афоризма о мире и мече. «...Не мните,— предупреждал Симеон слушателей,— яко приидох вовреши мир на землю вашу.

Не придох воврещи мир, но мечь» («Два поучения», л. 12). Евангельский афоризм был своеобразно переосмыслен Симеоном. Смысл евангельского афоризма стал очень узким: Симеон Полоцкий всего лишь грозился обличить грехи слушателей²⁸. Применение Симеоном евангельской цитаты для обозначения своих собственных действий не входило в традиции древнерусских поучений. Цитатами древнерусские авторы не описывали, а лишь оправдывали или объясняли свои действия. Симеон же, вероятно, следовал манере украинских или польских проповедников. Но в отличие от них он старался подробнейше пояснить русским слушателям новый, узкий, метафорический смысл афоризма. «Мечь же не железный,— пояснял Симеон,— но духовный, иже есть глагол божий; мечь, посекающий не тело и душу, но страсти душевныя и телесныя... Мечь, злобу убивающий...» и т. д. (л. 12—12 об.). Пояснение нового смысла афоризма заняло в книге Симеона Полоцкого почти две страницы печатного текста. А ведь это выражение вступительное, не связанное непосредственно с главным содержанием поучения. Симеон вряд ли увлекся и забыл о слушателях. Скорее всего, он был уверен в том, что прием личностного переосмысливания евангельской цитаты нов для слушателей и не без трудности может быть постигнут ими.

Подобных примеров в проповедях немало. Книги проповедей не с богословской, а с более обыденной стороны, чем «Жезл правления», раскрывали представления Симеона Полоцкого о его аудитории. Обратимся к тем случаям, когда афористические цитаты в проповедях употреблялись в контексте, подразумевавшем аудиторию, ее действия и нравы. Например, в книге, содержащей две проповеди, в «Поучении о благоговейном стоянии» Симеон использовал известное евангельское выражение в даваемом слушателям совете: каждый «да воздаст божия богови и кесарева кесареви» («Два поучения», л. 9). Но все изложение в этой части проповеди показывает: в афористическую цитату Симеон вложил тот смысл, что в церкви надо кланяться иконам и не надо кланяться хлебу и вину; что разные предметы богослужения должны быть почитаемы в разной степени. Смысл евангельской цитаты стал у Симеона узким, утилитарно-обрядовым. Таких остроумно переосмысленных цитат в проповедях Симеона Полоцкого очень много. Но он всегда ставил их в конце пространных рассуждений и наставлений, чтобы постепенно подвести слушателей к пониманию нового смысла афоризмов. Вероятно, Симеон ощущал, что всякое свободное пе-

²⁸ Ср.: «...иносказательное толкование Писания — это излюбленный метод силлабиков. Симеон Полоцкий настойчиво пропагандировал этот метод уже в первом своем большом труде московского периода — в Жезле правления...» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века, с. 187).

реосмысление евангельских цитат было непривычно для его слушателей. Сравнительно с «Жезлом правления» проповеди несколько больше отражали представления Симеона Полоцкого о недостаточной книжной искушенности его слушателей.

Различия между книгами проповедей и «Жезлом правления» можно перевести и в более широкий план. Проповеди Симеона Полоцкого относились к более «высокой» литературе, чем «Жезл». Поэтому в них сравнительно редки афоризмы на темы быта и материальной повседневности. Поэтому язык афористических цитат и собственных афоризмов Симеона в проповедях более абстрактен, чем в «Жезле правления».

Проповеди приоткрывают и взгляд Симеона Полоцкого на языковую культуру его слушателей. С одной стороны, язык проповедей Симеона, видимо, отвечал привычным ожиданиям самих слушателей. Выберем, например, тот редкий случай, когда Симеон использовал в проповеди афоризм бытового содержания. Так, в упомянутом уже «Поучении о еже не пети бесовских песней» Симеон говорил слушателям: «Реку вам нечто смешное, и никто же да поречет безвременству: хотяй бо тину очистити, первее своя руки да показляет», т. е.: скажу вам нечто неподходящее, и никто же да не попеняет на неуместность: хотящий грязь очистить только свои руки испачкает («Два поучения», л. 20). Здесь Симеон извинялся перед слушателями за слишком «низкий» афоризм, по-видимому, исходя из того, что слушатели настроены на высокий лад. Теперь найдем еще более редкий случай, когда Симеон Полоцкий в проповеди использовал конкретную по языку пословицу. Например, одно из поучений «Вечери душевной» Симеон начинал так: «Общено-родное есть присловие: правда очи колет,— слушателье православни...» (л. 517). Здесь ссылка на общеупотребимость служила своего рода оправданием употребления пословицы; Симеон полагал, что слушатели ожидали в проповеди более отвлеченного выражения. С другой же стороны, Симеон ощущал, что не все в языке проповедей понятно слушателям. Обратимся к типичной для проповедей массе высказываний отвлеченного характера. К ним относятся и афористические цитаты, и собственные афоризмы Симеона, и его афоризмы в составе развернутых сравнений.

Выразительный пример находим в приписываемом Симеону Полоцкому «Поучении о благоговейном стоянии во храме», изданном отдельной книжечкой. В проповеди процитировано высказывание Иустина Философа: «Яко же бо отлучившойся души телесе мертвое тело и зловонно и нечисто, тако отлучившойся страха божия души мертвые есть душа и зловонна и нечиста» («Одно поучение», с. 16). Непосредственно перед цитатой проповедник вставил свой афоризм: «В нем же бо страх божий не обитает, того душа

мертва бывает». В результате дважды повторялась одна и та же мысль, но краткий, живой, рифмованный афоризм явно предназначался для разъяснения цитаты из Иустина Философа. Разъяснялось не ее переосмысление, а именно прямой смысл цитаты, которая по своему языку была, вероятно, не совсем доступной слушателям проповеди²⁹.

Другой пример — собственный афоризм Симеона Полоцкого о «покалении» рук тиной — мы уже приводили. На поле книги в этом месте печатно пояснялось, что словом «тина» обозначена грязь. О самой простой вещи Симеон говорил довольно отвлеченно и принужден был пояснить свое высказывание. Симеон предусмотрел, что слушателям проповеди и читателям книги абстрактные выражения недостаточно ясны.

И, наконец, третий пример. Часть одного из развернутых сравнений Симеона составляло афористическое высказывание об огне. Но высказывание звучало для слушателей так туманно, что Симеон прервал сопоставление и попытался конкретизировать сначала само отвлеченное изречение: «Огненное родство естества неудобь в тесноте вмещается, и православии слушателье, ибо всячески ищущие себе исхождения, вещь теснящую силне растерзывает. Терзает твердая орудия стрелбищная, стены же, и великая разоряет здания, исхождению си деющая препинание. . .» и т. д. («Обед душевный», л. 25).

Короче говоря, где бы ни находились отвлеченные афористические высказывания в проповедях, Симеон Полоцкий в той или иной мере всегда ощущал недостаточную понятность их языка для слушателей. В книгах проповедей отчетливо отразилось представление Симеона о недостаточной филологической образованности его аудитории. Вот то новое, что дают нам проповеди Симеона сравнительно с «Жезлом правления». Картина отличий проповедей от «Жезла правления» позволяют завершить теоретические рассуждения Симеона Полоцкого о языке. В «Жезле» их нет. В книгах проповедей они есть. В частности, в «Предисловии к читателю благочестивому» в «Обеде душевном» Симеон сформулировал свой вывод в следующем афоризме: «Ово яко удобее простое слово уразумеваемо есть в писании, неже красотами художественными покровенное» (л. 7 об.). Изречение имело только прямой смысл, и не надо было пояснить его смысл переносный. Язык изложения также сравнительно прост. Однако и это высказывание Симеона Полоцкого подкрепил добавочным, максимально ясным

²⁹ Ср. прямое свидетельство Симеона Полоцкого о неясности языка Псалтыри для русских читателей того времени: Дёмин А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660—1670-х годов, с. 236.

«бытовым» сопоставлением («яко удобее ядро снедается излученное, нежели в коже содержимое») и серией ссылок на отцов церкви. Симеон, несомненно, понимал, что для «благонамеренных» читателей, притерпевшихся к неудобопонятной риторике, утверждение о нужности простоты изложения могло выглядеть парадоксальным и неубедительным. Читатели, по мнению Симеона, не желали языковых новаций. Это еще одна деталь в картину отличий нефилологичного слушателя проповедей от небогословного читателя «Жезла правления».

Но при всех отличиях книг проповедей от «Жезла правления» открывается и нечто принципиально общее между ними: все они предназначались для слушателей и читателей, с точки зрения Симеона Полоцкого, мало образованных гуманитарно. Недаром изречения Симеона о языке, книге, человеческой мысли, «художествах» и проч. во всех этих изданиях обязательно сопровождались пояснениями. Правда, можно заметить и иное. Несмотря на защиту простого языка Симеон и своим абстрактным изречениям в проповедях делал пояснения чаще всего в том же отвлеченно-возвышенном стиле²⁰. Слушатели и читатели должны были привыкать к стилю Симеона Полоцкого, к чему их и призывали книжные предисловия. Данному явлению аналогичны в «Жезле правления» попытки Симеона приучить читателей к диалектическим размышлениям. И в книгах проповедей, и в «Жезле правления» перед Симеоном стояла хитроумная задача: составлять сочинения, соответствовавшие самым высоким требованиям данного жанра, но доступные для читателей и слушателей, не доросших до таких требований. В общем, и в проповедях, и в «Жезле» убеждение Симеона в малой просвещенности своей аудитории проявлялось гораздо более весомо, чем легкая надежда на возможность интеллектуального роста этой массы читателей и слушателей.

Привлечем к кругу сопоставлений рукописную книгу Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» 1677 г. Исследователи уже давно отмечали, что в этом огромном сборнике правоучительных стихотворений почти каждое стихотворение напоминает маленькую проповедь с примером и моралью. Однако в жанровом отношении, помимо самого поверхностного сходства, названные книги Симеона не сопоставимы. Мы выстраиваем их в очередь по сравнимой степени их массовой предназначенности. Массовая предназначность «Вертограда» несомненна. Как известно, Симеон Полоцкий собирался издать «Вертоград»; правда, не успел. В одном

²⁰ О «мниной простоте придворной проповеди» Симеона Полоцкого и о его отношении к «простому» языку см.: Робинсон А. Н. Борьба идеей..., с. 341—347.

из беловых списков книги стихотворениям предшествовало обширное «Предисловие к благочестивому читателю», перечислявшее разные виды читателей, включая и неблагочестивых, для которых будет полезен «Вертоград» (именно этот список ГИМ, Синод. собр., № 288 мы будем цитировать далее). Аудитория стихотворного сборника мыслилась даже несколько более разнообразной, чем у книг проповедей.

Сопоставим степень давления Симеона Полоцкого на аудиторию в «Вертограде» и в ранее рассмотренных книгах. Главным объектом для нас служат афоризмы. Обилие афоризмов в произведении, как мы уже знаем, служит показателем тесной обращенности автора к читателям. На первый взгляд кажется, что афоризмы в «Вертограде» попадаются на каждом шагу, что их там небывало много³¹. Отчего возникает такой эффект? Обратим внимание на цель стихотворного и цель афористического изложения у Симеона. В предисловии к «Вертограду» Симеон сформулировал задачу своего стихотворного изложения так: «...в немнозе пространстве многшая заключающееся удобнее памятию содержатися могут» (л. 3 об.). В стихах Симеон стремился к краткости высказываний; задачи стихотворного и афористического изложения у него совпадали. Вот отчего стихотворения «Вертограда», строчка за строчкой, афористичны.

Действительно ли афоризмы все это? Сочтем их признаки. Например, стихотворение о епископе, который в наказание за сожжение нищих заживо сгнил и сам, содержит такие строчки: «...злому делу зла казнь богом сотворися», «от праведна судии прав суд сотворися». Подобные высказывания кратки, выразительны, однако они относятся только к данному сюжету, к данной конкретной ситуации, описанной стихотворением. Всеобщих истин эти высказывания не обозначают. Они приближаются к афоризмам, но законченными афоризмами не являются. Легко убедиться в том, что в «Вертограде» преобладают такого рода высказывания. Настоящие афоризмы в «Вертограде» встречаются гораздо реже, не во всяком стихотворении. В «Вертограде» меньше афоризмов и меньше непосредственных обращений к читателям и слушателям, чем в книгах проповедей Симеона Полоцкого. Соответственно и степень обращенности к аудитории слабее в «Вертограде», чем в проповедях. По

³¹ Ср.: «...те афоризмы, которые действительно принадлежали или только приписывались Аристотелю, Платону, Аристиппу, Фалесу — и, разумеется, пророкам и апостолам,— занимают видное место в стихотворной продукции силлабиков. Не случайно многие тексты Вертограда многоцветного находят аналогию в сборнике Апофегмата, где собраны „цветы красноречия“ античных мудрецов» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века, с. 185).

реальной силе массовой предназначенности «Вертоград многоцветный» надо поставить именно после рассмотренных ранее книг Симеона.

Сопоставим представления Симеона Полоцкого о читателях и слушателях, выраженные, с одной стороны, в «Вертограде» и, с другой стороны, в проповедях и «Жезле правления». Сначала скажем о явлениях, бросающихся в глаза. Подавляющее большинство афоризмов в стихотворениях «Вертограда» имело четкий, прямой нравоучительный смысл. Например: «Правый сын отеческия нравы сохраняет, теми в себе умерша отца изъявляет» (л. 19 об.); «благодарствие дары людем умножает, неблагодарствие же и малых лишает» (л. 41 об.), «яко тело без души труп смрадный бывает, тако без благодати душа истлевает» (л. 42 об.); «бисер под ноги вепром посыпает, неблагодарным кто благо творяет» (л. 46) и т. д.

Каждый афоризм в стихотворениях «Вертограда» обычно занимал строчку в двустишии и пояснялся также всего лишь одной строкой. Примером являются приведенные выше двустишия. Только более трудные по языку афоризмы пояснялись несколькими строками, вроде следующего афоризма с неологизмами, заключавшего краткое стихотворение:

Агарь Аврааму сына Исмайла
скоро и удобно, но злого родила.
Сарпа же не скоро, но чадо святое
Исаака роди, чадо преблагое.
Тако мы пред богом во злых агарствуем,
во благих паки делех обычно сарствуем (л. 20).

Симеон знал, что его афористические нравоучения хорошо усвоены читателями и требуют лишь краткого пояснения или легкого напоминания. Главная цель Симеона Полоцкого заключалась не в пояснении афоризмов, а в объединении их в некую гигантскую систему. Читатель, видимо, не был силен как раз в охвате целой нравоучительной системы. Если в «Жезле правления» и книгах проповедей Симеон тянул читателей и слушателей к еще недостаточно изведенным ими новым мыслям, то в «Вертограде многоцветном» он в основном старался закрепить в их сознании невиданно полный свод истин старых. В общем и «Вертоград», и книги проповедей, и «Жезл правления» были рассчитаны на читателей, не имевших широкого и систематичного образования.

Необходимо еще указать в «Вертограде» на явления, гораздо менее заметные. Иногда афоризмы в стихотворениях «Вертограда» имели несколько необычный смысл. Таков, например, афоризм в первом же стихотворении книги. В отдельности этот афоризм выглядит привычно категоричным: «Уне бяще умрети телом, не

дущею» (л. 18). В составе же стихотворения смысл афоризма заметно меняется:

Аарон в пустыни телца сотворил есть,
смерти бояся плоти, тяжко согрешил есть.
Уне бяше умрети телом, не душою:
но смерть страшна комуждо косою своею (л. 18).

Это извиняющее, сострадательное «но» в последней строке стихотворения смягчает, делает каким-то половинчатым абсолютный смысл афористического вывода: да, лучше умереть, чем согрешить... но не всегда. Приведенное стихотворение стояло первым в цикле из четырех стихотворений под общим названием «Аарон». В последующих стихотворениях цикла Симеон Полоцкий продолжал оправдания подобного отступления от жесткого правила: «и грешащих не лют судом исправляют», потому что можно согрешить «за страх», «не охотою», в силу обстоятельств. Весь цикл стихотворений вводил и разъяснял гуманистическую альтернативу, очевидно, вовсе непривычную, но все-таки доступную для читателей «Вертограда».

Симеон Полоцкий в своих книгах исходил из одного и того же представления о российских читателях: констатация невежественности массы была главной в мироощущении Симеона²²; но заблуждения и малую просвещенность читательской массы он все-таки не считал безнадежными и даже как-то верил в способность российских читателей к быстрому интеллектуальному развитию.

Добавим к кругу сопоставлений две пьесы Симеона Полоцкого — «Комидию притчи о блуднем сыне» и «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцах, в пещи не сожженных». Обе пьесы находятся в составе огромного рукописного сборника Симеона «Рифмологион, или Стихослов» 1678 г. (ГИМ, Синод. собр., № 287). Весь сборник состоит из множества малых и больших приветственных и панегирических стихотворений Симеона, адресованных царю, тому или иному члену царской семьи, тому или иному царскому приближенному. Стихотворные «приветства» «Рифмологиона» первоначально не имели массовой предназначенности.

Но посмотрим на пьесы, переписанные в конце сборника. Пьеса о Навходоносоре предназначалась довольно большой группе при-

²² Ср. в «Вертограде» стихотворение «Глас народа». Этот глас «найпаче от правды далеко бывает», «никоюа правды в себе заключает»: «Не веруй убо гиасу общему народа и пр. (см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века, с. 188—189; Он же. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко.— ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34, с. 191).

дворных: Симеон Полоцкий, как говорилось в предисловии к пьесе, хотел ее «представити» царю и «всем предстоящим князем, боляром»³³. Более широкому собранию зрителей, пожалуй, предназначалась пьеса о блудном сыне. В прологе и эпилоге к ней Симеон уже не обращался к царю, а адресовался к зрителям, которые, судя по употребленным эпитетам, не были чрезвычайно знатными: «Благородни, благочестиви, государиє премилостиви!... Изволте убо милость си явити, очеса и слух к действу приклонити» (с. 138, 160). По выраженной предназначенности для целой аудитории, в качестве источника для изучения представлений Симеона Полоцкого о некоем множестве зрителей, пьесы Симеона правомерно выделить из «Рифмологиона» и рассматривать отдельно от него.

По сравнению с «Жезлом правления», книгами проповедей и «Вертоградом многоцветным» аудитория пьес была более узкой, а авторский нажим на аудиторию — более слабым: афоризмы — поменьше, обращения к зрителям — по два-три в каждой пьесе. Вот почему пьесы Симеона мы рассматриваем после названных книг. Сопоставим авторские представления об аудитории, начав опять-таки с самых броских явлений в пьесах. Афоризмы в них почти всегда имели строго правоучительный смысл; почти никогда не пояснялись, будучи, следовательно, совершенно ясными и привычными для слушателей; и вместе составляли своего рода нравственный кодекс, преподнесенный зрителям пьес. Все это напоминает афористику «Вертограда многоцветного». Однако нужно отметить и дополнительную роль афоризмов в пьесах. Так, в пьесе о блудном сыне первый же персонаж, появлявшийся на сцене, Отец, высказывал афористическое правило и тут же приводил в пример самого себя:

Кто несуменно в него уповаet,
того никако господъ оставляет.
Сам искусих се во всяcej потребе,
егда уповах на живуща в небе.
Он мою юность добре есть управил,
на живот честный в мире мя наставил.
Он ми науку дал и разум благий,
даде богатства господъ мой предрагий (с. 139).

Отец выступал как олицетворение общего принципа. Подобное сочетание афоризма с его олицетворением и практическим претво-

³³ Тексты пьес, подготовленные к печати А. С. Дёминым, цит. по кн.: Ранняя русская драматургия: XVII — первая половина XVIII в. Кн. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 162 (далее страницы указываются в тексте в скобках).

рением было характерным для пьес. Например, Блудный сын высказывал общее правило и тут же переходил к делу:

Не добро богатому мало слуг имети.

С ким имам ясти, пити? Кто нам будет пети?

Прискорбно ми есть без слуг... (с. 145).

Слуги Блудного также руководствовались некими общими положениями, сразу же выполняемыми. Так, один из слуг говорил растратившемуся Блудному:

Злато и разум слуг собирает.

Кто буй, то трое купно погубляет.

Доволно служих, заплаты не чаю,

тем же от тебе днесь ся отдаляю (с. 149—150).

Встреченный изголодавшимся Блудным Купец тоже быстро переходил от общих слов к делу:

Глад мощно хлебом скоро утолити.

Аз продам хлеба, изволи купити (с. 151).

Почти каждый персонаж в пьесах Симеона Полоцкого изрекал афоризмы и иллюстрировал их своими действиями.

Все вместе афоризмы в пьесах Симеона образовывали не столько свод однотипных правил, сколько демонстрировали столкновение разных жизненных принципов у разных действующих лиц. Выразителен, например, перечень разных мотивов поведения персонажей в пьесе о Навуходоносоре. Воины, приговаривая, вяжут отроков, не подчинившихся Навуходоносору. Но один делает это потому, что он ярый службист:

Кто врага царска хощет пощадити,
сам есть достоин смертно казним быти.

Другой воин вяжет отроков, потому что он шкурник:

Аз и две коже готов есь издрати
с одного хребта, а сам не страдати.

Следующий воин вяжет потому, что он юдофоб:

Мне евреина толь сладко убити,
яко же меда сладка чашу пити (с. 167).

То, как «живяще» люди, сочетание и столкновение их жизненных принципов старались «аки вещ живу» показать и одновременно растолковать зрителям пьесы Симеона Полоцкого.

Сравнительно с «Вертоградом многоцветным» в пьесах Симеонставил перед аудиторией более сложные задачи, ибо круг зрителей

пьес мыслился более узким, более избранным, чем круг читателей «Вертограда». Однако в целом представления Симеона о большей или меньшей российской аудитории в принципе оказывались одинаковыми: он с неумолимой определенностью осознавал главную слабость своих читателей, слушателей, зрителей, но без громких деклараций надеялся побудить их к более широкомасштабному мышлению.

Афоризмы в пьесах Симеона Полоцкого использовались и в иной, менее заметной роли, чем только что охарактеризованная. Например, Блудный сын просил Отца:

Бог волю дал есть: се птицы летают,
звери в лесах волно пребывают.
И ты мне, отче, изволь волю дати,
разумну сущу, весь мир посещати (с. 141).

Судя по пояснениям к изречению о воле, Блудный подразумевал под волей безграничную свободу. Отец соглашался с самим изречением, но в понятие воли вкладывал ограничительный, дисциплинирующий смысл:

Не хощу тебе аз воли отъяти,
иже всякому бог изволил дати.
Точию в дому вящие приучися,
страпствуя удобен пред нами явися (142).

Понимание воли Блудным Отец осуждал: «...юности воля сия несть спасенна» (142). Пьеса предлагала две теоретически противоположные трактовки понятия «воля». Пьеса утверждала половинчатое правило: истинная воля бывает в пределах «неволи». Когда Сын старший обращался к Отцу: «... не преступаю воли твоей», то Отец откликался: «Моя твоя суть, вся свободна тебе» (с. 157–158). Симеон в пьесе старался подвести аудиторию к правильному пониманию афоризма о воле. Обсуждение и разъяснение вопроса о воле человека проходило через всю пьесу. Оно начиналось с полемики Блудного и Отца. Затем Блудный решительно отвергал порядок в отцовском доме, где «ничто бяше свободно по воли творити... не свободно играти...» (с. 144–145). Но после пережитых заключений признавал волю, строго отмеренную каждому в его пределах:

Мерилом правым вся суть размеренна,
вся по естеству в чине положенна.
Горé прекрасно светила сияют,
землю пространну плоды украшают.
Рибами море зело исполнися,
воздух птицами красно удобрися (с. 158).

И в эпилоге пьесы звучал совет зрителям:

...да юных добре наставляют,
ничто на волю младых не спущают (с. 160).

Знаменательно это словосочетание: «на волю младых», а не «на волю младым». «Воля младых» — значит «воля в понимании младых». Незрелое понимание воли младыми и предлагалось исправлять наставлениями.

Если истолкованию воли в пьесе было уделено столь много места, то, значит, для зрителей подобное истолкование было не совсем привычным или даже совсем непривычным. Половинчатое, неабсолютное, диалектическое истолкование изречения «Бог волю дал есть» в пьесе напоминает о похожем подходе к истолкованию изречения «Уне бяше умрети телом, не душею» в цикле стихотворений «Аарон» в «Вертограде многоцветном». И там, и тут Симеон Полоцкий обращался к аудитории, по-видимому, привыкшей к резким, крайним утверждениям, а не к золотой середине. И все-таки Симеон надеялся, что его читатели и зрители окажутся восприимчивыми к более глубоким и диалектичным размышлениям над явлениями жизни: «...только изволте прилежно внимати» (с. 138).

Анализ афористики Симеона Полоцкого в книгах массовой предназначенностии приводит к следующему обобщению: и в начале, и в конце своей деятельности в Москве в течение 1660—1670-х годов Симеон исходил из очень ясного и жесткого представления о малой просвещенности российского общества; к этому представлению примешивалось гораздо более неопределенное ощущение, что массу читателей и слушателей, кажется, можно подвигнуть на успехи в богословском, филологическом, философском, историческом и ином гуманитарном познании. Но нигде у Симеона не находим проявления острого чувства несоответствия, противоречия, пропасти между читателем реальным и читателем желаемым,енным, должным. Книги Симеона Полоцкого были литературой великого терпения.

Здесь нельзя не коснуться вопроса о барокко в русской литературе XVII в. Позиция Симеона Полоцкого кажется нам не похожей на типично барочную. Однако для окончательной оценки представлений Симеона Полоцкого о читательской массе и для определения их барочности или небарочности остается проделать самое главное, — изучить самих читателей XVII в., обобщить факты их тяготения к знаниям и просвещению.

В читательской массе второй половины XVII в., действительно, происходило что-то, обнадеживавшее Симеона-просветителя. Косвенное свидетельство дает демократическая литература XVII в. По наблюдению Д. С. Лихачева, герои демократической литерату-

ры стали выражать «недовольство своей судьбой, своим положением, окружающим — это черта нового, неизвестная предшествующим периодам... Для демократической литературы XVII в. характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда же — неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной беззащитности, вера в судьбу, в рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость»³⁴. Читательская масса, видимо, находилась в том же состоянии, что и литературные герои. Но до рождения нового массового читателя и до перехода к литературе нового времени было еще далеко. Логичные и стройные книги Симеона Полоцкого лишь отдаленно и глухо предчувствовали нового читателя и новую литературу в России. Отсюда следует, как нам думается, любопытное теоретическое предположение. Между русской литературой XVII в., литературой «предчувствий» нового, и западноевропейской литературой XVII в., литературой барокко, оказывается принципиальная, стадиальная разница: наша медленно, ощущую приближалась к порогу в новое время, а та — уже давно переступила этот порог. Перед нами два разнородных пути литературного развития, не сводимые друг к другу³⁵.

Положение же Симеона Полоцкого кратко можно сформулировать так: барочный писатель в небарочной среде.

³⁴ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 137.

³⁵ Дополнительные наблюдения см.: Дёмин А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия 1660—1670-х годов, с. 249—253.

Глава четвертая

«Буквари» Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI—XVII вв.

Ф. И. СЕТИН

Слава Симеона Полоцкого как придворного поэта, оратора и проповедника была столь значительна, что порой остается в тени другая сторона его деятельности — педагогическая, которая также была многолетней и весьма значительной. В этой связи была плодотворной и его деятельность по изданию букварей как начальных учебных книг.

Симеон начал преподавательскую деятельность в братской школе при Богоявленском монастыре в г. Полоцке. По прибытии в Москву в 1664 г. он стал обучать латинскому языку молодых подъячих царского Приказа тайных дел. Для его школы было возведено специальное «хоромное строение». Одновременно с этим он обучал детей придворных и бояр, очевидно, у них на дому. Царь Алексей Михайлович поручил Симеону в 1667 г. обучение наследника престола, 12-летнего царевича Алексея Алексеевича. Он занимался также обучением 10-летней царевны Софьи. После смерти царевича Алексея в январе 1670 г. Симеон был назначен учителем нового наследника престола, 8-летнего царевича Федора Алексеевича. Симеон воспитал в нем любовь к книге, музыке, научил «соплетанию виршей». 25 августа 1680 г., в день смерти Симеона Полоцкого, царь Федор Алексеевич повелел ученику и другу Симеона поэту Сильвестру Медведеву «надгробная разнообразно написати»¹ и при этом указал, о чем следует написать. В первой же строфе довольно большого «Епифаиона», вырезанного на двух каменных плитах, отмечалась именно педагогическая сторона деятельности Симеона:

Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо аде токмо един таков бывый².

¹ См.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896, с. 392.

² Там же.

«Вся литературная деятельность Симеона Полоцкого... направлялась одним отчетливо выраженным стремлением: внести и свой вклад в дело русского просвещения»³.

В наиболее концентрированной форме свои педагогические идеи поэт выразил в стихотворных предисловиях к изданным им книгам: «Тестамент», «История о Варлааме и Иоасафе», в прозаических предисловиях к «Часовнику», к букварям 1667 г. и 1669 г., в стихотворениях, помещенных в букваре издания 1679 г. Более подробно его взгляды о воспитании излагаются в проповедях, вошедших в книги «Вечеря душевная» и «Обед душевный», среди которых выделяются «Слово в день Николы Чудотворца»⁴, «Слово в день Саввы Звенигородского»⁵, «Слово в день преподобных Ксенофона и Марии»⁶ и прежде всего в специальной проповеди — «О должном чад воспитании»⁷.

Симеон придавал решающее значение воспитанию с раннего детства, душу ребенка уподоблял он «скрижали ненаписанной»⁸. Эти взгляды восходили, очевидно, к той высокой педагогической традиции, которая предшествовала учению о душе ребенка как чистой доске (*tabula rasa*), созданному позже английским философом-материалистом Джоном Локком («Опыт о человеческом разуме», 1690 г.; «Мысли о воспитании», 1693 г.)⁹. Симеон считал, что «юных сердца наипаче суть скрижали не каменны, но плотяны»¹⁰. Иначе говоря, качество «письмен» зависит не только от пишущего, но и от материала самой доски — душевных свойств («сердец») учащихся. Душа ребенка, по словам Симеона, подобна воску, который от времени все более твердеет и навсегда сохранит свою форму: «к чесому во юной версте си приучены будут, того до кончины не забудут»¹¹, чему «приобыкнет младость, то без труда носит старость»¹². Большое значение придавал Симеон семейному воспита-

³ Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург.— В кн.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Подг. текста, ст. и comment. И. П. Еремина. М.; Л., 1953, с. 227 (серия «Лит. памятники»); см.: Пушкирев Л. Симеон Полоцкий.— В кн.: Жуков Д., Пушкирев Л. Русские писатели XVII века. М., 1972, вып. 4, с. 197—334 (серия «Жизнь замечательных людей»).

⁴ [Симеон Полоцкий.] Вечеря душевная. М.: Тип. Верхняя, 1683, л. 143 об.

⁵ Там же, л. 131—131 об.

⁶ Там же, л. 238.

⁷ [Симеон Полоцкий.] Обед душевный. М.: Тип. Верхняя, 1681, л. 540—547.

⁸ [Симеон Полоцкий.] Вечеря душевная, л. 239 сб.

⁹ По определению К. Маркса, Д. Локк «представлял новую буржуазию во всех ее формах» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 62). Труды Д. Локка были переведены на русский язык значительно позже: «Мысли о воспитании» в 1760 г., «Опыт о человеческом разуме» в 1898 г.

¹⁰ [Симеон Полоцкий.] Вечеря душевная, л. 240.

¹¹ Там же, л. 240.

¹² Там же, л. 140.

нию, родительской любви, являющейся, по его мнению, величайшей добродетелью. Но родительская любовь, говорил он, подобна вину: в меру она веселит, излишняя — «вред творит»¹³, «в развращение попущает»¹⁴, «отец должен быти в дому аки солнце, мати же аки луна, чада аки звезды»¹⁵. Главным источником знаний Симеон Полоцкий считал книгу: в результате чтения человек становится мудрым, развивает ум, расширяет образование. Только этим нужно заниматься постоянно, ибо

Не сила капли пробивает,
Но яко часто на того падает;
Тако читаяй часто научится,
Аще не остр умом си родится¹⁶.

В небольшом стихотворении «Веждество» утверждается, что начитанный, знающий всегда найдет выход из любого положения:

Веждеству образ древние даяху,
Зрящую в ночи сову писаху,
Яко бы она во тме созерцает.
Тако в трудностях веждъ дело знает¹⁷.

Книги свои Симеон Полоцкий предназначал для чтения — «в пользу юных и старых», как сказано в подзаголовке его «Рифмологии». По убедительному мнению исследователей, «Вертоград многоцветный» был «написан для чтения старших детей царя Алексея Михайловича — царевичей Алексея и Федора и царевны Софьи, воспитателем которых состоял С. Полоцкий»¹⁸.

Главными его книгами, созданными непосредственно для учебных целей, были буквари. До сих пор в библиографических указателях авторство Симеона признается только за букварем, изданным им в 1679 г. Но, как мы полагаем, он был причастен к созданию букваря 1664 г. и является составителем букварей 1667 г. и 1669 г., которые до сих пор считались анонимными.

К тому времени, когда Симеон стал принимать участие в составлении букварей, в восточнославянской учебной литературе сущест-

¹³ [Симеон Полоцкий.] Обед душевный, л. 542.

¹⁴ Там же, л. 542 об.

¹⁵ Там же, л. 545—545 об.

¹⁶ Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 74; см. также: Берков П. Н. Книга о поэзии Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ. Л., 1969, т. 24, с. 260—266.

¹⁷ [Симеон Полоцкий.] Вертоград многоцветный. ГИМ, Синод. собр., № 288, с. 112.

¹⁸ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки АН СССР / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1956, вып. 1, с. 42.

вовало два направления, основоположниками которых были москвич Иван Федоров и белорус Спиридон Соболь. Оба эти деятели просвещения старались решать разные воспитательные и образовательные задачи, исторически вполне обусловленные и объяснимые конкретными обстоятельствами жизни Белоруссии, Украины и России.

«Азбука» Ивана Федорова (Львов, 1574 г.) была им посвящена русскому православному народу: «Възлюбленный честный христианский руский народе, греческаго закона. Сия, еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики мало нечт, ради скораго младенческаго научения въмале съкратив, сложих»¹⁹. Материалы «Азбуки» и метод обучения грамоте имели московское происхождение. Единственный экземпляр этого издания хранится в библиотеке Гарвардского университета в США.

Позже Спиридон Соболь издал свой «Букварь языка словенскага» (Могилев, 1636 г.), главной задачей которого (в отличие от общебогословского характера «Азбуки» Ивана Федорова) было воспитание детей в духе православия (как вероисповедания белорусского и украинского народов, сопротивлявшихся феодально-католической экспансии). В первой «Азбуке», изданной Московским печатным двором (1634 г. и 1637 г., так называемая «Азбука» В. Ф. Бурцова) первоначально развивались традиции Ивана Федорова. Второе московское издание учебного пособия, впервые в России названного «Букварем» (1657 г.), появилось в разгар борьбы господствующей церкви с демократическим движением раскола. Это издание во многом (и в самом своем названии «Букварь») следовало учебнику Спиридона Соболя, а также учебнику Лаврентия Зизания «Наука по чтению и разумению писма словенскаго» (Вильно, 1596). Еще ранее в Москве, в 1648 г. была издана знаменитая «Грамматика» Мелетия Смотрицкого с обширным предисловием, которого не было в первом издании ее (Евью, 1619) и которое имело своей целью доказать русским учащимся благочестивость занятия этим предметом. Эта книга была необходимым учебным пособием для самого Симеона Полоцкого.

В 1664 г. Московский печатный двор вновь издал «Букварь»²⁰. Это издание в значительной мере повторяло прежнее (1657 г.). Но в нем появились новые материалы: расширены азбучная и грамматическая части, сняты некоторые молитвы. В этом «Буква-

¹⁹ См.: Исаевич Я. Д. Першодрукар Иван Федоров и виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975, с. 62—67.

²⁰ В букваре 1664 г. 85 листов, по 12 строк на странице. Формат 8°.

ре» была предпринята попытка учесть интересы детей. В нем были опубликованы приветствия от детей, адресованные их родителям и благодетелям. Хотя приветствия были написаны на церковнославянском языке, но в какой-то мере они приспособливались для детского понимания. Автором этих приветствий, как и предисловия к книге, был Симеон Погоцкий, так как они находятся в составе его рукописей («Книга приветствия»)²¹. Поэтому можно предполагать, что Симеон принял участие и в подготовке книги к изданию. Как уже отмечалось, в 1667 г. Симеон Погоцкий был назначен учителем царевича Алексея. 28 сентября того же года в Москве был издан «Букварь языка словенска, писаний чтения учитися хотящим»²². В 1669 г., в тот же день (28 сентября) «Букварь» был переиздан без изменений²³.

Нет никаких сведений о том, кем составлен «Букварь», по чьему благословению или повелению был издан, что совершенно необычно для московских изданий XVII в.

В букварях 1667 г. и 1669 г. фактически нет грамматических сведений. Азбучная часть сильно сокращена. В хрестоматийной части сняты все молитвы; выпало все то, что ранее заимствовалось из книг Соболя и Зизания. Для детского чтения даются одни приветствия светского назначения. Особенно примечательно здесь большое предисловие («Предословие»), занимающее 15 страниц и являющееся довольно оригинальным педагогическим трактатом. Как и в выходных данных, в предисловии не упоминаются ни царь, ни патриарх.

Письменность, по словам автора предисловия, является второй памятью. Если беспощадное время или скорбь большая «похищают» что-нибудь из памяти человека, «то писание паки на память возводит». В то же время это средство для беседы на любом расстоянии: «писание бо от конец земли друг другу глаголат может»; «превелика есть польза писаний: без нее тщета неизреченная мириу». Кто бы знал о прошлом человечества от Адама до нашего века, рассуждает автор предисловия, «аще не бы писанием было извещено». Грамота, письменность всем «полезна еси ко учению, ко обличению, ко исправлению и наказанию же во правду, да совершен будет божий человек на всяко дело». Без письменности «все

²¹ [Симеон Погоцкий.] Книга приветствия. ГИМ, Синод. собр., № 299, л. 27, 28, 83, 89, 109, 171, 172, 237—238.

²² Букварь языка словенска. 28.IX.1667, 8⁰, 34 листа, строк 13.

²³ Букварь языка словенска. 28.IX.1669, 8⁰, 24 листа, строк 14. Орнамент: заставок 4 с 3-х досок. Оба издания «Букваря» имеются (по 1 экз.) в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, но они дефектны (утрачено несколько листов). Исправленный экземпляр «Букваря» имеется в библиотеке Университета г. Упсала (Швеция); в ГБЛ есть его микрофильм.

бы мрак погубил неведения и прах забвения потаил бы». Автор делает вывод: «всячески подобает писанию прилежати, начене от версты детские даже и до последния старости и трудитися в нем, яко в руде злата копати без престанно, да полза вящая приобрящется». Поскольку письменность создается буквами, «сие книжица букварь нареченная» в начале содержит буквы, учит составлять слоги, а потом уже идут целые слова, далее «приложишася к тому и приветства к родителям и благодетелям». И пусть с их помощью «отроцы навыкают благочинному праву приветствования, умы свои поостряше на вящее мудрости». В заключении предисловия сообщается, что книга составлена «трудолюбивым тщанием в пользу душевную и телесную».

Хотя в заглавии «Букваря» добавляется, что он создан «в похвалу трипостасного во единице божества», но составитель не дает никаких текстов, которыми следовало бы хвалить Троицу. Для детского чтения дается лишь одна небольшая молитва в начале «Букваря». Другие материалы религиозного содержания, занимавшие в «Букваре» 1664 г. 55 страниц, в настоящем «Букваре» (1667 г. и 1669 г.) совершенно отсутствуют.

Составитель, очевидно, Симеон Погоцкий, стремился создать светскую книгу, насытить ее просветительскими идеями. В текстах для чтения (10 приветствий на 5 праздников) выражаются чувства радости детей по поводу каждого праздника, объясняется его сущность и происхождение. Но главное место в них занимают как бы переживания самого ребенка, его пожелания родителю и благодетелью, «многолетно в мире, здравии и благодеянии шествовать», а по прошествии «здраво, честно и благополучно где прожитых летех — вселится в рай небный».

Остается неясным, почему в этих букварях (1667 г. и 1669 г.) не упоминаются имена царя и патриарха. Это могло быть только в том случае, если они были подготовлены и изданы по инициативе какого-нибудь частного лица. Таким лицом в то время, видимо, мог быть окольничий Федор Михайлович Ртищев, высокообразованный человек, основавший еще в 1648 г. «училищный монастырь» (Андреевский) и пригласивший для работы в нем учителей из Киево-Могилянской коллегии, в том числе выдающегося просветителя Епифания Славинецкого. В 1664 г. царь Алексей Михайлович назначил своего сподвижника Ф. М. Ртищева воспитателем царевича Алексея. В связи с этим, возможно, по его инициативе был подготовлен и издан «Букварь» 1664 г. К подготовке этой книги, вероятно, Ртищев привлек Симеона, которого он часто принимал в своем доме²⁴. Успешная работа над «Букварем», очевидно, и по-

²⁴ См.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 37—39, 41—42, 45—48, 50.

будила в дальнейшем царя назначить Симеона учителем наследника престола и других царских детей²⁵. Буквари вообще служили учебниками для детей придворных, детей служащих царских «приказов», а возможно, и русских детей разных сословий вообще.

Вершиной учебно-педагогической деятельности Симеона Полоцкого является «Букварь» издания 1679 г.²⁶ В то же время это вершина в истории восточнославянской учебной литературы XVII в. «Букварь языка словенска, сиречь начало учения детям, хотящим оучити чтению писаний» был составлен Симеоном и издан им в качестве первой книги в Верхней типографии 3 декабря 1679 г. Уже в этом заглавии чувствуется связь «Букваря» с «Азбукой» Ивана Федорова. Наличие стихотворений в нем роднит его с «Азбукой» Бурцова. Использованы также материалы из книг Лаврентия Зизания и Спиридона Соболя. Все то лучшее и ценное, что было использовано Симеоном, творчески им перерабатывалось. Чтобы иметь более полное представление об этой примечательной книге, даем перечень опубликованных в ней материалов (с нашими пояснениями в скобках):

- Л. 1 Начало оучения детем, хотящим разумети писания (заглавие);
- Л. 2—3 Предисловие к юношам, учитися хотящим (вирши для детей);
- Л. 4—19 Благословение отроков в оучилище учитися священным писаниям идущим (молебен пред началом занятия);
- Л. 21—28 Алфавит и слоги;
- Л. 29—31 Во исправление языка отрочате, слози имен по азбуце под титлами;
- Л. 32—53 Молитвы, псалмы, символ веры;
- Л. 53 об.—71 Беседа о православной вере, краткими вопросами и ответами, удобнейшего ради познания детем христианским («Изложение» Стефана Зизания, взятое из учебника Лаврентия Зизания, изданного в 1596 г. в Вильне);
- Л. 71—95 Материалы из учебника Спиридона Соболя, а также дополнительные тексты из Часослова;
- Л. 96—97 Просодии, числа;
- Л. 98—120 Приветства (новые варианты прозаических приветствий от имени детей);
- Л. 121—122 Оувещание (стихи, адресованные детям);
- Л. 124—160 Святого Геннадия патриарха Константинопольского о вере («Стослов» Геннадия).

²⁵ Нет оснований считать, что «Буквари» (в двух изданиях) предназначались именно для царевича Алексея (род. в 1654 г.), так как к 1664 г. ему было уже 10 лет (царские же дети начинали учиться грамоте с 5-летнего возраста). Но эти буквари могли служить пособием для царевен Екатерины (род. в 1658 г.), Марии (род. в 1660 г.), царевича Федора (род. в 1661 г.), царевны Феодосии (род. в 1662 г.), царевичей Симеона (род. в 1665 г.) и Ивана (род. в 1666 г.).

²⁶ Букварь языка словенска. М.: Тип. Верхняя. XII.1679, 8⁰, 160 листов, строк 12 и 20 на странице. Страницы в линейных рамках, с внешней стороны — по две линии. Заставок 6 с 3-х досок.

По-видимому, Симеон ставил перед собой задачу создать учебную книгу для всех восточных славян. Об этом свидетельствует тот факт, что он использовал материалы из книг всех своих предшественников: москвича Ивана Федорова, украинца Лаврентия Зизания и белоруса Спиридона Соболя. И дело, конечно, не только в национальной принадлежности всех трех названных авторов, а в том, что своим содержанием «Букварь» отвечал историческим интересам всех восточнославянских народов.

Начиная с участия в букваре 1664 г., который был обогащен десятью прозаическими приветствиями от имени детей, Симеон стремился дать детям книгу для чтения, сделать процесс обучения более легким и занимательным, освободить учебник от большого количества устаревших схоластических упражнений. Это можно показать на следующем примере. В «Азбуке» Ивана Федорова азбучная и грамматическая части занимали 55% объема книги, а остальное — хрестоматийная часть, содержащая тексты для чтения. В «Букваре» Симеона Полоцкого издания 1667 г. и 1669 г. они составляли уже 29,4% объема, а в «Букваре» 1679 г.— всего 8% объема книги. Таким образом, последний «Букварь» становился почти что хрестоматией для детского чтения.

Важной особенностью буквareй Симеона Полоцкого была присущая им несколько большая светскость содержания по сравнению с предшествующими учебными пособиями. При этом следует учесть еще одно обстоятельство. Обмирщение книгопечатания началось именно в учебных и детских книгах. Первой книгой светского назначения была «Азбука» Ивана Федорова.

Настоящие детские вирши, вполне доступные пониманию маленьких читателей, впервые появились в «Азбуке» Бурцова издания 1637 г. Как нам удалось установить, они были написаны справщиком Московского печатного двора Савватием. В них рассказывается о книге, которую держит в руках ребенок, говорится о значении письменности, об учении и книжном почитании. Вот их начало:

Сия зрямая малая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велению,
Вам, малым детям, к научению.

Симеон Полоцкий продолжил эту линию обогащения учебной книги литературными произведениями, поместив в «Букваре» два замечательных стихотворения, специально написанных для него. Первое из них — «К юношам учитися хотящим» — занимает 4 страницы, состоит из 66 строк и напечатано мелким шрифтом (по 20 строк на странице). В нем довольно ясно выражаются педагогиче-

Б У К В А Р Ъ

ИЗЫКА СЛОВЕНСКА, ИН-
РЪЧЬ НАЧАЛО РУЧЕНИЯ
ДѢТЕ, ХОТАЩІИ ОУЧИ.
ТИСЪ ЧТЕНИЮ ПИСАНІЙ:

ОБЕЛІНІЕ БЛГОЧТИВІЙ-
ШАГШ ВЕЛІКАШ ГДРЖ
НАШЕГШ ЦРЛ, И ВЕЛІКА-
ГШ КНІЗЛ АЕОДШРА
АЛЕХІЕВНЧА, ВЕЕЛ ВЕ-
ЛІКІЛ, И МАЛЫЛ, И БЕ-
ЛЫЛ РУСІИ САМОДЕРЖЦА:

ские и просветительские взгляды поэта. Призыв учиться, любить грамоту, просвещение, труд — главное содержание этого стихотворения (приводим его в отрывках):

Отроче юный, от детства учися,
Писмена знати и разум потщися.
Не возлешия трудов положити,
Имат бо тебе польза многа быти.
Аще ся видит досадне труждати,
Но сладко плоды трудов собирати.
Иже въ юности труды полагает,
Во дни старости в покое бывает.
Наипаче же книгам научится,
О трудах честных превозвеселится
Дар писание великий от бога,
Тайна писмены является многа:
Что сердце мыслит и ум разсуждает,
То писание удоб извещает.
Безгласно убо, но зело явствено,
Далее гласа бывает несенно.
Глаe близ сущему слово возвещает,
Писание же далеким являет.
Что кто далече сый напишет тебе,
То познаеши о всячей потребе.
Писмены воля всех царя явися,
Во писании мудрость заключися,
Тоже аще кто имети желает,
Писаний мудрых да употребляет.

Убо конечне нужда есть читати,
Хотящим здраву совесть соблюдати.
Вторая память книга человеком,
Что бе последним понимает веком.

Толики ползы да бы верным взяти,
Повеле типом сей букварь издати
Царь наш Федор от царя рожденный,
Множеством царских добродуток оукрашенный.
Нуждная юным вели поместити,
Како всем веру достоит хранити.
Да младых лета не тице исчезают,
Но писанию да ся научают.
Меншим навыкше да ко вяцким тщатся,
Верии и блази, и мудры творятся.

Ты, чтый, за сию милость моли бога,
Царю пресветлу жить лета многа.
Во книзе жизни написану быти
Здраво, весело, славно в мире жити.

Как и в «Азбуке» Бурцова, это стихотворное предисловие к книге, обращенное к детям. Мысли, высказанные в нем, и даже отдельные обороты встречаются и в других произведениях Симеона, в том числе в прозаическом предисловии к «Букварю» издания 1667 г. и 1669 г. Второе стихотворение — «Увещание» — меньшее по объему (в нем 50 строк), помещено в конце «Букваря» и занимает две страницы. «Увещание» не случайно помещено в конце книги, так как адресуется не ко всем учащимся, а только к ленивым и непослушным («буим»). Призываю детей любить труд и учение, Симеон излагает в стихотворении одну из сторон своих педагогических взглядов — признание допустимости физических наказаний для детей. Однако розга выступает здесь символом воспитания, угрозы и устрашения и существует только для ленивых и буйных, а для остальных является лишь предостережением. Приводим фрагменты из этого стихотворения:

Хопети, чадо, благ разум стяжати,
Тщитеся в трудех вину пребывать.
Временем раны нужда есть терпети,
Ибо тех кроме безчинуют дети.
Розги малому, бича большим требе,
А жезл подрастишим при нескудном хлебе.
Тя орудия глупых исправляют,
Плоти целости ничтоже вреждают.
Розга ум острит, память возбуждает
И волю злую в благу прелагает.

Вы же, о чада, труд честный любите,
Еже полезно, того ся держите,
Знающе яко аще ся труждати
Тяжко, но легко труды плодов жати.

Иже вам благих всяческих желаю
Кончя и благости всяцей увещая.

Симеон Полоцкий был типичным представителем переходного периода от средневековья к новому времени. В его взглядах отразились противоречия эпохи, соединились прогрессивные и ветхозаветные идеи, что видно на примере двух его стихотворений, помещенных в «Букваре» 1679 г. Но сам факт сочинения этих стихотворений для учебной книги явился свидетельством того, что он

продолжил и развил лучшие традиции учебной литературы. Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на то, что даже в произведениях для детей с религиозным содержанием Симеон не забывал говорить о труде, трудовом воспитании, о чтении и книгах и таким образом и в них проводил просветительские идеи. Характерным в этом отношении является помещенное в букваре «Благословение отроков в очилище учится священным писаниям идущим» (л. 4–19). Это фактически молебен, благославляющий детей на учение. Сквозь традиционные религиозные формулировки выступают характерные для автора мысли. В нем выражаются пожелания детям «учением премудрости получити». Участники церемонии просят бога «низпослати на отрока премудрости и разума и просветити сердце его к приятию учения», «буесть юности отогнati от сердца его, уколонити от зла и творити благое, все прияти и разумети и памятствовати вся добрая и душеполезная учение», доставить «радость и утешение родителям своим». Завершая определенный период развития в истории русской педагогики и учебной литературы, Симеон поддержал и развил лучшие традиции в ней, придал учебникам более светский характер, сблизил педагогику с литературой.

Непосредственным продолжателем педагогических трудов Симеона стал его ученик, известный поэт и просветитель Карион Истомин, который составил и издал два букваря (так называемый «Лицевой букварь», 1694 г., и «Большой букварь», 1696 г.). Для «Большого букваря» он взял за основу «Букварь» Симеона Полоцкого. При этом Карион Истомин исключил из него ряд религиозных текстов, куда входили такие произведения, как «Благословение отроков» и «Беседа о православной вере», и др. Все остальное — азбучную часть, элементы грамматики, «Приветства» и два стихотворения Симеона Полоцкого, а также «Слово» Геннадия, Карион Истомин сохранил в своем «Букваре». Вместо исключенных религиозных текстов Истомин поместил в «Большой букварь» десять своих стихотворений, написанных специально для детей, чем еще больше сблизил педагогику с литературой, превращая букварь в книгу для чтения. Наличие такой преемственности в творческом развитии учебной литературы свидетельствует о плодотворности начинаний и достижений Симеона Полоцкого в этой области его многогранной просветительской деятельности.

Глава пятая

«Тестамент» в издании Симеона Полоцкого

Ф. И. СЕТИН

«Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, к его сыну Льву Философу» представлял собой один из распространенных в европейском средневековье типов поучительных кодексов политической, общественной и частной морали. По традиции «Тестамент» (завещание) приписывался византийскому императору Василию I (867—886 гг.), основателю Македонской династии. Василий (точнее, скрывавшийся под этим именем автор Псевдо-Василий) обращался будто бы к своему наследнику, будущему императору Льву VI Мудрому (886—912 гг.) с целой книгой необходимых наставлений и правил поведения. Перевод этого произведения с греческого языка на древнерусский был сделан, по-видимому, в XV в. (имеются рукописи этого времени: «Главы наказательны царьскии Василия, царя греческого, к сыну своему Льву») или несколько ранее. «Тестамент», как и ряд других литературных произведений, в эту эпоху служил идеологическим требованиям нового, централизованного феодального государства (с представлениями о Москве как «третьем Риме»), которое объединялось Московским великим княжеством, впоследствии — царством. Для первой публикации в печати «Тестамент» был заново переведен с греческого Дамианом Наливайко и издан в Остроге 29 июля 1607 г. в составе сборника под названием «Лекарство на оспалый умысел человеческий, а особливе на затверделые сердца людские: заведенные светом альбо якими грехами»¹. В самом заглавии (вернее в подзаголовке) указывается состав книги, а именно: «Божественного Иоанна Златоуста до Феодора Мниха, а в особе его до каждого человека, кто в яком кольвек есть греху, с приложением

¹ См.: Перетц В. Н. «Тестамент царя Василия» в украинских переводах.— В кн.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII веков. Л., 1926; Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв. / Сост. Т. Н. Каменева и А. А. Гусева. М., 1976, с. 15 (№ 18).

при конце Тестамента Василия царя греческого сыну своему Льву Философу; преложена с греческого Дамианом пресвитером... в Остроге, 1607». Весь текст книги был издан параллельно на церковнославянском и украинском языках. На оборотной стороне титульного листа — вирши. Предисловие подписано: «Дамиан недостойный презвитер». Стихи и предисловие — только на украинском языке.

Вторично «Тестамент» был издан в 1638 г. Спиридоном Соболем без указания места, очевидно, в Могилеве, под названием: «Тестамент. Во Христе благовейнаго славнаго монархи. Василия царя греческаго, ко сыну своему воцарившемусы Лву Философу, писанный: В лето рожества Христова осьмъсотое осмыдесят шестое. Царства же своего лета двадесятое. Посемь вкупе с ииими писмены в словенский язык переведенный. Ине же издан типом из печати Спиридона Соболя...»². Кроме «Тестамента» (л. 1—28) в книгу вошли: то же произведение Иоанна Златоуста («Слово еже всуе мятется всяк человек», л. 29—36), которое было в Острожском издании, а также «Стословец» патриарха Геннадия (л. 37—52) и «Апифилог» из Нового Завета и Псалтыри (л. 53—92).

В Москве вновь заинтересовались «Тестаментом» в те годы, когда при царе Алексее Михайловиче закладывались политические основы абсолютизма. «Тестамент» был издан без даты Московским печатным двором (по датировке А. С. Зерновой, в 1661—1663 гг.)³. Симеон Полоцкий как учитель и наставник молодого (19-летнего) царя Федора Алексеевича не случайно переиздал «Тестамент» в качестве второй книги Верхней типографии, так как данное освященное традицией сочинение вполне отвечало его взглядам и задачам просветительской деятельности. Симеон, по-видимому, принимал во внимание и то, что в придворных кругах Россия считалась наследницей Византийской империи и для обихода русских царей был вполне уместен «завет» одного из древних и выдающихся императоров (в подлинности «Тестамента» в те времена, разумеется, никто не сомневался).

Эта книга вышла из печати 3 января 1680 г. под названием «Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, к сыну его, Льву Философу». Формат книги 8°, 104 л., строк 12 и 20. Шрифт:

² См.: Карагаев И. Описание славянорусских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883, т. 1, № 470.

³ См.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958, с. 90, № 292 (8°, 92 листа, строк 12. Шрифт: 10 строк-87 мм., орнамент: заставок 1. А. С. Зернова датирует это издание 1661/63 гг. «по состоянию дошки заставки». Верхняя типография воспользовалась этим изданием, а не древнерусскими рукописями, как это утверждается в кн.: История русской литературы. М.; Л., 1948, т. 2, ч. 2, с. 148—149).

Тестаментъ + Завѣтъ

Тестаментъ,
или Завѣтъ, вавіліа
цркв греческаго, къ гнѣ
Егѡ лѣв філософъ;
Подвѣтнїе Благочтии
шагш великаш гд҃а
нашегш Црк, и велика
гш кнзл д. Еодира
Алехіевица, виа ве
ликій, и малій, и бѣ
лье рече самодержца:
Благденїе же, въ ходномъ

Тестаментъ, или Заветъ Василия, царя греческого, к сыну его Льву Философу.
М., 1680. Титульный лист.

10 строк=86 и 51 мм. Страницы в линейных рамках. Орнамент: заставок 4 с 3-х досок. Через два месяца книга эта (издания Верхней типографии) была перепечатана в Киеве типографией Киево-Печерской лавры с новым предисловием и завершалась «Стословием» Геннадия. Следует добавить, что актуальность «Тестамента» ясно осознавалась и значительно позже, в период петровских реформ (он был снова издан в Петербурге в 1718 г.).

Симеон Полоцкий, издавая «Тестамент», следовал его московскому предшествующему изданию, но с исправлением ряда ошибок. Например, вместо ошибочного «живописцы» (художники) в издании 1680 г. исправлено: «живописцы» (с. 6). В ряде случаев исправлены формы речи. Например, вместо «царство имети поучая» — «Царство имети поучаю»; «Плотския твоя родители» — «Плотских твоих родителей». В издании 1680 г. точнее ставятся титлы, ряд выносных букв вводится в текст, шрифт и набор лучше, чем в предшествующем издании.

В издании Верхней типографии книга имеет три заглавия, обширное оглавление (с указанием ее 66 глав), большое стихотворное предисловие Симеона (150 строк, на 4-х листах), текст «Тестамента», послесловие на 6-ти листах. В начале книги дается краткое заглавие: «Тестамент, или Завет Василия царя греческого, к сыну его Льву Философу» с указанием, что книга издана «повелением благочестивейшего великого государя нашего царя и великого князя всея... России самодержца»... «благословлением же... Иоакима, патриарха Московского и всея России». Далее повторяется заглавие, какое было в книге издания Спиридона Соболя, причем сохранены даже слова «По сем вкупе со инициами писмены в словенский язык переведенный», хотя здесь они не имеют никакого смысла, так как других произведений под одной обложкой, как это было в издании Спиридона Соболя, в издании 1680 г. нет. Вслед за этим идет «Оглавление книги Тестамента». После этого третье заглавие, под которым это произведение распространялось в древнерусских списках, а также небольшое добавление к нему с сообщением, что далее идет краёграесие (рифмованное стихотворение). Стихотворение имеет новую пагинацию, а сам «Тестамент» — опять новую пагинацию. Текст самого «Тестамента» занимает 85 листов.

Причины, побудившие Симеона выпустить настоящую книгу, объясняются в его стихотворном предисловии, названном «Увещание к читателю». По своему содержанию стихотворение распадается на две части, или, вернее, в нем затрагиваются две главные темы. В первой части говорится о значении воспитания и чтения, во второй — рассказывается о настоящей книге, комментируется ее содержание, подчеркиваются главные моменты в ней.

Предисловие Симеона имело поучающий и популяризирующий характер; оно облегчало читателям освоение «Тестамента».

Основное место в первой части стихотворного предисловия занимает вопрос о преемственности поколений, об обязанности родителей воспитывать детей и о долге последних по отношению к родителям. Отец, воспитавший сына, «второго себя в мире оставил». «Деревья от корней си ветви испущают», а когда эти ветви подрастают, то занимают место своих родителей. Подобная цепь рассуждений автору нужна для того, чтобы перейти к излюбленному литературному приему барочного символического уподобления. Так же, как и у «деревьев», в человеческом роду, говорил поэт, родители уступают место своим детям, передают им свои знания и опыт, которые «идут от рук в руки». Опыт старших поколений, по мнению Симеона, сосредоточен в настоящей книге царя Василия. Когда царь достиг зрелого возраста, то, желая своему сыну добра, написал для него «мудрости полный завет», как «преблаго жити, долгу и людям угоден быти». Поэтому каждый отец должен учиться по этой книге тому, как наставлять своих детей, а его сыновья — как следовать советам мудрых. Дети всегда берут пример от своих родителей:

Аще благ еси, чада блага будет,
Аще же ты зол, и та зла пребудет,
Ибо с тобой выпу пребывает,
Что даешь — тому павыкает.

Но важен пример не только родителей. Даже в хорошей семье может вырасти плохой ребенок, если он водится с людьми недостойными:

Более иже от благих рождении,
Во злое житие бяху обращении,
За недосмотром родивших оныя
От чуждых бо вземлют нравы злые.

Наряду с отцами Симеон возлагал ответственность за воспитание детей и на матерей, обращаясь к которым говорил:

Ты убо, рожденный и честная матери,
Тщитесь чада ваша соблюдать,
Дабы ничто зло слышати и зреши,—
Тако добрии будут ваши дети.

Далее стихотворное предисловие было обращено к детям, что и начиналось словами: «Вы же, о чада, добрыми рождены».

Поэт призывал детей «честь творити», «славу многу к славе приложити», убеждал их быть достойными своих родителей:

Иначе лучше людем чад не знати,
Нежели злобная тая созерцати.

Считая, что «честь» и «слава» не передаются по наследству, поэт не советовал гордиться своим происхождением. Он выделял только личные качества и заслуги. Призывая детей и их родителей не быть друг для друга преградой на пути к «чести» и «славе», он говорил отцам:

От детства благим деле учите,
И сами благо пред ними творите,
Ничто бо паче детей не погубляет,
Яко родитель иже зло творяет.

Во второй части стихотворения раскрывалось основное содержание книги. Автор убеждал читателей, что «книжка сия добру научает», но не всякого, а только того, кто будет следовать ее советам («что чтит да творяет»). То, что было завещано царю Льву его отцом, полезно будет знать всем: и отцам, и детям, и начальникам, «под правлением си люди имущим», и их подчиненным. Но все, кто будут ее читать, говорил поэт, должны думать о практическом претворении содержащихся в ней советов по воспитанию детей. Стихотворное предисловие Симеона Полоцкого имело и широкий дидактический характер, и конкретную педагогическую направленность.

Проблемы, поставленные в самом «Тестаменте», волновали русское феодальное общество второй половины XVII в. Господствующий класс был заинтересован в воспитании детей в том духе, каким пронизано это произведение. На первый план в «Тестаменте» выдвигаются три вопроса: забота о душевном здоровье, о книжном почитании, об интересах государства. Но, пожалуй, еще более важным являлся вопрос об идеальном правителе, который был актуален в период абсолютизма вообще и в частности довольно остро вставал в связи с наличием нескольких царевичей, которые могли претендовать на русский престол.

Из истории известно, что Василий I взошел на Византийский престол, убив своего покровителя и предшественника Михаила III. Но автор послесловия к «Тестаменту» скрывает этот факт и старается представить Василия I в лучшем свете. Так, он сообщает, что Михаил все свое имение и казну «истощил безумно и непотребно, сего ради убиен бывшу». Василий же при этом горевал сильно, не зная, что делать, видя византийскую «честь тесноты достигшую и пасти имущу». С большим трудом и царской муд-

ростью он выправил положение дел в империи и отстоял ее от вражеских полчищ. Во вторую годовщину его царствования была крещена Болгарская земля. Он будто бы посыпал своих людей крестить и Русь, но те успеха не имели. Не менее светлыми красками рисуется и его наследник Лев Философ, который «многа полезная сотвори». Его повелением якобы были переведены на славянский язык «святые книги». Это предание о судьбах славян явилось одной из причин популярности у них «Тестамента». Другая, более важная причина кроется в содержании памятника и в форме изложения.

В книге затрагивается столь большой круг вопросов морально-нравственного характера, что они трудно поддаются систематизации. К некоторым вопросам автор возвращается неоднократно, освещает их с разных позиций, но не создает впечатления повторяемости.

Написан «Тестамент» от имени царя-отца и адресован царю-сыну. Однако только в небольшой части глав затрагиваются вопросы управления государством. Одна из глав «Тестамента» (54-я) говорила «О почитании книжном», что вполне отвечало коренным убеждениям и Симеона Полоцкого. В частности, в получение молодому царю привлекался опыт истории: «Списания древния прочитати не ленися, в них бо обрящеши без труда, яже они с трудом снискаша, и от них навыкнеши тщаливых мужей добродетели, такожде и злых злобы...» (л. 68 об – 69) ⁴.

Советы и правила, содержащиеся почти во всех главах, были пригодны всем читателям. Это подчеркивалось и в послесловии, где утверждалось, что книга полезна всем: царям, князьям, всем тем, кто обладает властью, главам семейств и всем частным и должностным лицам. При этом выделялось 14 глав, которые, по мысли автора послесловия, особенно полезны рядовым людям. Эта же мысль подчеркивается в самой первой главе, которую можно считать авторским предисловием. Автор называет свою книгу «живополезной вещью», считает ее способной оказать помощь как царям, так и «невеждам». При этом книгу надо понять не только умом, но и душою, всем сердцем. Только тогда она может помочь излечиться от зла и научит творить добро. Обращаясь к сыну, автор говорит, что он «царство имети» поучает и тут же добавляет: «Без солнца в небе темно, без поучения в душе пусто». «Тестамент» можно отнести к жанру поучений, широко распространенных в древнерусской литературе и славянских литературах вообще.

⁴ Об историографическом значении «Тестамента» см.: Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963, с. 25–28.

Во всех 66 главах затрагивается 28 проблем. Среди них можно выделить 10 проблем, каждая из которых освещается в нескольких главах. Характерно, что из 66 глав книги только в трех главах говорится о религии: во 2-й, 3-й и 4-й. В них содержатся призывы верить в троицу, почитать церковь и ее служителей и помнить о посмертной расплате за грехи. В остальных 63 главах трактуются правила светской морали. Самое большое внимание уделяется человеческим добродетелям, которым посвящается 11 глав. Совести, красоте физической и душевной, помощи людям выделяются по пять глав. Вопросы дружбы, истины и лжи занимают по четыре главы. В трех главах даются советы следовать законам, в том числе заветам отцов, а также советоваться со знающими людьми, прежде чем принять решение.

В двух главах (54, 64) говорится о чтении книг, о жизни и смерти (43, 65), о богатстве и бедности (24, 27), о добре и зле (21, 24). По одной главе посвящено победе над собой (11), борьбе с «пьянством» (25), миру (45), воспитанию детей (58), содержатся призывы не возноситься гордостью (63), быть благодарным людям за добро (57), общаться с достойными (7). В большинстве глав затрагивается не один вопрос, а несколько, поэтому предложенная классификация недостаточно полная. Она дается по главной теме, превалирующей в каждой главе.

Теперь рассмотрим некоторые из проблем, чтобы увидеть их характер, направление и содержание. Итак, добродетелям посвящено самое большое число глав (8, 10, 14, 21, 28, 36, 39, 47, 48, 49, 57). Обращаясь к читателю, автор утверждает, что главное для человека иметь добродетели, его украшающие и привлекающие к нему сердца, ибо «добродетельство есть лучшее всякого сана». К числу главных добродетелей относится чувство справедливости. Чтобы сохранить царство без пороков, автор советует молодому царю: всем запретить « зло творить» и самому никогда его не допускать. Даже своим любимцам, заслуженным и преданным начальникам, не позволять этого делать. Царство «земное» можно получить из рук отца, а царство «небесное» заслуживается добродетельными поступками и благодеяниями. Юность украшается не только успехами в учении и послушанием, но и добродетельными поступками, чем приобретается бессмертие и остается память в сердцах людей. Будь мирным, незлобивым, благоглаголивым. Утешь страдающего если не подарками, то добрым словом, ласковым взглядом. Иногда одно теплое слово, обращенное к страдающему, дороже многих даров. К числу добродетелей относятся кротость, долготерпение, всепрощение, благодарность и т. п.

В шести главах (9, 13, 17, 19, 51, 56) говорится о физической и духовной красоте. Пусть не командует тобой «тела благообра-

зие», а лучшие «эри доброту душевную и желай духовное». Из физических качеств автор признает больше всего силу. Но советует почитать силу «телесную», если она «смыслом украшается», ибо сила, соединенная с разумом, образует мужество, а с безумием соединяется свирепость. Нужно кормить не только тело, но и душу. «Тело утучняется» пищей, а душа тоже питается, но пищей духовной. В главе 19 «О чистоте» советуется соблюдать чистоту не только тела, но и души. Красота телесная не отвергается и не противопоставляется красоте душевной, но признается, что первая может сделать человека близким к «царю земному», а вторая, красота душевная, сделает человека любимцем «царя небесного». В главе 56 одинаково важным считается «благородие телесное и духовное». В главе 40 «О совестном законе» советуется рассматривать любые вопросы с позиций правды, человеческой совести, ибо корень зла усматривается в «бессовестности» (гл. 34). В нескольких местах повторяется совет давать просящим милостыню, ибо, раздавая земные богатства, приобретаешь богатства «небесные». Никто из просящих не должен оставаться без «даров» (гл. 22), поэтому нужно увеличивать «милость» требующим «дары» (гл. 35), любить больше просящих, чем дающих (гл. 55), ибо первых делаешь своими должниками. Подавай милостыню без рассуждения, «ради достойных миловати и недостойных, нежели недостойных ради лишати достойных» (гл. 66).

Много внимания обращается на вопросы дружбы. Цени настоящих друзей больше, чем родных. Истинный друг может презреть весь мир ради тебя, тогда как родные нередко сближаются с тобой не по добродетели, а по природе и ради богатства (гл. 12) «Начало любви есть похвала, вражде же начало — укоризна» (гл. 26). Поэтому если хочешь иметь всюду много друзей, хвали всех и везде. Но друзья проверяются в беде. В благоденствии их бывает много. Истинные друзья те, кто любит тебя не ради корысти, а ради добродетели. Иная любовь и дружба выглядят куплей. Найдя истинных друзей, дорожи их дружбой и не разрушай ее (гл. 33). В ряде глав (29, 38, 53, 59) осуждаются сплетни, наветы и ложь. Навет признается самым тяжким грехом. Не слушай «оболгателей», ибо из-за злобной сплетни может погибнуть хороший человек. Высоко ценится сила слова. Будь верен слову (гл. 16). И молчанием можно честь приобрести. Правы словом не украшаются, а слово правдами подкрепляется. Не принимай решения по первому слову или побуждению. Совет «второй добрейший явится» (гл. 34). Лев владычествует над зверями силой, орел возвышается над остальными птицами высокопарением, а сила человека — в его слове.

Интересны мысли о необходимости победы над собой. Только тогда ты научишься побеждать врагов, когда будешь постоянно

побеждать себя, свои «страсти». Прежде чем победить врагов видимых, победи врагов невидимых, которые гнездятся в тебе самом (гл. 11), т. е. свои недостатки. Так, «пьяниство разуму противная вещь. Пьяный что колесница без кучера» (гл. 25). Не дрожи над своим имуществом. «Являй благородство души и одаривай всех». Обогащаясь неправдой, лихоимством — собираешь «слезы» (гл. 27). Не радуйся чужому горю, прослезись чужой беде, посочувствуй и помоги ему, ибо и ты человек. Изгоняй из среды людей вражду, будь миротворцем (гл. 45). Плох врач, если он не исцелит больного, таков и философ, если не исцелит душевной боли человека (гл. 52). Пользуясь благами жизни, дай такие возможности и подчиненным и подданным своим. Занимайся воспитанием детей: «Царство благоденствует», если хорошо воспитываются дети. Все царство «неправдует» и разрушается, если дети плохо воспитываются и зло не наказывается (гл. 58). Читая книги, «соедини с дыханием твоим их смысл». Тогда и сам станешь способным учить других (гл. 54). Таков круг основных вопросов и содержание советов, которые затрагиваются в «Тестаменте».

Успеху книги способствовали и ее композиция и доступное изложение. Каждая глава была небольшой, занимая 1,5–2 страницы. В начале, после заглавия, обычно излагалось правило, потом оно приводилось в виде выразительного и краткого афоризма, который далее развертывался и объяснялся. Читателям все это было понятно как непреложная истина, которая легко запоминается.

«Тестамент» можно рассматривать по его назначению как продолжение «Букваря», как книгу для поучительного чтения. В то же время Симеон, как явствует из стихотворного предисловия, предназначал эту книгу не только для молодого царя Федора Алексеевича, царевичей Ивана и Петра и их окружения, но для читателей вообще, как воспитанников, так и их воспитателей.

Педагогика Симеона Полоцкого возвысилась до уровня государственной политики и в этом плане она предвосхитила петровские реформы. Как и в ряде своих стихотворений, Симеон стремился при помощи издания «Тестамента» ввести в придворные круги, а также в общественное сознание в целом представление об идеальном монархе, широкие понятия о гражданском долге вообще. Хотя эти представления излагались на основе старого традиционного сочинения, они в конце XVII в. в России были первыми провозвестниками идей «просвещенного абсолютизма». Эти начинания Симеона Полоцкого оказались тем более плодотворными, что вскоре они нашли свое непосредственное продолжение. Многие мысли из «Тестамента» вошли в стихотворения последователя Симеона, самого крупного русского поэта конца XVII в. Кариона

Истомина, которые адресовались им сначала царевичу Петру, а затем его сыну, царевичу Алексею Петровичу. Можно найти почти текстуальные совпадения между главами «Тестамента» и такими произведениями Кариона Истомина, как «Вразумление стихотворными словесы», которое адресовалось 11-летнему Петру, а также более поздними его стихотворениями, помещенными им в «Большом букваре», изданном Печатным двором в 1696 г. Изданье в Верхней типографии «Букваря», «Тестамента», «Псалтыри рифмописьной» и «Истории о Варлааме и Иоасафе» (последняя вышла в свет 4 сентября 1680 г., через 10 дней после смерти Симеона) показывает, что Симеон Полоцкий руководил книгоиздательской работой по определенному плану, преследующему взаимосвязанные педагогические, просветительские, литературные и политические цели.

Глава шестая

Симеон Полоцкий в работе над «Псалтырю рифмовторной»

О. А. ДЕРЖАВИНА

Одним из выдающихся трудов Симеона Полоцкого следует признать его стихотворный перевод Псалтыри¹. Псалтырь является, как известно, частью Библии. Если другие разделы этой древнейшей книги содержат в себе связанные с фольклором эпические повествования о событиях из истории древнееврейского народа, обличение общественных пороков или «пророчества» — попытки предсказаний грядущих событий, то Псалтырь — это своеобразная «книга песен», вдохновенная лирика, в которой читатели всех христианских стран находили отражение самых разнообразных чувств и настроений. Это и восторженное преклонение перед величием и могуществом божества, и славословия, ему посвященные, это и жалобы на превратности судьбы, и жаркие молитвы о помощи и спасении.

Псалтырь чаще других библейских книг использовалась при христианском богослужении, поэтому она одной из первых была переведена с греческого на старославянский язык и переведена превосходно. Это не был стихотворный перевод, но переводчикам удалось сохранить и передать силу и образность оригинала, его глубину и накал заключенных в псалмах чувств. Популярности Псалтыри способствовало и то, что многие псалмы читались и пелись во время богослужения, и то, что эта книга была пособием для обучения грамоте. Псалтырь была книгой домашнего обихода, существовали и «гадательные псалтыри», по которым читатели старались угадать судьбу. Великий князь киевский Владимир Мономах (ум. в 1125 г.) писал в начале своего знаменитого «Поучения»: «...Взем Псалтырю в печали, разгнух я [ее], и то ми ся выни:

¹ [Симеон Полоцкий]. Псалтир царя и пророка Давида, художеством рифмованным равномерно слога, и согласнокопечно, по различным стихом родом предложенная. М.: Тип. Верхняя, 1680, в лист, 9, 139, 18 л., с гравюрою (далее цит. по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте).

Вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя? и прочая [Пс. 41; 12,6; 42,5]. И потом собрах словца си любая и складох по ряду и написах»².

Поэты и в Западной Европе, и в России не раз обращались к поэзии псалмов, переводя их на родной язык стихами. В XVIII в. у нас это делали М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков; в начале XIX в.— И. М. Языков и др. Поэты спорили между собой о том, каким размером лучше переводить псалмы — ямбом или хореем. Известно состязание трех поэтов — Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова, переводивших один и тот же псалом: Ломоносов и Сумароков ямбами, а Тредиаковский — хореем. Из поэтического наследия Ломоносова А. С. Пушкин выделял и особенно высоко ценил именно его переводы псалмов. Однако приоритет в переводе Псалтыри стихами на русский («словенский», как он его называл) язык принадлежит придворному поэту царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича Симеону Полоцкому, просветителю и видному общественному деятелю.

Как указывает Симеон в предисловии к своей книге, мысль перевести стихами Псалтыри возникла у него в связи с работой над «Вертоградом многоцветным». Когда Симеон решил переработать «Вертоград», расположив стихотворения в алфавитном порядке, и дошел до буквы «пси» (с этой буквы начинались слова «псалтыры», «псалом»), он решил переложить стихами несколько покаянных псалмов. Работая над ними, Симеон, по его словам, «возмних и на всех псалмов труд пуститися» (1). В этом намерении его укрепляло то, что на древнееврейском языке псалмы были написаны стихами. Кроме того, Симеон за границей видел переводы Псалтыри стихами же на древнегреческом и латинском языках. Широкую популярность получил стихотворный перевод Псалтыри на польский язык выдающегося писателя польского Ренессанса Яна Кохановского (издан в 5-ти т.: «Psałterz Dawidów», 1578). Симеон Полоцкий знал, что в России был известен этот перевод. В Москве, пишет Симеон, «возлюбиша сладкое и согласное пение польския Псалтыри, стиховно преложенные, обыкоша тоя псалмы пети, речей убо или мало, или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяшеся духовне» (1)³. Желал дать русским текст псалмов, изложенный стихами, достаточно понятными, пригодными также и для пения, и превосходно зная польский язык, Симеон взял за образец перевод Псалтыри Яна Кохановского и стремился

² Цит. по кн.: Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946, с. 130.

³ «Псалмы Кохановского пелись в музыкальном оформлении Николая Гомулико сначала в Польше и Литве, а в XVII в. в Московской Руси» (Голенищев-Кутузов И. Н. Романские литературы. М., 1975, с. 62).

в своем переводе следовать за польским поэтом. Однако он скоро убедился, что «не всякого убо псалма польскаго пению тогожде числа славенский подложением знамений может соответствовать», поэтому ему пришлось вольно или невольно отступать от своего образца. «Не вся тем же преведох родом стихотворным» (1), — заявлял он и объяснял это или трудностью перевода, или тем, что ему «не всех псалмов полских гласы» были известны.

В то же время он указывал, что не следует за польским переводом «во украшении птическом», а стремится по возможности точно следовать за древнееврейским подлинником. В этом плане перевод Симеона Полоцкого значительно отличается от перевода Кохановского, у которого, напротив, наблюдается довольно свободное обращение с текстами псалмов. Разница неизбежно возникла и потому, что Кохановский пользовался латинским переводом Псалтыри, а в руках Симеона был перевод церковнославянский, всего вероятнее в издании 1668 г., которому он также стремился неукоснительно следовать, как и первооригиналу. Если читатель найдет в его переводе некоторые слова и целые стихи, «приданные» к тексту, писал Симеон, то это сделано им «во исполнение разума или стихов». «А идеже некия речения отъящеся, то за нужду», продолжает писатель, «ико не вместишася в стих мерою» (1). Таким образом, Симеон Полоцкий сам дал исчерпывающую характеристику своему переводу, стараясь оправдать перед читателями те неизбежные отступления от канонического текста, которые ему пришлось допустить, и те различия, которые наиболее образованные (придворные) читатели могли обнаружить между его переводом и авторитетным переводом Кохановского.

Начав работу над переводом «Псалтыри» 4 февраля 1678 г., Симеон закончил ее необычайно быстро: 28 марта того же года труд был завершен. Книга была издана 3 апреля 1680 г. в Верхней типографии; тираж ее не указан, но, по-видимому, подобно другим московским изданиям, был около 1200 экземпляров.

В библейской Псалтыри, как известно, 150 псалмов. Последний, 151 псалом, «вне числа», написан по поводу победы Давида над Голиафом. Симеон перевел все 150 псалмов, 151-й псалом, а также две песни Моисея, песнь Анны — матери пророка Самуила, молитву пророка Аввакума, песнь пророка Илии, молитву пророка Ионы и две песни трех отроков, брошенных в печь горящую вавилонским царем Навуходоносором⁴. Кроме того стихами же переве-

⁴ Симеону Полоцкому принадлежала пьеса «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцах, в пеки не сожжених» (1673—1674 гг.); см.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Дёмин, В. П. Гребенюк; Под ред. О. А. Державиной. М., 1972, с. 161—171.

Ро́блъс гдѣ б҃а въ тѣцѣ аицѣ . въ
Единитѣ єстѣтвѣ славнагош , Челти
цил и пророка дѣла + художествомъ
рѹдометворнымъ равномѣрнош глоги , и
согласноконечниш . по разлуннымъ стихибъ
родимъ преложенія : Повелѣніемъ благо-
честивѣншаго великаш гдѣ нашигш црк .
и великаш кнзл А. Година Алексібита .
всѧ величѧ + и малыя , и бѣлыя
р҃укип самодѣлка : Благолюбніемъ же
въ добромъ чинѣ Оца єш и егомолца .
великаш гдна єтѣншаго Кнзл Шакіма ,
патріарха московскаго , и всѧ р҃укип :
Издадил въ цѣльномъ великомъ градѣ
моисѣвѣ , въ типографіи вѣхнѣн :
въ это ѿ хоторінїа мір , жрпн :
Служба же по пасти Бгл Слова .
ахп : Индикта , г : Мцд апраля .

Стихотворіѧ Псомонахъ
Симеонъ Полоцкій .

дены песнь Богородицы («Величит душа моя Господа») и молитва Захарии пророка. Завершается книга обращением «К гаждателю», т. е. к тем, кто будет критиковать ее. За ним следует месяцеслов, тоже изложенный стихами. Текстам предпосланы: краткое указание о значении книги, выпускаемой в свет по повелению царя Федора Алексеевича, и о времени ее появления в печати; далее следовали стихи о псалмах; обращение в стихах к царю и два предисловия к «благочестивому читателю» — одно в прозе, другое в стихах. Зашифрованная страница с буквой «пси» посередине представляет собой многократно повторяющуюся фразу «Псалмы пойте богу нашему». Представляет большой интерес художественно-изобразительное оформление книги.

Издания Верхней типографии отличались от изданий Печатного двора изяществом и художественностью оформления. Они были отпечатаны новым красивым шрифтом и по желанию царя Федора Алексеевича украшены гравюрами, исполненными на меди Афанасием Трухменским по рисункам Симона Ушакова, и заставками барочного типа. Подобное оформление книг сближает издания Верхней типографии с украинскими и белорусскими изданиями. Художественное оформление «Псалтыри рифмовторной», его техника и исполнение явились, по выражению А. А. Сидорова, «связующим звеном между старой русской культурой и новым ее этапом»⁵. Текст на страницах книги обрамлен наборной орнаментальной рамкой, в книге по традиции использована двухцветная печать.

В начале книги дан фронтиспис с изображением автора псалмов царя Давида. Давид представлен в позе вдохновенного псалмопевца. Его лицо и руки обращены к облаку, из которого исходит спон лучей, как бы свидетельствующий, что псалмы услышаны богом.

Ушаков представил обстановку внутреннего помещения, в котором находится Давид, в нескольких планах. За фигурой Давида видна часть стола с лежащей на нем книгой (очевидно, Псалтырем). В глубине изображен трон. Удаленность трона, данного значительно меньше, чем фигура Давида, создает реальное ощущение пространства. Ушаков стремится познакомить зрителя также и с городом, принадлежащим Давиду. Он расширяет рамки иллюстрации, представив на гравюре слева, за балюстрадой, вид городской улицы.

⁵ Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, с. 252; настоящий раздел (от слов: «Издания Верхней типографии отличались...» до слов: «...в силу своей новизны текста „Псалтыри рифмовторной“») написан Е. С. Овчинниковой.

Аще пречистыи Господь посыпаетъ : никто отъ сего предъздѣнии знаетъ.

Да и отъгденъ Божіи житіе баше : иже ѿ спасія поземлі и оупенчава
и вѣдхша да даде прорицаніи . аже по Узламіехъ щи сасачиша

Симеон Полоцкий. Псалтырь рифмованный. М., 1680.
Гравюра А. Трухменского по рисунку С. Ушакова.

цы. Мимо дворца Давида идут два воина в шлемах, с алебардами. За спиной воинов видна возвышающаяся, стройная полуциркульная арка с колоннами с коринфскими капителями, за которыми вырисовываются очертания городских зданий. Следует заметить, что подобная разработка в гравюре заднего плана, с полуциркульной аркой, колоннадой и строениями вдали появляется впервые у Ушакова в 1671 г. на иконе Троицы.

Н. П. Сычев указал на близость данного архитектурного мотива иконы Ушакова и его гравюры в «Псалтыри» 1680 г. к гравюре Яна Зенредана, живописца и гравера из Лейдена (ок. 1565—1570 гг.), исполненной в обратном переводе с картины Паоло Веронезе «Пир у Симона Фарисея»⁶. Один из экземпляров гравюры Зенредана, вероятно, был в Оружейной палате, где стал известен Ушакову. В гравюре с Давидом Ушаков изменил мотив колоннады, сохранив только основную часть архитектурной композиции Зенредана⁷. Гравюра Ушакова свидетельствует о его Богатом даровании как художника-иллюстратора. Несомненно, эта гравюра производила значительное впечатление на читателей, располагая их к чтению нелегкого в силу своей новизны текста «Псалтыри рифмовальной».

«Псалтырь рифмовальная» была «первым стихотворным произведением, удостоенным печатного издания как отдельная книга, ради ее собственного интереса». И это не случайно: «Симеон рассматривал свое стихотворное искусство не как только модную придворную „прикрасу“, пригодную для личного честолюбия, но и как элемент важный и существенно необходимый в его общих просветительских стремлениях»⁸. Желая сделать содержание псалмов более понятным читателю, Симеон Полоцкий старался добиться этого введением отдельных поясняющих слов, а иногда — целых фраз, раскрывающих смысл сказанного в оригинале. В известной мере этому способствовал польский перевод Яна Кохановского.

К. Глокке давно уже предложил опыт сопоставления «Псалтыри рифмовальной» Симеона со стихотворным переложением «Псалты-

⁶ См.: Сычев Н. П. Новое произведение Симона Ушакова в Гос. Русском музее в Ленинграде.— В кн.: Материалы по русскому искусству. Л., 1928, т. 1, с. 78—111.

⁷ Тот же архитектурный мотив Ушаков переработал заново на иконе Троицы 1677 г., написанной им совместно с Никитой Павловцем для Б. Г. Хитрова (его церкви в с. Озничишено). Теперь эта икона хранится в музее «Коломенское».

⁸ Татарский И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886, с. 290—291.

ри, принадлежащим Кохановскому⁹. На ряде примеров исследователь стремился показать прямую зависимость перевода Симеона от перевода Кохановского. Им указаны 10 случаев близости текста польского и «словенского» переводов, которые взяты из 7-ми псалмов¹⁰. Заметим, что из 150 псалмов это не так много. Кроме того, некоторые примеры не слишком убедительны. Вот два случая совпадений, приведенных К. Глокке: Псалом 48 (у Кохановского — 49), стих 7.

Псалом:

Надеющиеся на силу
свою и о множестве бо-
гатства своего хвали-
щиеся...¹¹

Кохановский:

Szaleni ludzie
którzy swym włada-
niu
Nadzieje k'ada albo
i zebraniu...¹²

Симеон:

Безумни, иже в силь-
уповают
Или надежду в златъ
полагают.

Псалом 74 (у Кохановского — 75), стихи 3 и 4.

Псалом:

Егда прииму время, аз
правоты возсужду. Рас-
таяся земля и вси живу-
щи на ней. Аз утвердих
столни ея.

Кохановский:

Kiedy się skonczą
zamierzone lata
(Pan opowiada) przijdę,
sądzić swiata.
Tam placic będę dobrze
cnotliwemu,
Zle nieprawemu.
Strowożona ziemia,
wespolek iz temi
Będzie topnala, którzy
są na ziemię
Ale zaś przez mię jej
slupy zwątłone
Będzie zmocnione.

Симеон:

Егда кончины время
имать быти,
Господь глаголет, приду
мир судити.
Тогда же воздам преблаж-
то благому,
 зло лютъ злому.
Смутится земля, вся
имать таяти,
И иже на ней будут оби-
тати,
По столни ея, мною ут-
вержении,
будут хранинни.

Хотя такие совпадения с изложением Кохановского в переводе Симеона Полоцкого можно обнаружить и в других псалмах, но в целом перевод Симеона, как уже указывалось, значительно ближе к каноническому тексту Псалтыри. Кохановский как бы развертывает содержание псалма, добавляя свои слова и целые строчки, по-

⁹ Глокке К. Рифматорная Псалтырь Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского.— Университетские известия. Киев, 1896, № 9, сент., с. 1—18.

¹⁰ Примеры взяты из пс. 14, ст. 8 и 14—15; пс. 48, ст. 11—12; пс. 74, ст. 3—4; пс. 84, ст. 5—6; пс. 136, ст. 4 и 7; пс. 138, ст. 15 и 148.

¹¹ Псалтырь здесь и далее цитируется по Московскому изданию Библии 1663 г. (ГБЛ, Отдел редкой книги; экземпляр в 4°, дата издания 18/IX—1663 г.)

¹² Текст псалмов в переводе Я. Кохановского здесь и далее цитируется по книге: Kochanowski Jan. Dzieła polskie. W-wa, 1976, t. 1, s. 290—480.

этому перевод каждого псалма у него занимает больше строк, чем текст оригинала. Симеон Полоцкий стремится уложиться в размер канонического текста и если и добавляет свои слова, то делает это очень осторожно. Сопоставим для примера тексты: стихи 7 и 8 псалма 3.

Псалом:

Воскресни господи, спаси мя, боже мой, яко ты поразил еси вся враждующыя ми всеу, зубы грешников сокрушил еси. Господне есть спасение и на людех твоих благословение твое.

Кохановский:

Powstań, Panie, a broń
mię w mej niewinności,
żaden mój nieprzyjaciel
Twojej srogości
Nigdy wytrzymać niemogl
bileś je w gęby,
A oni w krwawym piasku
zbierali zęby.
Sam Ty, niebieski Panie,
zdrowiem szafujesz
I w ostatnich przygodaach
snadnie ratujesz.
Od ciebie wszystko dobre
na swiecie mamy,
Którzy sie kolwiek ludem
Twym ozywamy.

Симеон:

Воскрес, господи, сам
изволь запцитити.
Иже ми врази туне бы
ша поражени
Тобою, и гръшником зу
бы сокрушени,
О тебе есть, господи, мое
спасение
И твое есть на людех
благословение.

Еще убедительнее второй пример — псалом 14 (у Кохановского — 15).

Псалом:

Господи, кто обитает в жилищи твоем или кто вселится во святую гору твою? Ходай непорочен и делай правду, глаголяй истину в сердце своем.

Иже не улсти языком своим и не сотвори искреннему своему зла и поношения не прият на ближния своя. Уничтожен есть пред ним лукавнуй, боящийся грешника славит; кленяйся искреннему своему и не отметаясь. Сребра своего не даде в лихву, и мзды на неповинных не прият. Творяй сия не подвижется во век.

Кохановский:

Kto będzie w Twoim
mieszkaniu przebywał?
Kto będzie Twego palacu
świętego
Wieczny mój Boże we
sela zażywa.?
Człowiek niewinny,
człowiek uprzejmego
Serca, który sprawied —
liwość miluje.
Który nie mówi słowa
falszywego,
Który bliźniego swego
nie szacuje,
Nie szuka z cudzą szkodą
swej korzyści,
Przeciw obmwocom
sąsiada ratuje
Ma niepobożne ludzi w
nienawiści.
Dobrym, gdzie mogę
pomocy dodawa,

Симеон:

Господи, кто в жилищи
твоем обитает
ли в святъй горъ твоей
мѣсто получает?
Ходай кромѣ порока и
правду творящий,
Истину в сердцы носяй,
языком не лъстящий;
Иже искреннему си зла
не содѣвает
И клевет на ближния
сущи не внушаєт.
Пред ним же всяк лу
кавый муж унижится,
Бояйся же господа
человѣк славится.
Иже о нем же клятся
ближнему не лъщат.
Сребра не дает в лихву
и мзды не желает
От людей неповинных.
Сицев кто ли будет,

A co przyrzecze, by
naciężej — ziści;
Pieniedzy w lichwę
nikomu nie dawa,
Nie bierze darów przeciw
niewinnemu;
Kto się tak rządzi,
kto przy tym zostawa,
Smiele niech ufa
pokojowi swemu.

Кромѣ подвижения во
вѣки пребудет.

Гораздо большее влияние оказал на Симеона польский поэт в области версификации. Размером Кохановского Симеон перевел 81 псалом¹³. В 30-ти псалмах разница лишь в 1—2-х слогах 2-й строчки польского текста¹⁴. Псалмы 24 и 133, написанные у Кохановского сапфическим стихом, у Симеона переданы 11-сложником.

Большая часть псалмов, обращение к царю, к читателю и «гаждателю» написаны в «Псалтыри рифмотворной» 13-сложным силлабическим стихом с парной женской рифмой, причем очень часто ударение слова, следя за польским стихосложением, ставится на предпоследнем слоге и подгоняется к нужной рифме, например: в небѣ — тѣбе; томымъ — обидымъ; цѣло — зѣло; тобою — душу мёю и т. п. Очень часто используются глагольные рифмы: защищает — погубляет, возвеселится — явится, дати — стояти, воспевати — возсылати и т. п.

Однако рядом с 13-сложными строчками Симеон Полоцкий, как и Кохановский, часто пользуется и другими формами силлабического стиха. Так псалмы 2, 7, 21, 31 и 150 написаны 11-сложной строкой. Иногда эта строка через каждые три сопровождается рефреном из 5-ти слов (см. псалмы 5, 8, 24, 27, 41, 46, 74, 84, 92, 111, 152, 153 и «без числа»). Например, в псалме 5 мы читаем:

Аз же, на милость многу уповаяя,
Впишу во дом твой, поклон сотворяя,
К храму святому твоему, бояся,
сердцем страшася.

¹³ Размером Кохановского написаны псалмы: 1, 2, 4, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 40, 41, 43, 44, 45, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 62, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 82, 84, 88, 90, 92, 94, 95, 99, 101, 103, 105, 107, 110, 112, 113, 119, 121, 124, 126, 132, 134, 136, 139, 140, 141, 144, 148, 149.

¹⁴ Разница в 1—2-х слогах 2-й строчки Кохановского в псалмах: 3, 33, 37, 39, 47, 56, 68, 76, 87, 91, 93, 98, 102, 104, 106, 108, 109, 114, 117, 118, 120, 123, 125, 131, 137, 138, 143, 146, 147, 150.

Или псалом 8:

Господи боже, коль чудно есть твое
По всей вселеный имя пресвятое,
Ибо лъпота твоя вознесеся выше небесе.

В псалме 34 такой рефрен дается после 2-й строки из 11-ти слогов:

Суди, господи, мя обидящыя,
Возбрани, боже, мене борющыя
Невинна суща.

Рцы души моей: аз есть твой
спаситель,
Сотвори, да всяк оныя гонитель
посрамлен будет.

В псалме 135, где строка тоже 11-сложная, рефрен также дан после 2-й строки, но он состоит из 2-х строк по 7 слогов каждая:

Исповѣдь хвалы господу несите
Яко благ: бога всѣх богов хвалите,
яко милость во вѣки
его на человѣки.

Исповѣдь хвалы господеви дайте,
Господа его вѣм господем знайте
(рефрен тѣт же).

Здесь Симеон Полоцкий следует за текстом псалма, где каждый стих тоже заканчивается одним и тем же рефреном: «Яко в век милость его».

В ряде псалмов количество слогов в строке может быть и меньше. Так в псалмах 125 и 130 строка 7-сложная. Девять псалмов (13, 22, 29, 45, 51, 65, 78, 95, 148) написаны 8-сложной строкой; в псалме 122 — 9 слогов в строчке, а в 99-м их 10. Оригинально построены строфы в псалме 69 и в «Благодарствии». В псалме чередуются две строки по 6 слогов и две строки по 11 слогов; в «Благодарствии» — 4 строки по 11 слогов и 4 строки по 5 слогов.

В песни Анны, матери пророка Самуила, написанной 11-сложной строкой, 6-сложный рефрен дается после каждой 6-ти строк. Песнь Богородицы написана 13-сложной строкой с рефреном из 5-ти слогов после каждой 2-й строки. В молитве Захарии-пророка опять мы встречаем 13-сложную строку, но рефрен здесь из 6-ти слогов после каждой 4-х строк. Припев в песни Богородицы написан 9-сложником:

Честнѣйшую всѣх херувимов
И славнѣйшую серафимов
Кромѣ всякого сравнения,
Родившую без истлѣния
Божие слово: дѣву знаем
Богородицу величаем.

Таким образом, построение стиха у Симеона Полоцкого достаточно разнообразно. Он предполагал, что псалмы будут петь, поэтому, естественно, старался облегчить стих. Если 13-сложник

петь было трудно, то стихи, где строчки короче и сопровождаются рефренами, легче могли уложиться на музыку. Особенno близок к песнопению псалом 135 с повторяющимся рефреном. Известно, что перевод Симеона был положен на музыку певчим дьяком Василием Титовым. Наличие нот убеждает в том, что Симеон достиг желаемого: переведенные им псалмы пелись, но смогли ли они заменить польскую Псалтырь, переведенную Кохановским, сказать трудно.

Следует отметить, что образцом для Симеона Полоцкого служили, кроме Кохановского, и другие польские поэты. Достаточно просмотреть сборник стихов польских поэтов, современников Симеона Полоцкого, чтобы убедиться, что они писали в тех же размерах и формах, какие воспринял и Симеон. Так, у Вацлава Потоцкого мы находим и 11-сложную и 8-сложную строчки. У него же часто встречается 5-сложный рефрен после 3-х строчек, написанных 11-сложником¹⁵. Веспасиан Коховский пишет ряд стихотворений 9-сложной строкой, у Кристофа Немирича встречаются 8-сложные строчки. То же самое наблюдается и в популярной анонимной польской поэзии. Образованный Симеон Полоцкий, хорошо знакомый с польской культурой барокко, учился версификации у польских поэтов, своих современников.

Переходя непосредственно к работе Симеона Полоцкого над текстом псалмов можно отметить следующие приемы, применяемые им при переводе: 1) пропуск отдельных слов и целых фраз; 2) замена одного слова другим, иногда — несколькими; 3) добавление отдельных слов, а иногда и целых фраз, которых нет в тексте псалма (для разъяснения содержания псалма, а в ряде случаев и при отсутствии нужной рифмы); 4) введение определений, приобретающих характер эпитетов, но отсутствующих в оригинале; 5) пе-

¹⁵ Dopiero wesol, tancuje i skacze,
Sluza mu szlachta, sluza i orasze;
Wieczor nie dojdzie, az on po
chorobie

Juz lezy w grobie.

D. Rudnicki:

Rozmyslaimy dzis wierni

Sarmatowie

Jako nam wlnosc przedali panowie,
Od elekcji nie ma odpoczynienia
Až do zniszczenia.

W. Kochowski (9 sl.):

Grecja z Spartą medzcow spiszta
Egipcie wynos Trismegista,
Platonem slawne dawne wieki,
Z swego sie chelpi Rzym Seneki.
(Poeci polskiego baroku. W-wa, 1965, t. 2).

K. Niemirycz (8 sl.):
Jednež Wady, jednež cnoty
Mamy w sobie z zwierzetami.

Anonim:
Mrozy tego roku srogie,
A swlaszczna na nas ubogie.

рефразировка (в ряде случаев также разъясняющая смысл). Приведем примеры.

1. *Пропуск отдельных слов*. Псалом 31: «Браздами и уздою» — у Симеона: «браздами». Псалом 36: «Престани от гнева и остави ярость» — у Симеона: «состави гнев и ярость».

2. *Замена одного слова другим*. Псалом 14: «глаголай истину в сердце своем» — у Симеона: «истину в сердце *носяй*». Там же: «поношения не принят» — у Симеона: «клевет не внушает». Псалом 36: вместо «состарехся» — «обетшах»; вместо «оставлена» — «лишенина»; вместо «от грешника» — «от враг»; вместо «блажен человек» — «муж».

3. *Добавление слов и фраз, которых нет в псалме*. Псалом 36: «и той сотворит» — у Симеона: «и той сотворит тебе по сердцу благая». Псалом 40: «на мя шептаху» — у Симеона; «о ми в тайнъ шептаху»; «на мя помышляху злая мне» — у Симеона: «злии людие злая на мя помышляху»; «и воздам им» — у Полоцкого: «да возмогу врагом ми праведно воздати».

Повелительная форма глагола в псалме всюду смягчается Симеоном Полоцким. Например, псалом 50: вместо «омый» — «изволь омыти», вместо «отврати» — «изволь отвратити», вместо «созижди» — «изволь создати», вместо «воздаждь» — «изволь воздати».

4. *Введение Симеоном определений-эпитетов*. Их особенно много в псалме 103, посвященном созданию мира. Вот некоторые добавленные эпитеты: «скоротечные ветры», «невещественны духи», «на горах высоких», «воды обильны течаше», «в их же зеленых ветвех», «заяцем малым пристанище», «эмий лют», «злобнии грешницы». В псалме 136 наблюдаются определения: «воиняху сверено», «о камень твердый». В псалме 138: «в гордости светней», «светло провиде».

5. *Перефразировка источника*. В псалме: «яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет»; у Симеона: «Весть бо Господь путь правых, тоя защищает, путь паки нечестивых в конец погубляет». В псалме 19: «Во имя Господа Бога нашего возвеличимся»; у Симеона: «Возвеселимся, о имени Бога велицы явимся», и далее добавлены слова, которых в псалме нет: «надеждею да ждеши свыше спасения». В псалме 20: «Воспоеи и поем силы твоя»; у Симеона: «Мы же силы имамы твоя воспевати, сладким пением хвалу тебе возсылати». В псалме 22: «и чаша твоя упаевающи ми, яко державна»; у Симеона: «И дал еси чашу твою, яже дивно упояет и радость в сердце содывает». В псалме 103: «Сотворил еси луну во времена, солнце позна запад свой»; у Симеона: луну «в знамение времен создал еси, солнце тобою запад весть свой на небеси». Там же, заключение: «Благослови, душа моя, Господа!», у Симеона: «Ты же от души моя, потицися хвалити Господа, доп-

даже ти во существѣ быти». В псалме 126: «Се достояние Господне сынове, мѣда плода чревнаго»; у Симеона:

Се господне есть достояние,
Родителемъ сыновъ даяние,
Иже мѣда есть чревеснаго плода
За благости, въ наслѣдие рода.

Приведенные примеры дают возможность ясно представить себе метод работы Симеона Полоцкого над текстом Псалтыри. Суровая и мужественная поэзия псалмов прекрасно передана в церковнославянском переводе. Но в стихотворном изложении Симеона она как бы разбавлена водой. То, о чём в Псалтыри сказано кратко и ярко, у Симеона Полоцкого передается хотя и добросовестно, но нередко излишне многословно. Это особенно чувствуется в тех случаях, когда переводчик-поэт сталкивается с художественным образом оригинала. Вот несколько примеров.

Псалом 103:

Призирая на землю и творя ю трястися,
прикасаяйся горам — и дымятся.

У Симеона:

Иже егда на землю свыше призирает
Трястися ей пред лицемъ своимъ сотворяет,
А егда ся великимъ горамъ прикасает,
Тогда множество дыма на нихъ воскуряет...

Интересно сопоставить эти строчки с переводом Кохановского:

Pan, który kiedy pozrzy, ziemia drzy; Pan, który
Kiedy ręką góru dotknie, dymem pojdu góry...

В том же псалме:

Змий сей, его же созда ругатися ему.

У Симеона:

...и змий лют играет, иже от малых рыбц
ругаем бывает.

Cр. у Кохановского:

Tam żaglem rozpuszczonym okręty biegają
Tam swe igrzyska srodzy wielorybi mają

Там же:

Творяй ангелы своя духи и слуги своя — огнь палящ.

У Симеона:

Невещественны духи ангелы творищи,
И во видѣ паляща огня служат тебѣ
Раби твои, иже тя пѣснословят в небѣ.

Cр. у Кохановского:

Duchy — poslancy, sludzy — gromy zapalone...

Сопоставляя приведенные примеры из «Псалтыри» Симеона Полоцкого с соответствующими местами перевода Кохановского, легко обнаружить сходство в изложении у того и другого поэтов. Но в целом перевод Симеона стоит как бы между каноническим текстом и переводом Кохановского: с одной стороны, поэт стремится по возможности точно передать стихами сказанное в Псалтыри, а с другой — сделать ее содержание понятным читателю.

Перевод Симеона был выполнен весьма талантливо на уровне современной ему украинско-белорусской литературной культуры, новой для русского феодального общества. Это был большой и серьезный труд, к которому автор отнесся со всей ответственностью и добросовестностью. Симеоном Полоцким положено начало стихотворным переводам на русский язык самой популярной библейской книги, и в этом его неувядаемая заслуга перед русской литературой.

Излагая стихами все псалмы (священные тексты) как можно точнее, Симеон Полоцкий сознательно ограничил свои поэтические возможности и поэтому не стремился проявить в переводе авторскую личность. Мы находим в его переводе те чувства и мысли, которые заключены в самой Псалтыри. Однако личность писателя проявляется в тех стихотворных и прозаических предисловиях, которые предпосланы книге, и в обращении «к гаждателю». Здесь он стремился объяснить читателям, и прежде всего первому из них, царю Федору Алексеевичу, авторитарное значение псалмов, пользу их чтения и пения. Псалтырь, разъясняет он, божественная книга, созданная царем Давидом по внушению самого бога и святого духа. И цари, и простые миряне должны петь псалмы, чтобы таким путем умолить бога, а «ангелы светлы, враги слезны сотворити».

Преследуя просветительские цели, Симеон Полоцкий раскрывает содержание псалмов, стараясь показать, что они могут помочь каждому человеку в любую минуту жизни. В них читатель найдет и «молбы о нуждах грядущих», и «воздыхания» о постигшей беде, и покаяние в совершенных проступках. Пение псалмов души украшает, псалмы — утеша старых и красота юных. По холастической традиции поэт-переводчик советует даже оставить пение светских песен:

Миряне, пѣсни мира оставляйте,
Вмѣсто их псалмы Богу воспѣвайте!
Овы убо ум тягут, души погубляют,
Сии ум здравят и души спасают (л. I об.).

В обращении к юному царю Федору Симеон говорит о библейском царе Давиде, авторе псалмов: «Царь небесный земного умудрил есть, тайны сокровенные чрез него явил есть». Книга Псалтырь

«честна, мудра и свята», ее полезно читать и петь не только в церкви, но и дома, это и заставило Симеона изложить ее стихами. Желая Федору Алексеевичу многих лет жизни и здоровья, Симеон со-поставляет его с Давидом:

Юи Давид Голшафа силнаго преможе,
Даждь ти юну силнаго турка збити, боже!

Актуализируя свою тему, поэт намекает на войну с Турцией, которую тогда вела Россия.

В первом (прозаическом) предисловии к читателю Симеон Полоцкий подробно рассказывает о причинах, побудивших его перевести Псалтырь стихами, и объясняет те различия, которые читатель найдет в его переводе с каноническим текстом псалмов и с польским их переводом. Далее в стихотворном предисловии к читателю Симеон, как и в обращении к царю, говорит о значении псалмов, их пользе для человека, а затем объясняет русским читателям, что хотя изложение псалмов стихами дело новое, но в его переводе разум, смысл божественной книги сохранен, а местами и разъяснен:

Во мнозех мѣстах толк здѣ положися,
Еже во сущем глубоко сокрыся,—
Тѣм не дивися видя ино слово,—
Разум един есть, речение ново
Свѣтлости ради...

Он советует читателю не слушать невежественных людей (вероятно, это его очередной выпад против писателей «раскола» — Аввакума и др.), осуждающих то новое, чего они не знают:

Не буди обицник расколы творящим,
Всю мудрость в себѣ заключенну мицшим...

Поэт просит не подражать завистникам, которым «грызут сердце» чужие труды. «Будь... не слов ловитель, но ума искатель», — убеждает он читателя.

В стихотворении «К гаждателю», завершающем Псалтырь, Симеон Полоцкий обращается к античной теме: рассказывает о Зоиле, который из зависти хулил великого Гомера, пытаясь таким путем пажить себе славу. Поэт уверен, что и теперь найдутся такие критики, которые тоже из зависти и по невежеству будут осуждать его перевод Псалтыри. Обращаясь к таким хулителям, поэт говорит, что «слава хулительства» — «злая слава».

Вскую труды моя зль тицися судити,
Сам не хотя, не могуць точных положити.
Не разум то, но злоба на то понуждают...

Утверждая, что сам он — верный сын православной церкви, Симеон Полоцкий советует «гаждателю», если бог дал ему разум, самому потрудиться и искать славы в собственных трудах.

Обращения к царю, к читателям вообще и в особенности к тем, кто, возможно, будет критиковать его труд, характеризуют Симеона Полоцкого как человека широко образованного, умного, прекрасно понимающего, как могут воспринять его новый и необычный труд консервативные круги русского общества. Он выступает здесь и как просветитель, сообщающий читателям ряд необходимых сведений о Псалтыри, о ее древнем создателе и о переводчиках на различные языки, а также о принципах своего перевода, которые в первую очередь должны воспроизвести смысл псалмов, а не то или иное слово оригинала. Все эти сведения были новы для русской литературы, интересны и полезны, так как они значительно расширяли кругозор русских читателей, не только современников Симеона, но и их потомков вплоть до середины XVIII в.

Как показывают владельческие записи на экземплярах «Псалтыри рифмовальной», хранящихся в библиотеках Москвы, Ленинграда и Киева, ее читателями были и представители высшего светского общества, и военные, и купцы, и духовенство.

Так, экземпляр Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр IV 64^а) принадлежал князю Дмитрию Голицыну, другой — (IV 64^г) — князю Юрию Федоровичу Щербатову, третий (IV 64^д) — дьякону Дмитрию Екимову. На экземпляре Библиотеки АН СССР (16.15.9) читаем «сия книга царского певчего дьяка Андрея Васильева сына Нижегородца». Андрей Нижегородец был певчим при дворе царевичей Петра и Иоанна. В Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина находится 12 экземпляров «Псалтыри рифмовальной», из которых один принадлежал капитану Гавриле Андреевичу Денисову, другой — купцу Федору Афанасьевичу Макарову, третий — соловецкому игумену Ионе.

Очень интересен экземпляр «Псалтыри рифмовальной» Библиотеки АН СССР (Собрание Петра I Абб). Это парадный рукописный (полустав, переходящий в скоропись) экземпляр с нотами, написанными дьяком В. П. Титовым, поднесенный им царевне Софье со следующими стихами:

Псалтырь, вершами новоизданная,
Во славу богу днесъ написанная,
Нотами ново улѣствовася,
Ей же премудрой царевнѣ подася
От Василия диака пѣвчего
Титова, раба их всесмирепна (л. 6).

Этот экземпляр, по сообщению Г. Н. Моисеевой, был передан Софьей князю В. В. Голицыну, сосланному в 1698 г. после стрелецкого восстания; от него он перешел к Д. М. Голицыну, у потомков которого книгу купил граф Ф. А. Толстой.

На описанном Глокке печатном экземпляре, хранившемся в Киевской духовной Академии, в начале и в конце книги было вклеено по 3 листа другой бумаги (филигрань «всадник в костюме ландскнехта») с написанными на них по-польски псалмами в переводе Яна Кохановского и неизвестных польских поэтов. На последних листах записаны предсказания об урожаях с 1740 по 1759 г. и польская молитва папы Иннокентия XI. После «Стихов о псалмех» Симеона Полоцкого владельческая запись: «Ex libris Generosi Michaelis Wereszczaka Camerary Nochogr».

Разнообразные владельческие записи дают право сделать вывод, что «Псалтырь» Симеона Полоцкого была достаточно распространена в русском обществе конца XVII—XVIII вв. «Псалтырь рифмованный» преподносили как ценный подарок, берегли, передавали по наследству. Несмотря на осуждение патриархом Иоакимом в 1690 г. всей издательской и литературной деятельности Симеона, эта его книга нравилась. Она знакомила общество с новой формой литературной работы — переводом стихами известной всем библейской книги псалмов, с различными видами силлабического стиха, привлекала изяществом оформления. Можно признать, что «Псалтырь рифмованный» была не только первым, но и одним из лучших и самых популярных изданий, осуществленных Верхней типографией царя Федора Алексеевича и Симеона Полоцкого.

Глава седьмая

«Повесть о Варлааме и Иоасафе»

в издании

Симеона Полоцкого

Л. П. СИДОРОВА

В 1680 г. в Верхней типографии по инициативе Симеона Полоцкого была напечатана «Повесть о Варлааме и Иоасафе». То, что Симеон избрал для издания в своей типографии именно это произведение, еще раз показывает его широкую образованность и хорошее знакомство с западноевропейской литературой.

Повесть о Варлааме и Иоасафе, царевиче индийском, относится к наиболее распространенным памятникам как христианского Востока, так и Запада начиная с VI—VII вв. нашей эры. Ее занимательный сюжет, разнообразные герои, их взаимоотношения, а также художественные достоинства произведения привлекали внимание читателей многих стран. Повествование было усложнено вставными рассказами — «притчами» и поучительными «словами», интересными по содержанию, придававшими всей повести определенное идейное звучание, связанное с христианским вероучением.

Вопрос об источниках повести неоднократно привлекал внимание исследователей и вызывал оживленную полемику. А. Кирпичников¹ был склонен считать ее компиляцией ряда мотивов, заимствованных из русских и византийских житий святых; А. Беловский в статье «Византийские повести и Варлаам и Иоасаф», написанной по поводу книги А. Кирпичникова², указывает на неубедительность и несостоятельность доказательств Кирпичникова и приходит к выводу, что в основу повести положена легендарная история индийского царевича Будды. Он доказывает это однородной последовательностью расположения основных эпических моментов рассказа и наличием притч явно восточного происхождения, на которые Кирпичников не обратил достаточного внимания.

¹ Кирпичников А. Греческие романы в новой литературе: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876.

² ЖМНП, июль, 1877.

ния. Б. И. Кузнецов³ приходит к выводу, что и биография Будды — первая ее часть, и повесть о Варлааме и Иоасафе имеют какой-то общий источник, поэтому рассказы о детстве и воспитании Будды и Иоасафа частично совпадают. Автор указывает на две истории, содержащие общие эпизоды в обоих произведениях. Но далее оба произведения идут своим путем и имеют мало общего. Отдельные эпизоды и притчи могли быть заимствованы повестью из возникшего, вероятно, в Средней Азии буддийского сборника «Мудрец и дурак», созданного в первые века нашей эры. Около 445 г. сборник был переведен в Хитане в Центральной Азии с хитанского языка на китайский, а потом на тибетский. В сборник входили древние легенды, в которых рассказ велся от лица самого Будды. Эти переводы сохранились до наших дней⁴.

По образному определению И. Ю. Крачковского, легенда о Будасфе-Иоасафе «как снежный ком с горной вершины, катилась с высот Индии на Запад, разрастаясь и принимая другой облик»⁵. Легендарная биография Будды, как предполагают ученые, была составлена в VI в. до н. э. Оригинал повести послужил источником для двух обработок. Первая — пехлевийская — появилась в VI—VII вв. н. э. в Иране на пехлевийском, или среднеперсидском, языке, а в VIII в. была переработана в Египте или Сирии арабским писателем-христианином, проповедником аскетизма. Вторая обработка — грузинская — относится также к VIII в. н. э. Этот христианизированный вариант был положен в основу греческого перевода тоже VIII в. Исследователи А. С. Орлов⁶ и Н. Ю. Крачковский⁷ предполагают, что греческая повесть была составлена в Палестине иноком Саввина монастыря Иоанном. Упоминание в древних греческих рукописях имени Иоанна дало повод в течение ряда веков приписывать без достаточного на то основания авторство повести Иоанну Дамаскину. В греческом варианте повести индийские имена Билуахара, Будасара (Будасфа) и Дженасайра были заменены именами христианскими — Варлаам, Иоасаф, Абенер (в русской редакции Авенир).

В древнейших греческих рукописях XI в. повесть называлась: «Душеспасительная история, принесенная из внутренней эфиопской страны, называемой Индией, в святой город Иоанном — му-

³ Кузнецов Б. И. «Повесть о Варлааме и Иоасафе»: К вопросу о происхождении.— ТОДРЛ, т. 33, с. 238—245.

⁴ Там же, с. 241—242.

⁵ «Повесть о Варлааме пустыннике и Иоасафе, царевиче Индийском» / Пер. с араб. акад. П. Э. Розена; Под ред. и с введ. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1947, с. 6.

⁶ Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 69—76.

⁷ «Повесть о Варлааме пустыннике...»

жем честным и добродетельным, монахом монастыря святого Саввы; в ней излагается жизнь славных и блаженных Варлаама и Иоасафа». Таким образом, восточная повесть под рукой греческого редактора-христианина превратилась в житие святых Варлаама и Иоасафа.

В XI в. греческая повесть о Варлааме и Иоасафе через латинский перевод распространилась из Византии на Запад, где вошла в «Золотую легенду» Якова Ворагине (XI в.). Это способствовало ее популярности в Европе. Она была переведена здесь на многие европейские языки. Вариант повести из «Золотой легенды» был положен в основу французского перевода XI в. и «Мистерии о Варлааме и Иоасафе». В начале XIII в. французский поэт Гюи, вдохновившись интересным материалом, создал стихотворную поэму, которая была уже не переводом, а поэтической переделкой повести. Забочаясь о занимательности своего произведения, автор сократил религиозную доктрину, расширил любовную тематику, ввел большое количество новых действующих лиц и усилил элемент лиричности. Таким образом, повесть о христианских святых-пустынниках превратилась в рыцарскую поэму. Тогда же, в XIII в., на основании повести была написана поэма немецким поэтом Рудольфом Эмансоном. Имеются также итальянские переводы повести и итальянская поэма, написанная на ее сюжет, но они относятся к более позднему времени. Сказанное дает основание сделать вывод, что на Западе повесть была очень популярна и неоднократно подвергалась переделкам.

В руки русских книжников «Повесть о Варлааме и Иоасафе» попала в XI–XII вв., по всей вероятности, в греческой редакции и была переведена на русский язык. У нас есть точные данные, что в XII в. Кирилл Туровский в своих «Словах» приводит притчи из «Повести о Варлааме и Иоасафе». А. С. Орлов пишет: «Древнейший перевод повести о Варлааме и Иоасафе был сделан, по-видимому, в России, в первые времена ее христианизации, но отдельные из входящих в повесть притчи были переведены еще ранее в Болгарии и затем перешли в Россию не позднее XI в.». Орлов говорит также, что эта повесть вместе с притчами была разнесена под различными числами в славяно-русский «Пролог»; исследователь указывает, что притчи «О четырех ковчегах» и «О царе и его дочери» включены были в проповеднический сборник в переделке Кирилла Туровского⁸. На все эти факты и данные ссылается также в своей статье И. Н. Лебедева⁹.

⁸ Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси..., с. 70.

⁹ Лебедева И. Н. О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе.— ТОДРЛ. Л., 1979, т. XXXIII, с. 251.

«Повесть о Варлааме и Иоасафе» была воспринята как житие и нашла широкое распространение не только в монастырской и церковной среде, но и среди светских читателей. Повесть стала особенно популярной в Киевской Руси потому, что она рассказывала о борьбе с язычеством и о победе христианства. Это звучало политически остро, напоминая о реформе Владимира, о принятии Русью христианства и о борьбе с остатками язычества. Особенно широкое распространение повесть получила в XIV в. в связи со вторым южнославянским влиянием; об этом пишет в своей статье И. Н. Лебедева¹⁰.

Старейшие русские пергаменные списки повести относятся к XIII—XIV вв. До нашего времени повесть дошла в разных вариантах, хотя в рукописной традиции до XV в. сохранялась почти без изменений. С XV в. она все больше сближается с жанром жития. Ее заглавие меняется: вместо старого названия «Писание душеполезное» она именуется «Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама и Иоасафа». Память их праздновалась церковью 19 ноября. Под указанным заглавием повесть продолжает свою жизнь и после XV в. Она сохраняет свое содержание, в ней очень подробно рассказывается о жизни царевича Иоасафа и о его беседах с пустынником Варлаамом. Читателей привлекала стройная композиция, яркое изображение противоположных настроений у героев язычников и героев христиан, разнообразные и выразительные по содержанию притчи, не всегда имеющие поучительный характер. Притч очень много. Особенно интересны притчи «О инороге», «О четырех ковчегах», «О добром сеятеле», «О трех друзьях», «О царе и добром советнике», «О соловье», «О сыне, взявшем отчее имение», «О царе и его дочери». Популярность повести у русских читателей подтверждается тем, что среди ее рукописных текстов имеется список, принадлежавший князю Андрею Курбскому, оканчивающийся молитвой, переведенной с латинского языка. В XV в. повесть была включена как житие в Макариевские Четии-Минеи, а в XVII в. была напечатана.

Первое издание появилось в 1637 г. и было осуществлено типографией Кутейнского монастыря в Белоруссии. Повесть здесь озаглавлена так: «„Гистория албо правдивое выписание святого Иоанна Дамаскина о житии святых преподобных отец Валаама и Осафа и о навернении индиян“, старанием и коштом иноков общежительного монастыря Кутейского, ново з гречкого и словенского на руский язык преложена. В типографии тойи обители. Року 1637 июня 22 дня». Размер книги — $\frac{1}{2}$ листа. Она оформлена очень скромно. На заглавном листе с левой стороны изображен

¹⁰ Там же, с. 248—249.

ны Антоний Великий св. Варлаам и царь Авенир. На правой стороне Иоанн Дамаскин, Иоасаф и царь Константин. На отдельном листе перед началом самой повести имеется одна гравюра, изображающая Варлаама и Иоасафа, беседующих во дворце царевича. Над фигурой Варлаама надпись «святой Варлаам», над фигурой Иоасафа — «царевич Иоасаф». Л. А. Итигина указывает, что текст Кутейнского издания фактически является переложением польского текста кириллицей на белорусский язык¹¹.

Вторично повесть была издана Симеоном в Верхней типографии в Москве. Издание 1680 г. парадное и отличается от издания 1637 г. прежде всего своим оформлением. Оно полнее и по содержанию; в нем есть разделы, которых нет в издании Кутейнского монастыря. Здесь повесть озаглавлена так: «История, или Повесть святого и преподобного отца нашего Иоанна, иже от Дамаска, о преподобном отце Варлааме Пустыножителе и о Иоасафе царе Индийском». Она изложена русским литературным языком второй половины XVII в.

В основу издания, как указывает Л. А. Итигина, был положен список повести, хранящейся в ГИМ (Синод. собр., № 114). В этом списке имеется большое количество исправлений, сделанных самим Симеоном. Итигина называет эту рукопись исходным текстом, черновиком и указывает, что все редакторские исправления вошли в печатный текст издания 1680 г., а правка была весьма разнообразной: как чисто грамматической и стилистической, так и смысловой¹².

Сопоставляя текст издания 1680 г. с рукописью ГИМ, Итигина отметила ряд дополнений, сделанных Симеоном. Они связаны с политическими проблемами, характерными для эпохи раннего просветительства. Среди них одно из первых мест занимает тема нраведного суда, не зависимого от подачек и лести. Итигина пишет: «...и текст, описывающий небесный суд, он [Симеон] вставляет фразу: „Тот правый суд даров обильное даяние развернуты не могут... а все хитрости подавати будут мучителна“. Глубже раскрыта тема злобы; обличение злобы — „один из главных путей наставлений на истину“, а злоба сама по себе есть, по мнению Симеона Полоцкого „результат невежества“. Много добавлений сделано к проблеме „Слово“». Л. А. Итигина пишет: «Поднять значение „Слова“, обладающего „божественной“ силой, — это было одной из важнейших задач Симеона-просветителя»¹³.

¹¹ Итигина Л. А. Редакторская работа Симеона Полоцкого над изданием «Повести о Варлааме и Иоасафе». — Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 260.

¹² Там же, с. 260.

¹³ Там же, с. 261—262.

Ро́гáвъ итýмъ тýцы , О́ца
и Сына и отáго Дхá :
Повелéние благочестия ищаго
бенкаго гдя нашего Цы ,
и величаго кнзя Феодора
Алехиевнта , брата великомъ ,
и малыя , и сёлыа руссии
заморскца : Благороденіи же
в добномъ чинѣ О́ца Его и его-
моляца , величаго гдя ищаго
Кути Факима . Патриаха
московскаго , и брата руссии :
Издаде же книга таа подержаша
Петрополь , на пошерь отаго и
препнааго О́ца нашего Фáнина ,
нже ѿ дамарка , ѿ прпеномъ
оуе Барламеи Пурпинноожургели :
и ѿ Фалрафе цркви Индийскимъ :

Бо црквищемъ велико градъ
Москвѣ, въ тупографіи вѣрнѣй: Бы лѣто
ш солтвонія міра, ^{змѣи} ш рѣкѣ же по плотнѣ
Бга саоба, ^хакха: Индиста, ^и д: Мца Енгербіа.

Подробное толкование этих понятий связано у Симеона Полоцкого с педагогическими просветительскими задачами, которыеставил себе писатель, печатая «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и имея прежде всего в виду своего любимого ученика царя Федора Алексеевича. Вместе с тем Л. А. Итигина отмечает, что Симеон Полоцкий был знаком с Кутейским изданием 1637 г., так как в соответствии с ним разделил текст в своем издании на главы. Кроме того, и в том, и в другом издании с правой стороны текста имеется отдельная графа, в которой помещены печатные комментарии к тексту «Повести». По своему содержанию комментарии и в издании Симеона, и в издании Кутейского монастыря очень близки друг к другу. Приведем несколько примеров.

Изд. 1680 г.

Изд. 1637 г.

Заглавие 8-й главы:

Иоасаф христианскую въру приемлет, Варлаам о силѣ крещения, о воскресении и о страшном суде поучает.

Иоасаф христианскую въру приемлет: Варлаам о мочы крещения, и о воскресении и о страшном суде научает.

Комментарий:

Иоасаф о учения старца камень драгий познаивает и к вѣре приступает (34 л.).

Иоасаф з науки старца камень драгий познавает и до вѣры преступает (59 л.).

Заглавие 9-й главы:

Что Варлаам прежде сказа вкратце тому вѣдь пространнее поучает от священного писания свидѣтельства приводит.

Што Варлаам вкороде исчисле вышней повѣде, тут обширне научает из писма святого свѣдоцтва приводит.

Комментарий:

О будущих Иоасаф свидѣтельства требуе (40 л.).

О прошлых речах Иоасаф свѣдоцтва потребуе (69 л.).

Заглавие 14-й главы:

Варлаам, суетство мира показав, увѣщает Иоасафа, еже богатства своя предпослати в небо.

Варлаам, порожность свѣта указавши, Иоасафа упоминает, абы богатства свои до неба вперед заслал.

Комментарий:

Причею поучает, еже милостинею богатства в небо пресылати (69 л.).

Варлаам пекною поучает примова — научае, абы пре милостыню богатства до неба вперед пресланы (168 л.).

Из примеров видно, что заглавия глав и комментарии к ним в обоих изданиях по своему содержанию одинаковы и отличаются только стилем.

Издание Симеона представляет собой книгу в лист (размер 31×21), красиво оформленную, в кожаном переплете с застежками, напечатанную хорошим четким шрифтом. На заглавном листе рисунок, сделанный Симоном Ушаковым, гравированный Афанасием Трухменским. В самом тексте много разнообразных заставок и концовок барочного характера. Основная часть текста напечатана черным шрифтом, но все заглавия выделены красным шрифтом. Так же выделены в оглавлении слова «Глава» и первая буква заглавия главы.

Оформление титульного листа дано в виде классического портала, исполненного в строгих прямых линиях, на боковых стенах которого симметрично расположены два пьедестала, украшенные гирляндами плодов. Слева на пьедестале представлена дева с арфой, с цветами и оливковой ветвью; она попирает воинские атрибуты — панцирь и шлем. У ее ног овечка. Над головой девы надпись «Мир».

На противоположной стороне на таком же пьедестале представлен юноша. Он в одежде воина. В правой руке он держит обнаженный меч. В левой руке у него копье. Правой ногой он попирает черепаху, левая нога отставлена. Над головой воина надпись «Брань».

Эта композиция, созданная Ушаковым во время длительной борьбы России за Украину и после заключения Бахчисарайского мира с турками (3 января 1681 г.), воспринималась как патриотическое утверждение победы и мира¹⁴.

Внутри рамы помещен следующий текст: «Во славу святых Троицы, отца и сына и святого духа. Повелением благочестивейшего великого государя... нашего царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея великия, и Малыя, и Белыя России самодержца. Благословением же в духовном чину отца его и богомольца, великого господина святейшего кир Иоакима, патриарха Московского и всея России. Издана книга сия, содержащая историю, или повесть святого и преподобного отца нашего Иоанна иже из Дамаска, о преподобном отце Варлааме пустыножителе, и о Иоасафе царе Индийском». Под рамкой указывается: «Во царствующем великом граде Москве, в типографии Верхней: в лето от сотворения мира ЗРП,— от рождества по плоти Бога — Слова 1680, Месяца септебрия».

В книге три части. Первая часть занимает 13 листов. В нее входит:

«Предисловие к читателю» (л. 1—2), написанное стихами;

«Оглавление вещей, обретающихся в сей книзе» (л. 2—4);

«Месяца поемврия в 19 день: служба святых преподобных отец наших пустынных жителей, в посте просиявших, Варлаама и Иоасафа, в велицей земли, глаголемай Индии» (л. 5—13).

¹⁴ Описание рисунка выполнено Е. С. Овчинниковой.

В начале предисловия читателю советуется внимательно прочесть книгу, затем кратко изложена жизнь Иоасафа, отказавшегося от всех благ жизни и царства и ставшего святым отшельником-христианином. «Поучайся, читатель», как бы говорит поэт в своем предисловии.

«Оглавление вещей, обретающихся в сей книзе» (40 глав) помещено после стихотворного обращения к читателю и интересно тем, что в нем довольно подробно излагается содержание каждой главы. Так, в главе 12 говорится: «Варлаам многобразы святого жития Иоасафу скажет и о благости иноческого чина многая предлагаєт; наконец изрядною притчею показует, како сладостей мира сего блостию нуждно есть» (л. 58). Глава 29: «Девда волхв от нечестивых жрецев призванный, царя к почитанию богов обращает и дает ему совет, да ласканием словес жен блудных сына к себе привлещи потщится» (183 л.). Глава 40 (последняя): «Иоасаф тело Варлаамово в земли погребает, и сам, во иночестве наказании претерпев, умирает, и близ того погребен бывает, потом царь индийский мопчи их во царство свое с великою честию приносит» (л. 206).

Последний раздел первой части — это церковная служба 19 ноября, посвященная памяти Варлаама и Иоасафа, не включенная в Кутейнское издание 1637 г. Это вечерня. Приведены тропари и стихиры с указанием, на какой глас полагается их петь, канон и чтения-паремии из Библии. Служба начинается стихираами на 6-й глас: «От корене царска прекрасна ветвь израсте, благоуханный крип, блаженный царь Иоасаф. Он же наказанием духовного наставника возжеле видети бесценный бисер, позна в троице славимого бога. И того заповедем делатель изряден показася, и ныне в выших ликовствуя, моляся о душах наших». «Просвещенный душею Варлаам, царю Иоасафу глаголаше: познал еси бога творца всех, той да просветит ти очи сердечнии, и даст ти дух премудрости и разума, да уведати имаши, что есть надежда знания его: яко напоследок и родителю своему ко спасению наставник будеши. Аз же не имам остати зде, но отхожду в путь свой, бога наставника имея, возводящего мя ко спасению» (л. 5). Приведены «чтение» из Библии «О премудрости Соломона» (л. 6—7) и ирмосы канона. Служба кончается «Словословием великим» и указанием — «На литургии служба преподобническая» (л. 13).

Вторую часть книги занимают «Стихи краесогласные в похвалу преподобного отца нашего Иоасафа царя Индийского». Они были написаны Симеоном как «стихи-декламация» и были, очевидно, произнесены при преподнесении книги о Варлааме и Иоасафе царю Федору Алексеевичу в Иоасафовой церкви в селе Измайлово. Но книга была преподнесена царю не Симеоном, так

как самого издателя уже не было в живых (он умер 26 авг. 1680 г.), и книга вышла из печати уже после его смерти, а, по всей вероятности, учеником поэта и издателем его произведений, продолжателем его дела — Сильвестром Медведевым. Для молодого царя книга, изданная его умершим учителем, конечно, была особенно дорога: Симеон так же наставлял Федора Алексеевича, как Варлаам — царевича Иоасафа.

В конце стихов на обороте л. 16 помещена таблица (криптограмма), типичная для западноевропейских изданий начинай с XV в. (эпоха барокко). В середине ее четыре буквы, напечатанные красным шрифтом И, М, П, П. Это начала слов «Иоасаф», «Молит», «Почитаю», «Пресвятую». Внизу под криптограммой напечатано: «Четыре начала суть зде положена: вящими писмены чтущу изявлены».

Последняя, 3-я, основная часть книги — текст самой повести, под заглавием: «История или повесть святого и преподобного отца нашего Иоанна, иже от Дамаска,— о преподобном отце Варлааме пустыножителе и о Иоасафе царе Индийском»; текст занимает 215 листов. Всего в книге 234 листа. Перед текстом повести на отдельном листе гравюра по рисунку Симона Ушакова, гравированная Афанасием Трухменским и изображающая Варлаама и Иоасафа. Сверху надпись: «Святой Варлаам купец благий, веры камень яви драгий», над фигурой Варлаама надпись «Варлаам», над фигурой Иоасафа — «царевич Иоасаф». Внизу под гравюрой надпись: «Иоасаф познавает, яко свет и просвещает».

Новые тенденции Ушакова как художника сказалась здесь в свободном владении изображением перспективы и пространства. Сидящие друг против друга Варлаам и Иоасаф реально представлены находящимися внутри комнаты: линия балдахина трона вверху и линия стола с лежащим на нем скрипетром уводят взгляду зрителя в глубину, подчеркивая пространство за сидящим справа Иоасафом. В глубине комнаты изображен двойной арочный проем в стене, с открывающимися видом из него на городскую площадь, с возвышающимися справа зданиями и угловой средневековой башней. Это создает впечатление перспективы городской улицы или площади.

Как убедительно предполагал А. А. Сидоров, на гравюре в образах Иоасафа и Варлаама Ушаков символически изобразил молодого царя Федора Алексеевича, внимательно слушающего своего учителя Симеона Полоцкого¹⁵. Попытаемся отыскать черты сходства в изображении Иоасафа на гравюре с имеющимися портретами царя Федора Алексеевича. Одним из ранних портретов

¹⁵ См.: История русского искусства. М., 1959, т. 4, с. 502.

Федора является миниатюра из книги «Чин венчания на царство», созданная в 1676—1677 гг., где царь представлен по пояс, в три четверти вправо, в овале. Он в торжественном платье «большого наряда», на голове его «казанская трехъярусная шапка», опущенная собольим мехом, в руках скипетр и держава. У Федора юношеское округлое лицо, с широко раскрытыми большими глазами. Волосы недлинные, с лежащей на лбу прядью¹⁶. Подобный облик видим и на гравюре, где у Иоасафа изображена такая же лежащая на лбу прядь волос, как у Федора Алексеевича на миниатюре. Вторым изображением Федора Алексеевича является его посмертный портрет, исполненный яичной темперой на доске¹⁷. На портрете представлена фигура молодого человека в рост, в три четверти вправо, в царском торжественном наряде из золотого аксамита. На голове у него трехъярусная царская шапка, опущенная мехом и украшенная вверху красным овальным камнем с крестом. В правой руке у Федора скипетр, в левой — держава. На гравюре у Иоасафа такая же царская шапка с ярусами.

«История о Варлааме и Иоасафе» была второй (после «Псалтыри рифмовальной») книгой, изданной в Верхней типографии, которая была создана царем Федором по желанию его учителя Симеона. В таких обстоятельствах именно царь и его поэт-философ могли потребовать от художника Симона Ушакова создать их аллегорическое изображение на титульном листе книги¹⁸. Текст заканчивается концовкой — обращением автора к читателям, очень близкой к изданию 1637 г.: «Зде конец сея книги, юже по силе моей написах, яко же слышах неложно от предавших мне честных муж. Буди же вам, читающим же и послушающим душеполезного сказания сего, чести сподобитися угождавших Господеви: молитвами и молением пречистыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, Варлаама же и Иоасафа блаженною, о нею же есть сказание се. О христе Иисусе, Господѣ нашем, ему же подобает слава, честь и держава и великолепие со безначальным его Отцем и с пресвятым и благим и животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

За этим следует «Молитва святого Иоасафа в пустыню входяща», которая также изложена Симеоном стихами. Эти стихи, как и стихотворное обращение к читателю, не вошли в сборники стихов

¹⁶ Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, Собр. Муз. № 7749, 1676, р.: 40×25 см; см.: *Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века*. М., 1955, с. 75—76.

¹⁷ Гос. Ист. музей, № 29175, И. VIII, 3760, р. 62, 44×1,19 м, реставрирован в ГИМе Г. А. Фроловым; см.: *Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в.*, с. 35—45.

¹⁸ Описание рисунка выполнено Е. С. Овчинниковой.

Се сминаю копієць багій. Січъ камінь твой драгій :

Симеон Полоцкий. Повесть о Варлааме и Иоасафе. М., 1680,
Гравюра А. Трухменского по рисунку С. Ушакова.

Симеона «Рифмологион», «Вертоград многоцветный», и мы приводим их в приложении.

Стихотворное обращение к читателю обычно в старопечатных изданиях того времени; «Стиси краесогласные» и «Молитва святого Иоасафа в пустыню входяща» сознательно помещены писателем в книгу и органично вписываются в ее общую композицию. Они написаны с определенной целью и идейной устремленностью. Стихотворное предисловие — это своеобразная завязка всей книги: автор призывает читателя быть внимательным и «поучиться». «Стиси краесогласные» — это ода, прославляющая героя, о котором читатель узнает, прочитав «Повесть об Варлааме и Иоасафе». Не случайно и расположены они перед текстом повести. «Молитва святого Иоасафа в пустынию входяща» — это своеобразное заключение, итог всего рассказанного: Иоасаф, преодолев тяжкие испытания, достигает цели, приходит в пустыню, поет славу Христу и величит Бога отца и Святого духа. Все завершено. Все три стихотворения дополняют книгу, изданную Симеоном, и являются своеобразным украшением барочного типа.

Интересно отметить, что стихи Симеона в его «Предисловии к читателю» и «Молитве святого Иоасафа в пустынию входяща» звучат по-разному. В «Предисловии» размер стиха типично силлабический — это 11-сложник с парной рифмой:

Бла-го есть кни-ги свя-ты-я чи-та-ти,
И по-лез-на-я о-них со-би-ра-ти,
Та бо бо-го-ви жи-ти нас-тав-ля-ют,
до-бре-дѣ-те-лем у-до-бы на-у-ча-ют.

В «Молитве святого Иоасафа в пустынию входяща» в стихотворной строке 8 слов. В силлабическом стихе 8 слов — обычное явление, но у Симеона эти стихи звучат по-особому. Это типичный хореический стих, хотя рифма в нем парная и женская, как во всех стихах Симеона. Приведем пример:

Бóже отче всемогúщий,
Бóже сынe присносúщий,
Бóже дúше параклýте
Многозáрный мýри свéте.

Не известно, осознавал ли сам поэт разницу в звучании стиха, может быть, и нет. В литературе, посвященной поэзии Симеона Полоцкого, он считается типичным представителем силлабического стиха, и об особенностях этого последнего стихотворения поэта нигде не говорится. Но Симеон знал и чувствовал специфику русского языка и у него были продолжатели. Так, в начале XVIII в.,

следуя за Симеоном, таким же размером писал некоторые свои стихи Феофан Прокопович.

Так, хореическим размером написано стихотворение:

За могилою Рябою,
над рекою Прутовою,
Было войско в страшном бою.

Симеон, издавая «Повесть о Варлааме и Иоасафе», поставил перед собой определенную задачу: дать русским читателям не только занимательное, но и поучительное чтение. Его цель была достигнута. Книга пользовалась успехом, что видно по сохранившимся экземплярам. В Гос. библиотеке имени В. И. Ленина, в Отделе редкой книги, хранится пять экземпляров «Повести о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Погоцкого:

- Инв. № 1741 Экземпляр Московской духовной семинарии.
Инв. № 1742 Экземпляр Б-ки Общества истории и древностей Российских.
Запись на титульном листе: «П. И. Бекетов. 9 февраля 1815 г.»
Инв. № 1743 Экземпляр Румянцевского музея № 427 (переплетено вместе с Псалтырью в стихах).
Инв. № 1744 Экземпляр из Отдела рукописей Гос. б-ки имени В. И. Ленина.
Инв. № 7749 Экземпляр из коллекции Десницкого.

В последнем экземпляре внизу по листам под текстом имеется владельческая запись. Начинается она на первом листе и продолжается на следующих листах до 147 листа включительно. Из нее видно, что книга принадлежала монаху Никифору, постриженнику Кожеозерского монастыря. Он в марте 7189 года (1683 г.) положил эту книгу в храм монастыря на помин своей души и просит читателей не воровать, не продавать и не закладывать ее, угрожая покусившимся на книгу вечными муками. Эта надпись владельца книги монаха Никифора служит как бы своеобразным заклинанием, грозящим всякому, кто осмелится нарушить просьбу вкладчика.

Известно, что в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится четыре экземпляра, а в Библиотеке АН СССР около десяти экземпляров той же книги. Наличие такого количества экземпляров книги в трех ведущих библиотеках нашей страны показывает, что «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании 1680 г. была известна читателю XVII в. и была достаточно популярна. Это и немудрено: помимо интересного содержания, по оформлению она представляет собой великолепный образец русского барокко второй половины XVII в.

Популярность повести о Варлааме и Иоасафе подтверждается тем, что мы встречаем ее в народном творчестве, в песнях калик переходящих; известны скитские «Стихи об Иоасафе прекрасном»,

его «похвала мати пустыне». А в литературе XIX в. на материале известных притч из повести о Варлааме и Иоасафе В. А. Жуковский написал в 1841 г. две стихотворные повести; первая излагает притчу о четырех ковчегах, а вторая притчу об инороге. Обе эти притчи были очень популярны в течение ряда веков существования повести и неоднократно включались в разнообразные сборники повествовательной литературы. В 1861 г. А. Н. Майков в форме русской стихотворной сказки «Три правды» изложил притчу «О славии». Герой этой сказки — русский купец. У П. И. Мельникова-Печерского в его романе «В лесах» героиня Фленушка поет духовный стих о Варлааме и Иоасафе.

Приведенные примеры обращения писателей XIX в. к повести о Варлааме и Иоасафе доказывают ее несомненное литературное значение. Избирая для печати именно эту повесть, Симеон Полоцкий обнаружил тонкий литературный вкус и понимание ее художественного и международного значения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Симеон Полоцкий

Предисловие к читателю

Благо есть книги святых читати,
И полезная оных собирати,
Та бо богови жити наставляют,
Добродѣтелем удобъ научают;
Вся убо книги имут блага многа,
Точне и сия в ползу не убога:
Юже рукама твоима держищи,
Прочти точию, истинну узриши.
Дивна здѣсь повѣсть миру явленна,
Како пожиста мужа божественна.
Варлаам отец, Иоасаф святый
Царевич и царь в Индии богатый,
Удивишися кая умышляше,
Варлаам старец и на что дерзаше,
Иоасафу спастися желая,
Душу си ради его полагая.
Почудишися промыслу дивному,
От старца мудра изобрѣтенному.
Како словом си тщася уловити
Иоасафа, дабы — вѣрну быти.
Мрежею слово его наречеши,

Егда повѣсти дивныя прочтеши:
Теми бо яко сѣти уловися
Юпоша, и раб Христу сотворися.
Им же Иида к богу обращения,
Правыя вѣры свѣтом просвѣщена.
Егда бо царь бысть, Христа прославил есть,
От идол отца к нему обратил есть.
Царство оставил, в пустыню вселися,
Со Варлаамом отцем си трудися.
Ту невозможно есть ся не чудити,
Како возлюби во пустыни жити.
Иже во свѣтлых палатах питася,
Во всяких сластех царству снабдѣвася.
Како хлад и глад восхотѣ страдати,
С дивими звери в дебрѣх обитати.
Иже трапезы обилны имаше,
Множество рабов в мирѣ содержаше,
За что, кака бысть мзда ему от бога,
Познаеши, коль велика и многа,
Токмо прилѣжно потщиша читати,
А ползу всяко имаши прияти:
Ея же и мы вѣрио ти желаем,
Иже о книгах труды полагаем.
Погрѣщеніе изволи простити,
Аще случися негдѣ погрѣшити:
Грѣх любовию изволь извиняти,
Да любовь бoga можешъ прияти:
Си же мы тебѣ прилѣжно вручаем,
И к себѣ любви от тебе желаем.
Аще же молву о нас положиши,
И нам и тебѣ благо сотвориши:
Мы же о тебѣ молим щедра бoga,
Да сподобит тя небесна чертога.

Молитва святого Иоасафа в пустынию входяща

Боже Отче всемогущий,
Боже Сыне присносущий,
Боже Душе параклите,
Многозарный миру свѣте,
В триех лицах пребываий,
Существо си тожде знай,
К тебѣ, грѣшный, притекаю,
Многи слезы проливаю,
Благоволи мя прияти,

Еже тебъ работати,
Донелѣже даси жити.
Хощу твой раб выну быти.
Тебъ ради мир лишаю,
Царство, други оставляю:
Честный вѣнец мне в ничтоже,
Тебъ ради, Христе боже.
Нѣсть ми воля царствовати,
Много богатств содержати:
Во уметы вся вмѣняю,
Тебѣ, Христе, подражаю.
Ниц и убог хощу быти,
Да с тобою могу жити.
В лѣсы темны из палати
Свѣтлы иду обитати.
С града гряду во пустыню,
Либя зѣло в ней густыню:
Да ту един обитаю,
Едину ти работаю.
Да мя сей мир не прелѣщает,
Любве к тебѣ не лишает,
Ты ми изволь помощь дати,
Во пустыни обитати:
Яко твоя воля будет,
Даждь да твой раб в ней пребудет,
Тебе выну работая,
В совершенство поступая.
Кромѣ тебе миѣ ничтоже
Лѣть творити благо, боже,
Ты сей путь мой сам направи,
Да живу ти, сам настави.
Вся надежда моя в тебѣ,
Ты спаси мя, живый в небѣ.
Ты же дебри и пустыни,
Приими мя во густыни,
Безмятежно в тебѣ жити,
Богу живу послужити.
Иду внутрь тя обитати,
Ты миѣ буди яко мати,
Питающи древес плоды,
И дивими былий роды.
Сладки чаши оставляю,
Токов твоих вод желаю:
Да возмогу от тех пити,

Ток от очес слез точити
Грехи моя омывая,
Бога в милость преклоняя.
Мира славу, сребро, злато
Цѣнио имам яко блато.
Точию то есть ми требе
Что нам господь хранит в небе.
Того хощу аз искати,
Скорби, нужды, злострадати.
Труды многи положити,
Токмо дабы в небе быти.
Тесным путём итти тщуся,
Да в пространстве водворюся,
Светла неба, в нем же сладость
Безконечна, и вся радость.
Звѣрей дивих аз боюся,
Но на Христа надѣюся,
Яко имать укротити,
И подаст ми мирно жити.
Тѣх ми паче умни звери
Страшни, иже зли без мѣры,
Ибо душу убивают,
Егда ону в грѣх прелещают;
Но и от тѣх мнѣ спаситель
Христос будет защититель,
Нань же весьма уповаю,
Всего ему мя вручаю.
Желаю же Варлаама
Зрѣти, да бы жити нама
Купно, да им наставлюся
Богу жити, и спасуся:
Он мя богу примирил есть,
Свѣтом правды просвѣтил есть.
Он мя жизни вождь да будет,
С ним дух выну мой пребудет.
С ним вѣк жити здѣ желаю,
С ним по смерти быти чаю.
Се даждь Христое получить,
С Варлаамом здѣ мнѣ жити,
И по смерти да с ним тебѣ
Пою славу в свѣтлом, небѣ:
Бога отца величаю,
Духа свята прославляю.

Аминь.

Глава восьмая

Работа Симеона Полоцкого над подготовкой к печати книг «Обед душевный» и «Вечеря душевная»

А. С. ЕЛЕОНСКАЯ

В литературном наследии Симеона Полоцкого существенное место занимает жанр проповеди. Писатель обратился к нему в самом начале московского периода, притом в значительной степени в силу политических обстоятельств: ему было поручено выступить с торжественными речами во время вселенского собора 1666—1667 гг.

Проповеди Симеона раньше других его сочинений увидели свет в печати: к началу 70-х годов относится издание московским печатным двором поучений «О благоговейном стоянии во храме» и «О еже... не пети бесовских песней», притом первое из них вышло тогда же еще раз отдельным изданием. Расцвет литературной деятельности Симеона Полоцкого в жанре проповеди падает на первую половину 70-х годов: об этом говорят хронологические пометы писателя в черновых рукописях «Обеда душевного» и «Вечери душевной». Свои проповеди он не только пишет, но и произносит устно в московских храмах, а также под Москвой. К середине 70-х годов относится замысел Симеона собрать свои проповеди воедино, что ему вскоре и удалось осуществить: в 1675 г. была завершена книга «Обед душевный», в 1676 г.— «Вечера душевная». Вышли из печати они уже после смерти писателя, в Верхней типографии, соответственно в 1681 и 1683 гг.

Сочинения проповеди в связи с евангельскими сюжетами (для «Обеда душевного») и в честь христианских святых (для «Вечери душевной»), Симеон Полоцкий опирался на давнюю традицию, основанную еще великими отцами церкви — Иоанном Златоустом, Василием Великим, Григорием Назианзином, Григорием Нисским, произведения которых использовались последующими писателями в качестве образцов. Например, в конце IX в. (894) Константин Болгарский составил сборник из бесед и поучений Иоанна Златоуста и Кирилла Александрийского для воскресных евангельских чтений. Сократив несколько святоотеческие тексты,

он сопроводил их собственными вступлениями и заключениями. Учительное евангелие Константина Болгарского было известно на Руси в большом количестве списков¹.

Популярностью пользовался также сборник воскресных и праздничных поучений, переведенный в начале XV в. с греческого языка на славянский. Составление сборника и авторство отдельных поучений в греческих рукописях приписывается Филофею, патриарху константинопольскому (XIV в.). На Руси сборник был известен не только в рукописных списках, но и в печатных изданиях: 1569 г. (Заблудов), 1595 г. (Вильна), 1606 г. (Клирос), 1629, 1637, 1652, 1686 гг. (Москва). Примечательно, что один из списков этого сборника («Поучения избранна от святаго Евангелия и от многих божественных писаний, глаголема от архиерея из уст в всяку неделю на поучение христоименитим людем или прочитаема, также и на господьския праздники и на избранных святых»)² мог быть известен Симеону и использован им для работы: на первом чистом листе книги почерком XVII в. написано: «Из верхния типографии», а на корешке (на наклейке) — «ис хор», т. е. «из хором». В сборнике 75 поучений, в том числе на притчу о блудном сыне, на день воскресения Христова, на рождество Христово, на благовещение, в честь Дмитрия Солунского, в честь Козмы и Дамиана, на усекновение главы Иоанна Крестителя и др.

Разумеется, Симеону Плоцкому, хорошо владевшему польским языком, были известны и аналогичные сочинения польских католических проповедников — Петра Скарги («Kazania przygodne», 1610 г.), Фабиана Бирковского («Kazania na niedziele święta dorośli», 1620 г.), Симона Старовольского, развивавших жанр проповеди в стиле барокко. Однако наиболее тесно «Обед душевный» и «Вечеря душевная» связаны с украинской литературой и прежде всего с книгой Иоанникия Галятовского «Ключ разумения». Книга имела практическое назначение дать рядовым пастырям образцы для составления церковных речей. «Ключем называем тую книгу для того, бо тут написаны казания, на котрии поглядающи священники могут себе иишии казания учинити и поведати», объясняет автор цель своего сочинения в предисловии³. Здесь действительно находится большое количество проповедей на всевозможные случаи церковной и частной жизни, подражая которым можно было

¹ Михайлов А. К вопросу об Учительном евангелии Константина, епископа болгарского. М., 1894.

² Сборник поучений XVI в. на воскресные и праздничные дни.— РКП ГИМ, Синод. собр., № 76, полуустав, 510 л.

³ Ключ разумения священником законным и свецким палежачай от недостойного иеромонаха Иоанникия Галятовского, ректора и игумена монастыря братского Киевского. Киев, 1659. Оборот титульного листа (далее ссылки на листы приводятся в тексте).

составить аналогичное слово или поучение. Но, пожалуй, еще большее значение для развития красноречия имела теоретическая часть «Ключа разумения» — «Наука албо способ зложея казаня», излагавшая правила построения проповеди, ее стилистического оформления, использования источников. Трактат Иоанникия Галятовского отразил при этом новые тенденции развития проповеди, которые стали отчетливо проявляться в украинской гомилетике под влиянием польского барокко с первой половины XVII в. Характерны, например, иронические наставления Мелетия Смотрицкого в книге «Экзетезис» (1629) православным проповедникам: чтобы избавиться от своего невежества они должны «целовать Бессия», т. е. следовать в искусстве составления речей за католическим проповедником Петром Бессом⁴.

Догматическая проповедь, которую представляет Иоанникий Галятовский и в теоретическом трактате и в приложенных к нему образцах, строится на толковании текста Священного писания. Галятовский рекомендует выбрать прежде всего «тему» и положить ее в основу произведения. Однако под «темой» понимается не конкретный предмет, о котором должна пойти речь, не раскрытие какого-то сюжета, а лишь отдельно взятое изречение, предпосылаемое тексту проповеди. Выбор «темы» совершенно свободен. Цитата может быть заимствована «люб з пророка, албо апостола якого, люб з евангелия, люб с аполикси, люб где хоч, в Библии можеш взяти фема и ведлуг фемы казанье учинити, и на тым казанию святого якого „хвалити“» (л. 244). Характерна рекомендация Галятовского «чинити» казанье «ведлуг», т. е. вокруг «темы». Под «чинением» в данном случае имеется в виду не столько развитие мысли, лежащей в основе изречения — «темы», сколько обыгрывание его внешней формы. «Тема» — как бы сердцевина сети, из которой тянутся сплетенные причудливыми узорами ассоциативные образы-нити. И чем красочнее каждая из этих нитей, чем запутаннее и сложнее рисунок в целом, тем больше ценится искусство проповедника, вовсе не обязанного держаться конкретных фактов при восхвалении очередного святого.

Например, проповедь Иоанникия Галятовского на рождество Христово, которой открывается книга «Ключ разумения», имеет в качестве «темы» цитату из Послания апостола Тимофея — «Бог явися во плоти» (Тимофей, 3). Опорным здесь является слово «плоть». Автор сначала напоминает, что божественная плоть представала перед людьми в «размайтых знаках», т. е. в разных обличиях. «Моисеев показался бог в купине огненной, израилья-

⁴ Сумчов П. Ф. Иоанникий Галятовский: К истории южнорусской литературы XVII в. Киев, 1884, с. 21.

нам показался в столпе оболочном, Йовове показался в вехре, Илии показался в ветре, Давидове показался в шуме ложном, а нам теперь показался бог в теле человечом, которое взял на себя од пречистой панны» (л. 1). Слово «плоть» заставляет вспомнить о нерасторжимом соединении в Христе божественного и человеческого начал при глауенстве начала божественного, после чего тягнется целый ряд «подобенств» (уподоблений), раскрывающих эту мысль на конкретных примерах. К числу таких «подобенств» относится, например, союз души и тела. «Подобенствами» двуединой плоти Христа являются также «две науки в одном человеке: философия и феология»; дерево малое, что «прищеплено до дерева великого», «перстень оловянный з дияментом» и т. д.

Развитию темы «бог явился во плоти» посвящены и «фигуры» — прообразы к слову «плоть» из ветхозаветной и античной истории. Такой «фигурой», рассказывает проповедник, была, например, «шата» (одежда), которую «справил» Иосифу его отец Иаков. Это была шата «взористая» (разноцветная, красочная) — «и Христови справил бы отец шату взористую, тело человечее, на котором были размакии взоры, синии, черныи и червонныи, гды Христа розками и бичами бито» (л. 5 об.). Заслуживают доверия, по мнению автора, и «фабулы поэтов», сообщающие, что «Юпитер, наивысший бог поганский, зступил з неба на землю и, взявши на себе тело человечее, проходжался по свету, приглядяющися, що люди чинят, чи доброе, чи злое? И Христос, правдивый бог, зступил з неба на землю и, взявши на себе тело человечее, ходил по свету, приглядяющися, що люди чинят? чи добрии учинки, чи злые?» (л. 6 об.). Вся эта цепь хитросплетений заканчивается в конце концов напоминанием о торжественном празднике рождества, который явил бога «в теле человечом», а также призывом пристроить ему молитвы, добрые дела и свое сердце.

Предпочтение, отдаваемое формальной стороне проповеди перед ее содержательными элементами, обуславливает в «Науке албо способе зложея казаня» большое количество стилистических рекомендаций, цель которых, как указывает автор, не только украсить произведение, но и расширить его объем. Например, подчеркивается необходимость лексического разнообразия при обозначении какого-либо понятия. Автор ссылается на одно из своих слов, где употребив выражение «збавление наше», прибавил к нему целый синонимический ряд: «живот вечный, слава, покой, веселье, царство, корона, пенязь, вечеря». «Так и ты, — поучает он читателя, — шукай разных имен, которыи единой речи служат, то латво розшириши свое казанье» (л. 246). Украсит речь, по мнению Галятовского, и обыгрывание какого-нибудь слова, а также имени собственного, упоминаемого в проповеди. Например, бог на-

зываются богом от слова «богатство», так как богат милосердием; «неделя мовится от неделания, бо в той день не делати нечего... належит»; «Владимир мовится от того, иже владнул миром, светом» (л. 243) и т. д.

Широко рекомендуется использовать метафоры, сравнения. Постоянно обращается к ним писатель и в своей практике. Например, ряд развернутых сравнений приведен в «Казане на стяжение господне». Христос уподобляется здесь драгоценным камням: «карбункулу», который произойдя от «угля огнистого», светит в «темности неверства»; «хризолету», отгоняющему меланхолию и «чинящему» человека веселым: Христос тоже отгоняет «вселяющие клопоты, фрасунки и меликолею от людей побожных и чинит их веселыми», — так он сделал веселою блудницу, умывшую его ноги своими слезами, апостола Петра, трижды от него отрекшегося (л. 48 об.—49 об.), и т. д. Совершенно обязательна самая широкая цитация. Любая «мова» оратора, любое положение в проповеди должны быть подтверждены «письмом святым з Библей, албо сведоцтвом святого отца якого учителя церковного, албо прикладом, албо подобенством, албо яким колвек доводом» (л. 245).

Большое значение придает Иоанникий Галятовский созданию в аудитории, к которой обращена проповедь, эмоциональной атмосферы. Этой цели служат риторические вопросы, восклицания, драматизация текста, когда какая-то часть проповеди строится как прямое обращение к святому. Тон проповеди должен соответствовать ее содержанию: быть «часом веселый, часом смутный» (л. 245). Интересный прием использован, например, в «Казанье на успение пресвятой Богородицы», где рассказ о страданиях, о тяжких испытаниях девы Марии целиком построен на вопросах оратора к слушателям: «А заж пречистая дева не была в небезпеченстве (опасности), гды з Христом сыном своим перед Иродом уходила до Египту? А заж не была в небезпеченстве, гды, Христа шукаючи новорожденного позабиял в Вифлеоме все дети? А заж пречистая дева и болю не мела? Гды Христа хотели... скинуть з горы в Назарефе и гды хотели каменьем забити в церкви Иерусалимской? А заж не мела пречиста дева болю великого и на той час, гды поглядала на великую муку и на ганебную смерть Христа, сына своего...» (л. 147 об.).

Вместе с тем Иоанникий Галятовский отнюдь не смотрит на проповедь как на хаотическое нагромождение бесконечного множества примеров. Материал должен быть организован строжайшим образом, и этому служит сама структура проповеди, в которой автор руководства выделяет три части: «ексордиум» (вступление), «иэрратию» (основную часть), «конклузию» (заключение).

Все они должны быть связаны друг с другом и в полной мере раскрывать тему: «Бо як малого жродла (источника) выходит великая река, еднак вода в реце згожаетъся з тою водою, которая ест в жродле, так з малой фемы великое походит казане» (л. 241).

В книге «Наука албо способ зложеня казаня» дана классификация ораторских произведений по содержанию: паряду с проповедями «недельными», «праздничными», «богородничными», т. е. посвященными событиям ветхозаветной и новозаветной истории, рассматриваются поучения на разные случаи жизни. Обращают на себя внимание и замечания Иоанникия Галятовского о необходимости писать доступно. «Старайся же бо все люде зрозумели тое, что ты мовиш», то, что не доходит «до зрозумenia людскаго», подобно глаголанию «в воздух» (л. 244 об.).

Иоанникий Галятовский призвал современников-казнодеев сочинять проповеди, следуя его наставлениям. Этот призыв был услышан самими искусными мастерами. Ответом явились прежде всего фундаментальные книги Лазаря Барановича «Меч духовный» (1666) и «Трубы...» (1668—1674). Первая из них, в составе 55 слов, предназначена для воскресных евангельских чтений. На титульном листе мы читаем: «Проповеди слова божаго на недели всего лета, начинаямы по чину сказания церковнаго от первыя святыя великия недели пасхи»⁵. Как и у Иоанникия Галятовского, проповедь Лазаря Барановича начинается с темы, обыгрыванию которой посвящено все последующее изложение. Например, «Слово на неделю по пасце о мироносцах» открывается цитатой: «Мария Магдалини и Мария Иаковля и Саломи купиша ароматы да пришедше помажут Иисуса» (л. 17). Этот отрывок рождает прежде всего цепь образов, связанных с упоминанием об ароматических веществах. С одной стороны, они знаменуют радость исцеления, являются символом целительной силы Христа: имя Иисуса — «миро излиянно», уста его — «смирны полны», сам он — «елей радости». «Миро» — также и «крещение святыя». С другой стороны, «миро» — один из знаков смерти, оно «мертвым есть подобно», оно напоминает о двойственной природе богочеловека, который, будучи бессмертным, страдал и умер как человек — и теперь жены-мироносицы «да пришедше помажут Иисуса да излиют на его язвы елей мира, а с тем купно и

⁵ Меч духовный, еже есть глагол божий на помощ церкви воюющий, из уст Христовых поданный или книга проповеди слова божьего, ю же сооружи господу поспешествующа и слово утверждающу Лазарь Баранович, епископ Черниговский, Новгородский и проч. Типом издадеся в святой великой чудотворной лавре Печерской Киевской. В лето от создания мира 7174. От рождества Христова 1166, л. 1 (далее ссылки на листы приводятся в тексте).

вино слез» (л. 18 об.). Ассоциативный ряд увеличивается благодаря уточнению, что жены-мироносицы «многоценным миром» творят честь «главе своей Христу». Это дает прежде всего право подчеркнуть, что как «муж ест главою жене», так Христос «ест главою и всей церкви». Вместе с тем слово «глава» включается в этот ряд и в своем буквальном значении: благочестивые жены излили стекляницу мира на голову Христа, а раньше так делала одна из жен при воскресении Лазаревом. Помазали миром голову Христа-младенца некогда и три царя, которых привела к ним звезда (л. 19).

О сложности, метафоричности стиля Лазаря Барановича, склонности его к ассоциативному способу изложения свидетельствует также развитие писателем эпизода о юноше в белой одежде, которого встречают мироносицы у гроба Христа. Краткое евангельское упоминание превращается у Лазаря Барановича в развернутую аллегорическую картину, где вместо юноши предстает в белой одежде, символизирующей свет божественного учения, сам Христос (л. 20 об.).

Догматическая проповедь Лазаря Барановича почти не имеет выхода за пределы богословского содержания. Связи с реальной действительностью нет даже в «Слове на неделю 22 по сошествии св. духа о богатом и Лазаре», написанном на актуальную, животрепещущую тему. Лишь краткая реплика о живущих «блудно», «прилагающих к сластям», намекает на жизненные ситуации в «Слове на неделю вторую о блудном сыне» (л. 358).

Такой же характер имеют и вышедшие отдельными изданиями «Слово на воскресение Христово»⁶, «Слово на святую Троицу»⁷, «Слово на Благовещение»⁸, а также книга «Трубы», состоящая из 80 слов «на праздники всего лета господских, богородичных и различных святых угодников божиих»⁹.

Эти книги были хорошо известны Симеону Полоцкому и близки ему по своему направлению. Симпатии писателя к творчеству

⁶ Лазарь Баранович. Слово на воскресение Христово. Новгород-Северский, 1675.

⁷ Лазарь Баранович. Слово на святую Троицу. Новгород-Северский, 1675.

⁸ Лазарь Баранович. Слово на Благовещение. Новгород-Северский, 1675.

⁹ Трубы на дни нарочитыя праздников господских, богородичных, аггелских, пророческих, апостольских, мученических, святителских, чудотворцов, безсребренников, благочестиваго царя и князей и проч., яже Лазар Баранович милостию божию, православный архиепископ Чернеговский, Новгородский и проч., силуо божею воструби, послушая господа: «Яко трубу вознеси глас твой и возвести людем моим». Исаия, 18. Типом в святой, великой, чудотворной Лавре Киево-Печерской... напечатана в лето от создания мира 7182, от рождества Христова 1674.

украинских гомилетиков были обусловлены многими обстоятельствами, в том числе личными связями, которые установились еще в юношеские годы Симеона. Дружеские связи, особенно между Симеоном Полоцким и Лазарем Бараповичем, не обрывались и в дальнейшем, хотя писатели жили в разных городах. Отношения поддерживались перепиской, частыми приездами киевских иноков в Москву. Так, например, в ноябре 1666 г. Лазарь Барапович был приглашен в столицу для суда над Никоном, наряду с Симеоном принимал участие в заседаниях собора. Не раз по делам украинской церкви приезжал он к царю Алексею Михайловичу и в дальнейшем, постоянно встречая помощь и поддержку со стороны Симеона.

Плодотворными были творческие контакты. Киевские иноки активно экспортируют свою литературную продукцию в Москву, дипломатически посвящая с этой целью книги царю. Например, свой труд «Мир с богом человеку» (1669) посвящает Алексею Михайловичу Иппонентий Гизель. С прозаическими и стихотворными посвящениями ему же выходит «Меч духовный» и второе издание «Труб» (1679) Лазаря Бараповича. Алексею Михайловичу посвящено второе издание книги «Мессия правдивый» (1672), а царевне Софье — «Боги поганские» Иоанникия Галятовского.

Украинцы откликаются и на радостные и на печальные события в жизни царской семьи. Так, Лазарь Барапович пишет Алексею Михайловичу книжку «Утешение» в связи с кончиной царицы Марии Ильиничны (за что получает благодарность в виде двух сорока соболей на сто рублей), а на смерть самого Алексея Михайловича и вступление на престол Федора Алексеевича отправляет молодому царю два сочинения — «Вечерний плач» и «Заутренняя радость»¹⁰. В 1670 г. высшая московская знать получает возможность познакомиться с живой проповедью светила украинской гомилетики — Иоанникия Галятовского, руководство которого было здесь известно. В церкви «Рождества пресвятой Богородицы, что у великого государя на сенях», он произносит в присутствии Алексея Михайловича поучение на текст «Юноше, тебе глаголю, возстани, и седе мертвый и начат глаголати»¹¹.

Прямым и непосредственным участником этой литературной экспансии был Симеон Полоцкий. Когда вышла в свет книга «Меч духовный», он пишет четыре хвалебные стихотворения, а также защищает ее от нападок Никона, охарактеризовавшего

¹⁰ Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Вып. 1. Лазарь Барапович. Харьков, 1885, с. 112, 139.

¹¹ Эйнгорн Виталий. Речи, произнесенные Иоанникием Галятовским в Москве в 1670 г. М., 1895, с. IV.

сборник проповедей Лазаря Барановича как еретический¹². Симеону просил передать Лазарь Баранович для ознакомления и рукопись книги «Трубы», рассчитывая напечатать ее в Москве (1669). «Честный отец Симеон Ситнианович,— пишет он патриарху,— яко искусный в богословии, на сие дело уготованный, да посмотрит». Книга была прочитана и одобрена Симеоном Полоцким¹³. Не исключено, что Симеон редактировал вышеназванные речи Иоанникия Галятовского, которые тот произнес в свой приезд в Москву в 1670 г.¹⁴ В свою очередь, ученые киевские старцы хорошо знали труды Симеона Полоцкого. Бережно хранил книгу Симеона «Жезл правления», полученную им в Москве во время церковного собора, Лазарь Баранович. Писатель сообщал в одном из писем: «Он [т. е. „Жезл“] как палка стоит у меня в углу на стороне, чтобы иногда не одождилась ересь Никитина и Лазарева, на которую и грозят этим кием»¹⁵. Примечательно, что когда в 1681 г., уже после смерти Симеона, вышел из печати «Обед душевный», царь Федор Алексеевич отправил в подарок экземпляры книги Иннокентию Гизелю, Лазарю Барановичу, Варлааму Ясинскому, а также гетману Самойловичу. При надлежность Симеона Полоцкого к западной литературной среде определила характер его творчества в области гомильтики.

Выше было отмечено, что работа над формированием сборников началась в середине 70-х гг. И. Татарский установил, что в 1675 г. Симеон подносит царю книгу под названием: «Словеса похвальная купно же и правоучителная на двадесять и един праздник угодников божиих во оглавлении изъявительных народотщательная ползы ради христиан православных»¹⁶. Сам сборник до нас не дошел, но сохранился «Эленхос, или Оглавление словес в книге содержимых»¹⁷, написанных в форме четверостиший, а также обширное предисловие с посвящением книги государю. Из «Эленхоса» явствует, что из святых выбраны в основном тезоименитые членам царской семьи (Алексей — человек божий, Наталья, Фе-

¹² Татарский И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886, с. 152—154. См. также ответ Никону, находящийся в бумагах Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 602, л. 213—214).

¹³ Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия, с. 54.

¹⁴ Эйнгорн Виталий. Речи, произнесенные Иоанникием Галятовским..., с. V.

¹⁵ Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель: Из истории южнорусской литературы XVII века. Киев, 1884, с. 13.

¹⁶ Татарский И. Симеон Полоцкий..., л. 134.

¹⁷ ГИМ. Синод. собр., № 602, л. 231 (далее ссылки на листы приводятся в тексте).

дор, Иоанн, ап. Петр, Татьяна, Софья и др.), а также наиболее почитаемые московские святители: Петр, Алексей, Иона, Филипп, Сергий Радонежский. Об этом принципе отбора говорит в предисловии и сам Симеон (л. 236).

Видимо, эта «книжица» из 21 «Слова» была затем использована при составлении «Вечери душевной», где также имеются панегирики в честь поименованных святых. Примечательно пожелание Симеона Полоцкого, высказанное им в предисловии относительно судьбы сборника. Он просит его «не в сокровищах царских положити, но церкви во прочтение отдати: онамо бо бесполезно изтлести возможет, а в сей многи плоды принести доволен будет» (л. 237). Рассчитывая на чтение проповедей вслух во время богослужения, автор полагает, что «правоверни людие» потянутся стать подражателями непорочному житию святых, о которых идет речь.

В этом же предисловии Симеон отмечает, что данный сборник — лишь часть задуманного труда: он намерен написать «проповеди слова божия на вся недели», т. е. на все воскресные дни, а также на «праздники нарочитыя» — о подвигах святых. Симеон уведомляет царя, что многое в этом плане сумел сделать: «...божием пособием на вся недели уже написах по два слова, на праздники же по единому диалектом словенским» (л. 236). Отсюда явствует, что в 1675 г. близилась к завершению книга «Обед душевный», в основу которой был положен годовой пасхальный цикл: в печатном экземпляре на все «дни недельные», т. е. на каждое воскресенье, действительно приходится большей частью по два «Слова».

Шла полным ходом работа и над книгой «Вечеря душевная», где многим «праздникам» в окончательном варианте посвящено не по одному «Слову», как сообщает Симеон, а по два-три и даже в ряде случаев большие. К тому же книга в ее печатном варианте, кроме праздников «нарочитых», прославляет праздники «господские», «богородичные» и содержит поучения на разные случаи жизни. Тем не менее в 1676 г. был готов и этот сборник, что явствует, в частности, из письма Сильвестра Медведева, посланного им Симеону «из Курския пустыни» 25 сентября 1676 г. С восхищением отзывааясь о многочисленных заслугах своего «любезнейшего учителя» перед «Российским царствием», Сильвестр Медведев поименовывает как «сотворенные» четыре книги писателя: «Первая — Жезл правления, вторая — Венец веры, третия — Обед душевный, четвертая — Вечеря душевная». «Те бо веру укрепляют, — продолжает он, — в печали утешают, любовь восперяют; те благоговеинство возбуждают, усомнение разрешают, те чистое от нечистаго отделяют, помоить ко благоделанию содеют, от пре-

ступления обета на святом крещении и от всякаго зла восхищатся научаютъ»¹⁸. И далее, обыгрывая заглавия этих книг, Сильвестр Медведев желает в будущей жизни их автору: «На небеси за Венец веры прияти венец живота... и за Обед душевный снести обед в царствии божии... за Вечерю же душевную со убежденными на вечерю вечныя всяких благ исполненной сладости ввестися и тамо насытитися славою божественною... Зде же за Жезл правления да послет ти господь... Жезл силы, им же да возгосподствуети посреде врагов твоих...»¹⁹

На 1675 г. как год окончания «Обеда душевного» и 1676 г.— «Вечери душевной» указывают и титульные листы печатных изданий, а также беловых рукописей и корректурных экземпляров обеих книг. Допедные до нас материалы позволяют проследить путь создания книг от первых черновых набросков до тиража. Симеон Полоцкий предстает при этом перед читателем не только как талантливый и чрезвычайно работоспособный писатель, но и как европейски образованный человек, придирчивый редактор, скрупулезный считчик собственных работ. Очень ясной становится и роль Сильвестра Медведева, вложившего большой труд в подготовку к печати книг своего учителя.

Методика работы над «Обедом душевным» и «Вечерей душевной» была сходной. Книги создавались в несколько этапов. Вначале появились черновые рукописи, от начала и до конца написанные рукою самого автора. Затем они были переписаны, судя по почерку, одними и теми же писцами. Однако и авторская работа не закончилась: Симеон пополнил оба сборника новыми словами, вписав их собственноручно между перебеленными текстами. Так появились своеобразные рукописные книги «Обеда душевного» и «Вечери душевной», состоящие как из переписанных текстов, так наряду с ними и из автографов.

Названные четыре рукописные книги, находящиеся в настоящее время в Синодальном собрании ГИМ, были подробно описаны еще в середине прошлого века А. Горским и К. Невоструевым²⁰ и легли наряду с печатными экземплярами в основу трудов Л. Н. Майкова²¹, И. Татарского²², В. Попова²³. Однако уже

¹⁸ Письма Сильвестра Медведева / Сообщ. С. Н. Браиловского.— Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1901, т. 144, с. 23.

¹⁹ Там же, с. 24.

²⁰ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания святых отцов. Разные богословские сочинения: Прибавление. М., 1862.

²¹ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1880.

²² Татарский И. Симеон Полоцкий...

²³ Попов В. Симеон Полоцкий как проповедник. М., 1886.

А. Горский и К. Невоструев высказали предположение о существовании других рукописных текстов. Они, в частности, обратили внимание на помету Сильвестра Медведева в автографе «Обеда душевного» о наличии «белой книги», отличающейся в некоторых деталях от упомянутого списка, которым располагали исследователи. Обнаружить «белую книгу» «Обеда душевного» им не удалось.

«Белые книги», притом не только «Обеда душевного», но и «Вечери душевной», действительно существуют. Они дошли до нашего времени и находятся в ЦГАДА, в собрании Синодальной типографии. Обе рукописи представляют собой наборные экземпляры. Можно было бы предположить, что их видел А. Прозоровский, упоминающий о наличии в Московской синодальной библиотеке начисто перебеленных списков ряда произведений, в том числе «Обеда душевного» и «Вечери душевной». Эти списки, отмечает исследователь, собственноручно исправленные Симеоном Полоцким и переписанные Медведевым, приведены в такой вид, «что их осталось только предать тиснению». Однако, как показывают дальнейшие ссылки, под беловыми списками «Обеда душевного» и «Вечери душевной» А. Прозоровский имеет в виду те же рукописи из Синодального собрания ГИМ, которые были описаны А. Горским и К. Невоструевым²⁴.

Процесс создания книг выглядит следующим образом:

«Обед душевный»

Автограф (ГИМ, Синод. собр., № 656)
Промежуточная рукопись (ГИМ, Синод. собр., № 655)
Белая книга (ЦГАДА, ф. 381, Синод. тип., № 504)
Первая корректура (ЦГАДА, Синод. тип., № 612 (2))
Вторая корректура (ЦГАДА, Синод. тип., № 612 (1))
Печатный экземпляр (изд. 1681 г.)

«Вечеря душевная»

Автограф (ГИМ, Синод. собр., № 658)
Промежуточная рукопись (ГИМ, Синод. собр., № 657)
Белая книга (ЦГАДА, ф. 381, Синод. тип., № 503)
Первая корректура (ЦГАДА, Синод. тип., № 309)
Нет
Печатный экземпляр (изд. 1683 г.)

Автограф «Обеда душевного»²⁵ свидетельствует о том, что Симеону Полоцкому сразу же был ясен замысел книги. Как и в печатном экземпляре, она начинается стихотворными и прозаическими предисловиями, последнее из которых раскрывает нравст-

²⁴ Прозоровский А. Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896, с. 158.

²⁵ ГИМ, Синод. собр., № 656, в 4⁰, на разной бумаге, скоропись XVII в. (рукой Симеона Полоцкого), в кожаном переплете с тиснением, 443 л. (далее ссылки на номер рукописи и листы приводятся в тексте).

венные цели труда, предназначенного дать духовную пищу христианским душам. Здесь всячески обыгрывается метафора «обед душевный», однако самого заглавия книги еще нет, и оно внесено в рукопись позже Сильвестром Медведевым. На титульном листе его рукой написано: «Книга, что Симеон Полоцкий обедом назвал, черная», а на л. 7 об. Сильвестром Медведевым же помещено полное заглавие труда, аналогичное заглавию в белой книге, откуда оно и перенесено в данный текст: «Обед душевный на вся дни воскресения всего лета. Из пищ слова божии душам христиан православных в насыщение духовное, божиим пособием уготованный. Трудолюбием многогрешного Симеона Полоцкого, иеромонаха недостойного, во царствующем граде Москве. В лето от создания мира 7184, от рождества же бога во плоти в лето 1675, месяца дня». По справедливому замечанию А. Горского и К. Невоструева, изучавших автограф «Обеда душевного», «заглавие по включению в него слова „многогрешного“ должно считать принадлежащим самому Полоцкому»²⁶. Черновая рукопись почти полностью совпадает с печатным изданием и по составу: в ней недостает лишь последних пяти «Слов»: двух на великую субботу, «Слова» на неделю пред просвещением, «Слова» по просвещении и на день недельный²⁷.

У Симеона, думается, не было трудностей со структурой книги, так как она была определена традицией составлять подобные сборники на основе календарного цикла. Для сборников сочинений на евангельские тексты этот цикл был раз навсегда определен: он начинался Христовым воскресением и завершался им же, а между ними последовательно друг за другом шли неделя о Фоме, неделя о миросицах, неделя о расслабленном, неделя о самарянине, неделя о слепом и т. д. Характерны в этом плане и сами заголовки слов Симеона, которым он не дает каких-то особых названий, а именно так их и обозначает в порядке следования недель, приняв за точку отсчета праздник пасхи. Из других текстов в автографе нет «изъявления словес» — оглавления, которым открывается печатное издание.

Черновая рукопись свидетельствует о большой предварительной работе Симеона Полоцкого. Книга отнюдь не писалась сразу и заново — она представляет собой соединение ранее написанных текстов. Это видно, во-первых, из отдельных указаний о времени написания проповедей, которые следуют друг за другом не в хронологическом порядке, а в разбивку. Так, в конце «Слова 2 на день сошествия св. духа» читаем: Anno 1672 (л. 87 об.). После

²⁶ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей..., с. 836.

²⁷ В печатном издании 1681 г. находятся на л. 662—787 об.

«Слова 2 на неделю 18 по сошествии св. духа» назван 1674 г. (л. 231 об.). После «Слова 1 в неделю сыропустую» помечено: «1673. Febr. 12» (л. 371 об.), а после второго «Слова» на эту же неделю — «1673. Febr. 11» (л. 375 об.). На листе, где заканчивается «Слово 2-е в неделю крестопреклонную», встречается запись: «scripsi anno 1672. Mart 4» (л. 395). Хронологические указания о времени написания проповедей не вошли в печатное издание. Это пометы писателя для себя. О соединении в сборнике написанных ранее проповедей говорит, во-вторых, сам характер рукописной книги: это сборная рукопись, на разной бумаге. Ни одно из поучений не начинается на оборотной стороне листа, даже в том случае, если стоящее перед ним произведение заканчивается в самом начале предыдущего лицевого листа.

Прикрепив к каждому воскресенью в основном по два «Слова», Симеон Полоцкий не сразу определил их порядок по отношению друг к другу. Например, не в той последовательности, по сравнению с печатным изданием, стоят «Слова» на неделю 20 по сошествии святого духа (об умершем юноше, сыне вдовы, которого воскрешает Иисус); на неделю 28 (о некоем человеке, сотворившем вечерю); в неделю 3-ю крестопоклонную (на слова Иисуса Христа «иже хощет по мне ити, да отвергнется себе»); на неделю цветоносную и др. Однако порядок «Слов» для последующего переписывания определен уже в автографе: в тексте обозначены номера, многие из которых, как это явствует из характера записей, проставлены позже: буквенные обозначения цифр «а» или «в» сделаны, как правило, другими чернилами; они находятся сверху или между словами, часто сливаясь с ними (см., например, «Слово 1 в неделю 3-ю по пасхе», л. 29).

Текст проповедей пестрит вставками, вычеркнутыми кусками, зачеркнутыми и вписанными словами и предложениями. Вставка может иметь характер дополнительной иллюстрации. Например, в «Слове 2 в неделю 16 по сошествии св. духа», где tolкуется притча о пяти талантах, вспоминаются библейские персонажи, каждый из которых приумножил свой «талант»: Давид, победивший Голиафа, Лазарь, умерший на гноище и др. Однако Симеону этого кажется мало, и он приводит на поле новый пример — уже не из священной истории, а из античной: «Александр Македонский в мале возрасте дивное име великолудие, яко на вся бывшая цари во вселенной дерзновение ему восприяти, ратовать же и одолети». Эта вставка подчеркивает, что свой талант у каждого, не только у великих, но и у малых,— в данном случае воинский талант проявился уже у Александра-ребенка. «И в безсловесных малый лев,— поясняет писатель,— великия простирает звери» (л. 216 об.). С этим, отсутствовавшим в первоначальном виде,

добавлением текст, дважды затем переписанный, был и напечатан (1681, л. 302 об.).

В «Слове 2 в неделю 26 по сошествии св. духа», где осуждается богатство, на поле новая приписка об Александре Македонском, который на этот раз осуждается: его жажды завоеваний уподобляется алчности богатых. «Еще толико, яко же чтем об Александре Македонском, иже услышав от философ, не един токмо быти, но многи ины обретатися, плакася горце, яко мало бе время жития его на покорение тех миров. Оле несътства, оле любомимения», — сокрушаются писатель о неуемном стремлении Александра Македонского завоевать все миры (л. 216 об., в печ. издании 1681 г. — л. 434). Эти вставки Симеона Полоцкого делают изложение более наглядным.

В ряде случаев новые текстовые куски имеют уточняющий характер. Например, в «Слове 1 в неделю 9 по сошествии св. духа» Симеон традиционно называет человеческую жизнь кораблем духовным. Этот корабль, вмещающий в себя и добрых и злонравных, подобен, — говорит он, — Ноеву ковчегу, где находились «чистии же и нечистии скоти, кротии и жестоции зверие». Однако затем, видимо неудовлетворенный этим сравнением, предваряет его упоминанием о том, что там находились «добрый Ное с Симом и Афетом, подобными себе сынома, и злый Хам, отца своего обругавый» (л. 152 об.). Такое добавление здесь вполне естественно, так как речь перед этим шла о существовании добрых и злых людей, о неодинаковости человеческих поступков.

Стремление к конкретизации находим в «Слове 1 в неделю 1 по сошествии св. духа», где утверждается, что порой слабые совершают подвиги более великие, чем сильные, и что это доказали многие подвижники. Общий вывод делается следующий: «О мужество паче мужняго! О доблести выше естества! Жена мужествует и мучители терпением побеждает, взирающе на воздаяние небесное». Но поскольку речь шла не только о женах, но о силе человеческого духа вообще, о способности преодолеть себя, Симеон вписывает на поле уточняющий эту мысль пример: «Юнии отроцы, паче старец умудрени бывше, земная яко землю ногама попирают и духом на небесная устремляются» (л. 89). С помощью новых слов, предложений сильнее выявляется отношение автора к предмету изложения, к персонажам. Например, в предисловии к слову «диавол» добавлен эпитет «лукавый» и вписан эмоциональный возглас: «Оле коварства, оле коварника» (л. 9). Оценочный характер имеют вновь найденные сравнения, адресованные Богу (они вписаны на поле): наказывая грешников, Бог «аше сечет, то яко врач язвы исцеляет. Аще режет, то яко вертоградарь древо отребляет» (л. 99 об., 1681 — л. 126 об.).

Приписки делают также более ясной идейную позицию автора. Это мы видим, например, в проповеди о расслабленном, где перечислив всех, кто в жизни может быть ему уподоблен, Симеон называет и нерадивых начальников. Недостойны уважения, по его мнению, «начальницы, пренебрегающие попечение деяти о подчиненных себе людех», — так пишет он в первом варианте. А затем дописывает сверху: «неприлагающие рук своих к делу своему» («Слово 1 в неделю 6 по сошествии св. духа», л. 130 об.). Это существенное добавление в идеином плане, так как из него явствует, что забота о подчиненных — прямая обязанность «начальников».

В «Слове 1 в неделю 13 по сошествии св. духа», используя евангельскую притчу о виноградаре, Симеон утверждает, что каждый на своем месте обязан выполнять соответствующие его положению обязанности. Благодаря словам, приписанным на поле: «от богатых ницым подаяния, от нищих — благодарства и молитвы», оказывается заостренной мысль, очень характерная для позиции Симеона Полоцкого как сторонника всеобщей любви и социального мира.

Симеон не отказывается от возможности обратиться лишний раз непосредственно к читателям. Например, рассуждая о непрочности счастья богача и приводя разные доводы о бесполезности хлопот к приумножению богатства, он предупреждает на полях книги своего читателя: «Ты трудишься, а ини внидуть в труды твоя» (л. 295 об.; 1681 — 435 об.). Закончив предисловие, он в дополнительном текстовом куске просит читателя не забывать, что автор, возможно допустивший ошибки, — тоже человек: «Несмы ангел, сия писавый» (л. 12; 1681 — л. 9 об.).

Многие вставки говорят о стремлении писателя усложнить свой стиль путем увеличения ассоциативных образных рядов, что приводит к распуханию проповеди. Например, в «Слове 2 в неделю 2 по пасхе», где речь идет о Фоме неверном, первоначально было лаконично сказано о прозрении апостола, не сразу уверовавшего в воскресение Иисуса Христа: «вопиет Фома: „Господь мой и бог мой!“ Ими же краткими словесы исповедует вечное основание веры нашей, божество сиречь и человечество Христово». Однако сам Симеон не следует Фоме в «краткости словес» и между репликой апостола и своей оценкой его слов вставляет развернутый период (л. 28 об.; 1681, л. 24), который затрудняет восприятие простой в общем-то мысли о том, что сомнение иной раз полезнее слепой веры, но как нельзя лучше соответствует символико-метафорическому стилю произведения. Пример распухания проповеди мы находим также в слове о милосердном самарянине, где к листу (52 об.) сделана специальная вклейка, содержащая пространное рассуждение о милости.

Однако Симеон не боится и сокращений, вычеркивая порой из написанного целые куски. Например, довольно большой отрывок изъят из «Слова 1 в неделю 5 по пасце» (о самарянине), который имеет значительную авторскую правку, видимо, не удовлетворившую писателя. Эта проповедь построена на образах духовного огня и невещественной воды, знаменующих очищение души, в изъятом же тексте душа уподоблена цветущему дереву, которое хочет покалечить дьявол. Можно предположить, что Симеон расстался с этим сравнением из-за его несоотнесенности с основными образами проповеди.

Симеон Полоцкий стремится к выразительности изложения путем стилистической правки, путем поисков единственно необходимого слова. Интересна в этом плане его работа над синонимами в рассказе о трех юношах, которым задали вопрос, что на свете всех сильнее («Слово 2 в 3-ю неделю по пасце», о мирионосцах). Первоначально было написано: «Един написа, всех крепчайше быти вино... второй написа, яко всех креплей есть царь... третий написа крепишу всяческих быти жену». Однако неудовлетворенный однообразием сказуемых, Симеон находит новые глаголы, и текст становится художественно богаче: «Един написа... второй начерта... третий суди» (л. 33).

Удачный эпитет к слову «написать» применяет автор «Обеда душевного» также в «Слове 1 в неделю 13» (о человеке, пасавшем виноград). Приведя здесь изречение пророка Исаии о недопустимости нерадиво исполнять свой долг, Симеон сначала следующим образом вводит цитату в текст: «...у велегласного Исаии написася сице», но затем дает новый вариант: «у велегласного Исаии господь жалится сице» (л. 186 об.; 1681 — л. 263—263 об.).

Видимо, стремлением соответствия лексики стилю произведения обусловлена замена одного слова другим в развернутом сравнении, уподобляющем стяжателя хищникам, которые до поры до времени прячут когти. Вначале наряду с «львом» и «медведем» был назван «кот». Однако затем слово «кот» было заменено на выражение «дивии звери», менее, правда, точное, но зато более соответствующее возвышенно-патетическому стилю произведения: «Лев и медведь и дивии звери, пазногти имут сокровенны, и не извлекают их, даже прилучится ловитва» (л. 105; 1681 — л. 136, «Слово 1 в неделю по сошествии св. духа»). И, напротив, стремление к точности обнаруживает Симеон Полоцкий, отказываясь от привычного сравнения «злато-блато» и заменяя его уподоблением золота песку: «Ничтоже то злато, точию песок» («Предисловие», л. 9). Это сравнение здесь верно выражает мысль о непрочности богатства.

Много работал Симеон Полоцкий и над стихами, которыми открывается «Обед душевный». Замена одних слов другими позволяет предположить, что писатель стремился к легкости стиха, хотел освободить произведение от тяжеловесных оборотов, затрудняющих чтение. Вот как звучали, например, в первом варианте строки из «Стихов о недели честь субботы преемшей»:

...Оттоле паки суббота храненна
Бе честивыми и духовне почтенна...
...Аароново священство отиде,
Мелхиседека иерейство прииде...

Однако Симеон зачеркивает в первом двустишии слово «духовне», а во втором «иерейство» и заменяет их соответственно на «зело» и «по чину», в результате чего стихи начинают звучать значительно легче:

Оттоле паки суббота храненна
Бе честивыми и зело почтенна...
...Аароново священство отиде,
Мелхиседека по чину прииде (л. 4 об.).

Автограф Симеона пестрит указаниями писателя на источники. Эти пометы на полях, писанные большей частью по-латыни или по-польски, интересны для нас в двух отношениях. Прежде всего они раскрывают круг чтения писателя, а кроме того служат одним из доводов принадлежности Симеона Полоцкого к украинской школе гомилетики.

Иоанникий Галятовский в трактате «Наука албо способ зложея казаня» рекомендует самое широкое обращение к источникам: «Треба читати Библию, животы святых, треба читати учителей церковных, Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, Афанасия, Феодорита, Иоанна Дамаскина, Ефрема и иных учителей церковных, которы писмо святое в Библии толкуют». Проповедник вправе привлекать примеры и из светских произведений: «Треба читати Гистории и Кройники о размаитых панствах и сторонах... книги о зверех, птахах, гадах, рыбах, деревах, пселах, каменях и размаитых водах, которы в морю, в реках, в студнях и на иных местах знайдутся». Необходимо, по мнению Галятовского, и тщательное изучение проповедей современных гомилетиков — «размаитых казнодеев теперешнего веку», — подражание им (л. 246 об.).

Как отмечает Н. Ф. Сумцов, следы знакомства с огромной литературой обнаруживают произведения самого Иоанникия Галятовского. В них встречаются ссылки на римских писателей: Овидия, Виргилия, Плинния, Цицерона, Сенеку, Квинта Курция, Ва-

лерия Флакка, Флора и Евтропия. Украинский проповедник отлично знает сочинения западноевропейских богословов, притом в основном католиков: Петра Альфонса Петра Клюнийского, Грациана, Ансельма Кентерберийского (XII в.), Альберта Великого, Фомы Аквинского (XIII в.). Он широко цитирует «Звердцало истории» Викентия из Бове (XIII в.), «Хронику баварских герцогов» немецкого историка и богослова Трителя, исторические сочинения Альберта Кранция, Иоанна Людовика Вивеса, Яна Слейдана, Жана Бодэна (XVI в.). Он использует сочинение Павла Иовия (XVI в.) о посольстве в Москву, составленное по рассказам русского толмача Дмитрия Герасимова. Постоянны ссылки на «Анналы» Барония (XVII в.). Хорошо известна Иоанникою Галятовскому польская литература: историки Мартин Бельский и Стрыйковский, проповедники Петр Скарга, Яков Вуек, Адам Апатович и др.²⁸

На многочисленные источники ссылаются также Мелетий Смотрицкий, Захария Коныстенский, Антоний Радивиловский, Лазарь Барапович, Иннокентий Гизель и другие видные писатели XVII в. Круг авторов и произведений, к которым обращается Симеон Полоцкий, аналогичен: это западные, в основном католические, писатели. Источники для Симеона — как бы леса, помогающие строить здание. Ссылки на них присутствуют только в черновой рукописи, в следующих списках, тем более в печатном экземпляре, их нет. Да и здесь-то они сделаны укрупнено, в уголке, слова порой написаны сокращенно, не для чужих глаз.

Например, в конце «Слова 1 в неделю 35 по сошествии св. духа» (л. 363 об.) Симеон упоминает Петра Бесса, французского проповедника, произведения которого были изданы на латинском языке в начале XVII в. («Hier. in Bessaeo concil: 4. De iud. pag. 123»). В числе авторитетов — итальянский иезуит XVI в. Беллармин, фамилия которого (Belarminus) поставлена в конце «Слова 1 в неделю 28 по сошествии св. духа» (л. 311) в связи с толкованием слов «кто суть нищие духом». Упомянут Альфонсо Сальмерон, член испанского ордена иезуитов в XVI в., которого называли оратором самого папы: «ex Salmeronis tomo 6» («Слово 1 в неделю 4 по пасце», л. 40 об.). Ссылка на Сальмерона также в начале «Слова 1 в неделю 16 по сошествии св. духа» (л. 208). Встречаются пометы «ex Horto — указание на сборник католических проповедей «Hortus pastorum» (л. 83 об., л. 179). Называется мейсенский проповедник XV в. Меффрет («ex Mefret»): «Слово 1 в неделю 9 по сошествии св. духа» (л. 155 об.), «Слово на иощь спасенных страстей Христовых» (л. 424), «Слово на день страда-

²⁸ Сумцов Н. Ф. Иоанникою Галятовским..., с. 10—14.

ния Христа бога» (л. 428). К отрывку из текста «Слово 2 в неделю 1 по сошествии св. духа» («Благодат же от бога данную и юже дати имать яве узрит») Симеоном Полоцким указано: «тако повествует Аنسилм Премудрый» (л. 94 об.) — имеется в виду кентерберийский архиепископ Ансельм (XI в.). Постоянно упоминается популярный на Западе Августин. Не боится писатель обращаться и к такому сомнительному с точки зрения ортодоксальной церкви учителю, как Ориген (л. 118). Неоднократны ссылки на книгу «Opus imperfectum», или «Книгу несовершенную», как переводит автор заглавие сборника поучений Псевдозлатоуста («operis imperfecti», л. 30; «сице толкует творец книги несовершенная» — л. 196 об.; «aut operis imperfecti: на матф. омил. 41» — л. 197; «homil. 42 operis imperf.», л. 203; «в книзе несовершенной на главу 5 Матф. в омилии 13» — л. 239 об.).

Как отмечают А. Горский и К. Невоструев, по латинскому изданию цитируются произведения Златоуста (на л. 30, 197, 203, 208, 256, 360, 361, 405). Они же расшифровывают запись «Pol. bib.» (л. 246 об.) как «польская библия», которую имел под руками писатель²⁹. Следует, однако, добавить, что в подавляющем большинстве все же текст цитат из Священного писания в «Обеде душевном» идентичен изданию Библии 1663 г.

Цитирует Симеон Полоцкий и «естествословцев», к чему также призывал в своем научном трактате Иоанникий Галятовский. Однако некоторые из этих сведений вызывают сомнение у самого Симеона. Приведя, например, сказание о «еродии птичище» («Слово 1 в неделю 4 поста»), он делает на поле для себя приписку (л. 400 об.): «to wszysto mochna minac dla niepewnosci pta-ka» («все это можно опустить по неизвестности птицы»). Приводятся также ссылки на «историографов».

Выше упоминалось, что в подготовке рукописи к печати большую помощь оказал Симеону Полоцкому Сильвестр Медведев. Поправки, заметки и пояснения, сделанные последним, отмечены А. Горским и К. Невоструевым³⁰, а также А. Прозоровским³¹. Мы сделаем попытку их систематизировать. Сильвестр Медведев своим характерным — «уписистым», как говорили современники, — почерком делает прежде всего множество мелких исправлений. Так, он устраняет ошибки: например, «доплавает» исправляет на «допливает» (л. 140); слова «милосердует» и «слушавый», употребленные Симеоном в цитатах из Священного писания, на «ми-лосердствует» (л. 205) и «слышащий» (л. 204 об.) в соответствии с канонической Библией. Цифры, встречающиеся в тексте Симео-

²⁹ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей..., с. 838.

³⁰ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей..., с. 839.

³¹ Прозоровский А. Сильвестр Медведев..., с. 161.

на, Сильвестр Медведев заменяет количественными местоимениями: например, «до 3000» на «до триех тысящ» (л. 107), т. е. использует форму, более привычную для русского читателя.

Как человек, прекрасно владеющий родной речью, Сильвестр Медведев устраивает украинизмы. Это мы видим в четверостишии из «Стихов о недели», которые первоначально звучали следующим образом:

Подобне людем труды полагати
В шесть дней достоит, в седмый почивати
От мирских убо. Духом же робити,
Благодарствено творца си хвалити (л. 4).

Украинское слово «робити» Сильвестр Медведев заменяет славяно-русским «деяти», нарушая, правда, при этом рифму. Не очень понятное выражение «узы неришими» он исправляет на словосочетание «узы крепкие» (л. 71 об.).

Вместе с тем Сильвестр Медведев предлагает и более серьезную правку, имеющую стилистический характер. Так, например, он удачно преобразует метафору «Солнца чювственного лучи и теплота» (л. 206), где вместо конкретного слова «лучи» вставляет обобщенное понятие «свет» как более соответствующее и иносказательному смыслу предложения в целом и соседнему с ним слову «теплота». Сильвестр-редактор продолжает работу Симеона Полоцкого над поисками синонимов. В «Слове 2 на неделю 30 по сошествии св. духа» (о том, что надо сделать, чтобы наследовать живот вечный) имеется достаточно традиционное уподобление людей путникам, бредущим неведомо куда. У Симеона Полоцкого сказано о последних следующее: «Путницы, неискуснни пути, прямо по граду ведущаго, искусных человек о нем обыкоша во прошати» (л. 324). Сильвестр Медведев зачеркивает слово «неискуснни» и надписывает сверху киноварью «не знающие», что более верно и стилистически и грамматически.

Иногда он просто предлагает свой вариант, как это мы видим в стихотворном вступлении, где вместо двустишия Симеона Полоцкого, комментирующего картинки на титульном листе, вписывает свое. Первоначально было:

...в лицах на вратех книги предложены
Зде словом сице да суть извещены...

Стало:

...Яже на листе суть изображенна,
Те словом сице да будут извещены (л. 5).

Это приписанное на поле двустишие идет в печать.

Ниже Сильвестр Медведев заменяет двустишие Симеона

«И слову его уши приклоняти,
Еже бы волю его сохранити» —

своим четверостишием:

Его же образ в вратех начертася,
Книгою слово его прописася,
Слову же его уши приклоняйте
И волю его тощно исполняйте (л. 6).

В результате напечатан вариант Сильвестра Медведева.

В отдельных случаях Сильвестр Медведев развивает образы, найденные Симеоном. Например, в «Слове 2 в неделю 1 по сошествии св. духа» дано описание града отца небесного: «И бе создание стены его яспис, и град от злата чиста» (л. 93). Сильвестр Медведев дописывает киноварью сравнение: «подобен стклу чисту», которое и попадает в печатный экземпляр. Развивает он и сюжетную линию проповеди, основанной на легенде об апостоле Фоме, который взялся построить царский дворец, но полученные деньги раздал нищим, за что был заключен в тюрьму. Однако чудесной красоты здание, якобы воздвигнутое Фомой, является в видении умирающему царскому брату, и последний исцеляется. «Царь же, услышав от него о палатах,— рассказывает Симеон,— уразумев же лепоту их и светлость, возрадовався зело и, богом наставляем, ... Фому святаго от уз свободи». Сильвестр Медведев продолжает далее рассказ, углубляя идею о превосходстве богатства небесного перед земными благами: «Брату же рече, да о подобных палатах зданий чрез тогожде зодчия себе множеством богатств промысли» (л. 93).

В «Слове 2 в день всеторжественный светлого воскресения Христова» Медведев дополняет характеристику земли обетованной. Праведники, рассказывает Симеон, «в землю шествуют обетованную, в землю не земную, но небесную». Сильвестр Медведев добавляет: «в землю, текущую медом и млеком в землю живущих и присновеселяющихся» (л. 18; 1681 — л. 7 об.).

Сильвестр Медведев вставляет сочиненные им куски в «Слово 1 в неделю 11 по сошествии св. духа», где высказывается, в частности, мысль о необходимости прощения грехов. Симеон пишет: «Аще убо хощем да оставит нам согрешения наша, прежде мы оставим я ближним нашым». Сильвестр Медведев продолжает на поле: «Оставим и часто поновляемая согрешения, се бо всемирный учитель учит: аще седмици на день согрешит брат твой и седмици на день обратится к тебе глаголя, каюся: остави ему» (л. 169 об.). То же самое видим на л. 171 об., где сравни-

тельно короткое предложение Симеона Полоцкого превращено Сильвестром Медведевым в развернутый период.

В «Слове 1 в неделю 14 по сошествии св. духа» Сильвестр сочиняет переход от вступления к основной части проповеди, который не сделал Симеон: «Бога молю о помощь в глаголании, вашу же любовь о слушание прилежное, яко же мэда праведником многа ест на небесох, слушателие правосл... (слово не дописано.—A. E.), таки многи суть казни грешником во аде» (л. 192 об., 1681—л. 271 об.).

Сильвестр Медведев уделяет также внимание источникам, на которые ссылается или которые использует Симеон. Если имеется пропуск, он дает необходимую справку на полях. Если сомневается в точности приведенных данных, указывает на это. Например, в одной из проповедей Симеон приводит притчу о старце и его учениках, которая должна подтвердить, что «страсти» иско-ренить легче, пока они не вошли в привычку. Автором притчи писатель называет Дорофея, однако Сильвестр Медведев, видимо, не уверененный в этом, заменяет имя Дорофея на более осторожное — «некий муж» (л. 208). Симеон это исправление принял: в промежуточной рукописи (ГИМ, Синод. собр., № 655, л. 472 об.) текст переписан в соответствии с коррекцией Сильвестра Медведева, но все же автор «Обеда душевного» сделал на поле там помету: «Сию повесть сискати».

Сильвестр Медведев выступает и своеобразным цензором Симеона Полоцкого, устраяя в ряде случаев одиозные имена и заглавия. Например, киноварная помета Медведева «сие не печатано» сопровождает изъятие поясняющих слов Симеона: «тако повествует Ансельм премудрый» (они относятся к рассуждению о небесном блаженстве, «Слово 2 в неделю 1 по сошествии св. духа», л. 94 об.). Интересно, что само это рассуждение в печатном экземпляре сохранилось, нет лишь ссылки на западный источник.

Сильвестр Медведев выбрасывает и двусмысленно звучащее заглавие «Книги несовершенной», которую неоднократно упоминает Симеон. Так, в «Слове 2 в неделю 14 по сошествии св. духа» сняты слова: «Сице толкует творец книги несовершенные», что также подтверждено записью Медведева «сие не печатано» (л. 196 об.): в виду имеется толкование Псевдозлатоустом одного из псалмов, само это толкование также вошло в печатный текст.

Сильвестр Медведев указывает на неправославный характер одного из источников в «Стихах о недели, честь субботы приемшей», лаконично обозначенного на поле: «Собор 6, канон 8». Медведев пишет: «В наших правилах христиан греческих общих того правила нет. А есть сие правило в том соборе в 8-м правиле

в собрании Грациана соборных деяний, а избрал он сие правило в Фрисии в старом собрании канон правильных» (л. 5).

Ряд помет Сильвестра Медведева дают сведения о редакторской правке, имевшей место в «белой книге»: все последующие переносы текстовых кусков или какие-то изъятия зафиксированы в черновой рукописи. Это был своеобразный «обратный ход», свидетельствующий о необычайной точности и добросовестности Медведева-редактора.

Рукопись с многочисленными поправками была неудобочитааема. Текст был переписан с учетом указаний о порядке расположения слов. Были учтены исправления, добавления, замечания на полях. Вместе с тем продолжился и творческий процесс: «Обед душевный» был дополнен новыми текстами. Так возникла промежуточная рукопись³², на титульном листе которой читаем: «Книга что Симеон Полоцкий назвал обедом».

Симеон внес в рукопись следующие, собственно ручно написанные им проповеди: «Слово 1 во святую и великую субботу» (л. 761—764), «Слово 2 во святую великую субботу» (л. 765—768), «Слово в неделю пред просвещением» (л. 769—772 об.), «Слово в неделю по просвещении» (л. 773—776 об.), «Поучение общее в день недельный» (л. 773—776 об.). Эти произведения, отсутствовавшие в черновой рукописи (№ 656), продолжили в книге годовой пасхальный цикл. Все они напечатаны.

Кроме того, писатель сочинил дополнительное заключение к «Слову 2 в день сошествия св. духа». Записав его своей рукой на отдельном листочке, он присоединил (приkleил) этот листок к прежнему тексту проповеди, переписанной здесь писцом. Новое заключение представляет собой молитву за царя Федора Алексеевича и все русское государство. Обращаясь к царю небесному, автор просит дать утешение царю земному — Федору: «о победе на враги», о расширении «царствия пределов», о всяком благополучии, об увеличении царских сокровищ, об обогащении «земная земными probogato», о продлении жизни («подаждь ему жизнь имети долголетнюю во благодеинствии и веселии»). Царь Федор Алексеевич именуется здесь «рачителем истины», «любителем правды», являющим пример всем остальным. «Спаси царя, весь пресветлый дом его царский, спаси и люди твоя от всякия беды и печали временные и вечные», — заканчивает автор свою молитву (л. 139). Однако это добавление в печатный экземпляр не вошло.

³² ГИМ, Синод. собр., № 655, в 4°, разные почерки (полуустав и скоропись), 789 л.

Новым, по сравнению с черновой рукописью, является также «Изявление словес, иже в книзе сей суть положенна» (л. 13–18) – своего рода путеводитель к собранию проповедей. Он состоит из кратких, но очень содержательных тезисов к пространным текстам поучений, и, учитывая аллегорический характер книги, представляет собой полезное пособие для читателя. Вот, например, как передается суть «Слова 2 в неделю 2 по пасце»: «О неверии и усомнении Фомы и яко неверие его паче ползова к вере, нежели вера веровавших учеников. И о ползе язв Христовых выну преъывающих». Благодаря «Изявлению» сразу же становится ясным, о чем пойдет речь в «Слове 1, в неделю 4 по пасце, о разслабленном»: «Яко неудобь в мире сем обретается человек добротою совершенный и яко един сый во благости совершенный человек Христос господь. И о исцелении разслабленного и о купели и ея духовном знаменовании». Своеобразный план в «Изявлении» дан к «Слову 1 в неделю 5 по пасце о самаряныне»: «О самаряныне, и о воде ей от господа обещаемой и ся знаменований и действии. О вопрошении Христа о месте иде же кланятися, и о ответе его: в нем же изявляется духовная жертва и истинное богу поклонение, и яко он есть ожиданный Мессия».

«Изявление словес», таким образом, органично вошло в книгу «Обед душевный», однако сама история его возникновения таит в себе некую загадку. А. Горский и К. Невоструев справедливо указали на то, что данный текст написан рукой Сильвестра Медведева³³. Но встает вопрос: в какой роли выступает здесь Сильвестр Медведев? Был ли он только переписчиком, как считают названные исследователи, или «Изявление» сочинено им самим? В пользу второго предположения говорят следующие доводы: прежде всего нам неизвестен автограф Симеона Погоцкого, с которого списывал текст Сильвестр Медведев. Во-вторых, сам характер записи таков, что именно ее и можно считать черновиком: это скоропись, испещренная множеством исправлений, носящая следы стилистической правки. Сам почерк Сильвестра Медведева, торопливый и небрежный, сильно отличается от его же почерка в тех местах рукописной книги, где он набело (полуставом) переписывает из черновика (№ 656) некоторые произведения Симеона. Вполне допустимо, что Симеон доверил Сильвестру Медведеву, активно помогавшему ему в работе над рукописями, написание этого вспомогательного сочинения. Или – что тоже возможно, на наш взгляд, – диктовал текст, который и записал Сильвестр Медведев начерно, сопровождая попутной правкой.

³³ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей..., с. 841.

Остальные тексты, известные по черновой рукописи, были переписаны. Часть из них переписал начисто (полуставом) Сильвестр Медведев: «Стихи о недели честь субботы преемшей к читателем» (л. 1–4); прозаическое «Предисловие к читателю благочестивому» (л. 7–10 об.); «Богу благодарение и прощения у читателей прошение» (л. 789), завершающее книгу (в черновой рукописи № 656 находилось в начале ее, после стихов о неделе).

Проповеди из черновика были перенесены в данную рукопись двумя писцами (полустав), допустившими в ряде случаев пропуски текста и ошибки. Вот пример бессмысленного копирования: в предложении «Се ли бог, иже ни смысла имать ни живота в себе» вместо слова «смысла» написано «слышели», в результате чего фраза становится невразумительной (л. 393). Большой кусок текста, важный для понимания идеиного содержания произведения, выпущен из «Слова 1 в неделю 15 по сошествии св. духа», где говорится о величии бога, уподобляемого океану. Текст этот важен, так как подчеркивает мысль о несоизмеримости мудрости божией и мудрости человеческой (л. 333).

Особенно много пропусков тех приписок, которые были сделаны Симеоном Полоцким на полях его черновой рукописи. Но Симеон тщательнейшим образом проверил каждое слово, восполнил все пропуски. Он упорядочил в ряде случаев и ссылки, переведя их с латыни на русский язык. Например, к «Слову 1 в неделю 10 по сошествии св. духа» в черновой рукописи источник указан следующим образом: «Dionis. De celeb. Hierag. Basil. Hexamet. tom 1» (Синод. собр., № 656, л. 161). В промежуточной рукописи — уже русский текст: «Дионис о иерархии небесной. Василии Гексамер, том 1» (Синод. собр., № 655, л. 268).

Над сверкой переписанных текстов с большим старанием трудился и Сильвестр Медведев. Эта совместная работа чрезвычайно много дает не только для понимания процесса творчества, но раскрывает и человеческие отношения, свидетельствует о глубоком уважении учителя и ученика друг к другу, об их нежной дружбе: достаточно сказать, что все вставки, предложенные Сильвестром Медведевым для первого варианта «Обеда душевного», в том числе довольно обширные, Симеон переписал здесь своей рукой. Таков, например, отрывок из «Слова 1 в неделю 11 по сошествии св. духа о необходимости прощать грехи», вписанный в автографе на поле Сильвестром Медведевым, но не замеченный переписчиком (Синод. собр., № 655, л. 282 об.).

«Обеду душевному» предстоял еще долгий путь, чтобы стать печатной книгой. Что же касается творческой работы Симеона Полоцкого, то она была в основном закончена. В процессе ее у писателя сложилась определенная система подхода к тексту, которая

оказала существенное влияние на методику создания и «Вечери душевной».

«Вечеря душевная», как указано выше, была готова к 1676 г. Как и «Обед душевный», книга складывалась постепенно: сшивалась из ранее написанных тетрадей (автографов), затем переписывалась и дополнялась новыми текстами (промежуточная рукопись). Она также несет на себе следы щадительной авторской и редакторской работы Симеона Полоцкого, также свидетельствует о деятельном участии в подготовке сборника Сильвестра Медведева.

Вместе с тем в процессе создания «Вечери душевной» есть своя специфика, на которой мы и остановимся в первую очередь.

Книга была задумана как собрание проповедей на праздники «господские» — в связи с событиями из жизни Христа, на праздники «богородичные» — в честь Богоматери, на праздники «нарочитые» — посвященные подвигам святых, а также на различные случаи церковной и светской жизни. Выбор тем, как видим, был достаточно свободным, но в то же время и неопределенным. Эта несвязанность строгими принципами отбора материала сказалась на процессе создания «Вечери душевной». Если состав «Обеда душевного» сложился почти целиком в автографе и для завершения книги потребовались лишь небольшие дополнения в начале и в конце промежуточной рукописи, то «черная книга» «Вечери душевной» почти в два раза меньше «белой». Нет в автографе (в отличие от «Обеда душевного») и предисловия, что свидетельствует об отсутствии у автора на первом этапе работы общей идеи труда. Чтобы различия между рукописями черновой (автографом) и промежуточной были более наглядными, приведем здесь перечень произведений, составивших первоначальное ядро «Вечери душевной» в ее автографе³⁴.

В черновой рукописи 66 слов: 48 из них посвящены праздникам, 18 написаны на бытовые темы. Связь между ними чисто механическая, нет никакого перехода между теми и другими, никакого дополнительного подзаголовка. Праздничные проповеди расположены в календарном порядке с сентября (начало древнерусского года) и по август. Как мы увидим ниже, заполнены далеко не все числа:

Л. 1—4 об. Слово в день святая Марфы, матери Симеона Столпника (1 сентября);

³⁴ ГИМ, Синод. собр., № 658, в 4⁰, скоропись XVII в. (рукой Симеона Полоцкого), на разной бумаге, в кожаном переплете с тиснением, на 292 л. На титульном листе написано: «Книга писано что и в вечери названой. 17 seculi» (далее ссылки на номер рукописи и листы приводятся в тексте).

- Л. 5—8^{ss}. Слово 1 на день рождества пресвятой богородицы (8 сентября);
 Л. 9—13 об. Слово в день преподобной матери нашей Феодоры, яже во Александрии (11 сентября);
 Л. 14—17. Слово 2 в день воззвания честного и животворящего креста господня (14 сентября);
 Л. 18—21 об. Слово на день святых мученицы Софии и чад ея Веры Надежды и Любви (17 сентября);
 Л. 22—26 об. Слово в день преподобного отца нашего Сергия чудотворца игумена Радонежского (25 сентября);
 Л. 28—31 об. Слово в день покрова пресвятой богородицы (1 октября);
 Л. 32—35 об. Слово в день святого архистратига Михаила и прочих (8 ноября);
 Л. 36—41 об. Слово в день святого Григория Неокесарийского чудотворца (17 ноября);
 Л. 42—45 об. Слово в день воведения пресвятой богородицы (21 ноября);
 Л. 46—49 об. Слово в день святой великомученицы Екатерины (24 ноября);
 Л. 50—55. Слово на день святого пророка Софона (3 декабря);
 Л. 57—61 об. Слово в день преподобного отца нашего Саввы Звенигородского (3 декабря);
 Л. 62—65 об. Слово в день во святых отца нашего Николая, архиепископа мирликийских чудотворца (6 декабря);
 Л. 66—69 об. Слово в день во святых отца нашего Петра митрополита Московского и всея России чудотворца (21 декабря);
 Л. 70—73 об. Слово 1 на день обрезания господа бога и спаса нашего, Иисуса Христа (1 января);
 Л. 74—77 об. Слово на день святой мученицы Татианы (12 января);
 Л. 78—81 об. Слово 1 в день крещения господа нашего Иисуса Христа, еже есть на богоявление господне (6 января);
 Л. 82—86 об. Слово в день во святых отца нашего Филиппа, митрополита Московского и всея России чудотворца (9 января);
 Л. 88—91 об. Слово 1 в день во святых отца нашего Ксенофонта и дружины его Марии (26 января);
 Л. 96—99 об. Слово на день во святых отца нашего Иоанна Златоустого архиепископа (27 января);
 Л. 100—103 об. Слово 1 в день страстного господа нашего Иисуса Христа (2 февраля);
 Л. 104—107 об. Слово на день во святых отца нашего Алексия митрополита Московского, всея России чудотворца (12 февраля);
 Л. 108—112 об. Слово на день святой преподобной мученицы Евдокии (1 марта);
 Л. 113—116 об. Слово в день преподобного Алексия человека божия (17 марта);
 Л. 117—120 об. Слово 1 в день благовещения пресвятой богородицы (25 марта);
 Л. 121—122 об. Слово 3 в день благовещения пресвятой богородицы (25 марта);
 Л. 123—126 об. Слово в день святых и великославных мученицы Иринь (5 мая);
 Л. 127—130 об. Слово в день святого Иоанна богослова (26 сентября и 8 мая);
 Л. 131—135 об. Слово в день святой мученицы Феодосии (29 мая);
 Л. 137—140 об. Слово на день святого великомученика Феодора Стратилата (8 февраля и 8 июня);

^{ss} Здесь и далее пустые листы не указываются.

- Л. 141—144 об. Слово в день во святых отца нашего Ионы митрополита Московского и всея России чудотворца (15 июня);
 Л. 145—148 об. Слово в день праздника явления иконы пресвятой богородицы одигитрии Тихвинская (26 июня);
 Л. 149—152 об. Слово 1 в день святых верховных апостолов Петра и Павла (29 июня);
 Л. 153—156 об. Слово 1 в день явления иконы пресвятой богородицы, именуемая казанская (8 июля);
 Л. 157—160 об. Слово 2 в день явления иконы пресвятой богородицы, именуемая казанская (8 июля);
 Л. 161—162 об. Слово 3 в день явления иконы пресвятой богородицы, именуемая казанская (8 июля);
 Л. 163—166 об. Слово в день святого равноапостольного князя Владимира (15 июля);
 Л. 167—170 об. Слово в день святого пророка Илии (20 июля);
 Л. 171—174 Слово в день успения святые Анны матере пречистыя богородицы (25 июля);
 Л. 175—178 об. Слово 1 в день успения пресвятой богородицы (15 августа);
 Л. 179—182 об. Слово 1 в день пренесения нерукотворенного образа господы нашего Иисуса Христа от Едеса (16 августа);
 Л. 183—186 Слово 3 в день пренесения нерукотворенного образа господа нашего Иисуса Христа от Едеса (16 августа);
 Л. 187—190 Слово 4 в день пренесения святого нерукотворенного образа иже есть убрюса (16 августа);
 Л. 191—194 об. Слово 5 в день пренесения нерукотворенного образа спасова от Едеса (16 августа);
 Л. 196—199 об. Слово 6 в день пренесения святого нерукотворенного образа господы нашего Иисуса Христа иже сеть убрюса (16 августа);
 Л. 201—208 об. Слово в день святого мученика Адриана и дружини его преподобная Наталии (26 августа);
 Л. 209—212 об. Слово 1 в день усекновения честных главы святого Иоанна Предтечи (29 августа)³⁶;
 Л. 213—216 Слово о писании божественном;
 Л. 217—220 об. Слово о седми грехах смертных;
 Л. 221—225 об. Слово о суеверии или существии;
 Л. 226—229 об. Слово от архиерея новопоставленного, во епархию си пришедша к священником, о еже жити им благовейно, внимати же себе и стаду;
 Л. 230—233 Слово паstryя ко овцам иже на долзе удален быша от стада;
 Л. 234—237 об. Слово пастира стадо си посещающа к людем;
 Л. 238—241 об. Слово на посвящении храма;
 Л. 242—245 об. Слово на освящении храма;
 Л. 247—251 об. Слово на посвящении храма Покрова пресвятой богородицы;
 Л. 252—255 об. Слово к православному воинству о помоци пресвятой богородицы всегда принесен быти всечестной ея иконе на Дон в полк собранныи на агаряны;
 Л. 256—259 об. Слово на погребении честного человека;
 Л. 260—263 Слово на погребении мужа сановита;
 Л. 264—267 Слово на погребении мужа честного;
 Л. 268—271 Слово на погребении воинского человека;

³⁶ Здесь заканчиваются проповеди на праздники и начинаются поучения на разные случаи. Этот раздел в данной рукописи не имеет заглавия.

- Л. 272—276 Слово на погребении мужа благовейного;
 Л. 277—280 Слово на погребении мужа благовейного;
 Л. 281—288 об. Слово на погребении мужа благовейного;
 Л. 289—292 об. Слово пастыря ко овцам пришедшему.

Черновая рукопись «Вечери душевной» представляет собой, как видим, сборник достаточно разнородных произведений. В промежуточной рукописи³⁷ Симеон Полоцкий старается придать ему некоторое единство. Книга открывается вступительными текстами: это «Стихи краесогласные на дверь книги сия» (л. 1—2) и «Предисловие к читателю благочестивому» (в прозе, л. 3—4 об.). Цель книги, как явствует из объяснения, та же, что и в «Обеде душевном» — вооружить читателя душеполезным чтением. И «Стихи краесогласные» и «Предисловие» написаны собственноручно Симеоном.

Используя найденную ранее методику, Симеон соединяет переписанные из черновой рукописи произведения с новыми текстами-автографами. При этом обращает на себя внимание интересный редакторский прием, не встречавшийся при работе над «Обедом душевным»: пометы автора (обычно на верхнем поле, над заголовком произведения) о копировании текстов и их проверке. Первые из них, обозначенные польским словом «*perepisane*» (переписано), сделаны в черновой рукописи (Синод. собр., № 658), вторые констатируют сверку автографов со списками латинским словом «*correcto*» в промежуточной рукописи (Синод. собр., № 657).

Для большей наглядности даем на нескольких примерах схематическое изображение этой работы:

<i>Синод. собр., № 658 (автограф)</i>	<i>Синод. собр., № 657 (первый список)</i>
Л. 1 Слово в день святых Марфы, матери Симеона Столпника;	Л. 9 Слово в день святых Марфы, матери Симеона Столпника;
<i>Perepisane.</i>	<i>Correcto.</i>
Л. 18 Слово на день святых мученицы Софии и чад ея ...;	Л. 49 Слово в день святых мученицы Софии и чад ея...;
<i>Perepisane.</i>	<i>Correcto.</i>
Л. 22 Слово в день преподобного отца нашего Сергия чудотворца, игумена Радонежского;	Л. 57 Слово в день преподобного отца нашего Сергия чудотворца, игумена Радонежского;
Л. 57 Слово в день преподобного отца нашего Саввы Звенигородского.	Л. 126. Слово в день преподобного отца нашего Саввы Звенигородского.
<i>Perepisane.</i>	<i>Correcto.</i>

³⁷ ГИМ, Синод. собр., № 657, в 4⁰, на разной бумаге, разными почерками (полуустав и скоропись), 721 л. На титульном листе: «Книга что Симеон Полоцкой назвал вечерею. 17 века» (далее ссылки на номер рукописи и листы приводятся в тексте).

Состав «Вечери душевной» Симеон значительно пополнил. Приводим здесь перечень новых проповедей.

- Л. 3—4 об. Слово в день Нового лета. Вон же и преподобного отца нашего Симеона Столпника (1 сентября);
Л. 25—28 об. Слово 2 в день рождества пресвятой богородицы (8 сентября);
Л. 37—40 об. Слово 1 в день воззвания честного и животворящего креста господня (14 сентября);
Л. 83—86 об. Слово 2 в день Покрова пресвятой богородицы (1 октября);
Л. 122—125 об. Слово на день святого апостола Андрея (30 ноября);
Л. 152—155 об. Слово 2 в день во святых отца нашего Николая архиепископа мирликийских чудотворца (3 декабря);
Л. 164—167 об. Слово 1 в день рождества господа бога и спаса нашего Иисуса Христа (25 декабря);
Л. 168—171 об. Слово 2 в день рождества господа бога и спаса нашего Иисуса Христа (25 декабря);
Л. 172—175 об. Слово в день 2 рождества Христова, вон же есть собор пресвятой богородицы (26 декабря);
Л. 176—179 об. Слово в день святого первомученика и архидиакона Степана (27 декабря);
Л. 188—191 Слово 2 в день обрезания господа бога и спаса нашего Иисуса Христа (1 января);
Л. 200—203 об. Слово 2 в день крещения бога и спаса нашего Иисуса Христа, еже есть на богоявление господне (6 января);
Л. 227—231 об. Слово 2 в день во святых отца нашего Григория Богослова (25 января);
Л. 257—261 об. Слово 2 в день стречения господа нашего Иисуса Христа (6 февраля);
Л. 294—297 Слово 2 в день благовещения пресвятой богородицы (25 марта);
Л. 303—307 Слово в день преподобного отца нашего Феодосия, игумена монастыря Печерского и начальника в Росийстей земли монашеского общаго жития (3 мая);
Л. 317—321 Слово в день стречения иконы владимирския пречистыя богородицы (21 мая);
Л. 346—349 об. Слово в день рождества святого Иоанна Предтечи (24 июня);
Л. 366—369 об. Слово 2 в день святых верховных апостол Петра и Павла (29 июня);
Л. 388—392 об. Слово в день преподобного отца нашего Антония Печерского, общежитию в России начальника (10 июля);
Л. 418—421 Слово 1 в день происхождения животворящего креста господня (1 августа);
Л. 422—425 Слово 2 в день происхождения честного животворящего креста господня (1 августа);
Л. 426—429 об. Слово 3 в день седми братии по плоти, маккавеи нареченных (1 августа);
Л. 430—433 об. Слово 1 в день преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа (6 августа);
Л. 434—437 Слово 2 в день преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа (6 августа);
Л. 446—449 Слово 2 в день успения пресвятой богородицы (15 августа);
Л. 485—481 об. Слово 2 в день пренесения иерукотворенного образа (16 августа);

- Л. 489—496 об. Слово 7 в день пренесения от Едеса святаго убруса (16 августа);
 Л. 513—516 об. Слово 2 в день усекновения честныя главы святаго Иоанна Предтечи (29 августа);
 Л. 525—528 об. Поучение о благоговейном стоянни и слушании божественных литургии;
 Л. 531—535 Поучение от иереев сущим под ними в пастве их. О еже пребывати им во всяком благочестии и не пети бесовских песней;
 Л. 624—630 Слово к православному и христоимениому запорожскому воинству, внегда принесенню бытий всечестной иконе, иже во святых отца нашего Алексия митрополита Киевскаго, и всей России чудотворца, в благочестивыя полки их собранныя противу нечестивым турком и татарам;
 Л. 632—639 Слово по преставлении почившаго о господе блаженныя и святыя памяти великаго господина кир Павла митрополита Сарскаго и Подонскаго;
 Л. 697—703 об. Слово в день рождества Христова от лица святейших патриарх Паисия Александрийскаго и Макария Антиохийскаго о взыскании премудрости божественных³⁸;
 Л. 705—707 об. Слово в день во святых отца нашего Петра митрополита Московскаго, всея России чудотворца во время междупатриаршства, присутствовавшым на Москве святейшим патриархом Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому;
 Л. 709—712 об. Слово о пакаянни;
 Л. 713—716 Слово в день святаго духа ко иерею о еже прилежати стаду;
 Л. 717—719 Слово в день святыя преподобномученицы Евдокии;
 Л. 721—722 об. В день рождества пресвятыя богородицы.

С помощью дополнений Симеону Полоцкому удалось в большей степени подчеркнуть календарный принцип расположения праздничных проповедей. Об этом свидетельствует само заглавие первой проповеди, которой стала открываться «Вечеря душевная»: «Слово в день нового лета...». Оказались заполненными пропуски памятных дней ряда святых с 1 сентября по 29 августа, и, таким образом, годовой цикл замкнулся. Что касается второй части «Вечери», открывающейся и в промежуточной рукописи «Словом о писании божественном», то она с включением новых поучений стройности не обрела. Пожалуй, ей даже больше, чем раньше, стала свойственна сумбурность, например в конце рукописи (а также в печатном издании) помещено по две праздничных проповеди в честь преподобномученицы Евдокии и в честь рождества пресвятыя богородицы. Видимо, Симеон решил опубликовать в этой книге как можно больше написанных им ораторских произведений.

Вновь добавленные произведения писаны собственноручно Симеоном (скоропись). Исключение составляют «Слово к православному и христоимениому запорожскому воинству» (л. 624—630), внесенное сюда Сильвестром Медведевым (полуустав), и «Слово

³⁸ Текст этого «Слова» приводится дважды: с л. 697 по 699 русский текст написан латинскими буквами, а с л. 701 по 705 — по-русски украинскимчеркском.

в день рождества Христова от лица святейших патриарх³⁹ (л. 701–703 об.), написанное украинским полууставом и графически отличающееся от всех текстов данной рукописной книги.

«Вечеря душевная», благодаря многочисленным пометам Симеона (большей частью на польском и латинском языках), дает представление о практической ораторской деятельности писателя, раскрывает обстоятельства появления той или иной проповеди. Полный перечень хронологических записей Симеона сделан А. Горским и К. Невоструевым³⁹.

Наиболее ранняя датировка — 1668 г. Это тексты, помещенные в автографе (№ 658): «Слово 4 в день преподнесения иерусалимского образа» (л. 190 об.); «Слово от архиерея новопоставленного» (л. 229 об.); «Слово пастыря стадо си посещающа к людем» (л. 237 об.). Самым поздним по времени возникновения является «Слово 7 в день преподнесения иерусалимского образа» (№ 657, л. 489): оно помечено 1675 г. Остальные датированные проповеди располагаются по годам следующим образом: 1669 г.— 1; 1670 г.— 2; 1671 г.— 6; 1672 г.— 11; 1673 — 3; 1674 — 2. Даже если учесть, что эта статистика выборочная (остальные проповеди не датированы), она, видимо, в какой-то мере отражает степень интенсивности труда Симеона Плоцкого, который особенно плодотворно работал, согласно этим данным, в 1671 и 1672 гг.

В отличие от заметок в «Обеде душевном», записи на полях «Вечери душевной» сообщают о времени не только написания проповедей, но и произнесения их Симеоном в том или ином месте: «mowione A° 1671 sept. 8, w monasterze Spaskom» («произнесена 7 сентября 1671 года, в Спасском монастыре», № 658, л. 8 об.) — к «Слову на рождества Пресвятой Богородицы»; «mowione w cerkwi S° Ducha za Preczystesmi wroty na dzien Julii 8 A° 1672» («произнесена в церкви св. духа за Пречистенскими воротами 8 июля 1672 г.», № 658, л. 156 об.) — к «Слову 1 в день явления иконы Пресвятой Богородицы, именуемая Казанская»); «Pisane A° Domini 1672, Julii 18, mowilem w Przeobrazenskim przed carem Julii 23 malo odmieniwszy» («написана 18 июля 1672 г., говорил в Преображенском перед царем 23 июля, немного изменив», № 658, л. 170 об.) — к «Слову в день святого пророка Илии»; «mowilem w Kiiowie 1673. Aug. 16» («говорил в Києве 16 августа 1673», № 658, л. 179) — к «Слову 1 в день преподнесения иерусалимского образа Господа нашего Иисуса Христа» и т. д. Особенно часты упоминания святого Спаса за иконным рядом, что вполне естественно, поскольку там находилась школа, где Симеон преподавал. Например,

³⁹ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей..., с. 212—213, с. 218—219.

там произнесены «Слово 3 в день пренесения нерукотворенного образа» («Mowione na Moskwie u S. Spasa nerukotworenaho obraza za ikonnum riadom A° 1669. Aug. 16», № 658, л. 186 об.); «Слово 5» на этот же праздник («Mowione w monastyrze Spaskom za ikonnum rzedom A° 1670 Aug. 16», № 658, л. 194 об.); «Слово 2 в день пренесения нерукотворенного образа» («Mowione w monastyrze wsemilostiwaho Spasa za ikonnyon rzedom A° 1674», № 657, л. 458); «Слово 7 в день нерукотворенного образа» («Mowilem A° 1675 na Moskwie w mon. S», № 657, л. 489). Упоминается дворцовая церковь: там, например, было произнесено слово в честь царевны Евдокии Алексеевны («Глаголах в храме Евдокии святыя в верху», № 657, л. 717). Упоминаются подмосковные храмы в селах Киёво и Братцево.

Из приведенной выше хронологической пометы к слову на день пророка Ильи видно, что иногда Симеон ставит две даты: дату написания проповеди и дату ее произнесения. Подобная запись предваряет, например, «Слово 6 в день пренесения нерукотворенного образа»: «Pisalem anno 1672 Aug. 2, mowielem Aug. 16» (№ 658, л. 196). Интересно сообщение Симеона Полоцкого по поводу «Слова» в день св. Владимира о том, что он написал его 15 июля 1671 г., но не произносил вслух (№ 658, л. 166 об.).

Большая привязанность «Вечери душевной», по сравнению с «Обедом душевным», к конкретным обстоятельствам проявляется также в более частых упоминаниях о реальных исторических лицах XVII в., при которых или в честь которых произносилось то или иное слово. Выше указывалось, что в «Обеде душевном» (в промежуточной рукописи) лишь единожды приводилась молитва о царе Алексее Михайловиче, завершающая одну из проповедей. Здесь подобные концовки-славословия встречаются неоднократно, притом как в черновике, так и в списке.

Искренним чувством проникнута, например, концовка «Слова 3 в день пренесения нерукотворенного образа», находящегося в черновой рукописи. Это своего рода плач по умершей царице Марье Ильиничне и утешительное слово вдовцу. Искусно перейдя от уподобления Христа солнцу к метафоре «царь-солнце», писатель замечает, что «и солнце иногда имат облаком темным помрачение». Пример этому — горе царя: «Солнце наше благочестивейший самодержец яко облаком дождевым, слезною трегубою о супрузе и о двою чадах помрачился печалию». Проповедник проникновенно молит бога развеять «сей облак» лучами истинного солнца — бога, призывает слушателей всем вместе обратиться с молитвой к Спасу-покровителю (№ 658, л. 186).

Развернутый панегирик в честь всех членов царской семьи венчает в черновой рукописи «Слово в день Григория Неокесарий-

ского». Желая Алексею Михайловичу — человеку — «здравия телесе, души спасения, долголетнего благодеяния», Симеон Погоцкий пользуется вместе с тем случаем, чтобы нарисовать обобщенный образ могущественного монарха, равного которому нет во вселенной. Могущество этого земного бога подчеркнуто исполненной надежды мольбой автора о даровании царю свыше «жезла силы», чтобы быть «силну ему на устремление всяких врагов и супостатов» (№ 658, л. 40, 40 об.). Идеолог абсолютизма, таким образом, верен себе везде, пользуется любой возможностью, чтобы выразить идею сильной верховной власти.

Жить «ползы ради всего царствия» призывает Симеон ближайших сподвижников государя. Он желает им иметь «в советах премудрость... во бранех веждество и успеяние... в правительстве безмездие... в судах правды взыскание... любовь ко правым». Поминая русское воинство, писатель надеется, что «никто из супостатов дерзнет противу им стати» (№ 658, л. 41). Проповедь, обращенная под конец ко всем православным христианам, завершается гимном во славу жизни, в которой так необходимы «мирное пребывание, земли благоплодие, воздуха благоразтворение, животных умножение, солнечное добросияние, дождь благовременный, тишина и благодеяние» (№ 658, л. 41 об.). Молитвой о «благоверном царе нашем Феодоре и его благоверной царице государыне Агафии» завершается «Слово 2 в день прохождения честного и животворящего креста господня» (№ 657, л. 425).

Эти концовки, дающие конкретное представление об обстоятельствах написания и произнесения проповедей, а также помогающие их датировать, в печатное издание, однако, не попали, как не попала в свое время и заключительная часть «Слова на день сошествия св. духа» из «Обеда душевного» (№ 655, л. 139). Отметки, имеющиеся в рукописях, говорят о том, что делалось это Симеоном совершенно сознательно. Например, в промежуточной рукописи «Вечери душевной», куда была переписана упомянутая молитва за царя и государство, завершающая «Слово в день Григория Неокесарийского», автор вписал перед ней слово «аминь» и сделал на поле указание для писца: «зде аще хощеш конец сговори» (№ 657, л. 102).

Причина, думается, заключалась в том, что Симеон ставил перед собой задачу, как он сам об этом писал еще в предисловии к «Обеду душевному», изображать жизнь «обще», а не «в лице», т. е. предельно обобщенно, абстрагируясь от конкретных ситуаций и реалий. Пример подобного абстрагирования дает текст проповеди на смерть близкого друга Симеона, митрополита Сарского и Подонского Павла, написанной в 1675 г. («scripsi 1675 Novembris 10», № 675, л. 632). В автографе, внесенном в промежуточную

рукопись «Вечери душевной», рассказ об умершем полон живых деталей, что отражено уже в самом заглавии: «Слово по представлении почившаго о господе блаженныя и святыя памяти великаго господина Кир Павла митрополита Сарского и Подонскаго». В произведении раскрываются и индивидуальный облик реального человека и вехи его биографии. Например, мы узнаем, что Павел получил сан архимандрита «во обители святаго Михаила, имепущей чудовскою». Затем он был возведен на высоту престола «архиерейскаго, на митрополию сарскую и подонскую», где учил не только «наедине, но и всенародно». Ему приходилось служить и «во изряднейшем всех храмов, во матери всех церквей, во святей соборной первопрестолной царствующаго града Москвы церкви». Был он в период междупатриаршества и «блеститель престола патриарша»; «носил бремя», т. е. ведал епархиями «казанская, и рязанская, и вятская» (№ 657, л. 634 об.). Симеон не забывает сказать и об административно-хозяйственной деятельности Павла.

Очертив карьеру крупного церковного чиновника и феодала, Симеон характеризует его далее как одного из просвещеннейших людей своего времени, в частности рассказывает о той культурной атмосфере, которая царила в доме митрополита Павла: «...ту бо не ины беседы бываху, точию разсуждения богословская о различных трудностях священного писания, ту состязания философская совершахся, ту недоведомых разрешения содевахся, даже во правду леть бяше дом его училище мудрости именовать; трапезу его, трапезу богословофилофскую нарицати» (№ 657, л. 638). Как дополнительный штрих к изображению эпохи чрезвычайно интересно упоминание писателя о борьбе Павла Сарского и Подонского против деятелей раскола — Никиты, Лазаря, Федора, Аввакума «со сверстники» (№ 657, л. 635 об.).

Эти реалии, делающие данное «Слово» столь живым и эмоциональным, в печатном тексте отсутствуют. Вместо конкретных имен и названий здесь появилось неопределенное «имярек». Изменилось и само заглавие проповеди, которое стало звучать как «Слово на погребение архиерея» (1683, л. 171 второй пагинации). Возникла надгробная речь, состоящая из общих положений и пригодная для поминания любого церковного сановника. В этом Симеон Полоцкий был продолжателем Иоанникия Галятовского, считавшего правомерным использование по разным поводам одних и тех же текстов.

Как и в процессе создания первой книги, активное участие в работе принимал Сильвестр Медведев. Приведем наиболее интересные примеры. Важное дополнение делает Сильвестр Медведев в «Слове в день Ксенофонта и Марии», где речь идет о воспитании. Симеон Полоцкий следующим образом написал о воспри-

имчивости ребенка: «На том воську напечатает кто смиренного и незлобиваго голубя, выну пребудет человек той смирен и незлобив яко голубь. Напечатает ли кто лютаго лва или волка хищнаго, вышу будет человек той жесток яко лев и хищлив яко волк». Сильвестр Медведев, заменив эпитет «смиренный» на «целый» (более употребительный в русских церковных текстах, когда речь идет о голубе), продолжает далее (вписывает на поле) характеристику податливой детской натуры: «напечатает ли кто орла высокопарна и светлолюбива присно той человек вышня имат мудрствовати и светлая. Напечатает ли кто землеточиву кроторию или блаторачителя вепря, поистине той человек до смерти будет земных любитель и блата греховна искатель. Напечатает ли кто трудолюбива вола, выну имать той человек во трудах пребыти. Напечатает ли кто лениваго осла, всегда в лености той человек имат жити. Напечатает ли кто гневливаго медведя, хитраго лиса или лающа пса, до кончины живота си той человек пребудет гневлив, хитр и лаятель честных. Аще же напечатает кто смиренного агица или чистаго горностая, той человек до последияго издыхания будет смиренния любитель и чистоты хранитель» (№ 658, л. 92 об.). Это дополнение вошло целиком в печатное издание «Вечери душевной» (1683, л. 239 об.). Примечательно, что вставка Сильвестра Медведева, пропущенная при копировании, была восстановлена Симеоном и собственноручно им вписана на полях книги (№ 657, л. 233 об. и 234).

Психологический нюанс вносит Сильвестр Медведев в мотивировку поведения Адама, соблазненного Евой: «Ея же он не хотя опечалити (курсив мой.—A. E.), яде плод запрещенный и наведе печаль на себе и на весь плод семене своего» (№ 658, л. 201; 1683, л. 501 об.). Данное объяснение включено в «Слово в день Адриана и дружины его Наталии», где Симеон пишет о разного рода уловлениях», в том числе «уловлении» Адама Евой. К этому же «Слову» относится вставка Сильвестра Медведева о норме жизни русской женщины: «...во украшении лепотном со стыдением и целомудрием да украшают себе, не во трефлении влас, ни златом или бисером или ризами многоценными, но яко же подобает женам благочестие обещающимся делесы благими» (№ 658, л. 204 об.; 1683, л. 508 об.).

Самостоятельность позиции Сильвестра-редактора сказалась при подготовке к печати «Слова в день Филиппа митрополита». Характеризуя противника Ивана Грозного, Симеон Полоцкий написал первоначально: «Не устрашися лица славных и сильных, по истину им глаголаше увещая к покаянию о грешех и обращению на путь спасенный. Соблюде слово от Христа господа глаголанное: не убоитесь от убивающих тело, души же не могущих убити... Не

боялся он грозного прещения, не устрашился изгнания, ни самия ужасеся смерти. Но правду светло глаголаше до последняго издшения своего, еже убо пастырю содеяся аки овце, егде незлобивый заклasyя злобиво, невинный от винных» (№ 658, л. 85 об.—86). Однако будучи человеком осторожным, Симеон изъял этот текст, показавшийся ему, видимо, очень смелым, и заменил его другим, сделав пояснение для переписчика: «вместо сего ограждения чти при конце написанное» (текст действительно «огражден», т. е. очерчен, № 658, л. 85 об.).

Новый текст отличается большей обобщенностью и лишен критической направленности. «Не иска он своих прибытков тленных от стада, но душевней ползе овец Христовых прилежаше»,— говорится о Филиппе, который, как добный пастырь, отдавал свои сокровища «во пропитание гладных», одевал «бездежных», воспитывал сирот и в конце концов был «от бога украшен» мученическим венцом (№ 658, л. 86 об.). В печатный экземпляр, однако, в данном случае вошел первый вариант (1683, л. 215 об.), и настаивал на этом, думается, Сильвестр Медведев, который уже после издания книги сделал в черновой рукописи, рядом с «огражденным» местом, приписку: «А что на конце написано и то не печатано, а печатано рядом, что очерчено, и потом до конца» (№ 658, л. 85 об.).

«Белые книги» проповедей (названные так Сильвестром Медведевым) — важное звено в процессе создания сборников. В них встретились две линии развития книжного дела на Руси: старая — рукописная, и новая — печатная. С одной стороны, это парадные рукописные книги, представляющие собой самостоятельную ценность и являющиеся своего рода итогом предшествующей работы, с другой — не что иное, как наборные тексты, т. е. исходный материал для печатников, а следовательно начало другого вида деятельности. Обе рукописи были созданы при жизни Симеона и цепны для нас тем, что не только несут на себе следы редакторской добросовестности писателя, но и дают представление о его художественном вкусе.

Оформление «белых книг» «Обеда душевного»⁴⁰ и «Вечери ду-

⁴⁰ Обед душевный на вся дни воскресныя всего лета, из пищ слова божия душам христиан православных в насыщение духовное, божиим пособием уготованный. Трудолюбием многогрешного Симеона Погоцкаго, первомонаха недостойнаго. В царствующем граде Москве. В лето от создания мира 7184, от рождества же бога во плоти в лето 1675 месяца.. дnia. В лист, в кожаном переплете, разными почерками, полуустав, на бумаге с филигранью «шут с семью бубенцами» (близок по Гераклитову к филиграням № 4356 (1665), 1358 (1665), 1359 (1665), 1360 (1665), на 527 л.— ЦГАДА, ф. 381, № 504 (далее ссылки на номер рукописи и листы приводятся в тексте).

шевной»⁴¹ свидетельствует об ориентации их автора на западную культуру. В этом убеждает характер титульных листов, отличающихся по своему внешнему виду от титульных листов в печатных изданиях «Обеда душевного» и «Вечери душевной». Их отличительная особенность заключается в совмещении слова с изображением: обширные заглавия сборников вписаны в раму из клейм на библейские темы, каждое из которых в свою очередь снабжено надписью, раскрывающей его сюжет. Так, титульный лист беловой рукописи «Обеда душевного» воспроизводит (в соответствии с содержанием книги) преимущественно сцены из Нового завета: «Рождество Христово», «Богоявление господне», «Народа насыти», «Воскресение Христово», «Сошествие духа святаго», «Фомино уверение», «Брак в Кане галилейской» и др. Непосредственно над заглавием, в центре листа, изображен стол со стоящими на нем книгами: этим как бы подчеркнуто, что книга (разумеется, благочестивая) и есть «Обед душевный», необходимый христианину.

Данный принцип оформления повторен и в «Вечере душевной», с той лишь разницей, что здесь изображены не сюжетные сцены, а лики святых, апостолов, пророков, евангелистов, место же надписей занимают имена каждого из них. Обращает на себя внимание аллегорический характер изображения евангелистов: поименировав их, художник нарисовал, однако, не Матфея, Луку, Иоанна и Марка, а их атрибуты: ангела, тельца, орла и льва соответственно. Не найдя, видимо, более подходящего зрительного эквивалента «Вечери душевной», над заглавием книги поместили тот же стол с книгами и добавленным к ним крестом (в вертикальном положении). Оба рисунка выполнены пером. Имя автора рисунков не указано. А. А. Сидоров высказал предположение, что им был сам писатель⁴².

Мы уже отметили, что Симеон Полоцкий ориентировался в данном случае на западные традиции, а если говорить более точно,— на искусство барокко, в котором одним из ведущих жанров является жанр эмблемы. «Смысл, значение эмблемы возникали не изображения или надписи, но при взаимодействии изображения,

⁴¹ Вечеря душевная на праздники господские, богочестивы и святых нарочитых, из пиц слова божия душам христиан православных, в насыщение духовное божиим уготованная пособием. Трудолюбием многогрешного первомонаха недостойного совершился Богу поспешающую в лето от создания мира 7184-е, от рождества же Бога во плоти 1676 месяца в день. В лист, в кожаном переплете, разными почеками, полуустав и скоропись, на бумаге с филигранью «шут с семью бубенцами», на 595 л.— ЦГАДА, ф. 381, № 503 (далее ссылки на номер рукописи и листы приводятся в тексте).

⁴² Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, с. 273.

**Симеон Полоцкий. Обед душевный.
Титульный лист беловой рукописи.**

надписи и подписи. В результате этого взаимодействия за видимым изображением возникал метафоризованный „умственный образ“. На эмблематическое изображение как бы набрасывалась сеть возможных значений. Возникал пучок нескольких значений, развивавшийся из первоначального метафорического переосмысления. В каждом случае между здимым изображением и умственным образом наличествовало два или несколько смысловых планов, соотнесенных друг с другом. Границы „умственного образа“ зависели от богатства и характера ассоциативного плана и потому всегда были несколько расплывчаты. Эмблема была здимой, овеществленной метафорой, служила для обозначения не самой вещи, а того, что стоит за ней»⁴³.

Ассоциативность лежит в основе оформления украинских изданий. На титульном листе книги Иоанникия Галятовского «Небо новое»⁴⁴ — две окружности, в которые вписаны изображения бого-родицы, а также солнца, луны и звезд, имеющих черты человеческого лица. Между рисунками находятся библейские изречения, в которых в том или ином контексте фигурирует слово «небо». В центре внутренней окружности — заглавие произведения, разъясняющее, что «небом новым з новыми звездами сотворенным» является «преблагословенная дева Мария богоородица з чудами своими». Однако из помещенных далее стихов и предисловия явствует, что в понятие «неба нового» необходимо включить и герб гетмана Могилы:

Дом Могилов назвати могу зодиаком,
Гдysя звериным щитит он баволем знаком,
Назову и пебом той дом, гдysя звездою,
Приоздоблят воспол солнцем и луною...

К такому уподоблению, по мнению автора, обязывает само величие рода Могилы, а также изобразительные элементы герба, изображающего бычью голову с короной и по бокам ее солнце и луну. Эта цепь образов — небо, богоородица, герб Могилы — искусно обыгрывается затем в предисловии, обращенном к Анне Потоц-

⁴³ Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко.— В кн.: Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979, с. 22.

⁴⁴ Небо новое з новыми звездами сотворенное, то есть преблагословенная дева Мария богоородица з чудами своими за старанем наименшего слуги своего недостойного иеромонаха Иоанникия Галятовского, ректора и игумена братства Киевского, року 1665, месяца декабря, дия 12 свету ся яви-ся в Львове («Стихи на герб» и предисловие не имеют пагинации).

кой, сестре Петра Могилы. Напоминая, что, по Библии, имя матери богородицы — Анна, автор просит свою патронессу принять его книгу «Небо новое» и пестовать ее на руках своих, как «родителка родителки божей» пестовала «небо новое» — Марию. Так в этот ряд образов включается еще один — сама книга Иоанникия Галятовского. Развивая тему «неба», Иоанникий Галятовский широко использует и цитаты из Священного писания (например: «добра яко луна, избранная яко солнце, тое небо новое». — Песня песней), и эпизоды из истории древнего мира. К числу последних принадлежит рассказ о древнеперсидском царе Коздроесе, который «учинил» в своем доме небо, солнце и звезды «мистерные», т. е. искусственные, из золота и дорогих камней, и приказал, чтобы самого его почитали как бога.

Клеймами с ликами святых, перевитыми библейскими цитатами, которые в том или ином контексте упоминают слово «трубы», украшен титульный лист книги Лазаря Бараповича «Трубы...»⁴⁵: «Господь возгласе трубне», «вострубите на нов месяц трубою», «слышит глас трубы» и т. д.

Объяснение заглавия дано в стихотворении «На титлу книги сея»:

На сия трубы уши накланяйте,
Трубами трубы суда вспоминайте,
Праздники святых сия трубы трубят...

Целое сплетение образов, связанных со словом «трубы», видим в предисловии к читателю и в «Предословии до его царского пресветлого величества».

Взаимодействие словесного образа с изобразительным для объяснения темы произведения видим также в книгах «Меч духовный» Лазаря Бараповича и «Скарбница потребная» Иоанникия Галятовского⁴⁶.

⁴⁵ Трубы на дни нарочитыя праздников господских, богородичных, аггелских, пророческих, апостольских, мученических, святителских, чудотворцов, беззребренников, благочестивого царя и князей и проч., яже Лазар Барапович милостию божию, православный архиепископ Чернеговский, Новгородский и проч., силою божию воструби, послушая господа: «Яко трубу вознеси глас твой и возвести людем моим». Исаия 18. Типом в святой, великой, чудотворной лавре Киево-Печерской... Напечатана в лето от создания мира 7182, от рожества Христова 1674 (приведенные тексты патинации не имеют).

⁴⁶ Скарбница потребная и пожитечная всему свету, пресвятая богородица елецкая з великими скарбами з чудами своими од высопе в Богу превелебного его милости господина отца Иоанникия Галятовского, архимандрита черниговского, елецкого знайденая. Из типографии в Новгороду Северском року 1676, дня 23 свету обявлена.

Симеон Полоцкий, также следовавший приему символико-эмблематического соединения изображения со словом при наименовании своих книг, сумел, однако, избежать формализма, своего упомянутым писателям. Например, в предисловии к «Обеду душевному» нет такого обилия замысловатых метафор, бесконечной игры слов, неумеренного цитирования, которое мы встречаем у Лазаря Бараповича и Иоанникия Галятовского. Образ «обеда» логично включен в систему следующих доказательств: 1) забота о душе важна не менее, чем забота о теле; 2) душу человеческую питает слово божие; 3) необходимую в этом плане «пищу» содержит предлагаемая книга; 4) читатели должны выбирать из предложенного то, что им больше всего «по зубам».

Подбор выразительных средств, связанных с образом «обеда», не велик, но отличается целенаправленностью. Это эпитеты «сладкий», «горький», «горячий» и связанные с ними метафоры — «горесть сокрушения», «сладость блаженства» и др. «Еже аще снесте, будет во устех ваших сладко, яко мед», — говорит автор о действии, которое окажет чтение его книги. И в то же время предупреждает: «Моя сия книга горесть вам родит во чреве, еже есть горкое о гресех рыйдание» (1681, л. 8 об.). Или: «Обед сей... горяч в пищах неких, яко огнем любве душ ваших извариша» (1681, л. 9). Уподобление процесса чтения приему пищи делает оправданным употребление в метафорическом смысле таких слов, как «чрево», «стомах», «сырище», «зубы», «жевать»: «Ты, благочестивый читателю, прими любезно обед сей простоуго-таванный и яждь здрав во спасение ти душевное. Яждь на обеде сем зубом ти приличная, яждь младенче млеко, твердую же пищу остави мужем совершенным» (1681, л. 10). Отметим, что подобное использование натуралистических деталей в метафорических целях было очень характерно для барочных писателей Западной Европы, а также Польши. Образ «обеда» раскрывают и афоризмы, встречающиеся в предисловии: «Брашио укрепляет плоть, слово божие душу. Брашио есть нуждно в путь житейский, слово божие в путь духовный. Хлеб вои крепит во браны гражданлей, слово божие на браны духовней» (1681, л. 7); «удобнее ядро снедается излущенное, нежели в коже содержимое» (1681, л. 7 об.).

Оформление титульных листов «Обеда душевного» и «Вечери душевной», сделанное в «белых книгах» согласно украинской традиции, не соответствовало издательской практике Московской Руси, где рядом с заглавием было принято помещать не картины, а имена и полное величанье царя и патриарха. Исходя из привычных норм и были напечатаны после смерти Симеона Полоцкого «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683). Однако издатели не отвергли намерения автора соединить слово

с рисунком и пошли на компромисс: изображениям были представлены отдельные листы.

Книга «Обед душевный» в издании 1681 г. снабжена двусторонней гравюрой на меди. Как отмечает А. А. Сидоров, это первый в московской Руси опыт печатания гравированных на меди изображений на обеих сторонах листа⁴⁷⁻⁴⁸. В «Вечере душевной» — одна гравюра. Во всех трех случаях использованы приемы, предложенные Симеоном Полоцким: композиция изображений, их отдельные элементы, стремление путем соединения слова со зрительным образом раскрыть метафорический смысл произведений.

Первая гравюра в «Обеде душевном» (Ушакова — Трухменского) сохраняет принцип «рамы» из клейм на евангельские темы. Использованы те же сюжеты, те же надписи, что и в «белой книге», однако сами изображения другие. Место заглавия в центре листа заняла поданная крупным планом фигура Христа с открытой книгой в руках. На ее страницах видны цитаты: «Се обед мой уготовах, Матф. 22» и «Приидите, обедуйте. Иоанн 21». Во второй гравюре использован другой элемент титульного листа рукописи: стол с раскрытыми книгами. Но если там он играет второстепенную роль, то здесь помещен в центре композиции (на фоне городского пейзажа) и окружен растительным орнаментом. Зрительный образ дополнен словесным, основанным на иносказании: «Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст божиих» и «Приидите, ядите мой хлеб и пийте вино, еже черпах вам».

В видоизмененной форме использован принцип «рамы» и в «Вечере душевной». Она, как и в беловой рукописи, составляется из ликов святых, но некоторые из них заменены и их больше числом. Изменился характер изображения евангелистов: если в «белой книге» были нарисованы только их символы, то теперь главное место заняли человеческие фигуры: Матфей рядом с ангелом, Лука на тельце, Иоанн на орле, Марк на льве. Видимо, подобные рисунки были более привычны для русских читателей и приспособливались к их восприятию. Центр листа заняло изображение стола со стоящими на нем книгами и высоко вытянутым вверх крестом. Фон, как и в «Обеде душевном», — городской пейзаж.

Рассмотренные нами титульные листы в «белых книгах» и печатных экземплярах — начало и конец большой работы. Однако наличие «белых книг» помогает в какой-то мере познакомиться и с самим процессом художественного оформления сборников. Особенно наглядное представление об этом дает «Обед душевный», беловая рукопись которого содержит подлинный рисунок Симона

⁴⁷⁻⁴⁸ Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра, с. 271.

Ушакова (№ 504, л. 2). Иллюстрация (Христос с книгой в окружении евангельских сцен), выполненная с необыкновенным мастерством, подписана художником и имеет дату: «7189», т. е. 1681 г. Следовательно, она создана уже после смерти Симеона Полоцкого (ум. в августе 1680 г.) и дополнительна включена в рукопись: лист с рисунком на другой (плотной) бумаге вклеен непосредственно за титульным листом. Никакого словесного материала на иллюстрации пока нет⁴⁹.

О решении изменить оформление книги свидетельствует и беловая рукопись «Вечери душевной». Здесь нет дополнительных иллюстраций, однако вслед за первым титульным листом вклейен новый, написанный рукой Сильвестра Медведева и выдержаный в московских традициях: «Во славу святых троицы, отца и сына и святаго духа: начата бысть печатати книга сия, вечеря душевная, на праздники господъския, богочестивыя и святых нарочитых, из пищ слова божия душам христиан православных в насыщение духовное божиим пособием уготованная: повелением блаженного памяти благочестивейшаго великаго, государя нашего царя, и великаго князя, Феодора Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца: благословленiem же в духовном чину отца его и богомолца, великаго господина, святейшаго Кир Иоакима, патриарха Московскаго, и всея России: в царствующем великом граде Москве, в типографии верхней: в лето от сотворения мира 7190: от рождества же по плоти бога слова 1681 индикта 5, месяца октюбria в 19 день. Совершился же при державе благочестивейших великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержцев: в лето от сотворения мира 7191: от рождества же по плоти бога слова 1683, индикта 6. Месяца декемврия. Приуготовася же сия вечеря душевная трудолюбием пречестнаго отца иеромонаха Симеона Полоцкого, в царствующем граде Москве обитавшего, в лето от сотворения мира 7184» (№ 503, л. 1)⁵⁰. Этот текст, содержащий киноварную правку того же Медведева, и был напечатан, с той лишь разницей, что вместо «декемврия» поставлен «яннуарий», т. е. фактически книга вышла в 1684 г. В соответствии с русскими орфографическими нормами в слове «вечеря» было измене-

⁴⁹ Первое упоминание о рисунке сделал И. Э. Грабарь: «В библиотеке Московской Синодальной типографии хранится оригиналный рисунок Ушакова — заглавный лист в книге «Обет (так.— А. Е.) душевный», который был гравирован Трухменским в 1681 г. Он тоньше и интереснее гравюры, причем некоторые клеймы не сходны с гравированными» (Грабарь И. История русского искусства. М., 1913, т. 6, с. 440, сноска 2). См. также: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра, с. 272.

⁵⁰ В тексте сохранена пунктуация подлинника.

Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681.
Гравюра А. Трухменского по рисунку С. Ушакова.

но ударение: вместо украинского «вечёря», как значится в заголовке «белой книги», в печатном издании всюду последовательно прописано старославянское «вёчера».

В «белых книгах» продолжалась работа по упорядочению состава сборников и расположения проповедей. Книга содержит авторские пометы и исправления. Например, на л. 6 об. писатель собственноручно внес новое двустишие, которое, однако, в печатный текст не попало:

Разсуждению церкви труд сей полагаю,
Аще что согрешивши, исправы желаю.

После предисловия (№ 504, л. 10 об.) находится подлинная подпись Симеона Полоцкого: «Симеон многогрешный, иеромонах недостойный». Симеон восстанавливает также ряд пропусков, допущенных писцами, в частности вписывает на полях названия источников.

«Вечеря душевная» не пополнялась новыми проповедями. Однако чистые листы, оставленные в разных местах «белой книги», наводят на мысль о возможности подобного намерения, особенно если учесть, что в остальном текст переписан подряд, без пропусков, и разрыва между произведениями нет даже в том случае, если предшествующее заканчивается на середине листа. Отдельные изменения внесены в порядок расположения проповедей: некоторые из них поменялись друг с другом местами (например, «Слова» в честь Софония и Саввы Звенигородского; Феодосии и в день владимирской иконы Богоматери и др.).

Полезными дополнениями, сделавшими сборник более обозримым, явились оглавления в начале и в середине книги. Первое из них («Оглавление слов во книге сей содержимых») относится к праздничным проповедям. Второе («Приложение слов на различные нужды. Оглавление») предваряет остальные поучения. Таким образом, «Вечеря душевная» оказалась поделенной в «белой книге» на две самостоятельные части, что и вошло затем в печатное издание. Оба оглавления переписаны дважды: 1) 6—7 об. и 8—11; 2) л. 433—433 об. и 434—435. Видимо, это вызвано большой правкой первых вариантов. Вторые варианты обоих оглавлений переписаны Сильвестром Медведевым.

Беловая рукопись «Вечери душевной» также читалась Симеоном Полоцким: его рукой вписаны слова и предложения, пропущенные переписчиками, сделаны исправления, уточнены цитаты. В том случае, если не указано число, под которым должна быть помещена проповедь, Симеон вписывает его на поле: «Сентемв. день 1» («Слово в день нового лета», л. 12); «Сентем. в ден 1» («Слово в день св. Марфы», л. 16 об.); «Сентемврия в день 8»

Придише идише мой хлебъ и пій -
те вино. Еже черпаха вамъ. Пригл: ф.

Лакъ єсть иже по насту, не дръкъ икона
пимѣтъся токлишъ: но ѿци вѣто, пра-
жде пѣти ѿныя, ежтваниыхъ словесъ при-
частникомъ вѣдешъ, и духовныхъ, зла:
на дѣлъ: ежеиди поладѣши.

Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681.
Гравюра А. Трухменского по рисунку С. Ушакова.

(«Слово 1 в день рождения Богородицы», л. 22); «Сентемвриа в 14 день» («Слово в день Вознесения», л. 37) и т. д. На л. 7 об. находится подпись писателя.

Как и в предыдущих списках, усердным справщиком обеих «белых книг» выступает Сильвестр Медведев. Часть этой работы он выполнял уже после смерти Симеона. Характерна в этом плане попытка Сильвестра изменить концовку «Слова 2 в день происхождения честного животворящего креста» из «Вечери душевной», представляющую собой молитву за здравие царя. В автографе (№ 657, л. 425) рядом с именем Федора Алексеевича стоит имя его первой жены Агафьи, вскоре умершей. И вот Сильвестр Медведев вписывает в «белую книгу» имя Марфы, ставшей царицей в 1682 г. Однако затем эту концовку, отличающуюся слишком конкретным характером, сам же и зачеркивает (№ 503, л. 345). Эту же молитву (с упоминанием Марфы) он вписывает, а затем вычеркивает в «Слове 1 в день происхождения животворящего креста господня» (№ 503, л. 338 об.), хотя в автографе Симеона Полоцкого (№ 657, л. 418—420 об.) молитвы нет вообще.

«Белые книги» «Обеда душевного» и «Вечери душевной» явились началом большой работы с печатниками. На полях обоих сборников постоянны указания Медведева об интервалах между абзацами и предложениями, о красной строке: «уступ», «под строку» или просто «зри». Редактор не забывает предупредить наборщиков о перестановках в тексте, которых особенно много в «Вечере душевной». Например, над заглавием «Слова» о Федоре Стратилате мы читаем: «Набират иуния в 8 день, а в февруарии ненабират» (№ 503, л. 216). К «Слову» о митрополите Ионе отнесена помета: «В сем месяце не набират, а набират иуния в 15 день» (№ 503, л. 252). Непосредственно после «Слова» о святой Ирине дано указание о необходимости вставить сюда проповедь о владимирской иконе божьей матери: «Зде набират слово майя в 21 день о стретении иконы владимирской. Писано сея книги на-зади» (№ 503, л. 268 об.) и т. д.

Еще полнее процесс работы непосредственно над печатанием книг раскрывается в корректурных экземплярах «Обеда душевного» и «Вечери душевной». Их сопоставление убеждает, что профессиональное мастерство наборщиков росло от корректуры к корректуре. Нам известны две корректуры «Обеда душевного». Первая из них⁵¹ — в мягкой обложке, листы не сброшюрованы. Текст напечатан одним черным цветом. В книге нет иллюстраций, не

⁵¹ ЦГАДА, Синод. тип., № 612 (2) (далее ссылки на номер корректурного экземпляра и листы приводятся в тексте).

везде имеются заставки и концовки: на их необходимость указывают завитушки, сделанные пером.

В тексте очень большая корректурная правка (киноварью), вызванная большим количеством пропусков и опечаток. Несовершенство набора вызвало ряд резких замечаний Сильвестра Медведева по адресу наборщиков: «Впред пожалуй Михаил прав спрашивая крепче нежели зде» (№ 612—2, л. 200 об.); «впред справляти крепче» (№ 612—2, л. 203 об.); «не прилежно спривливаете, впред смотрите прилежнее» (№ 612—2, л. 217 об.); «смотрить прилежно» (№ 612—2, л. 351 об.); «впред чтецу смотрити прилежнее и наборщику набират со усердием» (№ 612—2, л. 371 об.); «некрепко смотрят, от такового чтения неприлежного была бы четвертка» (№ 612—2, л. 513 об.).

Не ограничиваясь выражением неудовольствия, Сильвестр Медведев учит наборщиков книгопечатному мастерству: «Зде оставит на полторы строки» (л. 115); «оставит полторы строки» (л. 116). Он требует от них точности, верности источнику. Отсюда неоднократные предложения заглянуть в подлинник («перевод», по его терминологии): «справитца с апостолом» (л. 111), «справится с вивлиою» (л. 144 об.), «справится с евангелием, так ли» (л. 184), «справится вся, естли в переводе...» (л. 331). Подробно мотивируется необходимость проверить цитату из Псалтыри в связи с опечаткой: «Во обоих переводах стоит полезно и удобно, а не угодно. Справится. Естли стоит чисто угодно, переправит удобно...» (л. 371 об.). Иногда на полях возникала переписка. «Зде какое слово надобно, изволили написати» — спрашивает наборщик. Медведев в ответ пишет киноварью: «Грушевое болшое» (№ 612—2, л. 185). В другом случае вопрос вызван опечаткой в имени библейской героини: «Преж сего было в переводе Иавигеа. И о сем как изволиш». Ответом служит заглавное «И», подставленное к неправильно набранному имени («Авигеа») (№ 612—2, л. 254 об.).

Первая корректура «Обеда душевного» донесла до нас имена наборщиков: это Лаврентий («Лаврентий»), Евдоким, Никита, Петр. Они расписались собственноручно (или поставили первую букву имени) почти на всех нижних полях книги вместе со словом «чен». Вторая корректура по своему внешнему виду напоминает уже тиражный экземпляр: она в твердом переплете, сброшюрована, имеет титульный лист и гравюры⁵². Замечания Сильвестра Медведева учтены. Однако имеются новые, хотя и не столь значительные, исправления, опять сделанные рукой Сильвестра, уже в который раз читающего текст «Обеда душевного». Во второй корректуре мы еще ближе знакомимся с наборщиками: это «Лав-

⁵² ЦГАДА, Собр. церк. печ., № 612(1).

рентей Богданов с товарыщи» — Петром Ефимовым, Никитой Михайловым и Евдокимом Федоровым, которые работали, как видно из их отметок, на двух станах.

До нашего времени дошел один корректурный экземпляр «Вечери душевной»⁵³. Он выглядит так же, как и первая корректура «Обеда душевного» (в мягкой обложке, без гравюры). У книги тот же редактор, оставивший на ее полях следы тщательной проверки, те же наборщики. Однако в тексте значительно меньше опечаток, набор более чистый. Страницы за редким исключением совпадают с тиражными экземплярами. Видимо, школа Сильвестра Медведева, а также опыт работы над «Обедом душевным» дали свои плодотворные результаты при напечатании новой книги.

История создания книг «Обеда душевного» и «Вечери душевой» чрезвычайно много дает современному читателю для понимания процесса творчества первого профессионального писателя на Руси. К тому же она свидетельствует о больших успехах печатного дела в XVII в.

⁵³ ЦГАДА, Синод. тип., № 309.

Глава девятая

«Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла)

Л. И. САЗОНОВА

Последний поэтический труд Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» (1676—1680) представляет собой оригинальное явление не только в древнерусской литературе, но и в русской вообище. Сложна и необычна история его создания, итогом которой явилось образование жанра-феномена — грандиозной стихотворной антологии-энциклопедии. «Вертоград» принадлежит — наряду с «Псалтырью рифмовальной» и «Рифмологионом» — к первым крупным в русской литературе произведениям, написанным стихами. В нем ярко проявились черты стиля и мировоззрения барокко. Как известно, в отличие от других сочинений писателя, этот труд не был напечатан в Верхней типографии¹. К настоящему времени, начиная с середины прошлого столетия, из него опубликована лишь незначительная часть стихотворений².

Представление о «Вертограде», существующее в науке, создано на основании двух писцовых копий. Первая из них находится в Синодальном собрании Гос. исторического музея (ГИМ, Моск-

¹ Указание М. Сперанского об издании «Вертограда многоцветного» в Верхней типографии ошибочно (*Сперанский М. История древней русской литературы*. М., 1914, с. 573).

² Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 1192—1197; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7 (т. 13—14), с. 149—152; Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, с. 100—119, 148—149; Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории.— В кн.: Сборник статей в честь В. П. Бузескула: Сборник историко-филологического общества при имп. Харьковском ун-те. Харьков, 1914, т. 21, с. 595, 597, 635—668; Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая ред. П. Н. Беркова. Л., 1935, с. 107—118; («Биб-ка поэта». Малая серия); Симеон Полоцкий. Избр. соч. / Подг. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.; Л., 1953 (серия «Лит. памятники»); Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А. М. Панченко; Общая ред. В. П. Адриановой-Петреп. Л., 1970 («Биб-ка поэта». Большая серия).

ва)³; другая, переписанная с нее, хранится в Библиотеке АН СССР (БАН, Ленинград)⁴. Вторая копия представляет собой беловой список «Вертограда»: нарядно и богато украшенный с титульным листом, разрисованным диковинными цветами, заставками с золотом, киноварными заглавиями стихотворений, он был поднесен царю Федору Алексеевичу, а затем привезен из Кремлевской царской библиотеки в Петербург по указанию Петра Великого. Здесь и увидел его В. К. Тредиаковский, выразивший восхищенное удивление большим объемом произведения и красотой каллиграфического письма: «Вертоград многоцветный... превеликая рукописная книга, хранящаяся в императорской Академической библиотеке... Сия книга писана толь чистым и преизрядным письмом, что уже ныне таких рук у наших писцов не видно»⁵. Список ГИМ попал в поле зрения ученых только в середине XIX в.⁶ После речи патриарха Иоакима, в которой под страхом наказания запрещалось читать сочинения Симеона⁷, этот список вместе с другими рукописями писателя, в том числе и авторской рукописью «Вертограда», был помещен в патриаршую ризницу⁸, и, таким образом, все это практически было изъято из обращения⁹.

³ Краткое описание см.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973, ч. 2, с. 110 (Синод. собр., № 288).

⁴ Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва; Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978, с. 45–46. Шифр: ПА 54 (старый — 37.1.3).

⁵ Тредиаковский В. К. Соч. СПб., 1849, т. 1, с. 775.

⁶ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки.— Архив ЛОИИ, ф. 197, ед. хр. 4, л. 11—27 (незавершенное и неизданное описание, оставшееся в черновиках, относящихся к декабрю 1853 г.); Слава, архимандрит. Указатель для обозрения Московской патриаршой (ныне Синодальной) библиотеки. 2-е изд. М., 1858, с. 224.

⁷ Остен. Памятники русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865, с. 138: «...запрещаем никако же дерзати народно и в церквех прочитати, под церковною казнию, священным — под извержением священства, людином же под отлучением».

⁸ См.: Полуденский М. Описание патриаршой библиотеки 1718 г. Копия с росписи книгам, которые обретаются в патриаршой ризнице.— Русский архив, 1864. М., 1864, № 1—12, прил. стб. 1—48. В этом описании данный список «Вертограда» (указан под № 706) и авторская рукопись произведения (указана под № 716) значатся среди книг, находящихся «в сундучке».

⁹ К настоящему времени известны следующие рукописи с выписками из «Вертограда многоцветного»: ГИМ, Синод. собр., № 291, л. 56—л. 60 об.; БАН, ПА 55; ГПБ, Толст. О. XIV, № 1; Софийское собр., № 1481, л. 177—201; собр. ОЛДП, Q. 88 (за указание на последнюю рукопись признательный Э. Малек). Ни в одной из них текст не восходит к авторской рукописи. С определенной долей вероятности можно предполагать, что списком ГИМ воспользовались лишь в одном случае — при составлении «Синодика» патриарха Адриана (ГИМ, Синод. собр., № 291, 292), в который включены стихотворения Симеона на тему о смерти. Заметим, что

Списком ГИМ пользовались авторы первых и самых крупных исследований о Симеоне И. Татарский¹⁰ и Л. Майков¹¹. Работы А. И. Белецкого¹², И. П. Еремина¹³, А. М. Панченко¹⁴ утвердили представление о списке БАН как наиболее авторитетном: по нему — за немногими исключениями¹⁵ — осуществлены публикации избранных стихотворений.

«Вергоград» списков поражал ученых тематическим и жанровым разнообразием. И. П. Еремин называл его «стихотворной кунсткамерой», писал, что он производит «впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке самые разнообразные вещи, часто редкие и очень древние»¹⁶. А. М. Панченко пишет, что Симеон «не заботился ни о жанровом, ни о тематическом единстве: он искал „многоцветия“, хотел сгруппировать информацию, которой должен владеть просвещенный человек»¹⁷. Действительно, в письмовых списках «Вергограда» стихи расположены по буквам алфавита, что и производит впечатление поэтической россыпи: около 3000 разных стихотворений — «на персонаж» и «на случай», эпиграммы и эпиграфии, басни и афоризмы, притчи и сюжеты из древней истории. Прихотливая организация текста в «Вергограде» затрудняет изучение произведения в целом. И. П. Еремин в связи с этим писал: «Этот беспримерный в русской поэзии стихотворный музей Симео-

в «Синодике» находятся также стихи на смерть патриарха Адриана, написанные его личным секретарем Карионом Истоминым (Синод. собр., № 291, л. 64 об.). Не исключено, что он и ввел в «Синодик» стихи из первой копии «Вергограда», хранившейся в патриаршей ризнице. Выписки в остальных рукописях сделаны на основе списка БАН.

¹⁰ Татарский И. Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.

¹¹ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий, с. 1—162.

¹² Белецкий А. И. Повествовательный элемент в «Вергограде» Симеона Полоцкого.— В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 326.

¹³ Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 261; Еремин И. П. Литература древней Руси. М.; Л., 1966, с. 211.

¹⁴ Русская силлабическая поэзия, с. 369; Панченко А. М. Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого: На материале «Вергограда многоцветного». — ТОДРЛ. М.; Л., 1970, т. 25, с. 236, прим. 18.

¹⁵ Пользуясь преимуществом при цитации стихотворений «Вергограда» парадной копии БАН, А. И. Белецкий издал по списку ГИМ (Синод. собр., № 288) цикл «Парис Рима ветхаго и новаго» (Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории, с. 635—668).

¹⁶ Еремин И. П. Литература древней Руси, с. 217, 211.

¹⁷ Панченко А. М. О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв.— ТОДРЛ. Л., 1969, т. 24, с. 270; см. также: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., с. 25.

на Полоцкого так велик и экспонаты его так многообразны, что нельзя не пожалеть об отсутствии путеводителя по нему, каталога¹⁸.

Теперь можно с уверенностью утверждать, что такой «путеводитель» есть, и автор его сам Симеон Полоцкий. Это источник первостепенного значения: автограф поэта, а именно — оставшийся совершенно не изученным первоначальный вариант «Вертугра» (ГИМ, Синод. собр., № 659)¹⁹. О его существовании было известно уже от архимандрита Саввы, который указал на характерную особенность рукописи: «№ 659 — скрип. XVII, 547 л. Список черновой, автограф; в нем стихотворения не приведены в алфавитный порядок»²⁰. Затем Ф. И. Буслаев опубликовал по автографу девять стихотворений²¹. А. И. Белецкий в своей самой ранней статье о Симеоне Полоцком (1914) высказывал намерение сопоставить тексты «Вертугра» по трем известным рукописям. «Изучение этих списков,— писал он в примечании,— показало мне, что различие между ними заключается преимущественно в порядке расположения стихотворений и в общем составе сборников: что касается текста отдельных стихотворений, то варианты не настолько значительны, чтобы было необходимо приводить их в данной статье. Разночтения ограничиваются отдельными словами, порядком слов, различна и орфография. Вопросу о текстах „Вертугра“ посвящена мною другая работа, приготовляемая к печати»²². В дальнейшем ученый выпустил еще три статьи о творчестве Симеона Полоцкого²³, но среди них не было работы на задуманную тему. В «Автобиографии» (1945 г.) А. И. Белецкий писал, что он готовил труд о Симеоне как стихотворце, но черновые наброски его вместе с собранными материалами пропали

¹⁸ Еремин И. П. Литература древней Руси, с. 211.

¹⁹ Краткое описание см.: Протасьев Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания..., с. 109.

²⁰ Савва, архимандрит. Указатель..., с. 245. Эта рукопись также была кратко охарактеризована А. В. Горским и К. И. Невоструевым в упоминавшемся нами «Описании» 1853 г. (л. 27 об.—28 об.).

²¹ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия..., стб. 1194—1197.

²² Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории, с. 593, прим. 1.

²³ Белецкий О. И. Симеон Полоцкий та українське письменство XVII-го віку.— В кн.: Юбілейний збірник на чоману акад. Д. Ів. Багалія. Збірник Історично-філологічного відділу Української Академії наук, № 51, у Київі, 1927, с. 636—648; Белецкий А. И. Из начальных лет литературной деятельности Симеона Полоцкого.— В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского: Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л., 1928, с. 264—267; Он же. Повествовательный элемент в «Вертугра» Симеона Полоцкого, с. 325—334.

Сѣра и Атия

Мертвъ отъ бѣлѣнѣ, и Атия бѣлѣнѣ
Иерасимъ же съпѣтъ къ вѣнчанію Атии.
Атия отъ Атии съпѣта бѣ охвѣнна,
Атия отъ Атии съпѣта бѣ вѣнчанна.
Атия отъ Атии съпѣта бѣ вѣнчанна.
Съпѣтъ бѣ охвѣнна къ вѣнчанію Атии.
Мертвата же Атия, съпѣтъ и вѣнчанна,
Иерасимъ бережетъ ей душу Симонъ.

Бѣ вѣнчанна мѣръ

Атия мѣръ бѣ и вѣнчанна
Посла Симона Симонъ Генадровъ союзъ
Еже вѣнчанна съпѣтъ Симонъ Симонъ
Атия мѣръ бѣ вѣнчанна и вѣнчанна.
Еже вѣнчанна Симонъ Еже вѣнчанна,
Посадивъ его въ землю, аже на вѣнчаніи
Прогналъ охвѣннаго. Вѣнчаніе
Христъ Галѣотъ прорѣчиши аще вѣнчаніе
Галѣотъ и вѣнчаніи ти бѣнъ вѣнчанъ
Вѣнчаніе и вѣнчаніе вѣнчанъ ко членамъ Христомъ
Уже и вѣнчанъ Симонъ Христъ раздѣлиши,
Симонъ вѣнчанъ аще вѣнчанъ.
Хѣ вѣнчанъ на вѣнчанъ и вѣнчанъ
Аже Симонъ вѣнчанъ вѣнчанъ охвѣннъ.
Хѣ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ охвѣннъ
Аже Симонъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
Хѣ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
Аже Симонъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
Хѣ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
Аже Симонъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
Хѣ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
Да и вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
И вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ
Вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ вѣнчанъ

8

во время войны²⁴, и автор больше не возвращался к этому предмету. Список БАН был первым, по которому ученый познакомился с «Вертоградом»²⁵, и он как наиболее полный и окончательный²⁶ оказал определяющее влияние на формирование его представлений об этом произведении. В данном списке в силу его алфавитной композиции на первый план выдвигалась самостоятельность (а вместе с тем и самоценность) каждого отдельно воспринимаемого стихотворения. Вероятно, это обстоятельство повлияло на А. И. Белецкого в том смысле, что и автограф он стал рассматривать как соединение самостоятельных стихотворений: показательно, что в тех немногих случаях, когда исследователь приводит стихи по автографу и анализирует их («Царство мирское», «Подражание», фрагмент)²⁷, в стороне остается тот особый тип связей между стихами, который составляет характерную особенность первоначального варианта «Вертограда». Причиной тому могут быть как личные интересы ученого, так и общие закономерности развития науки. В то время, когда Белецкий писал свою первую работу о «Вертограде», в русской филологии не получили еще достаточного развития те принципы, которые привлекли внимание к творческой истории произведения, к его форме как целому. Текстология как наука только начинала еще путь в трудах Н. С. Тихонравова, А. А. Шахматова, В. И. Перетца и др., а появление теорий художественной формы произведения было делом будущего. В последней работе о «Вертограде» (1934 г.) А. И. Белецкий ограничился в отношении автографа констатацией ранее высказанного положения: в нем «стихотворения еще не расположены в азбучном порядке»²⁸. И. П. Еремин характеризовал автограф одной фразой: «Первый список („Вертограда“.—Л. С.) — черновой автограф Симеона Полоцкого; здесь стихотворения еще не расположены в алфавитном порядке заглавий»²⁹. Автограф выпал из внимания исследователей³⁰, поэтому, несмотря на то, что

²⁴ Белецкий А. И. Избр. труды по теории литературы / Под общей ред. Н. К. Гудзия. М., 1964, с. 10.

²⁵ Там же: «В рукописном отделе Библиотеки Академии наук я впервые раскрыл „Вертоград многоцветный“ Симеона Полоцкого... по многим темам связанный с... примечивым миром средневековых легенд и сказаний...»

²⁶ Белецкий А. И. Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого, с. 326.

²⁷ Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории, с. 597, 595.

²⁸ Белецкий А. И. Повествовательный элемент в «Вертограде» Симеона Полоцкого, с. 326.

²⁹ Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 261.

³⁰ Отсутствие автографа в научном обороте потребовало сложной аргументации при атрибуции неизвестных стихов Симеону Полоцкому. См.; Мар-

о «Вертограде» существуют специальные работы, он остается все-таки наименее изученным среди других произведений Симеона: не исследован вопрос о происхождении лирического материала и его художественной функции, не раскрыт внутренний смысл и пафос сочинения, не ясен генезис той принципиально новой жанровой формы, которая составляет специфику «Вертограда» в его окончательном виде. Поэтому целью настоящей статьи является характеристика «Вертограда многоцветного» по автографу.

Благодаря тому, что данная рукопись «Вертограда» является первым авторским опытом, открывается счастливая возможность проникнуть в творческую «лабораторию» писателя — случай чрезвычайно редкий в древнерусской литературе, с которым может быть сопоставлено только изучение знаменитого «Жития» Аввакума по двум автографам-вариантам³¹. В автографе перед нами впервые раскрывается последовательность работы над произведением: проясняется начальный замысел и вид «Вертограда». Здесь же Симеон решается на кардинальное изменение первого типа сборника и переорганизацию всего текста в соответствии с новым принципом, которая и реализовалась в названных копиях. Последовательно изучая текст автографа, мы как бы вместе с автором проделываем тот путь, который привел его к формированию этого беспрецедентного в русской литературе жанра-феномена, какой является «Вертоград» в беловых списках. Кроме того, автограф содержит обширную правку, обильные вставки на полях, и поэтому исследование его позволяет во всем объеме представить работу Симеона над текстами стихов: и авторедактирование, и сотрудничество поэта с его учеником и душеприказчиком поэтом Сильвестром Медведевым.

Самое важное состоит в том, что в автографе заключена основа поэтической логики и системы произведения. «Вертоград» по автографу не тождествен «Вертограду» по копиям, это другой тип произведения, и его первоначальный вид совершенно не похож на окончательный текст сборника. Читая стихи в автографе по порядку, мы убеждаемся в существовании созданного поэтом, а затем им же уничтоженного большого художественного контекста.

тынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в.— В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1975. М., 1976, с. 44—47.

³¹ См.: Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963; Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: Творческая история произведения. Л., 1974; Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подг. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975.

Когда Симеон приступал к работе над «Вертоградом», он не собирался располагать стихи в последовательности алфавита, начав хотя бы со стихотворения «Адам». Он не писал азбуковника и не сочинял стихов на буквы алфавита подобно тому, как это сделал (в весьма скромных масштабах) его ученик Карион Истомин в своих «Букварях» (1692, 1694 гг.). Но позже, в процессе работы, Симеон поместил несколько стихов в алфавитном порядке. В автографе можно точно определить границу, когда он решил перевести стихи на алфавит.

В начале же Симеон основывался не на формальной, а на смысловой структуре сборника. Понимая свою деятельность как повседневную работу просветителя в широком смысле, он и к писанию «Вертограда» в целом относился как к жизненно важному делу. Поэтому в самое начало книги он поместил программное стихотворение «Вера и дела», в котором объявил свое кредо:

Мертвa есть вѣра без дѣл и дѣла без вѣры
Мертвым же страны живых заключены двери.
Живот вѣры — дѣлеса богу угодная,
Душа дѣлес есть вѣра в бoga праведная... (1) ³².

Далее поэт перешел к созданию картины мира, всего сущего в нем, разумеется, в христианском смысле. Поэтому главным в картине являются темы и предметы духовные, метафизически-отвлеченные символы и абстракции и соотносимые с ними морально-этические категории. Этот творческий принцип способствовал образованию мировоззренческого единства «Вертограда», служил выражению определенной идеино-художественной концепции и позволял автору в известной мере преодолеть жанровую и тематическую разнородность сборника. На первый план при такой структуре «Вертограда» выдвигается цельность авторского замысла, а не самоценность отдельных стихов. Об этом замысле, как теперь становится ясным, поведал сам поэт в предисловии к «Псалтыри рифмовторной», творческая история которой тесно переплетается с работой над «Вертоградом». Симеон назвал там произведения, которые он написал к 1678 г., «жительствуя» в Москве («Венец веры», две книги проповедей и «четвертое — Верт многоцветный»), и подчеркнул, что их появление проникнуто общностью замысла. Смысл сочинений состоит «...во взыскании божественных писаний глубочайшаго разума и в них умных сокровищ, тайно положенных, не еже и теми мысленными богатствы

³² Здесь и далее цитируется «Вертоград многоцветный» по автографу (по правилам, принятым в ТОДРЛ), страницы рукописи указываются в тексте в скобках.

единому ми красоватися и богатети, но да и церкви православно-кафоличестей изнесу от них полезная»³³.

Симеон писал не сборник стихов, а единую книгу. Как это видно из авторской рукописи, сугубая структурность мировосприятия Симеона, обусловленная его пристальным вниманием к проблематике «бог — мир — человек», связывает стихи в цельный художественный контекст. Идейную основу «Вертограда» составляет средневековая христианская концепция стройного миропорядка. Она охватывает весь космос — мир невидимый (небесно-божественный) и мир видимый (земной). Люди находятся у основания иерархической пирамиды, на вершине которой — «вездесущий» и «вселивший» бог. Точка авторского зрения постоянно изменяется: она то взлетает вверх, то опускается вниз; то бог обращает свои взоры на человека, то человек взвыает к нему. Но поскольку христианская доктрина основные требования предъявляет к человеку, то именно человек и его бытие — физическое и духовное — оказываются в центре внимания Симеона. Истолкование богословских положений и христианской обрядности, изъяснение символики культа интересуют поэта не сами по себе, а в применении к человеку. Симеон поэтически проповедует на основе христианской этики, которая интересует его, больше философско-догматических построений. Он популяризирует христианскую мораль, нормы отношений к богу и к обществу. Земная иерархия является продолжением небесной. Власти светской принадлежит роль, подчиненная церковной. Человек и человечество представляют собой «овчее стадо». Обозначив место каждого на иерархической лестнице, Симеон подробно очертил то, что принадлежит церковной власти, чтобы — власти государства.

Создавая в стихах своего рода кодекс нравственных предписаний, автор рисует не только желанный идеал, но и отклонения от него, поскольку этот идеал никогда не находит абсолютного воплощения в жизни: совершаются преступления против бога — люди богохульствуют («Мария дева», 514), формально исполняются обряды («Отче наш», 17), нарушаются государственные законы («Началник», 40), творится неправосудие («Суд», 47). У великих мира сего критируются их гордость, спесь («Торжество», 52—53), развращенность («Блудник», 25—26), своеолие, насилие («Казнь», 53), склонность внимать льстецам («Нищета царей», 70). Многое Симеону не нравилось и в практике церкви: нередко священники-певчеды не знают даже «Писания» («Иерейство», 34—36). Грозные филиппики он обрушивает на монахов, греша-

³³ [Симеон Полоцкий.] Псалтырь рифмованная. М.: Тип. Верхняя, 1680, л. 4.

щих блудом («Блуд», 385; «Укращение», 685) и чревоугодием («Инок-мясоедец», 512). Разбираются пороки, мешающие благочестивому образу жизни: зависть, ложь, лень, сквернословие, пьянство. Симеон призывает людей укрощать свой гнев, ярость и все пагубные страсти. Его волновала мысль о нравственном несовершенстве человека. Еще в «Венце веры» (1670 г.) он с сожалением заметил: «...мнози именем токмо суть христиане, житием паки хуждшии язычников»³⁴.

Именно с задачами морального воспитания читателя поэт связывает цель создания «Вертограда». Для Симеона его «сад» не просто собрание разных тем и форм, а «сад» «мысленный», духовный, приносящий плоды мудрости. Возникая в стихах как бы на стыке двух планов — реального и условного, — метафорический сад Симеона разветвляется рядами производных образов. В стихотворении «Дух святый» (13—14) «сад» — это пространство «святого духа», который насаждает полезное и искореняет вредное ради его плодотворящей силы:

Паки что в вертъ оградарь дѣлает,
Тожде дух святый в церкви содѣваєт,
Иже суть вредна не медлит терзати,
Полезная же тициво насаждати.
Напослѣдок, что дѣтель в виноградѣ,
То божественный дух в церковном садѣ:
Вредная рѣжет, чистит, насаждает,
Копает, хранит, да плоден бывает... (14).

Сцепление образов в этом стихотворении опирается на традиционную ассоциацию, восходящую к библейским книгам о виноградной лозе, произрастающей благодать (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 24.20), при этом лоза — Христос, ветви ее — люди, а виноградарь — отец-бог, отсекающий неплодоносящие ветви и очищающий те, которые приносят плоды (Иоанн, 15.1—8). В стихотворении «Древо» (770) образ плодоносящего сада связывается с важной темой духовного преображения человека. Стихотворение строится на двух соотносимых символах: мир — бесплодная пустыня, источник зла, возделанный сад — средоточие плодов только «добрых», потому что «неплодные» и «злоплодные» деревья из него исторгнуты и сожжены. Благодаря внутренней логике ассоциаций происходит далее переключение изложения на следующий метафорический уровень: человек должен стремиться попасть в «добрый сад покаяния», испытать там на себе воздей-

³⁴ ГИМ, Синод. собр., № 285, л. 7.

ствие пастырской проповеди, и тогда ему откроется путь в небесный сад вечности. В стихотворении «Совесть истязати» (290) Симеон соединяет сад в одно смысловое целое с совестью; уход вертоградаря за садом порождает аналогию из моральной сферы:

Вертоградарь оград свои выну очищает
Сущая непотребна исторг изметает.
Тако нам совесть присно чистити есть требъ
От дълес душевредных, да вселимся в небъ (290).

Сад предстает в стихах Симеона как особое замкнутое пространство, защищенное от всех, кто может причинить вред его процветанию. Человек вне сада лишен благодатной почвы для совершенствования: живущий в миру — как дерево, растущее «при пути», терзаемое от «мимоходящих», ему трудно сохранять праведность в поведении:

...Путинци бо мирстии тщатся отерзати
И аки палицами вѣтви обивают,
Елма смѣхи, руганни, кощунства стужают.
Хотяи убо господу плоды совершили,
Да тщится в сад духовный пресажденны быти (770).

Восхождение к добродетели, как следует из этого стихотворения, возможно только в саду. Начатая тема продолжается в другом стихотворении с тем же названием «Древо». В метафорическом саду свои законы и нормы поведения. Прежде чем войти в него и «быти пресажденным в житие духовное», нужно оставить «прихоти» и «пороки мира»:

...Иначе бо труд всеу саждения будет,
Ибо порок с ним мира и в садъ пребудет (770).

Художественный мир «Вертограда» как произведения образует параллель к этому образу «мысленного сада». Это тоже особая среда со своими религиозными и нравственно-этическими идеалами, со своим этикетом поведения. Она противостоит иенормированной действительности. Мысль поэта о замкнутости пространства духовного «сада» и «Вертограда» (как художественной системы) уловил внимательный рисовальщик титульного листа списка ГИМ и подчеркнул это одной деталью: он обнес сад оградой, а на воротах повесил изящный замочек.

Образ сада — один из излюбленных в поэтике Симеона. Символизируя идеи поэта, он проходит сквозь многие его произведения. Сад встречается и в «Жезле правления», и в «Гласе последнем ко господу богу», и в проповедях, и в «Венце веры», образуя

семантические сцепления: «сад» — совесть, «сад» — плоды мудрости, благочестия и добродетели, «сад» — святость и праведность поведения. Значение образа в разных контекстах разное, и оно определяется в конкретных связях контекста, но неизменно садовая символика связана у Симеона с мудростью и моральными категориями. Симеон даже ставит свой «сад» как символ в духовную связь с «граем», с «небесным вертоградом»: «...Потщахся убо дому божию, святей церкви восточней, яко едему мысленному, раю духовному, вертограду небесному, присовукупити сси мои верт многоцветный» (л. 1 об.). Не случайно он решил вынести этот ключевой образ в название поэтического труда. Правда, в автографе еще нет авторского заглавия «Вертоград», на первом переплетном листе кем-то позднее сделана запись «Книга виршами писана о всяких разных делах». Но как ясно из предисловия к «Псалтыри рифмовторной», это название (пока в форме «Верт многоцветный») выкисталлизовалось из стихов сборника уже к марта 1678 г. (дата завершения работы над «Псалтырю»³⁵), т. е. еще до того момента, как оно появилось в первом списке произведения. Избрав образ сада для заглавия, Симеон реализовал вполне осознанную им поэтическую мысль о своем произведении не только как вместилище словесного «многоцветия», разнообразных стихотворных жанров³⁶, но и как источник нравственного совершенствования человека. На такое же восприятие образа сада наставлял читателя современник поэта украинский писатель Антоний Радивиловский, представляя свое сочинение «Вертоград Марии богородицы». Он назвал его садом не потому, что собрал в нем «цветы словес», а потому, что как настоящий сад приносит плоды, так и его словесный вертоград заключает в себе «плоды ползы душевныя, которыми бы душа читающего укреплятися и утешати могла»³⁷.

³⁵ ГИМ, Синод. собр., № 661 — автограф «Псалтыри рифмовторной», на л. 96 об. даты написания: 4 февраля — 21 марта.

³⁶ В названии произведения «Вертоград многоцветный» И. Татарский видит лишь отражение пестроты содержания: «Сборнику этому, представляющему, таким образом, пеструю смесь бесчисленного множества самых разнообразных стихотворений, Симеон придал и вполне соответствующее широковещательное заглавие» (Татарский И. Симеон Полоцкий..., с. 287).

³⁷ ГИМ, собр. рукописей Успенского собора, № 77, инв. № 1054, л. 12 об. Это произведение издано под заглавием «Огородок Марии богородицы». Киев, 1676. Христианская литература располагала многозначной семантикой образа сада. В этом же сочинении Антония Радивиловского сад выступает и в другом своем устойчивом значении — как атрибут богородицы. Девственное чрево Марии уподобляется «мысленному», «заключенному» вертограду: «...ты на земли была еси вертоградом ради непарушенного девства своего» (там же, л. 3). Известна икона с изображением Богоматери с младенцем на руках на фоне сада — Никита Павловец. Образ богоро-

Таким образом, уже в самом заглавии «Вертоград многоцветный» заключен глубокий дидактический смысл, поэтому оно укрепляет положение о единстве замысла произведения. На это еще раз поэт укажет в предисловии: книга — «верт» писалась «во ползу душевную всех благочестно жити тщащихъся, непрелестну имея надежду, яко всяк хоти душевного услаждения и ея здравия желаяи известнаго довольно себе обрящет зде цветы во ползу» (л. 1 об.), ибо цветы, травы, зелия, процветающие в саду, — «вся же сия имут силу здравых душ веселием исполнения, в здравии утверждения и от недугов предсоблюдения» (л. 2).

Рассуждая о средствах, способных врачевать души и нравы, Симеон в духе Аврелия Августина и Бётия («Утешение философий») возлагает надежды на разум и в путеводительницы всем призывает «философию». Религиозно-философская проблематика всегда была близка ему, много стихотворений ей посвящено и в «Вертограде». Знаменательно, что в конце автографа помечены последние предсмертные стихи Симеона — три коротких стихотворения под общим названием «Философия»³⁸. На них обрывается авторская рукопись, и далее следует драгоценное свидетельство Сильвестра Медведева: «Сии последние вѣрши пречестный господин отец Симеон писал за пол два дни до своея смерти изутра». Стихи о философии можно рассматривать как своеобразное духовное завещание поэта.

Свою религиозно-философскую и этическую концепцию Симеон реализует в крупных идейно-тематических и структурных единствах сборника, в пределах каждого из которых взаимодействуют несколько стихов. Они образуют стихотворное повествование, в котором поочередно объединяются богословские силлабические рассуждения, нравственно-философские трактаты и трактатики, рассказы и рассказики новеллистического типа, библейские притчи и поучительные анекдоты, суждения моралистов, восхваление добродетелей и осуждение пороков. Такие идейно-тематические единства никак специально не обозначены в авто-

дицы Вертоград заключенный (ок. 1670 г., ГТГ). Топос «hortus conclusus» восходит к Песни песней (4.12). В гомилиях Григория Нисского «оград заключенный» — это душа праведника, творящая добродетели (гомилия 15). Светской литературой выработан другой образ сада, свободный от моралистической оценки. В ней сад — место любовных утех и наслаждений. Этот топос связан с развитием любовного романа. См., например: Полякова С. В. Из истории византийского романа: Опыт интерпретации «Повести об Испине и Испинии» Евмафия Макремволита. М., 1979, с. 134 сл.

³⁸ Опубликовано в кн.: Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия..., стб. 1196—1197.

графе и выделяются на основе внутренних ассоциативно-контекстуальных представлений. Почти всегда можно указать строку в предыдущем стихотворении, которая возбудила последующий стих. Связи между самими идеяными циклами очевидны: одна тема плавно переходит, как бы переливается в другую. Стихи переступают через свои границы, образуя общий поэтический поток. Лишь иногда связи между ними представляются зыбкими, не поддаются точной констатации, что естественно, так как «Вертуград» — произведение очень большое, оно создавалось постепенно, не на одном поэтическом порыве, и понятно, что в смысловых цепочках возникали разрывы. Они могли быть результатом воздействий самого разного порядка на поэта. В какой-то момент он мог исходить от бытовой реалии, в другом случае — от конкретного впечатления³⁹. Эстетически не безразличны для «Вертуграда» могли оказаться темы и произведения, над которыми Симеон работал параллельно с его написанием: это и «Псалтырь рифмовторная», и «Рифмологион», и сборник его полемических, направленных против протестантов бесед и переводов (1677—1679 гг.)⁴⁰. От них также могли исходить импульсы, влияющие на происхождение лирического материала и на его соотнесенность.

Последовательность изложения концепции автора обнаруживается особенно явственно в стихах начального цикла, которые читаются подряд как связный текст, почти как строфы одной поэмы. В них повторяется традиционный сюжет. Бог, проявляя к людям любовь, посылает к ним своего единородного сына («Бог возлюбил мир», 1), который должен, воплотившись в божественное слово, совершить дело спасения. В огне божественной любви приходит на землю «спаситель», чтобы испалить в сердцах земные мысли и обратить их помыслы к горнему миру («Огнь», 2). Божественная любовь вызывает в людях ответное чувство, которое они проявляют, даже подвергаясь преследованиям («Гонение», 2). Дух святой исходит на апостолов в «языцах огненных», знаменуя этим, что их обязанность — очистить мир «от греховного мрака» и согреть его («Языцы огненные», 2). Апостолы и святые, на которых опустился святой дух, должны горячо проповедовать вероучение, ибо им дан «язык огненный», «чтобы огнем любве слышащих палити»:

...Инако тщетно глаголь учитель въщает,
Аще пламене любве в сердцах не вжигает (2).

³⁹ Конкретность импульса в написании отдельных стихов «Вертуграда» отмечает И. Татарский (*Татарский И. Симеон Полоцкий...*, с. 166, 235—236).

⁴⁰ ГИМ, Синод. собр., № 660.

Последовательное развертывание цикла продолжается на основе преемственности темы о святом духе, который явился в образе голубя, когда «во водах Иисус крестился» («Дух святый», 3), и о семи его дарах, принесенных людям, чтобы отвлечь их от «злого» и направить на добрые дела («Духа святаго дари», 4). Как в догмате о троице иераздельны бог-отец, Христос и дух святой, так и в поэтическом мышлении Симеона они существуют слитно: развивается тема Христа («Иисус Христос», 5), его искушительной жертвы («Любовь», 6), закона, данного людям («Закон», 6), воплощения слова божия, в результате которого «скотоправие», бытовавшее до того среди людей, исчезло — «прав звѣрскии в человеческ паки преложися» («Скотоправие», 8), и т. п. Стихи начального цикла — это литературная обработка догмата о троице, своего рода параллель к художественно-живописной трактовке этого догмата в «Троице» Андрея Рублева.

Изложение основных догматов положений в этих стихах ведется далеко не прямолинейно. Стихотворную катехизацию Симеон сопровождает проповедь, которую сочетает с реминисценциями из истории утверждения христианства: в стихотворении «Гонение» (2) упоминается о преследованиях приверженцев новой веры, которые только усилили «огни любви» к богу. Афоризмы о мудрости «земной и небесной» вторгаются в связи с апостольской темой и рассуждениями о семи дарах святого духа, в числе которых — мудрость, разум, совет, знание («Мудр кто», 3; «Конца зреши», 3; «Мудрость», 4, 5; «Веждество», 5; «Мудрость и веждество», 5; «Беседа», 5). Ассоциативно-поэтическое мышление Симеона выводит его за пределы христианско-догматической материи, заставляя обратить внимание и на другие явления жизни. Так, говоря о божественной любви, он пускается в рассуждения о любви в многочисленных ее «разновидностях»: кроме любви божественной, он признает «любовь граждан ко Отечеству», которая «будит воевати противу супостатам» («Любовь», 6), любовь и преданность раба своему господину («Раб верный», 6—7). Симеон вспоминает и о библейском царе Давиде, явившем пример «царской любви» к людям, когда он заступился за них перед богом («Любовь», 8—9). Круг стихотворных медитаций замыкается: бог одаряет мир любовью и сам взыскивает взаимности. Поэтому дальнейшие рассуждения Симеона приобретают отчетливо выраженное дидактическое направление. Если вначале человек был пассивной стороной, в основном — объектом для влияния на него небесных сил, то постепенно поэт подходит к вопросу об отношении человека к богу.

В воспитании христианских чувств известная роль отводится церкви и ее служителям («Тело мысленное», 9; «Бог везде», 10;

«Церковь», 11; «Благодать чрез таинны», 11). Возникает тема поведения христианина («Благодарствие», 15; «Пастырь», 16; «Риза духовная», 18; «Священство», 20). Система моральных ценностей «Вертограда» предписывает каждому изучать, исполнять «закон», соблюдать обряды, питать чувства почтительности, благодарности, любви, послушания и служения всемышленому. От общих дидактических рассуждений Симеон делает выход в современную актуальность. Он критикует паству за внешнее соблюдение культовых предписаний и отсутствие внутренних убеждений, используя для этого интересную форму: в основу стихотворения кладется молитва «Отче наш», последовательные фрагменты которой сопровождаются осудительно-наставительным комментарием:

...Отче наш вотще тицмся глаголати
Аще сыновиъ не хощем слушати.
Иже в небеси еси тище читаем
Попеже сердцы земным привыкаем...
Да будет воля твоя словим како
Суще противни воли его всяко.
Хлѣб наш насущный даждь нам вскую молим
Запеже нищым дания не творим...⁴¹ (17).

Исходящие из этого стихотворения ассоциации, связанные с темой молитвенного настроения, пронизывают последующие стихотворения: «Желание» (18), «Милость божия» (18), «Здравие» (18), «Бога не знающий» (18), «Молитва» (18), «Бога славити от всех» (19), «Молитвы статии» (20), «Молитва» (20). Симеон, наставляя на соблюдение христианских правил, говорит, что во время причастия праведному бог дает хлеб — тело Христово — из своих рук («Хлеб», 20).

Кто же со грѣхом промысл имат хлѣба,
От демона хлѣб имат, а не с неба.

Эти две строки из стихотворения «Хлеб» стали источником для следующего; показательно, что оно называется «Веръя демонская» (21) и речь в нем идет о трех главных грехах человека. На несоблюдающих заповедей демон набрасывает трехпетельную веръю и уловляет в свои сети. Первая петля уготована жаждущим богатства, вторая — для тех, кто не справился с похотью, третья — для гордых. Рекомендуются средства: чтобы истребить в себе «похоть очес», надо раздать богатство на милостыни, похоть плоти — сокрушить постом, гордость — изжить молитвой. К этому

⁴¹ Слова молитвы подчеркнуты в автографе чернилами, в списках выделены кириллью.

стихотворению стягиваются другие, в которых положительное пропагандируется путем отталкивания от отрицательного. В стихотворении «Чадом богатств не отдати» (21—24), уточняющем авторскую мысль, как следует раздавать благо, говорится об отце, который неправильно поступил, отдав дочерям свое состояние. Вывод этой стихотворной новеллы: жадность — причина зла в мире. Разные аспекты темы о богатстве и благе представлены в стихах «Славы моей никому не дам» (24), «Лакомство» (25). Второй грех, названный в «Верви демонской», осуждается в стихотворении «Блудник» (25—26); делается это без прямой дидактики, при помощи примера: король Наварры «Карууль» (Карл Злой), руководимый позывами похоти, утратил природное тепло. Для спасения своего господина слуга запеленал его в сукно, смоченное водкой, и зашил. Под рукой не оказалось ножа, чтобы отрезать нить, и раб поднес к ней горящую свечу. Этот жест оказался роковым: король «згоре огнем, яко похотми горяще». Подобные анекдоты и историйки новеллистического типа выполняли в контексте «Вертограда» ту же роль, что и «примеры», «приклады» в проповедях. Они были призваны удостоверить назидание (в данном случае — авторскую мысль о пагубности страстей), придать ему занимательность. В «Верви демонской» Симеон указал, что путь к нравственному совершенствованию лежит через покорение гордости. К добродетели человека продвигают «бичи скорби» («Скорбь», 26) и молитвы («Отче наш», 26). На этом цикл стихов, тяготеющих к «Верви демонской», завершается, и Симеон возвращается к прежним рассуждениям о церкви и важности молитвенного настроения.

После стихов, посвященных небесной иерархии, Симеон последовательно помещает следующий цикл стихов о земной иерархии, т. е. о происхождении светской власти, о царях, правителях, начальниках. Развитие темы начинается со стихотворения «Триумф, или Торжество победное» (30—32), в котором описаны церемониальные въезды победителей в Рим и дана оценка римским императорам, которые «умно вождествуют». Не ради простой забавы устраиваются праздники после удачных сражений:

...Сию же свѣтлость не всуе твориша,
Иныя вожды ко рвению будиша
И люди ратны: да сии ратуют
Храбро, ови же умно вождествуют (32).

В этой концовке заключена мораль стихотворения: в сражениях побеждают те, которые умно правят. Военные успехи и праздничные шествия пробуждают охоту к дальнейшим завоеваниям и у

вождей, и у воинов. В результате побед происходит укрепление власти. Средневековая история, как и во всей западноевропейской традиции, предстает в виде прямого продолжения римской. В стихотворении «Веры соблюдения средства» (33—34), которое следует за «Триумфом», Симеон выстраивает метафорический ряд: вождь — Христос — вера. При исходе израильтян из Египта им «во вожда место» служил огненный столп, волхвам в поисках вождя Христа светила звезда, для христианина светильником является вера. Ее проповедник — иерей, поэтому в другом стихотворении цикла («Иерейство», 34—36) детально разбираются необходимые качества священнослужителя. Светская тема возобновляется в «Вертограде», когда рассуждения Симеона получают новый поворот в связи с трактовкой политических и социальных вопросов, она предстает как развитие христианских взглядов автора на мироустройство. В пределах данного идеино-тематического единства намечается как бы градация смыслов: от правителей церковных — к правителям светским. Обсуждение проблем гражданской власти начинается в стихотворении «Гражданство» (37—38), где трактуется о благе государства, искусстве общественного управления. Далее описывается, какими качествами должен обладать начальник, какие отношения должны его связывать с подданными («Началник», 38—40, 45—46; «Непокорство», 41—42; «Суд», 47), какие требования к себе он должен предъявлять («Правитель», 48—49). Качества подданных разбираются в стихотворении «Овцы» (49—50)⁴².

Рассуждения о структуре общественного устройства вызывают появление стихов, где даются разные советы относительно жизни в обществе. Рекомендуется избегать «ласкательей», которые подобны хамелеону («Ласкатель», 51), любить своих обличителей, как это некогда делал царь Давид по отношению к Нафану («Обличие», 51). Не нужно внимать лести («Ублажение», 51) и иметь «лжедрузей» («Друг», 51). Настоящие друзья — те, кто делит с нами трапезу («Друг трапезы», 51), осуждает наше злонравие и т. д. («Друг», 52).

⁴² Любопытным подтверждением единства цикла служит попытка логической систематизации стихотворного материала «Вертограда», предпринятая И. П. Ереминым (на основе рукописи БАН). Располагая при публикации стихи не в алфавите названий, как в списке, а группируя их по тематическому принципу, ученый невольно восстановил в одном случае структуру автографа. Так, стихи, выделенные им из разных разделов алфавитной композиции, — «Гражданство» и «Началник» — опубликованы рядом один за другим, что в точности соответствует их расположению в автографе, где также вначале помещено стихотворение более общего характера «Гражданство» (37—38), затем — более частное «Началник» (38—40). См.: Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 10—13.

В цикле стихотворений о правителях и судьях, об отношениях между людьми в обществе мораль также преподносится иногда в виде нравоучительных рассказов. В стихотворении «Суд» передается история о том, как персидский царь Камвисий (Камвизес) казнил судью за несправедливое решение. Кожей, снятой с тела судьи, покрыли «судицкое седялице», а судьей назначили его сына, чтобы он, сидя на коже отца, научился «по правде судить» (47). Маленькая стихотворная новелла подтверждала мысли Симеона, высказанные в предшествующих стихах, о том, что противившийся наказу начальника тем самым и «богу противна себя проявляет» («Непокорство», 41—42), облеченный властью должен быть справедлив («Началник», 38—40, 45—46). Таким образом, в автографе приведенные стихи образуют определенный идеино-значительный контекст.

В художественной системе автографа решающая роль в образовании идеино-тематических единств принадлежит ассоциативности. На ее основе происходят переходы от стиха к стиху и осуществляются разные типы связей. Поэтика сцеплений держится на присоединении стихов, посвященных определенной теме, на стремлении Симеона охватить полнее всевозможные аспекты обсуждаемой темы, найти в ней разные грани и оттенки в плане выражения. Каждая мысль его рассуждений оказывается связанной многими нитями с другими. Так, идея о пользе молчания («Молчание», 68) ведет к совету сдерживать себя в словах («Языка укрощение», 68—70), ибо вылетевшие слова нельзя вернуть назад («Слово», 70); особенно пагубно сквернословие, так как рождает скверные «делеса» («Сквернословие», 70); царям же вред приносят льстивые слова («Нищета царей», 70). В рамках другого идеино-смыслового единства тема слова получает раскрытие — от исходного момента о пагубных свойствах слова человеческого до противопоставления благотворной силы «слова божьего»: «Роптание» (406), «Обличение» (406), «Клевета» (406—407), «Зависть» (407), «Слово божие» (несколько стихотворений, с. 408—411, 416—417), «Язык» (412), «Слова не слушающие» (416—417), «Апостоли» (417). Целый комплекс представлений, связанных с темой девства, включает в себя большой цикл стихов о непорочном зачатии девы Марии: «Господь с тобою» (507), «Мария безгрешна» (508), «Господь с тобою» (509—510), «Затвор» (511—512), «Жен близость» (512), «Плод безмужный» (512), «Зачатие Христово» (513—514), «Мария дева» (514), «Иисус» (515), «Образ» (515). Стихотворная интерпретация догматического положения соединяется с проповедью чистоты девства и монашеского идеала — «с полом противным не жити» («Жен

близость»), с мыслью о благотворном воздействии на грешников изображений богородицы («Образ»). Для усиления морализации в цикл включается нравоучительная история, которая должна послужить уроком богохульствующим. «Муж некто книжный», говорится в стихотворении «Мария дева», усомнился в догмате о неспорочном зачатии. На путь истины его вернул «святой наставник», который ударил три раза жезлом по земле, произнеся при этом слова о том, что дева Мария была «цела» и до рождества, и в рождестве, и после рождества Христа. В знамение ее девства из земли поднялись три прекрасных крина. Стихотворение заканчивается моралью-наставлением:

...Мы сие чтуще не будим сумпиви
О дъствѣ ея донельже живи... (514).

Развитие и дополнение одной и той же темы, мысли приводит к тому, что основой для группировки стихов в идеиные единства становится также принцип нанизывания однородных, близких или взаимоопределяющих понятий. За стихотворением «Хула» (246) следует «Мысль злая» (247). К стиху «Грешный бог оставляет» (234) присоединяется «Непокорный бог оставляет» (235). «Плоть покоряти» (395) определяет появление стихотворения «Душу питьти прежде» (395). Для такого рода поэтических сцеплений характерно пребывание в контексте слов одного семантического поля, что прослеживается уже по заглавиям стихотворений: «Смирение» (540), «Терпение» (540); или: «Сребролюбие» (176, 178, 182), «Злато и серебро» (177), «Богатии» (178), «Скупость» (183), «Злато» (183); или: «Пианство» (185), «Вино» (185), «Пир» (185), «Пити нудящым ответ» (186), «Пища и питие» (186), «Пироже смертныи» (187).

Образование идеинно-тематических единств обусловлено, кроме того, сопряжением контрастных положений. Симеону как проповеднику и морализатору свойственно, развивая тему, трактовать ее на положительных примерах, достойных внимания и подражания, и отрицательных, которые должны быть осуждены и изжиты. Поэт рассказывает в стихах о соблюдении заповедей и отходе от них, о последствиях искренней веры и проявлении неверия, которое влечет за собой или наказание, или раскаяние. Поэтому для поэтики «Вертограда» чрезвычайно характерен антитетический динамизм, свойственный эстетике барокко. В интенсивные смысловые взаимодействия вступают между собой идеи добра и зла, любви и ненависти («Любы», «Ненависть», 778). Если говорится о друге, то непременно рядом — о враге («Друг», «Враг», 28). К незнанию дается антитеза о знании («Незнание», «Знание», 87). Праздности противопоставляется труд («Праздность», «Труд и мо-

литва», 103), огню похоти — огнь божественной любви («Огнь похоти», «Огнь любви», 385), сладости «греховной» — сладость небесная («Грех», 689, «Сладость небесная», 690), пьянству — трезвость («Пианство», «Трезвение», 700) и т. п. Прием сопоставления контрастных положений применяется в цикле, стихи которого связаны мыслью о благотворной силе благодарности: «Благодарствие» (57), «Волхв» (57), «Неблагодарствие» (57—58, 62—63), «Язык» (58), «Честь родителем и учителем» (59), «Лев благодарный» (59—61), «Спаси бог» (61—62), «Неудобная и неподобное» (63). В этих стихах приводятся разные примеры благодарного поведения и неблагодарности. Антитетическая структура в развитии данной темы сохраняется и в дальнейшем в автографе: «Благодарствие» (939), «Неблагодарствие» (940). В другом цикле стихов сцепление стихов зиждется на антитезе мир — брань. Вначале она присутствует внутри стихотворения «Мир» (730):

...Блаженство бо велие совершен имъти
мир отвсюду и бранеи никоих терпти... (730)

Затем, выходя за пределы этого стихотворения, антитеза охватывает соседние — «Мир», «Брань» (731). При переходе же от них к стихотворению «Брань души с плотию» (731) обнаруживается еще один тип контекстуальных связей — на основе метафоры. В двух стихотворениях под общим заглавием «Брань» слово «брань» употребляется в его прямом значении — битва, война. Рассуждая о причинах, по которым происходят в мире войны, Симеон осуждает кровопролитие, нелепым считая положение, когда ради захвата чужих богатств погибают люди:

...Тварь словесную сущу мъним зль за злато
Ничто бо оно токмо есть желтое блато (731).

В стихотворении же «Брань души с плотию» «брань» функционирует уже как метафорический образ постоянного противоречия духа и плоти. Таким образом, для поэтики сцеплений стихов в автографе характерно и метафорическое преображение контекста.

Стихи бытуют в художественном контексте авторской рукописи не сами по себе, а во взаимодействии. Смысл и художественная функция каждого отдельного стиха окончательно проясняется в целостном восприятии тематической группы стихотворений. В научной литературе о творчестве Симеона стихотворения «Вертуграда» (например, «Царство», «Достоинство», «Купецство», «Казнь сыну за отца» и др.) рассматриваются имманентно. Такой подход оправдан алфавитной композицией двух списков. Автограф же благоприятствует анализу идеино-эстетического контекста.

Стихотворение «Царство» (726–727) привлекал А. И. Белецкий, говоря об отношении Симеона к теме царской власти. В главной идеи стиха, которую составляет «мысль о непрочности человеческого счастья», он видел поучительный пример, побуждающий к смирению, который Симеон подготовил для своих «царственных учеников и учениц, их родителей и близких людей»⁴³. Данное стихотворение, хотя и цитируется в статье по автографу, рассмотрено вне его окружения. Действительно, в нем приводятся исторические примеры гибели многих царств, забвения памяти некогда всемогущих владык мира. Ничего не осталось от «славных царей»: Александр Македонский покорил чуть ли не всю вселенную, но никто не знает даже, где покоятся его кости; римский император «пресильный Август» истлел в горсти земли, тело его съедено червями. Тленны и цари, и царства: погибла Ассиро-Вавилония, пленено «славное греческое государство» — Византия.

...Точь с иными царствы под солнцем ся дъет,
Ии едино недвижно стояти умъет (727).

Тема бренности всего земного и сущности человеческих стремлений, являясь одной из основных в христианском искусстве, далеко выходит за пределы данного текста. Симеон касался ее уже в «Вечере душевной» (1676): «Где Александр пресильный? Где Криз богатый? Где Ир убогий? Где Демокрит обругатель мира? Где Ираклит, оплакатель суетств его? Где Иулий премощный кесарь? Где Нерон-мучитель? Где Аристотель любомудрейший? Где Демосфин сладкоглаголивейший? Вси аки не бывше...»⁴⁴ Он был настолько захвачен единым комплексом своей богословской и поэтической мысли, что осуществлял ее в разных жанрах. Одна и та же тема свободно переходила из прозы в стихи, поэтому между книгами проповедей и стихотворениями «Вертограда» наблюдается большое сходство. Это единый смысловой строй, только в одном случае — в прозе, в другом — в стихах. Безусловно, корни стихотворения «Царство», как, впрочем, и иных стихов «Вертограда», находятся за пределами данного произведения, уходя в контекст всего творчества Симеона. Непосредственное же стимулирующее воздействие на развитие темы суеты суетило стихотворение «Добро» (726) с христианской символикой: «небесное добро» — это троица, это «жизнь, свет, блаженство, сладость, вечность, мудрость, красота и присная радость» (726). Однако

⁴³ Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории, с. 597.

⁴⁴ [Симеон Полоцкий]. Вечера душевная. М.: Тип. Верхняя, 1683, л. 125 об. (второго счета) — «Слово на погребение мужа благоговейного».

люди, имея перед собой это «нетленное добро», стремятся к земным благам. «Вскую убо мятемся, тленных благ ищуще?» — с соожалением замечает поэт. И чтобы показать неоправданность усилий, направленных на достижение славы и богатства, Симеон воссоздал в стихотворении «Царство» картину, свидетельствующую о преходящести земного величия. Как видно, мысль о неустойчивости земных царств не только обладала самоценностью для Симеона, она интересовала его для более широких построений, позволяя развернуть антитезу: «царство мирское» — «царство небесное». Если первое преходяще, то второе — постоянно, неизменно, «не пленимо», его ценности не поддаются тленнию и во главе — «вечный царь». Антитеза обращена к читателю моралистической стороной. Ее назначение — отвратить от «тленных благ» и привлечь на путь соблюдения заповедей. Стихи «Добро» и «Царство» связывает друг с другом и стилистическая близость строк, в которых говорится о «небесном царстве». Та же система христианской поэтической символики заключена и в стихотворениях, которые следуют за «Царством», — «Живот» (727—728), «Царство небесное» (729), — что подтверждает и усиливает смысл антитеты.

Противопоставлением счастья и «веселия» «духовным радостям» пронизан другой цикл стихотворений, из которого по публикациям известно только первое — «Щастию не верити» (291—292). Оно связано с другими стихами цикла внутренней логикой. Тема переменчивости и относительности счастья входит вместе с преданием о мудрце Солоне, убеждавшем лидийского царя Креза не уповать на счастье, ибо оно непостоянно. Но в справедливость слов мудреца Крез поверил, лишь когда, будучи пленен, оказался на дровах костра. Обильное использование сюжетов, связанных с историческими лицами, особенно из эллинисто-римской истории, чрезвычайно характерно для поэтики «Вертуграда»⁴⁵. При этом древняя история существует у Симеона в условном времени, она важна не сама по себе. Для поэта притягателен лишь правоучительный смысл, который можно извлечь из исторических примеров. И эпизод с Крезом заключается морализаторской сентенцией:

...И ты кто-либо еси та читая,
Не буди в щасти твоем уповани... (292).

⁴⁵ Как следует из указания источников на полях автографа, а также из научной литературы о творчестве Симеона, поэт черпал необходимый «илюстративный» материал из произведений древнегреческих и латинских авторов разных эпох, среди которых: Плиний Старший, Иосиф Флавий, Плутарх, Иероним, блаженный Августин, Винцент из Бовы, Яков Ворагинский, Цезарь Бароний, Науклер, Меффрет, Фабер и др. Некоторые сюжеты восходят к сборникам «Римские деяния», «Великое зерцало», «Апо-

Цепочка ассоциаций протягивается к следующему стихотворению «Веселie мира есть суета» (293—294), и в нем тезис автора о переменчивости счастья дополняется еще одним положением: подлинное счастье состоит не в земном благополучии. Об этом в стихотворении свидетельствует некий «церковник мудрый», обладавший всеми благами мира и признавший их суетность. Ни богатство, ни вино, ни честь «не могут долго веселити». Проясняющую мысль, как обычно, содержат последние строки стиха. Они о том, что счастье человека — в «духовных радостях»:

...Да ищет каждо радости иныя,
Яже духовнъ ум возвеселяет
вѣчна бывает (294).

От этих строк возникает естественный переход к стихотворению «Веселie духовное» (294—295), где тема получает дальнейшее развитие. Написанные в одинаковой форме — сапфической строфой — стихи «Щастию не верити», «Веселie мира есть суета», «Веселie духовное» предстают как идеально-стилистическое единство, к которому тяготеют и остальные стихи цикла: «Сладость временна — мука вечна» (295), «Радость печалию вершится» (296—297), «Благая мира прелещают» (297—298), «Преходят вся» (300), «Трудимся за временная, презревше вечная» (302—303), «Веселie есть истинное, еже о бозе» (303—304), «Веселie истинное есть Христос» (304—305), «Совесть благая — радость правая» (306). Внутри охватывающей эти стихи антитезы сталкиваются понятия благочестивого поведения и греховного. Грех «умерщвляет душу», отлучая ее от «духовных радостей». Этой ассоциацией оправдано включение в цикл стихотворений «Грех паче скорбей» (298—299), «Казнь и грех» (299).

О стихотворении «Достоинство» И. П. Еремин писал, что это «одно из немногих стихотворений „Вертуграда“ автобиографического характера; это лирическое размышление поэта о блаженстве жить и заниматься любимым делом вдали от того мира, где господствуют богатство, знатность, постоянная погоня за почестями и властью»⁴⁶. В контексте стихотворения (279—280) слово «достоинство» употребляется в значении «сан», «звание», «чин», «значенье» и находится в одном семантическом ряду с понятиями «высокая честь» и «мироначальство». Речь идет о людях, которые прилагают все средства и усилия к тому, чтобы достичь вершины зем-

ферматы». См.: Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы..., с. 84—86, 99; Белецкий А. И. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории, с. 613; Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 235—236; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., с. 370—376,

⁴⁶ Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 235.

ных благ, власти, жить беспечально, «яко ангелы». Иллюзорность нравственных идеалов Симеон подчеркивает сравнением с наивными детьми, стремящимися взойти на гору, чтобы у линии горизонта коснуться неба и солнца. Рассуждения Симеона о чести и достоинстве являются частью христианской темы о смирении:

...Кто либо убо лишен еси чести,
не тицися ея высоты долести... (280).

Честолюбивому восхождению на «гору достоинства и чести» противопоставлен путь смирения, ведущий к небесной горе. «Достоинство» (279—280) находится в автографе среди стихов, посвященных той же самой теме — честолюбивым устремлениям человека. Оно помещено после стихотворения «Любочество» (278), перед стихами «Славолюбие» (280), «Слава» (280), «Славолюбие» (281). Подчиненность стихов цикла единой теме отражается уже в семантической близости их заглавий, тяготеющих к одному понятию — «честолюбие». Стихотворения «Любочество», «Достоинство», «Славолюбие» имеют, кроме того, и сходную структуру: они построены на развернутых аналогиях. В «Достоинстве» проводится параллель между поступками детей и стремлениями зрелых людей. Из сопоставления вытекает идея «Любочестия» о том, что честь ускользает от ее искателей так же, как ловко убегает онагр (дикий осел) от охотника:

...Бѣжит далече, ловца же оставит
в смѣхъ прочым людем и безчестна явит... (278).

Погоня за честью ставит честолюбца в смешное положение. Этот тезис, только высказанный здесь, развернут в другом стихотворении цикла «Славолюбие» (281) и приобретает значение основного вывода из размышлений поэта. Одну часть сравнительной аналогии составляет в этом стихотворении история о карфагенском царе Ганноне, научившем птиц прославлять себя словами «Князь Ганнон бог есть». Выпущенные на волю птицы вместо того, чтобы разнести о нем славу по всему миру, забыли Ганнона, и честолюбец «в посмех людем умным обратился». Ганнуону уподобляются те, кто одержим стремлением к славе, — «славы ловители, чести, достоинств, хвалы любители», подкупающие дарами льстецов. Смехотворность их положения — в драматизме ситуации: когда богатства их оскудеют, льстцы вместо похвалы исполнят другую песню, полную «хуления», «ругательства» и «поношения». Осуждение усилий людей, направленных на то, чтобы стяжать себе честь и славу, заключено в другом стихотворении (с тем же заглавием, 280) в противопоставлении: стремление к славе — путь в ад;

жизнь, свободная от честолюбивых интересов,— «светлый рай». Слава эфемерна, ее нельзя купить — в этом суть двух двустиший афоризмов («Слава», 280). Каждое из стихотворений цикла трактует один из аспектов темы о достоинстве, чести и славе и, дополняя друг друга, они представляют тему в целом.

Из всех стихотворений «Вертугра» больше других внимание исследователей привлекало «Купецство», которое характеризуется обычно как образец сатиры в творчестве Симеона. И. П. Еремин писал, например, что это стихотворение «замечательно своим не лишенным колоритности сатирическим очерком стариных русских торговых обычаяев с обстоятельным перечислением всех тех мошеннических способов, к которым прибегают купцы, когда хотят обмануть покупателя»⁴⁷. Этот конкретный смысл, извлекаемый из стиха, оказывается в автографе только частью смыслового единства, созданного взаимоотношением стихотворений на тему богатства и его развращающего влияния на людей. Объединяющим стихи началом является осуждение богатства и пороков, с ним связанных: обмана, скучости, алчности, жадности, стяжательства, ростовщичества и взяточничества («лихоимства»). Тема предстает в ореоле разных значений. Если в «Купецстве» (659) жаждка наживы толкает купцов на хитрости и обман, то в следующем за ним стихотворении «Лихва» (659—661) показаны как бы последствия алчности. В стихотворной новелле рассказывается о некой женщине, обогатившейся ростовщичеством. Будучи «прескупой», она забрала в могилу с собой все состояние, за что была мучима там «великим змием», разметавшим «златницы». Купцы и ростовщики попадают у Симеона в одну категорию людей, приобретающих свое богатство нечестным путем. Имея их в виду, он призывает: «Зле собранная добре расточайте» (661) и предлагает последовать примеру евангельского Закхея — вернуть долг обиженным людям и раздать богатство нищим. Жадность пагубна для человека — такой нюанс вносит в развитие темы стихотворение «Златом напоенный» (658) и опять-таки при помощи стихотворного иллюстрирования мысли. Из-за своей страсти к богатству пострадал римский воевода Еразий, осаждавший Вавилон. Имея намерение захватить побольше из военной добычи самому, он вошел в город только с небольшим числом воинов и попал в плен. «Лакомый воевода» погиб позорно — в горло ему влили растопленное золото. Со стихотворением «Риза» (658) в цикл входит мысль о том, что в обществе, к сожалению, богатство и «красная риза» ценятся дороже ума. Философ, будучи в «худых

⁴⁷ Там же, с. 233.

ризах», не был допущен на царский двор и беспрепятственно попал туда, лишь когда сменил их на лучшую одежду:

...Оле суетства суетств доброта не зрится,
Красная риза паче человека чтится... (658).

Богатству и порокам, им вызываемым, Симеон противопоставил положительный идеал, воплощением которого является мудрость. В стихотворении «Философия» (656–657) она объявляется истинной ценностью. Провозглашение позитивных идеалов нередко приписывается в стихах древним философам и мудрецам как неоспоримым нравственным авторитетам. И в стихотворении «Философия» о мудрости высказывается Фалес Милеский, который был нищ, но мудр. Он сумел доказать, что живет скромно не потому, что не умеет обогатиться (напротив, он убедил всех, что если надо, он может достичь богатства честным путем), а потому, что его жизненная позиция состоит в том, чтобы «нищо жити», без золота, но с мудростью:

...Мудрость ми годъ, с нею ходу жити,
а о богатствъ не имам мыслити (657).

Мудрость, добродетели, чистота – главное богатство в жизни человека («Чистота», 657–658). Симеон не раз вернется к этой неисчерпаемой для морализации теме и всегда будет трактовать ее с тех же позиций. Показательно, что в предсмертных стихах под заглавием «Философия» он, выдвигая требование – ум должен восходить все выше, – прославляет философию за способность просветлять и возвышать ум и душу.

В автографе «Казнь сыну за отца» (90–91) непосредственно соотносится с предшествующим ему стихотворением «Долг чад» (90), в котором высказывается традиционная мысль: за то, что родители выводят своих «чад» в мир, дети остаются перед ними в долгу, поэтому их обязанность состоит в послушании, а также:

...За воспитание же и одѣяние
должна суть старым чада благопитание (90).

Воспринимая эту идею, стихотворение «Казнь сыну за отца» приводит предостерегающий пример. Нарушение заповеди карается. Сына, склонявшегося от того, чтобы «благо питати» отца, постигает наказание. Спрятанный им от отца жареный петух превращается в страшную ядовитую жабу, которая бросается ему в лицо. Как следует из данного контекста, художественная функция стихотворения «Казнь сыну за отца» заключается в том, чтобы, используя драматический сюжет, доказать то положение, которое облечено в стихотворении «Долг чад» в форму умозрительного рассуждения –

об обязательности исполнения сыновнего долга. Вместе с тем стихи «Долг чад» и «Казнь сыну за отца» включаются в более обширный контекст, в котором участвуют еще несколько стихотворений, расположенных перед ними: «Наследие» (88), «Злонравие» (88), «Благоумие» (88), «Завет» (88), «Соблазн» (88), «Розга» (89), «Жезл» (89), «Покрити грех» (89), «Сын благий» (90), «Болшему уступати» (90). В стихах этого цикла встречаются разные аспекты одной темы: вопросы наследства, воспитания детей, взаимных обязанностей родителей и детей, предписания, регламентирующие отношения старших и младших. Эти проблемы трактуются в духе библейской традиции, что ясно подчеркивает единство их смыслового строя. Общий тон цикла не нарушается присутствием внутри него двух следующих друг за другом стихотворений под одним названием «Епископ» (89). Непосредственным источником для первого из них стала ассоциация, исходящая из стиха «Покрити грех» (89). В нем обобщается библейский рассказ о поступке Хама, который поведал братьям о наготе их отца Ноя, и об Иафете и Симе, покрывшими его одеждами (Бытие, 9.21–27). Из этой истории извлекается дидактический смысл:

...Грѣх убо родителем благо покривати
Чадом, а не мирови онаго являти (89).

Стихотворение «Епископ» вовлекается в этот же смысловой круг; римский император Константин, почитая епископский сан, даже говорил:

...Аще бых епископа усмотрѣл блудяща,
Ризою си покрил бых, от мира на нь зряща... (89).

Сцепление стихотворений оправдано внутренней логикой ассоциации: семья — общество, дети в нем — власть мирская, родители — пастыри церковные, епископы. Как дети в семье должны почитать своих родителей и «покрывать» их грех, так и в общественной жизни власти светской следует защищать священнослужителей и уважительно к ним относиться. Семантическое сходство ключевых образов «покрывать грех» — «покрывать блуд» усиливает связь стихотворений. Заключается первое стихотворение «Епископ» горестной сентенцией о современном положении служителей церкви: «Не тако днесъ деется, невинных клевещут» (89). Не исключено, что Симеон дал здесь выход личному чувству обиды. Известно, что по приезде в Москву он не знал недостатка в недоброжелателях в церковных кругах, начиная с патриарха Иоакима. Мораль о «невинно оклеветанных» переходит в другое стихотворение — «Епископ», где показан пример достойного поведения монарха по отношению к иерархам церкви. По преданию, тот же император

Константии во время Никейского собора, не читая жалоб, поступивших на епископов, бросил их в огонь со словами:

...не хощу аз тъх судия быти,
Их же благословенства нужда ми просити... (89).

Святость церкви ставится выше светского суда: за праведников «отмстителем» клеветникам будет сам Христос. Тема взаимоотношений светской и церковной власти возникает как производная от темы о взаимоотношениях родителей и детей. Закончив свое развитие, она переключается в исходный бытовой план.

Рассмотрение каждого стихотворения в контексте автографа позволяет заметить переход от частного, конкретного смысла стиха к его более общему символическому значению. Поскольку смысловой единицей в автографе является не столько стихотворение (как это имеет место в копиях), сколько тот идеально-тематический цикл, в который оно входит, то первоначальный вариант «Вертограда» предстает в виде более целостной книги, чем «Вертоград» копий. Алфавитная композиция и формализованная структура окончательного авторского варианта произведения приводят к дроблению его образной системы, при котором преимущественное внимание начинает вызывать к себе всякая экзотика: диковинные звери, птицы, растения. Они присутствуют, конечно, и в автографе «Вертограда», куда, по всей видимости, попали из бестиариев, физиологов, из латинских и польских сборников символов и эмблем. Но если «крокодил», например, возникает первоначально как определенный художественный образ, он бытует не обособленно (как это наблюдается в копиях), а является одним из элементов, включающихся автором в создание целенаправленного смыслового целого. В стихотворении «Крокодил» (156) суть обращения к экзотическому зверю состоит в том, чтобы ввести данный образ в цикл стихов на тему плача с рассуждениями о том, каким должно быть отношение христианина к смерти и его поведение в подобных ритуальных случаях. Плачущий крокодил (это естественное свойство животного) функционирует как образ для выражения лицемерной печали:

Крокодилу аще труп обрѣсти случится,
По естеству на онъм богато слѣзится
Не за умиление, но труп обливает
Яко от слез во трупъ кость ся сокрушает.
А он мозгом пасется из костей текущим
Ему во сладчайший мѣсто пищи сущым... (156)

Крокодилу, питающемуся мозгом своей жертвы, уподобляются во второй части стихотворения люди, готовые плакать по родным

притворно, желая на деле им смерти, чтобы завладеть их богатством. Дидактические цели, определявшие поэтику «Вертограда», привели к появлению в нем басеных приемов (см. также: «Мысль злая», 430; «Пособие», 430; «Таение», 473). Склонный к аллегорической и морализаторской интерпретации дел и поступков, Симеон оказался в преддверии русской басни. Притча-басня «Крокодил» окружена стихами: до нее — «Плач» (155), после нее — «Мертвец» (156), «Плач» (156), «Мертвых не плакатися» (157), объединенными темой неуместности плача по умершему христианину.

Приведенных примеров циклизации стихов достаточно, чтобы поставить вопрос о принципиальной важности контекстуальных связей в автографе «Вертограда», изучение которых подводит к раскрытию внутреннего смысла и целевого назначения произведения, позволяет обнаружить иерархическую зависимость тем и идей, их соотношение в мышлении и творчестве Симеона.

В целом в основе «Вертограда» — всеобщая универсальная система. В ней представлена иерархическая структура мира, состоящая из бытий различной степени совершенства, поэтому наряду с божественной троицей здесь присутствуют люди в многообразии их деятельности и социальных характеристик: императоры, короли, епископы, судьи, купцы и ростовщики, отцы и дети, грешники и праведники. Говоря о них, поэт охватывает всю совокупность людских отношений и проблем — государственно-идеологических, нравственно-этических, философско-религиозных и т. п. Над его размышлениями о богатстве и счастье, достоинстве и чести доминирует главный вопрос — в чем состоит смысл и ценность человеческой жизни. В универсальной системе определено место для многочисленных явлений живой и неживой природы. Онагр и крокодил, лев и слон, голубь и ворон, ехидна и скорпион, орел и сокол, пчела и муха, козел и овца, змий и жаба, волк и заяц, сапфир и адамант и др. — все они бытуют здесь метафорически, как образы, направленные к постижению внутренней сущности человеческих поступков и взаимоотношений.

Стремление поэта соотнести основы христианства с представлениями о жизни привело его к созданию открытой художественной системы, которую представляет собой «Вертоград». На каждую тему о добродетели или пороке, казалось бы, уже изложенную, Симеон вновь и вновь добавлял стихи с примерами и рассуждениями. При свойственном ему изобретательном подходе к построению сборника (например, при перечислении грехов или правил благочестия) каждая тема становилась почти неисчерпаемой. История создания «Вертограда» показывает, что автор мог поставить точку

в любой момент или не ставить ее никогда: последние стихи о философии были внесены в автограф в то время, когда работа над произведением в целом завершилась, так как оно было уже переписано с автографа писцами и существовало в новой — алфавитной — форме.

Дело в том, что всякая тема приобретала у Симеона-эрuditа и начетчика ореол значений и ассоциаций, а понятия, которыми он оперировал, обладали взаимопроникающими смыслами. Во всей многозначности предстает понятие любви («Любовь», 6). Оно со прягается то с божественной любовью («Любы божая к нам», 12; «Огнь любве», 385), то с любовью царской («Любовь», 9), то с «огнем похоти» («Огнь похоти», 385), то предстает как основа нравственного возрождения («Любовь», 54). В свою очередь рассуждения о любви влекут за собой тему об исполнении закона («Закон», 6), мысль о врачающей силе которого приводит Симеона к высказыванию о добродетелях («Добродетели», 10). Источником последних является благодать («Благодать добродетелей виновна», 234), которая помимо моралистического плана трактуется также в догматическом и соотносится с «тайными» («Благодать чрез тайны», 11). Образ «люди — овцы» в одном случае применяется для обозначения отношений светских правителей и подданных («Началник», 38—40; «Овцы», 49—50), в другом — церковного клира и паства («Овцы», 364; «Овцы христовы», 363). Тема об Адаме составляет основу стихотворного переложения библейского сюжета («Похоть», 397), приводится в другом стихотворении как пример пагубных страстей («Адам», 81; «Адам много согреши», 685), ведет к философско-моралистическому обобщению о том, что с Адама началось всеобщее растление («Адам», 55), и т. д. Несколько раз возникает тема похоти. Разговор о духовном и плотском («Грех», 396; «Похоть», 397), проповедь «покорения плоти» («Покорение плоти», 395) и призывы к духовной жизни («Душу питати прежде», 395) появляются в контексте рассуждений о первородном грехе и семи тайнах («Тайн седмь», 395—396), в частности о тайне супружества. В другой раз вариации на эту тему стягиваются к образу «злой жены», которая отвлекает от «небесной сладости»: «Гонение» (684), «Плоти укрощение» (684), «Плоть» (685), «Адам много согреши» (685), «Украшение» (685), «Злая грехом наносимая» (686), «Скорбь и благодеяние» (686), «Грех» (689), «Сладость небесная» (690), «Жена злая» (691), «Похоть» (692), «Жена» (692). Женщина изображается поэтом как дьявольский сосуд. В инвективу превращается стихотворение «Жена злая» (691), в котором Симеон как бы подхватывает традиционную для византийской и древнерусской литературы тему. Эсхатологическая тема страшного суда в одном случае получает свое истолкование в

связи со стихами о Христе («Суд», 426; «Страх на суде», 426; «Судия жестокий», 726), в другом она вызвана рассуждениями о смерти («Знамение прежде суда», 788; «Огнь пред судом», 788).

Развертывание жанровой структуры на основе анализа взаимопроникающих смыслов затрагиваемых понятий стало причиной повторяемости тем, мотивов, образов. Для Симеона, ученого-схоласта и проповедника, такие повторы неизбежны еще и потому, что каждая тема располагала у него определенным понятийным аппаратом, который при возобновлении темы воспроизводился вновь. В отдельных конкретных случаях повторяемость доходит вплоть до дословного совпадения. Стоит сравнить два стихотворения «Слово» (70, 411), которые далеко отстоят друг от друга в тексте автографа, но принадлежат к циклам, посвященным одинаковой теме,— роли слова во взаимоотношениях людей. Сходный контекст порождает использование одного и того же конкретного образа: слово — не птица, выпустишь — не поймаешь, а применение его вызывает и идентичное поэтическое оформление:

Единою птица сущи упущенна,
Неудобно паки бывает вращенна.
Много паче слово еже испустится,
Неудобно воспять из мира вратится... (70).

Другое стихотворение отличается незначительной вариативностью высказывания:

Птицу из клѣтки скоре мощно испустити,
Но труд есть паки в тужде ону возвратити.
Точиъ без труда слово из уст ся пущает,
Но никоим образом воспять ся вращает... (411).

Приведенные стихи настолько близки, что воспринимаются как две иллюстрации одной поговорки. Очевидно, что в процессе писания сочинения Симеона волновала не столько строгость композиции, сколько адекватность выражения своей мысли и желание представить ее во всех возможных словесных формулировках. Такое стремление поэта поддерживалось барочной эстетикой, одним из принципов которой был идеал словесного изобилия.

Жанровая структура «Вертограда» была открытой, но мышление Симеона вращалось в замкнутом кругу понятий и тем, и, когда один виток рассуждений завершался, начинался другой. Так, несомненный аналог сказанному в первой части автографа можно наблюдать (начиная с 339), когда повторилась не только тематика, но и схема. Стихотворение «Вера» (339), как и в начале книги, повлекло за собой мысль о божественной любви — «Благотворение божие» (339—340), затем — «Архиереи» (341) и только потом —

стихи о царях — «Разиствие» (342) и об их отношениях с подданными — «Любы к подданым» (343), «Любы к воем» (343), «Любовь к воем» (344), «Любы к людем» (344), «Началник» (344, 345). Предметом поэтического осмысления снова становятся вопросы философско-догматического порядка. Таковы крупные циклы о Христе из 12 стихотворений (419—426), о деве Марии — из 10 стихотворений (507—515), о молитве (345—354).

Обращают на себя внимание большие смысловые комплексы, образованные многозначностью «вечных» тем. Например, цикл о смерти составляют стихи, следующие один за другим: «Смерть» (783), «Жизни время» (783), «Час смерти» (783), «Грех смертный» (783), «Смерть» (784), «Смерти время» (784), «Конец живый» (785), «Земля есмы» (786), «Земля будем» (786), «Смерти память» (786), «Смерти забвение» (787), «Имение» (787), «Человек» (787). Подряд несколько стихов Симеон пишет о старости: «Старость честная» (527), «Старость» (527), «Старым увещание» (528), «Седение» (528), «Старым увещание» (529). По второму кругу проходит и изложение представлений об образе жизни. Результатом неоднократного воспроизведения схемы теософской концепции Симеона, повторения тем, мотивов, образов является образование как бы нескольких «слоев» текста из набора одних и тех же компонентов.

«Вертоград» разрастался, пополняясь не только новыми, но и старыми стихами поэта, написанными в конце 50-х — начале 70-х годов. Среди последних: «Стихи краесогласии», произнесенные отроками училища Богоявленского монастыря (где преподавал Симеон) 1-го апреля 1659 г. на церемонии встречи иконы богородицы, возвращенной из Москвы в Полоцк (891—896); «Молитва плачевная», сложенная по случаю захвата поляками Полоцка и перенесения той же иконы вновь в Москву (829); «епитафии» людям, с которыми Симеона связывали дружеские отношения — Епифанию Славинецкому (557), Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому (558), Георгию Плаковицкому (848); циклы стихов о правителях древности «Царие, или кесари Рима ветхаго» (857—864) и «Царие Рима нового» (865—882) и др.

«Вертоград» все более превращался в поэтическую антологию. Принцип внутреннего логического построения не выдерживал. Объем, который принимало произведение, при отсутствии композиционной строгости, грозил скрыть богатство его содержания и «многоцветие». Как просветитель Симеон видел в книге большие возможности воздействия на людей, поэтому особенно важной становилась задача выявить все определения и смыслы, которыми он наделил свои стихи при неоднократном повторении тем. В этих

целях поэт задумал привести сборник в новый вид, придать ему иную структуру и дать читателям «ключ» к своему «духовному саду». Он пошел не по пути укрепления содержательно-смысловых логических связей, что было уже невозможно при грандиозности имевшегося материала, а решил стоявшую перед ним задачу в эстетике порядка.

К стихам автографа был составлен указатель стихотворений, который сыграл чрезвычайно важную роль в дальнейшей истории сборника, так как вывел самого автора на путь принципиально иной организации текста «Вертограда». Традиция составления указателей — западного происхождения, «реестр» Симеона — беспрецедентное явление в древнерусской литературе. Можно отметить, что в XVII в. вниманием к справочному аппарату отличались некоторые украинские издания. Оглавление в них — «очеса книзе», предметно-тематические указатели («каталоги», «реестры») — «аки руковождение»⁴⁸. Но в отличие от украинских коллег Симеон не удовлетворился составлением указателя. В своем стремлении привести материал книги в систему Симеон довел дело до логического конца, когда решил расположить в соответствии с «реестром» стихи. Указатель задал таким образом структуру для распределения стихов сборника по алфавитному принципу, и в окончательном варианте произошло превращение указателя в оглавление. Создание указателя к стихотворному своду потребовало, во-первых, упорядочения названий стихов, во-вторых, постраничной нумерации рукописи.

В автографе присутствуют заглавия двух типов: строчные и на боковых полях рукописи, что соответствует разным этапам работы Симеона над заглавиями. Названия, для него очевидные и касающиеся главным образом основополагающих понятий (бог, добродетели, благодать, молитва и т. д.), писались в строке непосредственно в процессе создания стихов⁴⁹. Заглавия на полях появились в результате работы над указателем, их позднее происхождение особенно заметно в тех случаях, когда стихи подвергались большой редакторской правке. Из-за обширных вставок, которые вносил Симеон, названия вписывались по слогам в оставшееся свободное место (см.: 87, 663, 757, 961), иногда — на уровне последней строки предыдущего стихотворения («Адам», 81). Полностью на строчное написание заглавий он перешел в трех последних тетрадях автографа, где стихи следуют в порядке алфавита названий, поскольку они создавались уже после того, как была начата перестройка произведения (524—547). Боковые названия

⁴⁸ Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий ап. Павла. Киев, 1623, л. 6 ин.

⁴⁹ Названия стихов-псалмов в автографе «Псалтыри рифмопорной», не требовавшие изобретательности, также строчные. См.: Синод. собр., № 661.

часто поверхностны и формальны. Достаточно условно заглавие «Украшение» (685), в котором речь идет об искушении чувственностью. Стихотворение, содержащее совет не просить у бога богатств, имеет название с противоположным значением — «Просити» (86). Заглавие «Лук» (72) дается стиху, заключающему призыв возвышать ум, «стрелять вверх мысленным разумом». Стихотворение «Время» (69) тяготеет по смыслу к двум стихам, помещенным выше него,— «Молчание» (68) и «Языка укрощение» (68—69), и суть его не во времени как таковом, а в навидании человеку уметь говорить вовремя. Метафоричность заглавий, придающая «Вертограду» пестрый, «многоцветный» вид, отчасти объясняется тенденцией Симеона давать названия по первому слову стиха или выносить в качестве него слово или словосочетание из первых стихотворных строк.

В процессе работы над указателем поэт редактировал названия, добиваясь их краткости. Некоторые из строчных заглавий имели развернутый вид и занимали даже три строки, например, такое: «Началник к подначальным, какови должны быти и взаим» (38). После редактуры от него осталось только — «Началник». Аналогично поступил Симеон и с другими названиями: «Началник, должныя добродетели» — «Началник» (45); «Правитель, кждо самаго себе да правит» — «Правитель» (48). Унификация иногда носила настолько формальный характер, что название получало противоположный смысл: было «Друг лживыи», стало «Друг» (51). Встречающиеся на боковых полях автографа пометы «На тужде» (241 и пр.), «О том же» (2 и др.), «Тож» (178 и др.) и даже просто «т» (346 и др.) обозначают, что соответствующие им стихи должны иметь такие же заглавия, что и предыдущие.

В реестре рядом с названием указаны страницы, на которых находятся одноименные стихи, и если на одной странице их помещено несколько, то обозначается и количество, например: «Пианство» (151(2), 184(3), 185(3), 186, 283, 284, 393, 663, 664, 700 (в автографе цифирь буквенная). Потетрадная нумерация, которая была первоначально в сборнике⁵⁰, оказалась недостаточной, и в верхних углах листов сделаны (рукой Сильвестра Медведева) постраничные разметки славянской цифирью вплоть до указателя (969 страниц). Сам указатель постраничной нумерации не имеет,

⁵⁰ Начиная с первой страницы в рукописи подряд пронумерованы 52 тетради по 8-ми листов в каждой (в тетради 34-й не хватает 4-х листов) до страницы 842. Далее до с. 933 тетради не нумерованы, после чего внизу появляется постраничная нумерация 35-ти страниц — вплоть до указателя, после которого одна тетрадь ненумерованная (л. 500—507), две другие имеют внизу постраничную пагинацию (л. 508—523 об.), с л. 524 до конца (до л. 547) — полистная нумерация. Судя по пагинации тетрадей, основной блок рукописи един.

в соответствии с позднее сделанной полистной нумерацией он занимает л. 488–499 об., после него до 547 — последнего листа рукописи — опять следуют стихи. Композиция, которую Симеон решил придать сборнику, позволяла включить сколько угодно стихов и не обязывала к логическим связям между ними, поэтому еще до введения постстраничной пагинации он вставил в автограф отдельные листочки со стихами (см.: 549) и даже целую непронумерованную тетрадку из 8-ми листов (491–506) в 8°, что обращает на себя внимание несовпадением формата с рукописью автографа (в 4°). Эта отдельная тетрадка разбила смысловое единство изложения, связанное с темой «закона», оказавшись в окружении стихов «Закон благодати» (490) и «Закон» (507).

Указателем учтен не весь текст автографа, а только до стихотворного цикла «Царие Рима новаго» (865–882) включительно. Следующие за ним стихотворения «Фарисеи» (с. 883), «Правда начальная» (с. 883–884), «Освящение» (884) попали уже в оглавление к первой копии, причем в ней первые два стихотворения помещены в дополнительном разделе (соответственно: 1097, 1101) и только третье, начинающееся с ω, попало в основной алфавит на имевшееся свободное место (1011). Следовательно, здесь проходит граница, обозначающая место начала работы Симеона над указателем. Тут же в автографе обнаруживается и еще одно тому подтверждение. На страницах 885 и 886 появляются стихи, начинающиеся с буквы «А», в которых даже выдержан внутренний алфавит: «Аарон», «Авель», «Авесалом», «Агнец», «Аггел», «Адам», «Александр». Это первый случай, когда Симеон написал специально на букву азбуки. В указателе уже имелись стихи под такими же названиями, но рядом с ними с. 885 и 886 не проставлены. Минуя реестр, названные стихотворения сразу попали в первую копию на соответствующие им места⁵¹. Очевидно, что эти стихи были написаны уже после составления указателя, в момент начала работы над копией и возникли, по-видимому, как пример в разъяснениях, которые Симеон давал писцам относительно принципов перенесения стихов из автографа в копию. Стихи из следующих тетрадей авторской рукописи находятся в копии Синод. собр., № 288 уже вне основного алфавита.

О том, что реестр не фиксирует всех стихов автографа, Симеон предупредил во фразе, написанной по-польски перед указателем: «Ten Registr nie pełny, bo wiele dopisano po nim» (л. 488). И тем не менее кирилловская азбука в нем представлена почти полностью — 32 буквы и один диграф ω: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, С, З, И, І,

⁵¹ Исключение составляет лишь короткое стихотворение «Агнец», пропущенное в основном алфавите и внесенное в дополнения (с. 1049).

К, Ё, М, Н, О, П, Р, С, Т, ОУ, Ф, Х, ѿ, Ц, Ч, Щ, Ю, ѿ, ю, Я, Ѩ, Ѹ.
Под каждой из этих букв помещены перечни названий стихов.
В алфавитной схеме отсутствуют лишь ѿ, Ѿ, Ѹ, ѻ. Юсом большим и
юсом малым Симеон не пользовался вообще. Нет, естественно,
стихов и на те буквы алфавита, с которых слова не начинались:
Ѡ, ѠI, Ѡ. Первоначальная алфавитная схема будет присутствовать
без каких-либо дополнений и в окончательном варианте
«Вертограда». В копии только несколько архаизирована орфография,
и взамен Я используется юс малый. Следовательно, в истории
создания произведения не было таких ситуаций, когда бы поэту
пришлось дописывать новые стихи на недостающие буквы алфави-
та, как это принято традиционно считать⁵². После того, как ал-
фавит станет композиционной основой сборника, поэт, продолжая
дополнять «Вертоград», применит способ писания стихов в алфа-
витной последовательности их заглавий. Именно так расположены
в трех последних тетрадях автографа (л. 524–547) 29 стихотворений,
но они повторяют уже имевшуюся алфавитную схему, при-
чем в неполном ее виде, охватывая лишь 22 буквы – от «А» («Ав-
густ-царь», л. 524) до «Ѳ» («Философия», л. 546).

Мнение о том, что писание стихов на буквы алфавита было
приемом создания «Вертограда», укрепляли алфавитная компози-
ция копий, а также высказывание самого Симеона в предисловии
к «Псалтыри рифмовторной»: «...написах... Верт многоцветный,
сей убо рифмически, по чину алфавита славенского диалекта.
И внегда ми достигнути Ѩ, впаде во ум псалмы покаянныя преложи-
ти стихотворне»⁵³. Эта фраза давала исследователям повод ре-
конструировать метод работы Симеона следующим образом:
И. Татарский, например, писал, что «составляя „Вертоград многоцветный“ по чину алфавита славенского диалекта, он (Симеон.—Л. С.) подошел последовательно к букве Ѩ и написал несколько мелких стихотворений под названием „Псалом“. При этом ему пришло на ум переложить стихотворным размером покаянные псалмы»⁵⁴.

В результате изучения творческой истории «Вертограда» и зна-
комства с первоначальным вариантом произведения в автографе
приведенное высказывание Симеона приобретает совершенно дру-
гой смысл. Фраза «И внегда ми достигнути писмене Ѩ...» отражает
определенный этап в работе над «Вертоградом», а именно – за-
мысел «Псалтыри» относится к моменту, когда в систематизации

⁵² См.: Татарский И. Симеон Полоцкий..., с. 290; Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 232; Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв., с. 24–25.

⁵³ [Симеон Полоцкий.] Псалтыри рифмовторная. М.: Тип. Верхняя, 1680, л. 4.

⁵⁴ Татарский И. Симеон Полоцкий..., с. 290.

стихов при помощи указателя Симеон достиг буквы **Ч**. При этом он не писал «мелких стихотворений под названием „Псалом“», как это представляется Татарскому, а просто внес в указатель стихи «Псалмопение» (740, 741) и «Псалом» (740, 741) с обозначением их страниц. «Ч» — предпоследняя буква в алфавитной схеме Симеона и, таким образом, из высказывания поэта в предисловии к «Псалтыри» следует также, что ко времени начала работы над ней (4 февраля 1678 г.) авторская работа над «Вертоградом» на данном этапе была завершена: написан большой корпус стихотворений, дополненный классифицирующим аппаратом. Поэтому Симеон так легко перешел к новой теме — стихотворному переложению псалмов, поручив писцам переписать стихи «Вертограда» «по чину алфавита славянского диалекта» в соответствии с указателем автографа.

Перед тем как отдать свою рукопись переписчикам, автор, редактируя текст, оставил для них на полях письменные распоряжения. Рядом с выведенным им вязью заглавием «Прилог к преподобной матери Евфросинии» стоит помета «пиши и сие» (830). Перед началом цикла «Царие Рима ветхаго» (857) на верхнем поле читаем «спросити» — наказ писцам обратиться за разъяснениями к автору, когда дело дойдет до переписки цикла, чтобы соответствующим образом распределить его текст, включающий в себя, кроме стихотворений, также исторические справки о времени правления римских императоров. «Обрати (здесь: переверни страницу. — *L. C.*) и пиши» (846) — это замечание должно было направить внимание писцов на то, что стихотворение, начатое на данной странице, продолжается на следующей. Одно стихотворение — «На рождество Христово» (291) — Симеон решил перенести в «Рифмологию», о чем на правом поле есть помета: «Сия особенно в приветства отнести». В некоторых случаях латинские названия своих источников он перевел на русский (20).

Симеон доверил переписчикам трудное и очень ответственное дело — создание по существу оригинала нового варианта «Вертограда», а не копии автографа. В «реестре» под буквенной цифирью, обозначающей страницы, на которых находятся стихи, видны киноварные точки. Они ставились писцами, видимо, для памяти, как отметка о перенесении стиха в беловой экземпляр. Рядом же со стихами, которые не учтены указателем (поскольку они создавались и вливались в копию уже в процессе ее изготовления), стоит буква «п» — знак того, что данное стихотворение переписано, внесено в копию (885, 886, 887 и др.). После того, как стихотворение попадало в беловой список, на полях «реестра» указывались его страницы, о чем Симеон оставил помету на нижнем поле первого листа указателя: «Число, еже на брезех, знаменует листы в книзе

чистой» (л. 488). Значащиеся в указателе страницы первого списка в точности соответствуют рукописи из Синод. собр., № 288. Это прямое доказательство полной взаимосвязи данной рукописи с автографом. Изготовление списка происходило под наблюдением самого Симеона Полоцкого; просматривая рукопись, он вносил правку в текст стихов (258, 217, 1086), дополнял «Оглавление», следил за составом сборника (1154).

Именно в писцовой рукописи Синод. собр., № 288⁵⁵ обрел реальные черты новый замысел Симеона. В отличие от автографа в ней имеется титульный лист (л. 1), на котором киповарью написано полное название произведения: «Верград многоцветный ползы ради душевныя православных христиан божиим наставлением и пособием, а трудоположением многогрешнаго во иеромонасех Симеона Полоцкаго утяжанный в лето от создания мира 7186, а от рождества еже по плоти бога слова 1678 совершился месяца августа в день». Дата⁵⁶, которая значится на титульном листе первого списка произведения, относится, по-видимому, к моменту, когда писцы выполнили поручение Симеона — переписали текст автографа, учтенный «реестром». Но работа над «Верградом» — создание новых стихотворений, их распределение в списке — продолжалась вплоть до последних дней жизни поэта. Следующее далее предисловие «К благочестивому читателю» (л. 2—4 об.) содержит рассуждения автора об алфавитной композиции сборника, которой еще не было в автографе. Следовательно, оно было составлено специально для нового варианта произведения и написано, по-видимому, в момент окончания работы над копией, так как вообще существовала устойчивая традиция писать или печатать предисловия после создания сочинения⁵⁷. Черновик этого текста был присоединен к рукописи автографа (л. 1—3 ин. об.), о более позднем происхождении предисловия здесь свидетельствует и то, что оно не входит в общий счет тетрадей рукописи. Предисловие в Синод. собр., № 288 подписано Сильвестром Медведевым от лица Симеона Полоцкого⁵⁸ — факт, свидетельствующий о том, каким безгранич-

⁵⁵ Определение данной рукописи как «белового автографа» (Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., с. 369) неверно.

⁵⁶ В дате месяц окончания работы — «август» — вписан не киповарью, а чернилами. Текст титульного листа написан рукой С. Медведева.

⁵⁷ См.: Титов Ф. И. Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк (1606—1616—1916). Приложения к первому тому. Киев, 1918, с. 4 (второго счета).

⁵⁸ Аналогичные факты в списках «Псалтыри рифмовальной» (Синод. собр., № 237, 847) отмечены Т. Н. Протасьевой (Описание рукописей Синодального собрания..., с. 112). Ср. с образцом собственной подписи Сильвестра Медведева: Синод. собр., № 44 («Привилей славяно-греко-латинской академии», 1685 г.), л. 5 об. (опубликовано там же, с. 155).

ным доверием пользовался Сильвестр у своего учителя. Вопреки утвердившемуся мнению⁵⁹, не сам Симеон, а Сильвестр подписал предисловие к «Вертограду» и в парадном списке БАН. После предисловия в Синод. собр., № 288 помещено «Оглавление вещей, в книге сей содержимых. Первое число знаменует лист, второе — статей число той вещи» (л. 7—15 об.), т. е. как и в реестре автографа, в оглавлении рядом с названием стиха указываются соответствующая страница и количество одноименных стихов. В списке для этой цели отведены две колонки — справа от заглавий. «Оглавление» написано в два столбца.

В отличие от одноцветной рукописи автографа, первая копия имеет уже элементы украшения. К ним относится киноварь. Ею выписаны каждая буква азбуки, возглавляющая перечни названий стихов в «Оглавлении», и первая буква заглавия. Лишь названия, вставленные в него позже (с применением корректорских знаков), написаны полностью чернилами; некоторые из них вписаны Сильвестром Медведевым. Вставки в оглавлении еще раз подтверждают, что пока писцы трудились над изготовлением копии, Симеон после написания «Псалтыри» вернулся к работе над «Вертоградом», продолжая дополнять его новыми стихами. Так, если в реестре автографа значатся 1035 названий стихов, то уже в оглавлении первого списка их 1152, на 117 названий больше (причем и в «Оглавлении» списка зафиксированы не все стихи, находящиеся в рукописи).

Значительную функциональную роль киноварь выполняет и в организации самого текста. Ею выделяется не только каждая буква, открывающая крупные стихотворные разделы, но и внутренний алфавит: «Аа» («Аарон»), «Аве» («Авель»), «Ави» («Авимилех»)… «Еде» («Бдение») и т. д. Правда, в этом списке такая система еще не всегда выдержана последовательно. В названиях стихов киноварью написан то инициал, остальное — чернилами, то наоборот, но чаще заглавия полностью киноварные. Некоторые из них выполнены славянской вязью (см.: 198, 207, 208, 209, 212 и др.). Украшены и инициалы тех стихотворений, которыми открываются разделы. Киноварью в ряде случаев написаны и источниково-ведеские пометы, перенесенные в основном из автографа. Полная

⁵⁹ Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 261; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., с. 369. Опубликованные в обоих изданиях (соответственно с. 104—105, подпись из «Рифмологиона»; с. 113, подпись из подносного экземпляра «Вертограда») фотографии подписей Симеона Полоцкого не являются автографами. Славянский автограф подписи Симеона см., например, в рукописях: Синод. собр., № 287 («Рифмологион», л. 4 об.), Синод. собр., № 660 (сборник бесед и переводов, л. 79, 92, 149, 157, 237). Подписи Симеона в последней рукописи отмечены в кн.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 234.

Я
АЯ
ЯРСОНЪ

Яршинъ єо прѣтпіи тицѧ иоткормицѧ
смрти вадса плюгъ , таїкѡ согнѣшилъ єсть .
Оуы баше бурѣти тѣхомъ . не душно :
но імерѣтъ іграшна комѣтъ , поюю ігрою .

К

Яршинъ златымъ тицемъ дикле попозиа .
Пітражъ єо вѣгодати хата шречемъ .
Начальницъ падоша . да грецъ поминаютъ .
И труѣшишъ нія потѣ , сдомъ неправлай .

Г

Яршинъ тицѧ златы иоткормицѧ єсть ,
єгъ вищедѣвъ лотъ иоткормицѧ єсть .
Людѣй вожда забы жива єти ,
тѣмъ подобаше казнь оному мнѣта .
Оуыже баше оному іградати
хѣлъ мѣсінъ искуеръ , же же облази дати .
Обауи Мовѣи євшъ не вубилъ єсть .
Архіерейско вѣщее изъемъ чтиль єсть .
И тікш боли изъ тицѧ ирадагаше .
точю застражъ то здо вадеяше .

Л

Яршинъ єгла глаца златы иоткормицѧ єсть .
Мовѣи онаго іважегъ ко тѣ преткормицѧ ,
и изытія ко вадб , иже ізпесаше
ізхорнѣициади . Тѣ єгла глаца
покавнинскыя тиць , звѧши надменны ,
поптомъ ѿ Мовѣи виненъ , склонъ з насъ .
Яршинъ аци пиль єсть . не баше надменны ,
такш грецъ іогаціи не єш приславленны .
Бики нѣ оготоу спога согнѣшилъ єсть .
єгъ кусенинъ єму быти не іадна єсть .

А

унификация написаний будет достигнута лишь в подноском списке БАН.

Между стихами в рукописи оставлены чистые места и даже цепные листы. Это сделано для того, чтобы сохранялась возможность поставить на соответствующее место вновь появившееся стихотворение или пропущенное при переписке.

Руководствуясь реестром Симеона, писцы собирали из разных мест автографа одноименные стихи и заносили их в список под общим названием, отделяя одно от другого киноварной буквенной цифирью. Таким образом, каждое такое образование состоит из нескольких самостоятельных стихотворений, расположенных в порядке той последовательности, в какой они находились в авторской рукописи. Если писец ошибался и дважды вносил одно и то же стихотворение, делалась помета типа: «Писан выше, на листе...» (1098 и др.).

Стихи, зафиксированные указателем автографа, расположены в списке ГИМ в основном алфавите, который оканчивается на с. 1033 стихотворением на «фиту» — «Фрон истинный». Здесь же, явно позднее, были распределены стихотворения из трех последних тетрадей автографа, не учтенные указателем: они не отмечены в «Оглавлении» и написаны частью на свободных местах, частью же на вклейенных листах, что нарушило постраничную нумерацию рукописи; перебои в пагинации были устранены введением дополнительных обозначений типа: с. 263а, 263в и т. д. Кроме полного алфавита в Синод. собр., № 288 есть также три неполных. В них упорядочивались стихи, создававшиеся после составления указателя, параллельно с писцовой копией. Писцы работали с отдельными тетрадями, поэтому технических трудностей не возникало. В первом из дополнительных алфавитов (1103—1144) систематизированы стихи автографа с 933—967, т. е. из тетрадей, прилегающих к реестру, но не учтенные им, поскольку эти стихи написаны позже. Во втором, неполном алфавите (1155—1204) размещены стихотворения из второй и третьей тетрадей автографа, находящихся после указателя (л. 508—523 об.). И наконец, третий, дополнительный алфавит (1217—1232) образован стихами из тетради, следующей непосредственно за реестром (л. 500—507 об.). В рукописи Синод. собр., № 288 оказались выше расположены стихи, которые в автографе помещены ниже. Очевидно, что последовательность последних тетрадей авторской рукописи при сброшюровке была нарушена. В последней части списка ГИМ есть также стихи, которые следуют россыпью — вне всех алфавитов (1034—1102, 1145—1154). Некоторые из них соответствуют автографу (886—932), другие введены минуя его. Среди последних — цикл двустишных подписаний к иконам с изображениями патронов царской семьи. Он был создан еще

до начала работы над «Вертоградом»: после июня 1669 г., когда умер царевич Симеон (19 июня 1669 г.), до женитьбы царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне (1671 г.), так как состав подписей отражает имена всех здравствовавших членов царского дома. Подписания следуют в строгой иерархической последовательности: первая — это подпись к иконе Алексея человека божьего⁶⁰, далее идут имена покровителей двух сыновей царя — наследника Федора Алексеевича и Ивана, затем трех сестер Алексея Михайловича (по старшинству) и шести его дочерей (также по старшинству). Подпись к иконе святой покровительницы новой жены царя Наталии Кирилловны занимает последнее место в цикле, и это явно свидетельствует о том, что она была добавлена к уже готовому циклу вскоре после свадьбы царя, до рождения Петра I (1672 г.), имя которого отсутствует в подписаниях⁶¹.

Для того, чтобы было возможно привести эту многоступенчатую алфавитную структуру и стихотворную россыпь в систему, в первом списке делались пометы: «зри на листе...», отсылающие к одноименным стихам, добавленным позднее. Только список БАН довел формальный принцип до абсолюта, сведя все стихи в единый алфавит. В нем по каким-то особым соображениям отдельно выполнены циклы «Вивлия» и «Подписания».

Высказанное ранее мнение о том, что подносной экземпляр был просмотрен, исправлен и подготовлен самим Симеоном Полоцким к изданию⁶², требует пересмотра. Представляется очень вероятным, что изготовление парадного списка было завершено уже после смерти поэта, так как в его алфавитной системе нашли свое место предсмертные стихи Симеона «Философия» (см. выше), которые попали сюда прямо из автографа, миновав промежуточный список ГИМ. В подносном экземпляре «Вертограда» нет ни подписи-автографа, ни правки Симеона. И именно потому, что труд заканчивался уже без автора, естественным и возможным оказалось появление в конце книги «Епитафиона» Симеону Полоцкому, написанного Сильвестром Медведевым. В «Епитафиионе» ученик отдал дань памяти своему учителю и Симеону как просветителю, проповеднику, писателю, издателю. Поместив «Епитафион» в конце подносного списка, он сделал последнее для труда, в котором была и доля его участия.

⁶⁰ Этот же святой был патроном младшего сына царя Алексея Алексеевича (ум. 17 января 1670 г.), что, очевидно, объясняет отсутствие специального (второго) подписания на Алексея.

⁶¹ Ср.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., с. 376.

⁶² Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 261; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., с. 369.

Сильвестр Медведев, помогая учителю, осуществлял общую редакторскую работу на всех этапах создания произведения. Его вмешательство заметно даже в автографе. Он внес несколько строк в предисловие. Предназначая свое произведение для самых разных слоев, Симеон писал, что и «богатый», и «нищий» могут извлечь из сочинения пользу. Сильвестр, усиливая социальную характеристику читателя, добавляет еще одну антонимическую пару: «благородный» — «худородный» (л. 2). В предисловии Симеон возлагает надежды на то, что его книга поможет людям изжить «пламень ярости и похоти»; Сильвестр в осуждение этих страстей добавляет морализаторски, характеризуя их как «отемлющая непещевание о многолетствии, показующая прелести сего мира и от бога удаляющая» (л. 2). У Симеона было: «...обрящет гневливец врачебное недугу си былье: кротость и прощение удобное» (л. 2 об.); Сильвестр перестраивает фразу, распространяя ее: «...обрящет неправду творящий врачебное недугу си былье правды творение, гневливец кротость и прощение удобное». Вставку текста, сделанную Симеоном на поле, Сильвестр еще более амплифицировал: «...обрящет ...глупец мудрость, невежда разум, усумняющиийся в вере утвержение, отчаянник надежду, ненавистник любовь...» (л. 2 об.).

Данное Симеоном стихотворению название «Чувствия» (763) Сильвестр заменил другим — «Чистота», считая, по-видимому, что оно больше соответствует его смыслу:

Благо есть пятерицу чувств плоти хранити
Ограждение твердо оным сотворити...
Тако бо душа оград затворен бывает,
В нем же любезно жених ея пребывает... (763).

Сильвестр редактировал стихи учителя, внося в них смысловую и стилистическую правку. Изменяя тексты стихотворений «Хлеб» (20) и «Освящение» (893), он руководствовался, очевидно, соображениями догматического порядка, стараясь придать им более ортодоксальный смысл. Стихотворение «Хлеб» было у Симеона четверостишием:

Иже праведнъ хлѣбом ся питает,
Тому из рук си господь пищу дает.
Кто же со грѣхом промысл имат хлѣба,
От демона хлѣб имат, а не с неба (20).

Чтобы последние строки не ввели читателя в сомнение, Сильвестр добавляет истолковательную концовку:

Хлѣб убо божій, по промысл от врага,
Потому пища есть ему не блага.

Аналогично и стихотворение «Освящение», где трактуется вопрос о священности девы Марии: он дополняет его двумя строками, назначение которых также состоит в том, чтобы предотвратить неортодоксальное понимание текста. В стихотворении «Овцы» (49–50) одна строка отредактирована Сильвестром, по-видимому, с целью придать ей иной смысловой оттенок; было: «Нам же демона гоизати есть требе», стало: «Нам же демона страх имети требе» (50).

Сильвестр Медведев правил стихи Симеона Полоцкого и как поэт: заметив малейший сбой стихотворного ритма, он восстанавливал изосиллабизм. В автографе есть множество тому примеров. Так, в стихотворении «Правда начальная» (894) 14-сложную строку «весь род наш зол толиких никако бы познал был» он исправил на 13-сложный стих: «весь род наш зол толиких никако знал бы был». Такая правка характеризует Сильвестра не только как внимательного редактора, но и как стихотворца, в совершенстве владевшего изосиллабизмом, в чем он даже превзошел своего учителя.

Стихотворения «Фарисеи», «Освящение», «Правда начальная» со с. 893 и 894, где они плохо читаются из-за того, что чернила расплылись и текст просвечивает с оборота, переписаны Сильвестром с учетом собственной правки на отдельный лист, который был вставлен сюда же (лист ненумерован, между с. 892 и 893).

С правкой Сильвестра стихи вошли в окончательный текст «Вертограда». Он же руководил работой по упорядочению стихов в последовательности алфавита их названий. Им внесены добавления в реестр автографа и в оглавления списков ГИМ и БАН. В указатель Симеона под буквой «О» ниже заглавия «Образов апостольских подписания» он добавил «эри еще подписание образов на листе» (л. 494); рядом с названием «Лицемерие» включил ссылку к с. 845 автографа, куда сам вписал стихотворение с таким названием.

Редакторская работа Сильвестра видна особенно в списке ГИМ. Он продолжал уделять пристальное внимание тексту стихов. Его чем-то не удовлетворило 154-е стихотворение в цикле «Вивлия», переписанное уже в копию из автографа. Сильвестр тогда заклеил текст этого стихотворения в авторской рукописи полоской бумаги и написал стихотворение из восьми строк вместо бывших шести (две первых и две последних строки совпадают с текстом Симеона). Затем правка была внесена в Синод. собр., № 288, где старый текст был также заклеен (133). В группе стихотворений под названием «Демон изочает» (231) второе стихотворение выделяется из нее и получает собственное заглавие — «Демон, яко пес прицепленный». На полях к тексту стихов Сильвестром внесены и некоторые пометы с указанием источников (см.: 97, 197, 397, 642, 667, 727, 809, 903, 914 и т. д.). Участие, которое Сильвестр принял в

редактуре «Вертограда», вполне соответствует тому стилю работы, который сложился раньше⁶³ и являл собою дух творческого содружества учителя и ученика.

В письмовых списках реализовался замысел Симеона об алфавитном расположении стихов. Энциклопедически-алфавитный тип построения, безусловно, был рассчитан на определенный мыслительный и художественный эффект, на что указал сам поэт в предисловии произведения: «...во моем сем верте многоцветном художественне и по благочинию вся устроишаася, ибо по алфавитному славенского диалекта сочинению» (Синод. собр., № 659, л. 2). По мысли Симеона Плоцкого, алфавитная структура сборника должна была служить читательской пользе. «Удобнейшаго ради обретения» (там же, л. 1 об.) интересующих читателя тем он последовал примеру «искусных цветовертиков», которые сеют разные «зелии» и цветы «благочинно, по сподам и лехам» — «грядкам» (там же)⁶⁴.

Природному естеству, при котором всякие «былия» и травы «смешенное» рождаются и оттого бывают трудно обретаемы, Си-

⁶³ А. В. Горский и К. И. Невоструев отметили факт внимательного просмотра Сильвестром рукописей Симеона и внесение в них поправок и дополнений. См.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, с. 214, 219.

⁶⁴ Алфавитную форму и именно в целях систематизации Симеон использовал ранее: в рукописи ЦГАДА (Биб-ка моск. Синод. тип., ф. 381, № 1800) по алфавиту размещены сделанные им по-латыни учебные заметки, записи, относящиеся к киево-могилянскому периоду (л. 68—92), и выписки по-польски из Цезаря Барония (*Notationes ex Baronio*, л. 96—108 об.).

Все известные нам подборки стихов из «Вертограда» подтверждают, что его алфавитная структура действительно не только облегчала читателю поиск необходимых тем и понятий, но и дальнейший процесс использования произведения в проповеднических и учебных целях. Так, например, в рукописи из Софийского собрания ГПБ, № 1481 выписаны отдельные стихи в алфавитном порядке названий (все буквы алфавита от «А» до «З»): «Сии предивни вещи изъяты суть из книги Вертограда, яже бяху тицанием и труды пречестнаго отца господина Симеона, по прослужию Петровского и Полotsкаго. Яже убо разсуждением и вниманием киим любочитана имуть быти» (л. 177). Рукопись из петровского собрания (БАН, П Г А 55) полностью состоит из стихов, извлеченных из «Вертограда», и озаглавлена: «Книга, глаголемая Цветник, или нынешнаго века Временник, вкратце собраны различныя повести и нравоучения». Ее составитель сделал выборки стихов на интересующие его темы (время, слава, вера, клевета, похоть, блуд, богатство и лихоимство, гордость, пьянство и др.). Данный текст полностью повторяется в рукописи из библиотеки графа Ф. А. Толстого (ГПБ, Толст. ОХIV, № 1). Подборка стихов из «Вертограда» в рукописи из собрания ОЛДП (ГПБ, Q. 88) обнаруживает интерес составителя к жанру, который сам Симеон обозначал термином «повесть», или в XVII в. его еще называли «примерами», «прикладами». В стихах такого рода развернут повествовательный сюжет, содержащий нравоучение и завершающийся дидактической конклюзией.

Ter registrace pety, by měla dojít k němu
Rozsud Evropského soudu
22. 9. 1999

61. АГЛАЯ СОФИЯДАС СИМБОР
АНДІ ХІІІ.
62. АГЛАЯ БЕ ЧІСЛЕНІ ТАК
ТАКІМЕ ЧІСЛЕНІ ЧІСЛЕНІ;
63. АД ВІДІСІНІ КІЛЬДАМ СНІЗ
64. АГАМЕ НЕ! НА-ГІІ-ГІІ
СІІ-СІІ. УІІ-УІІ.

Сборник писем С.И. Тимофеева
и А.Н. Кашкина

Балашов Р.
телефонист Е.
Береснева рум. Вам
телефонист Н.
Белогорский С. А. Т. СС

БАГАК МИРІ ТЕРІЯДО СЕЗ
БАГАК ТАДІ.

БАРСУКИ УСТАНОВЛЕНЫ
УЧЕБНО-ПРАКТИЧЕСКОМ УЧАСТИИ

~~UATP Agilent EI, N3, NH₃-BH₃-MH₃E,
UATP Agilent EI, N3, NH₃-BH₃-MH₃E,~~

→ * → *

БАГДАД 1919 САГ В. СОВ.
БАГДАД 1919 ТАКИЕ А.

БАТ-ГАМЕЛ єдн. північн. СНІ.
БАТ-ГАМЕЛ північн. СНІ.

8⁹ б. Тогда же не опознаны были и не

БАРДИЧЕВСЬКІ $\overrightarrow{E3}$, МН. НА: 8.

БАГОРОВИК ТАТН.
БАГОСТА БАКИС ААН.

БАССЕИ ОБРАЩАЕТСЯ К ЕМУ.

БАСІЛІОСІС СІ МІ. НІКЕ ІНІ
БАСІЛІОСІС СІ МІ. НІКЕ ІНІ

БАРСОУМІС А.Н. - - | Н.Г. -

БАКИНОВО РМЖ. УНІ
БАКИНОВО ТЕХНОЛОГІЧНИЙ

БАХЧИСАРЫ МИГА, ХОН

Trinomes \times^{se} .

Город (о сюжете) вак.

三

3. Standard ducts

1920-21

—
—

Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный.
Первая страница указателя стихотворений.

меон противопоставил «хитрость художника» и устроил свой «Вертоград» по законам «садоводческого» искусства: «Елико убо обрящеши, благочестивый читателю, писмен зде начинателных, именованием вещей обретаемых, толико нешщай спод или лех быти верта сего. А елико вещей измененных, толико родов на них сеянных или сажденных да разумеши. Еще колико вещей от части изменяемых узриши, толико видов цветовых да имеши. Напоследок, елико статий числы надзнаменанных усмотриши единыя вещи, толико числ единовидных цвет да числиши или различие родов цветов сих духовных сице да сочтеши: ин род суть подобия, ин род образы ин присловия...» (л. 2). Таким образом, как следует из объяснений Симеона, в «Вертограде» буквы азбуки — это «грядки» (их 33), на них произрастает столько родов растений, сколько разделов внутреннего алфавита, и столько видов цветов, сколько названий; буквицы, разделяющие стихи в пределах одной стихотворной группы, обозначают число стихов, относящихся к одному названию или принадлежащих к разным жанрам.

Положив алфавит в основу композиции сборника, поэт получил способ укрепить структуру произведения, разобраться в обилии тем, избежать повторов. Сочинению в целом придавалась внешняя стройность и завершенность. Алфавитная форма оказалась удобной для Симеона еще и потому, что соответствовала его творческому стремлению к постоянному добавлению, наращиванию стихотворного материала и к систематизации разраставшегося поэтического наследия. По мере появления новых стихов они вводились в произведение, не нарушая его цельности. Избранная форма была призвана, таким образом, удовлетворить идеальным и эстетическим задачам труда, а также творческим принципам работы поэта.

Переводя стихи на алфавит, Симеон действовал в русле сложившейся литературий традиции. Алфавитная модель — форма, известная еще античной литературе: назовем хотя бы изречения Публилия Сирийца (I в. до н. э.), собранные и приведенные в алфавитный порядок в I—II вв. н. э.⁶⁵ Как наиболее простая и вместе с тем готовая, цельная и емкая структура алфавит использовалась в качестве композиционной основы и в произведениях византийской и латинской литератур: для примера можно указать на алфавитный флорилегий Григория Назианзина «Алфавитарь» (IV в., в греческой рукописи XII—XIII вв.—«Святааго Григория Богословца гранеса — алфавитарь»)⁶⁶, на «Алфавит о дурных свя-

⁶⁵ Сперанский М. И. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследование и тексты. М., 1904, с. 24.

⁶⁶ Там же, с. 413.

щениках» (IX в.) и «Алфавит о хороших священниках» (IX в.), на «Книгу пословиц» Отлоха Эммерамского (XI в.) и «Алфавит о тщетности жизни» (XIV в.), на так называемые «Родосские песни любви» (XIV—XV вв.). В средневековой Европе бытовало множество сборников легенд, изречений, примеров (*exemplum*) под названием «Цветы» (*«Flores»*) или «Зерцало» (*«Speculum»*), в которых материал, как правило, был организован по алфавитному принципу. Такая композиция сборников обусловлена их практическим назначением — служить справочным пособием для проповедников. Об одном из подобных сборников, о сочинении Фомы Хиберника (XIV в.) «Цветы священных книг» (*«Flores sacrogum bibliorum ord. alphabetic digesti»*, изд. XVII в.), Симеону Полоцкому было, по-видимому, известно⁶⁷.

На Руси еще в киевский период появился переводной сборник житий — «Патерик алфавитный». Особенно же интерес к алфавитной форме в восточнославянских литературах проявляется к концу XVI в.: к острожскому изданию Нового Завета (1580 г.) Тимофеем Михайловичем составляется указатель содержания и печатается с отдельным титульным листом под заглавием «Книжка, собрание вещей нужнейших скораго ради обретения в книзе сей». Активное применение алфавитной модели связано с интенсивным развитием энциклопедической литературы — азбуковниками, которые распространялись тогда во множестве редакций и списков⁶⁸. «По чину лексикона» пишутся и литературные произведения: «Азбука о голоде и небогатом человеке», «Повести и пословицы всенароднейшие по алфавиту»⁶⁹. Особенное пристрастие к структуре алфавита писали писатели барокко, занятые поисками формалистических и унифицирующих приемов. Организация материала по алфавитному принципу стала тогда своего рода модой. При переводе «Великого зерцала» в 1677 г. с польского языка в русских списках бережно сохраняется алфавитная структура произведения. Как формообразующее начало азбука выступает в различных «алфавитах» укра-

⁶⁷ Это сочинение названо в списке рекомендательной литературы для проповедников в одной из книг (*Marchantij Jacob. Hortus pastorum. Hannopniae, 1632*), принадлежавшей Симеону Полоцкому, которую он, судя по заметкам на ней, штудировал (ЦГАДА, ф. 1251, инв. № 1199, на задней крышке переплета — латинский автограф Симеона). В Львовском музее народного искусства хранится экземпляр сочинения Ф. Хиберника *«Flores doctorum pene omnium... ac ordine alphabetic digesti»* (Coloniae, 1606), в нем в порядке алфавита размещены статьи, в которых приводятся цитаты из греческих и латинских авторов трактуются категории и понятия, принадлежащие к миру христианских идей.

⁶⁸ Баталин Н. Древнерусские азбуковники. Воронеж, 1874; Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.

⁶⁹ См.: Буслаев Ф. Историческая хрестоматия..., стб. 1416—1422.

ииских писателей — Исаии Копинского⁷⁰, Иоапникия Галятовского⁷¹, Иоанна Максимовича⁷². Преследуя практические цели, Климентий Зиновьев располагает по алфавиту собрание пословиц «Приповести, або теж присловия посполитые, и азбукою ради скореншаго якового слова поисканя новособранных споряженные»⁷³.

Увлечение Симеона Погоцкого идеей помочь читателю сориентироваться в его «многоцветном саду», найти необходимые ему темы и понятия привело к тому, что в момент перестройки «Верторграда» принцип формальной логики заменил содержательно-смысловую организацию текста в автографе. Стихи, бытовавшие ранее в идеино-значительном контексте, превращаются в новом варианте в поэтическую россыпь. Стихотворение, которым открывался текст в автографе, «Вера и дела», имевшее программное значение как выражение кредо поэта, становится просто одним из стихов на букву «В». Осмысление мирового устройства в порядке значимости явлений мира утрачивает свои зримые очертания. Стихи из начального цикла «Язици огненные» — одни из первых по написанию — перемещаются в самый конец на «Я».

Разнеся стихи по буквам алфавита, Симеон превратил свое произведение в азбуковник, в словарь-справочник, в котором утратились внутренние тематико-контекстуальные связи. Последовательное развитие циклов, которое имело в автографе проповедническую функцию, было утрачено, вырванные из контекста притчи, истории, сценки, эпизоды расположились формально по алфавиту вне связи со своим идеальным ядром. Так, например, в автографе есть идеино-тематический цикл, состоящий из трех стихотворений — «Кресты три» (965), «Аман» (965—966), «Десница и шуйца» (966). Первое трактует символику трех крестов: на одном распят Христос, на других — два разбойника — благородный и «ума лишенный». Стихотворение «Аман» развивает историческую аналогию к теме распятия Христа: как некогда сорвался замысел Амана погубить Мардохея (вместо него Аман «умертвился сам»), так же и виновникам смерти Христа не удалось истребить его «живот

⁷⁰ Копинский Исаия. Алфавит духовными в ползу иноком и мирским. Киев, 1710. В ГБЛ имеется список сочинения 1677 г. (ф. 218, № 1137).

⁷¹ Galatowski Joanicusz. Alphabetum rozmaitym heretykom. Czernichow, 1681 (экземпляр из библиотеки Сильвестра Медведева.— ЦГАДА, ф. 1251, № 4142).

⁷² Максимович Иоанн. Алфавит собранный, рифмами сложенный. Чернигов, 1705.

⁷³ Климентій Зіновіїв. Вірші. Приповісті посполиті. Київ, 1971, с. 211—261. (Пам'ятки української мови XVII—XVIII ст. Серія художньої літератури).

и память»: через распятие Христос прославился, а «враг победился» (966). Мораль — неправым уготовано возмездие — переходит в следующее стихотворение «Десница и шуйца». Название его достаточно условно, речь же идет, как и в стихотворении «Кресты три», о разбойниках, висевших на крестах справа и слева от Христа. Распятый одесную вещал слова, угодные Христу, и за то получил от него прощение; тот же, который находился на кресте слева, творил в жизни «шуйя» и был осужден на вечную гибель. Три стихотворения — три сценки, объединенные общей символикой креста и моралью, распались в окончательном варианте «Вертограда». Первое поставлено на букву «К», второе стало «стихом на персону» на букву «А», третье помещено на букву «Д».

Смысловые цепочки, возникавшие на основе ассоциативно-контекстуальных связей, рассыпались, вызывая разрушение повествовательного начала. Под названием «Пианство» в списке ГИМ объединяется 15 стихотворений (633—638), собранных из разных мест автографа. Каждое из них сохраняет свой собственный смысл, но, порывая с контекстом, лишается связи с близкими понятиями, примерами, которые укрепляли авторскую мысль о вреде пьянства и предлагали образец достойного поведения. 8-е стихотворение в этой группе содержит портрет пьяного человека: здоровый, крепкий молодец, упившись, не может дойти до дома и его несут из корчмы на руках. Пьянство — зло, ведущее до «окаянства», его нужно изживать. И здесь у данного стиха обрывается нить, скреплявшая его в автографе со стихотворением «Пити пудящим ответ», в котором приводится сценка на пиру: некий муж, когда сотрапезники понуждают его пить, отказывается, поучая собравшихся в том, что надо знать меру в питии. Отрицательный факт и мораль находятся в связи друг с другом. В автографе наблюдается определенная закономерность в появлении стихов о пьянстве. Они возникают обычно в цепочке размышлений о явлениях, портящих природу человека. Рассмотренным стихам предшествовал обширный контекст о пагубности богатства: «Сребролюбие» (176), «Злато и серебро» (177), «Красота» (178), «Богатии» (178), «Сребролюбие» (178), «Лакомство» (181—182), «Сребролюбие» (182), «Скупость» (183), «Злато» (183), «Скупость» (184). 9-е, 12-е и 15-е стихотворения в группе «Пианство» извлечены из контекста стихов о греховности блуда: «Плотское смешение» (283), «Блуда бегство» (283); «Пресыщение» (393); «Блуд со сыном» (762—763). Порождающий контекст копиям не свойствен, в них стихи объединяются на сугубо формальной основе. Например, под общим заглавием «Гонение» рядом оказываются совершенно далекие по смыслу стихи. В одном говорится о гонениях на ранних христиан, в другом дается настойчивый совет не внимать голосу плоти, которая грозит восторжество-

ваться над духом, убегать от нее. В списках эти стихи оказываются рядом из-за одинаковости названий.

Перестроив текст автографа по формальной логике реестра, Симеон создал другое произведение с принципиально иной организацией и иной поэтикой. Внутренние ассоциативно-контекстуальные связи, которые были смысловой доминантой в автографе, определяя динамизм взаимодействий стихов и развития авторской концепции, утратились в результате подчинения текста исключительно формальному принципу, при котором возобладала самозначность отдельного стихотворения и статичность. В связи со сказанным необходимо усвоить всю условность термина «копия» по отношению к спискам ГИМ и БАН, которые соответствуют не тексту автографа, а новому замыслу Симеона. Различие первой редакции в авторской рукописи и второй редакции, представленной этими списками, так существенно, что можно, как нам думается, говорить о двух разных «Вертуградах», построенных на одном материале.

Автограф характеризует Симеона Полоцкого не только как поэта, но и как идеолога, проповедника, учителя, списки же обращают внимание прежде всего на Симеона как классификатора и литератора, который за хитроумной формой скрыл внутреннюю сущность и конструкцию произведения. Картина мира, созданная мозаичным методом в автографе, членилась на отдельные красочные детали. Получилось тоже умно и занимательно, но картина лишилась целостной концепции. «Вертоград» нельзя понять вне автографа, вне его идейно-тематических циклов, сливающихся в кинематическом счете в единый контекст «бог — мир — человек». Изучение художественного контекста автографа приобретает решающее идейно-эстетическое значение как для реконструкции поэтической логики и внутреннего смысла произведения в целом, так и для творчества Симеона и его мировоззрения вообще.

Что представляет собой «Вертоград» с точки зрения жанровой? Это произведение — даже в списках — не сборник в привычном смысле. Это крупная форма христианско-дидактической поэзии. Симеоном создано грандиозное повествование, охватывающее все вопросы мироздания, христианского вероучения, догматики, морали, естественно, в христианском преломлении, направленной к тому, чтобы научить человека «заповеди тощно соблюдать». Изложение концепции сочетается с новеллистикой и дидактикой, повествовательность периодически сменяется декларативными высказываниями. На этой основе возникает нечто вроде «симфонии разума», алфавитное распределение которой порождает жанровое новообразование, хотя сами по себе и алфавитная структура, и сборники с названием «Вертоград» литературной традиции хорошо были известны. В древнерусской литературе бытовали в разных

редакциях и списках два типа «вертоградов» — «душевые» и «прохладные», которые по своей функциональной предназначности корреспондируют друг с другом. «Вертограды душевые» призваны излечить человека от недугов души, нравственных болезней. «Вертограды прохладные», заключая в себе «врачебную хитрость», имеют в виду телесное здоровье человека. Оба типа «вертоградов» являются сборниками разного состава.

Традиция духовных «вертоградов» была весьма древней: мы находим подобные сборники в раннехристианской коптской, византийской и латинской литературах. Эта традиция в эпоху средневековья стала общеевропейской — «Сад утешения» (*«Viridarium consolationes»*) Боно Джамбони (XIII в.)⁷⁴, «Сад наслаждения» (*«Hortus deliciarum»*) аббата Геррада фон Ландсберга (XII в.), «Садик Царицы» (*«Hortulus Reginae»*) Меффрета (XV в.), «Сад пастырский» (*«Hortus pastorum»*) Якоба Марханти (XVII в.), чрезвычайно популярный во всех странах Центральной Европы «Садик души» (*«Hortulus animae»*)⁷⁵ и др. Новый импульс к развитию литературные метафорические сады получили в эпоху барокко. Например, в польской литературе в это время «вертограды» (*«Ogród»*) занимают в структуре жанров видное место⁷⁶.

Многообразие литературных жанров и форм западноевропейского барокко по мере его продвижения в восточнославянские литературы начинает ограничиваться темами и жанрами, связанными в первую очередь с просветительскими и нравственно-воспитательными задачами, с развитием регулярного схоластического образования. Поэтому «вертограды» вызывают самый широкий интерес к себе и в русском обществе XVII в. Они проникают в Россию благодаря в основном межрегиональным связям и литературному посредству Украины, Белоруссии, Польши. Известно, что в 1650 г. царь Алексей Михайлович поручил киевскому монаху Арсению Сatanовскому перевести с латинского языка сочинение католического проповедника XV в. Меффрета *«Hortus pastorum»*⁷⁷ — сборник проповедей и поучений «на все недели и на праздники господъския и богоодичныи и на святых, и на всю четы-

⁷⁴ См.: *De Sanctis. История итальянской литературы*. М., 1963, с. 96—97.

⁷⁵ Только за 25 лет (с 1498 по 1523 г.) выпуло 103 издания *«Hortulus animae»* на латинском, немецком, чешском (а затем и польском) языках. См. библиографию изданий: *Oldenbourg M. Consuelo: Hortulus animae. [1494] — 1523. Bibliographie und Illustration. Hamburg, 1973.*

⁷⁶ См. библиографию: *Estreicher S. Bibliografia polska Karola Estreichera. Ogólnego zbioru tom XXIII (części III, tom XII)*, Litera N — O. Kraków, 1910, s. 300—301.

⁷⁷ См.: *Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы....* с. 85, прим. 1; *Соловьев С. М. История России с древнейших времен*. М., 1962, т. 13—14, кн. 7, с. 147. Полное название произведения: *Hortulus Reginae*.

редесятнице по два и по три». В нем использовано, как указывает старец Арсений в члобитной царю, 220 источников — произведений греческих и латинских авторов, в том числе и «отцов церкви»⁷⁸. По-видимому, внимание царя и высшего духовенства привлекли в книге Меффрета многообразие содержания и энциклопедичность. В ней описаны «имяна и свойства или естественные природы различных многих зверей четвероногих, птиц, рыб, удивительных морских змiev и всяких пресмыкающихся, каменей драгих, бисер, древес всяких, моря, рек, источников, лесов, четырех стихий: воды, земли, воздуха, огня. Обретают же ся еще повести на всякую вещь — философов, царей, врачевания на многовидныя болезни, обычай различных языков, положения стран, высprь гор, различная семена, злаки травныя, притчи и иная многая собранная и во едино место совокупленная»⁷⁹. В русской литературе данного периода назрела потребность в такого рода сборниках, по-видимому, в связи с восстановлением традиций живой проповеди. Переводные сочинения служили источником, из которого русские проповедники могли почерпнуть необходимый материал. В частности, преимущество сборника Меффрета видели в том, что из каждого его поучения можно было «два и три, и четыре, и пять поучений сodelати»⁸⁰.

Несколько ранее, в 1620 г., в Вильно был издан «Вертоград душевный» Фикари — собрание «исповедательных и благодарственных» молитв⁸¹. Незадолго до того момента, когда Симеон начал работу над своим «Вертоградом», типографией Киево-Печерской лавры был выпущен в 1676 г. упомянутый выше «Огородок Марии богородицы» Антония Радивиловского. «Вертограды», посвященные Богородице, известны также в русских переводах XVIII в. с латинского языка⁸².

В то время, когда Симеон трудился над «Вертоградом», польский поэт Вацлав Потоцкий (1621—1696 гг.) писал «*Ogród fraszek*»

sive Sermones Meffreth, fidei catholicae in Misnia praeconis quondam celeberrimi. Opus nunc denuo recognitum et multis locis a mendis repurgatum. Pars hyemalis. Coloniae Agripinae. Anno MDCXXV. В русском переводе «сад» Меффрета назывался «Оград царицы», или «Оград царский». См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России. СПб., 1861, т. 3, с. 480.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Экземпляр этой книги имелся в библиотеке Петра I. См.: Реестры книг собрания Петра I (I—XXI). — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Академии наук СССР. М.; Л., 1956, с. 286.

⁸² См.: «Вертоград духовный различными избранными добродетелями цветами в честь... девы... Марии наследственный. С латинского диалекта на российский преложенный 1762 года», — ГБЛ, собр. Леонида (Кавелина), ф. 557, № 83.

(1672–1694 гг.)⁸³. В этом произведении польского барокко собраны, как и в «саду» Симеона, стихи разных жанров: забавные эпиграммы, морализаторские сентенции, сценки из жизни польской шляхты времени Михаила Корибута и Яна Собеского, анекдоты, услышанные и почерпнутые из книг. «Ogród fraszek» может быть сопоставлен со сборниками фацеций и моралиа. В. Потоцкий, как и Симеон Плоцкий, выступает в нем в качестве моралиста, но в отличие от последнего не стремится придать своему «саду» ни внутреннюю, ни внешнюю структуру. Отказ от определенной организации текста становится у Потоцкого программным и входит в самый замысел, о чем поэт заявляет в заглавии: «Ogród, ale nieplewiony; brog, ale co krok to inszego zboża; kram rozlicznego gatunku: na coż chwalic?».

«Вертограды» духовные не утратили своего значения и в дальнейшем. В 1685 г. архимандрит Симонова монастыря, выходец с Украины Гавриил Домецкий написал «Вертоград духовный», где даны рекомендации, какие мольбы следует возносить к Богу в разное время дня^{84–85}. В Чернигове в 1697 г. издан «Виноград» (в предисловии — «вертоград») украинского писателя Самоила Мокреевича⁸⁶, разработавшего в стихотворной форме тему страстей Христа.

Традиция «вертоградов» органично вошла в русскую литературу. Тимофей Каменевич-Рвовский, посыпая из Углича свой правоучительный «Вертоград» Каюону Истомину в Москву (1680 г.), не без гордости заявляет: «Писана быша сия не во Италии святем старом и велицем Риме, ниже в Палестине святым Иерусалиме, но во великославном нашем словенороссийском государстве третием Риме, Московскому царству...»⁸⁷.

Другой тип «вертоградов» — «прохладных» — представляет собой переводные медицинские сочинения — лечебники и травники, восходящие к латинскому подлиннику^{88–89}. Их первые переводы в России относятся к началу XVII в. 1616 годом датирована рукопись «Книга, именованная Благопрохладный цветник, вертоград здравию сътворение»⁹⁰. Примечательна структура сочинения:

⁸³ Potocki Waclaw. Ogród fraszek. T. 1—2. Lwów, 1907.

^{84–85} Список сочинений: ГИМ, собр. рукописей Н. П. Вострякова, № 1010.

⁸⁶ Виноград домовитом благим насажденный... Чернигов, 1697. Экземпляр сочинения находится в БАН, инв. № 673.

⁸⁷ Текст опубликован. См.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. Вахрамееву. М., 1892, вып. 2, прил., с. 61.

^{88–89} Змеев Л. Ф. Русские врача́нники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. — ОЛДП. СПб., 1895, с. 22, 32, 95, 96 (Памятники древней письменности, СХII). «Прохладный вертоград» в переводе (с нем. яз., 1672 г.) подьячего Земского приказа Андрея Микифорова издан В. М. Флоринским. См.: Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1879, с. 19–184.

⁹⁰ Рукопись описана в кн.: Змеев Л. Ф. Русские врача́нники..., с. 5–19.

описания трав следуют в азбучном порядке их латинских (или греческих) названий. Для «прохладных вертоградов» характерны алфавитное расположение статей и алфавитные указатели⁹¹.

Европейская традиция вертоградов обоих типов была хорошо известна Симеону, поскольку мировоззренческо-стилевые основы его творчества связаны со средневековой латинской литературой. В библиотеке Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева находились «Книга Силва, или Вертоград инонаглаголаний», «Книга Вертоград разглаголаний Зерелиевых, латинская»⁹², «Hortus rastorum» Я. Марханти⁹³, «Книга Огородок духовной, полской печати»⁹⁴. Создание в Москве Симеоном Полоцким огромного поэтического сборника «Вертоград многоцветный» было результатом завершения длительной жанровой традиции подобного рода. Он не имеет себе аналогий в русской литературе: ни до него, ни после не было такого грандиозного стихотворного повествования, в котором бы с такой отчетливостью проявился типичный для барокко принцип единства и многообразия. Для того, чтобы объяснить идеально-художественное значение, жанр и структуру главного поэтического творения Симеона Полоцкого, представляется необходимым произвести сравнительно-типологический анализ «вертоградов» душевных и проследить движение западноевропейских метафорических садов через страны Центральной Европы в Россию, где они закончили свой путь. Такой подход тем более оправдан, что сам Симеон указывал на соотнесенность «Вертограда многоцветного» с европейской традицией «вертоградов» в предисловии к нему: «...аз...сподобившийся странных идиомат пребогатоцветныя вертограды видети, посетити и тех пресладостными и душеполезными цветы услаждения душеживителного вкусити, тщание положих многое и труд немалый, да и в домашний ми язык славенский... оттуду пресаждением кореней и пренесение семен бодуухновенноцветородных содею» (л. 1 об.). Симеон Полоцкий перенес в Россию традиции, в которых был воспитан и сформировался как писатель, и на их основе создал новое в русской литературе жанровое образование, каким является «Вертоград многоцветный».

⁹¹ Там же, с. 62.

⁹² См.: Книги переписные книгам, которые по указу... патриарха в нынешнем во 198-м году сентября в день переписаны в Спасском монастыре за Иконным рядом, подле церкви в верхней кладовой полате / Сообщ. И. Е. Забелиным.— Временик имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1853, кн. 16, смесь, с. 53—67.

⁹³ Экземпляр ЦГАДА, ф. 1251, инв. № 1199.

⁹⁴ См.: Полуденский М. Описание патриаршей библиотеки 1718 г..., № 731.

Глава десятая

«Рифмологион» Симеона Полоцкого (история создания, структура, идеи)

В. П. ГРЕБЕНЮК

«Рифмологион» — обширный сборник Симеона Полоцкого, который включил в него стихотворные произведения 1659—1680 гг., преимущественно панегирического содержания. Здесь и «стиси приветственные» к царю и членам царской семьи по случаю церковных праздников, поздравительные речи по случаю того или иного большого или малого события при дворе, поздравления ближайшим к царю боярам и архиереям — покровителям Симеона, приветствия, написанные Симеоном по заказу, такие, например, как «К государю царю. Князю Феодору Юрьевичу Ромадановскому с хлебом ко государю царю приходящу, в день ангела его». Здесь же стихотворения-образцы на разные случаи жизни с приветствиями «от внука к дедушке», «от сына к матери», «к сроднику», «сына ко отцу из пути пришедшца целование» и т. п. Здесь же приветственные декламации, «глаголаний от отрок». Центральное место в сборнике занимают пять «книжиц», посвященных особо важным событиям в царской семье и государстве: «Благоприветствование» царю Алексею Михайловичу по случаю рождения сына Симеона (1665 г.), «Орел Российский» (1667 г.), «Френы, или Плачи всех сапов и чинов православно российского царства» о смерти царицы Марии Ильиничны (1669 г.), «Глас последний ко господу богу царя Алексея Михайловича» (1676 г.), «Гусль добrogласная» (1676 г.). Симеон Полоцкий включил в сборник и две свои пьесы — «Комидию притчи о блуднем сыне» и трагедию «О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцах, в пещи не сожженных».

Все эти разножанровые произведения объединяет то, что они были предназначены для представления вслух — в церкви ли, в царском дворце или со сцены театра. Стихи приветственные читал сам автор, царевичи и царевны декламировали их своим царственным родителям, младой отрок «Гавриил Стефанов сын дохторов» читал их царевнам, полоцкие отроки декламировали их

19 января 1660 г., выступая перед царем Алексеем Михайловичем, «малые певцы» церкви преподобной Марии Египетской декламировали «стихи краесогласные на Рождество Христово», чередуя их с рождественскими ирмосами.

Декламации Симеона являлись одной из форм малой школьной драмы. Уже в первой «книжице» «Благоприветствование» Алексею Михайловичу по случаю рождения сына Симеона были представлены более сложные формы: диалог «Беседа со планиты». В «Орле Российском» произносят монологи музы и Аполлон, во «Френах» с монологами-плачами выступают «тишайший царь» Алексей Михайлович, «лик чад царских», «царевны», «чин духовный», «пресветлый сигклит», «святые обители Великороссийского царства», «православное воинство», «все грады благочестивыя Великороссийская державы», «странныи и пришлые», «нищии, вдовицы и сирьи», «все православное царствие Российское», «Церковь Ратующая». На плачи отвечают с утешением «Вера», «Надежда», «Любовь», «Благовещение», «Премудрость», «Воздержание», «Мир», «Заступление», «Церковь Торжествующая». Заключает все «Слово последняго целования» царицы Марии Ильиничны, которая обращается последовательно ко всем плачущим: царю, чадам, архиереям, «сигклиту», «воям», и т. д. В «книжице» «Глас последний...» умирающий царь Алексей Михайлович также ведет себя, как герой школьной драмы на сцене. Вот он выступает с последним напутствием царевичу Федору:

Слово пространно хотех ти въщати,
но конец жизни нудит мя кончати.
Во кратъ убо долгость заключаю,
ко всъм добротам тебе увѣщаю.
И надеяся, тя благословляю,
руку на главу твою полагаю.

Здесь и объяснение героем своего действия, и жест, и поступок.

В «Рифмологионе» две основные линии — панегирическая и просветительская. Эти линии в большинстве произведений тесно переплетены. Сам панегиризм Симеона Полоцкого зачастую носит просветительский характер. В своей книге он дает образцы стихотворных приветствий, с какими, по его мнению, должны были обращаться сын к отцу, раб к господину, племянник к тетушке и т. п. Симеон хотел приучить русское общество к «краесогласным приветственным метрам» на все случаи жизни. Сам же поэт, выступая с панегириками двору, не забывал о просветительстве: идет речь о восхвалении нового царского дворца в Коломенском — восьмом чуде света, Симеон знакомит читателя с семью предшествующими; создается панегирическая «книжица» «Орел Россий-

ский», посвященная объявлению царевича Алексея наследником престола, Симеон знакомит читателя с античными музами; в « книжице » « Глас последний » находятся многочисленные исторические примеры и аналогии, расширяющие исторический кругозор русского читателя; « книжицу » « Гусль добrogласная » заключает « Желание творца », где поэт призывает нового царя Федора распространять книгу « типографским типом ». Назидательная притча о блуднем сыне под пером Симеона получает также просветительское звучание: поэт хотел своей пьесой вразумить отцов и детей, растерявшихся в новых исторических обстоятельствах (расширение деловой активности и рынка), расшатывающих привычный домостроевский уклад жизни. Наряду с панегирической и просветительской темой в « Рифмологоне » звучит и политическая тема: могущество русской земли, оборона ее границ от врагов. В стихах Симеон неоднократно призывает покарать « змия лята на ны находяща » — Турцию и освободить православное население и святыни Востока. Политическая тема звучит у Симеона начиная с его первых приветственных стихов царю Алексею Михайловичу (1659 г.), но с развернутой политической программой он выступил только в последние годы своей жизни в « книжице » « Глас последний », где провозгласил программу абсолютистской монархии.

Всех этих линий (панегирической, просветительской, политической) мы будем касаться при конкретном анализе произведений, который будем вести в том порядке, какой был указан автором. Тем самым мы хотим дать читателю в той или иной степени полное представление обо всем сборнике, о его структуре и соразмерности отдельных его частей. В свое время И. П. Еремин, касаясь « Рифмологона », писал: « Этот беспримерный в русской поэзии стихотворный музей Симеона Полоцкого так велик и экспонаты его так многообразны, что нельзя не пожалеть об отсутствии путеводителя по нему, каталога »¹. Такого каталога нет, к сожалению, до сих пор, поэтому наш анализ « Рифмологона » мы будем вести так, чтобы совместить в нем функции путеводителя и исчерпывающего каталога.

« Рифмологон » дошел до нас в единственном списке Синодального собрания рукописей Государственного исторического музея (ГИМ, Москва), № 1003 (Синод. собр., № 287)². Рукопись 1678—1680 гг., 1°, размер 19,2 × 30,8 см русский полуустав и склонились четырех почерков, в том числе Симеона Полоцкого и Сильвестра

¹ Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6, с. 125.

² Краткое описание см.: Протасьев Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973, ч. 2, с. 113.

Медведева, 654+V л. Водяные знаки: Герб Амстердама с буквами «JM»«GG» и «Двуглавый орел» — Тромонин³, № 385 — 1676—1681 гг. Переплет — доски в коже с тиснением. Переплет поврежден по корешку.

Рукопись содержит стихотворные произведения Симеона.

Л. 1—2 об. Оглавление скорописью — автограф Симеона Полоцкого.

Л. 4. Титульный лист.

Л. 5 — л. 6 об. Предисловие к сборнику.

Л. 7—9 об. Оглавление.

Л. 10—654 об. Произведения Симеона Полоцкого.

«Рифмологион» был начат Симеоном в последней трети 1678 г., о чем свидетельствует заглавие «Рифмологиона»: «Рифмологион, или Стихослов, содержащий в себе стихи равномерно и краесогласно сложенные, различным нуждам приличные. В славу и честь бога в Троице единаго, пречистыя божия матере, святых угодников господних. В ползу юных и старых, духовных и мирских различных санов купно во утеху и умиление, в благодарствие, похвалу и привет, и прочая. Божию помошьию трудолюбием многогрешного во иеромонасех Симеона Полоцкого в различная лета и времена сложенные, потом же в едино собрание сочетанныя в лето от создания мира 7187, от рождения бога во плоти 1678». Разница между хронологией от сотворения мира до рождества Христова в 5509 лет при сентябрьском летосчислении имеет место в том случае, если дата относится к четырем последним месяцам года⁴.

Симеон Полоцкий составил оглавление рукописи, где своей рукой проставил и предполагавшуюся полистовую нумерацию произведений. Поскольку это был лишь первоначальный вариант книги, Симеон предусмотрел почти в каждом разделе сборника определенный запас чистых листов для вновь написанных стихов. «Оглавление» Симеона Полоцкого послужило неукоснительным руководством для 2-х писцов, работавших над рукописью. «Оглавление» рукописи было переписано писцом без изменений, но впоследствии в «Оглавление» был внесен ряд дополнений. Так, например, в цикл стихов на «Рождество Христово» были вписаны другим почерком

³ Корнелий Тромонин. Изъяснение знаков видимых в писчей бумаге. М., 1844.

⁴ И. П. Еремин полагал, что в рукописи ошибка: 1678 г. указан писцом вместо 1679 г.; в «Предисловии» к «Рифмологиону» Симеон Полоцкий сообщает, что начал работу над сборником, когда ему исполнилось 50 лет (род. в 1629 г.): «Днесъ бо точию лѣто совершаю, // еже писменем 50 наш право считаю» (л. 6). По нашему мнению, здесь нет противоречия: «Предисловие» к сборнику Симеон мог написать и в 1679 г., в год своего юбилея, а работа над самим сборником продолжалась вплоть до смерти поэта. См.: Симеон Полоцкий. Избр. соч./Подг. текста, ст. и comment. И. П. Еремина. М.; Л., 1953, с. 263 (серия «Лит. памятники»).

РУФМОЛОГИОН

ІІІ

СТИХОСЛОВЪ

Состоянійъ въ сеѣтъ стихи разномѣрны
и христоображенію сложенія: различны
и нѣдлѣгъ приличны.

Бѣ Слово и честь

Богъ въ Тѣлѣ єдинаго.

Прѣстаяя божія Мѣсяцъ

Стихъ бу碌никоаъ Геніевъ.

Бѣ ПОЛЗЫ

Юныхъ и старыхъ. Адѣніхъ и міреї
различныхъ санахъ. Въ
Кіпинъ по Стихъ и омиленіе. Въ бѣ
дарствіе. Поклонъ, и привѣтъ, и прѣданіе.

Бѣ ЖЕЛЮ Помощію

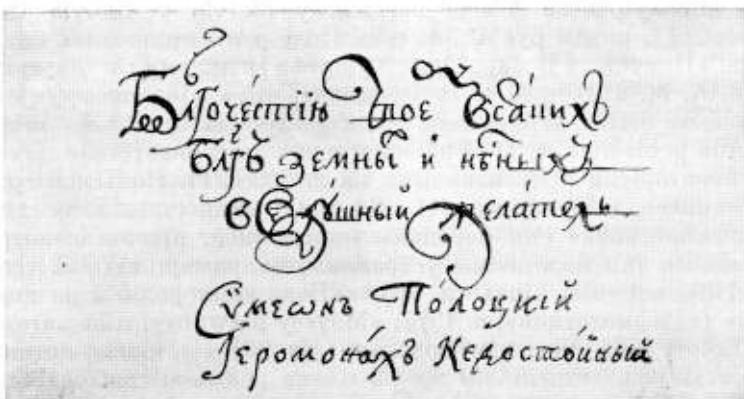
Трудолюбіемъ и нобобрѣшнабы до юро-
монастырь СУМЕСНОА Погощиао.
и различнаѧ лѣтта и времена сло-
женія. Потомъ же въ єдино
собраніе соединія.

Съ любтою въ сознанія мира. Вѣра.
и рушество блаша по плоти.
жаконъ.

заглавия стихотворных приветствий: «сына ко отцу», «к болярине». Основные дополнения к «Оглавлению» помещены после трагедии «О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцах, в пещи не сожженых». Этой пьесой, судя по автографу Симеона Полоцкого, он первоначально хотел завершить книгу. После названия трагедии в «Оглавлении» следуют названия еще 13 произведений. Причем 8 из них соответственно и в тексте рукописи идут после трагедии, а 5 помещены на предшествующих пустых листах, какие оставались в разных местах рукописи. Так, например, «Стиси в день происхождения честного и животворящего креста Господня» и «Приветствие царю Федору Алексеевичу «о благословенном в святое супружество пояти благоверная царицы и великие княгини Агафии Симеоновны» были вписаны учеником и сподвижником Симеона Полоцкого Сильвестром Медведевым на л. 291—301 между «Приветством в день Воскресения Христова блаженныя памяти к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия, и Малыя и Белья России самодержцу» и стихами на «Рождество пресвятая Богородицы». В тексте между ними оставалось 22 чистых листа, куда и были помещены эти новые произведения Симеона. Заметим, что «Приветство» Федору Алексеевичу по случаю его женитьбы было написано Симеоном Полоцким в июле 1680 г., а «Стиси в день происхождения честного и животворящего креста Господня» были написаны к одноименному празднику 1 августа 1680 г. В «Рифмологионе» также имеется значительное количество стихов, не вошедших в «Оглавление». Симеон Полоцкий, по-видимому, не имел чернового автографа, с которого бы писцы переписали рукопись. Нам представляется, что он по своим старым черновикам, которые бережно им хранились («тъм же, что писах, тъм же то хранити, // зная, яко впредь может в ползу быти»), составил «Оглавление», предусматривая возможность пополнения разделов книги, а писцы по черновикам, работая параллельно, переписывали их содержимое в отдельные тетради, которые были переплетены в одну книгу.

Нам известны три черновые рукописные книги, принадлежащие Симеону: ЦГАДА, собр. Тип. биб-ки, № 1800⁵, ГИМ, Синод. собр.,

⁵ Рукопись второй половины XVII в., 4°, склонилась разных почерков на польском, русском и латинском языках, причем сочинения на польском, латинском языках и русском языке польской графикой написаны рукой Симеона Полоцкого. 153 л., переплет кожаный, мягкий. Рукопись содержит стихи Симеона раннего периода, два акафиста (л. 53—67 об., л. 122—132), вписки разнообразного содержания на латинском языке (л. 68—121 об., 140—150). «Метры» и «Диалог краткий» опубликованы. См.: Прашкович Н. И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого: «Метры» и «Диалог краткий». — В кн.: Новонаайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. — ТОДРЛ. М.; Л., 1965, т. 2, с. 29—38.

Симеон Полоцкий. Рифмологион. Автограф Сильвестра Медведева и Симеона Полоцкого.

№ 877⁶, ГИМ, Синод. собр., № 731⁷, которые могли служить для переписчиков. В рукописи ЦГАДА рукой Симеона сделаны многочисленные пометы: «П» или «Прерисано». Она содержит ранние произведения Симеона Полоцкого. Большая часть рукописи написана самим Симеоном. В ней нашел отражение тот факт, что Симеон вначале своего пребывания в Москве не владел кириллицей и первые поздравительные стихи писал, пользуясь привычной для негопольской графикой. Так он записал одно из первых своих московских «приветств» по случаю праздника Воскресения Христова. Заголовок написан по-польски: «Winszowanie z martwych wstania Panskiego Preswietlomu Carskomu Welichestwu y welikomu Knaziu Ale-

⁶ Рукопись второй половины XVII в., 4°, русская скоропись, 71 л., переплет мягкий, кожаный. Содержит стихи Симеона раннего периода, среди них — изображение креста, внутри которого вписаны стихи, недописанное стихотворение в форме звезды и «Благопризвествования» царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона. Записи: на л. 1 скорописью «Книга вирш Богородицы Полоцкие», ниже киноварью: «Прислана с патриарша двора в 205 (1697 г.— В. Г.) году»; на л. 4: «Из книгохранительницы „Рана iego mosci Piotra Bisierowskiego“».

⁷ Рукопись второй половины XVII в., 4° на русском и польском языках, полуустав и скоропись XVII в., 301 л., переплет мягкий, кожаный. Содержит стихи Симеона Полоцкого раннего периода. Записи: на л. 1 скорописью XVII в.: «Книга вирши на господские праздники и на иные знаменитые дни», внизу киноварью: «Прислана с патриарша двора в сем 205-м году», на обороте листа помета Афанасия Скиды: «Videtur scriptus seculo 17». На л. 1—2 об. черновое (неполное) оглавление на польском языке рукой Симеона Полоцкого.

xieiu Michayłowiczu Wseia Welikia у Malyia у Bielyia Rossyi samoderzca», рядом рукой Симеона Полоцкого приписано, видимо, позже: «Приветств Воскресение Христова Великому государю царю и в. к. А. М. в. В. и М. и Б. Р. самодержцу». Дальше идут стихи на русском языке, записанные польской графикой: «Chrystos woskresse Ada pobeditel...». В «Рифмологионе» это приветствие помещено с некоторыми исправлениями на л. 209—211. Польской графикой написан в рукописи ЦГАДА ряд рождественских стихов, в «Рифмологионе» они переданы кириллицей, причем некоторые имеющиеся там полонизмы устраниены, например: «Wsiak zemnoprondnyi likowstwuiet nine» (л. 20) — «Всяк земнородный да ликует нынѣ» («Рифмологион», л. 157); «Moysey prawdiwyi nine narozdenny // Kotory ludzii narod swobozdenny» (л. 20) — «Моисий истинный ныне есть рожденный // им же из плѣна род наш свободженный» («Рифмологион», л. 157 об.).

Польской графикой записана и декламация 1659 г., исполненная учениками Симеона Полоцкого по случаю возвращения иконы Богородицы из Москвы в Полоцк. Перед декламацией стоит знак «п» (переписано) — «Stichi Kraiesohlasnyie słozenyie wo sretenie jkony Preswiatyia Bohorodicy iz hrada Carstwuiuszczaho Moskwy w Połock wozwrasczennyia 1659 1 aprilis. Mowenie ot otrok vczyliscza Bohoawlenskoho monastyrja w cerkwi sobornoj Sophii swiatyia».

Другая декламация, также отмеченная знаком «п», написана уже кириллицей, ее произносили «отроки града Полоцка» во время приезда в Москву 19 мая 1660 г.⁸ Писал декламацию писец, Симеон позднее внес свои исправления: так, первоначальный заголовок «Стихи славные ко пресветлейшему царскому величеству» он исправил, вписав полный титул царя: «Стихи краесогласии ко пресветлейшему самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу...» В списке этой декламации, приведенном в «Рифмологионе», исправлены многочисленные полонизмы и белорусизмы, такие, как «слонце», «весь», «пряткиши» и т. п. На поле листа рукописи ЦГАДА рукой Симеона простираны фамилии отроков, исполнявших декламацию: Кондратий Онофриев, Иоанн Иоанов Людкович, Василий Федоров, Василий Нероновский, Иоанн Григорьев Цибульский, Василий Гришановий, Михаил Гавrilович Попович, Димитрий Лаврентиев, Савва Василиев Капустинский, Михаил Георгиев Табор, Михаил Ефремов, Андрей Маринич. Интересно, что четверо из восьми учеников Симеона, приветствовавших царя 19 января 1660 г.,

⁸ См.: Еремин И. П. «Декламация» Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ. М.; Л., 1951, т. 8, с. 357—361.

участвовали в декламации по случаю встречи иконы «Пресвятая Богородица Полоцкая», возвращенной из Москвы. В рукописи ГИМ, Синод. собр., № 877 приведены тем же почерком, что и основной текст, «имена отрок, которых сия стихи глаголали: Кондрат Онофриевич, Василий Гришанович, Василий Якович, Сава Капустин, Василий Кузмин, Матфий Юриевич, Иоан Михайлович, Дмитрий Лавринович». Из сопоставления имен в списках отроков рассматриваемых рукописей видно, что имена отроков в рукописи ЦГАДА (приписаны Симеоном на полях рукописи значительно позже текста, написанного писцом) даны уже не в белорусской, а в русской традиции.

Рукопись ГИМ, Синод. собр., № 877, включающая ранние произведения Симеона, имеет общие стихи с рукописью ЦГАДА, собр. Типог. биб-ки, № 1800. Такими являются первые приветственные стихи Симеона к царю, царице, царевичу Алексею Алексеевичу. В рукописи ЦГАДА они записаны польской графикой, в рукописи ГИМ — кириллицей. Однако большая часть стихов рукописи ГИМ, Синод. собр., № 877 является общей со стихами рукописи ГИМ, Синод. собр., № 731 и с «Рифмологионом». Кроме того, здесь имеются ранние стихи Симеона Полоцкого, отсутствующие как в рукописи ГИМ, Синод. собр., № 731, так и в «Рифмологионе», например, «Беседы настущеские»⁹. Сопоставление стихов рукописи ГИМ, Синод. собр., № 877 и «Рифмологиона» говорит о том, что писцы, переписывавшие стихи Симеона для «Рифмологиона», имели перед собой эту рукопись. Так, «книжица» «Благоприветствование» царевичу Симеону Алексеевичу вначале была переписана в «Рифмологион», буквально повторяя текст из рукописи ГИМ, Синод. собр., № 877, затем рукой Симеона были внесены исправления, например:

Синод. собр., № 877:

О нем же и мзда ти готовится
в небѣ,
и здѣсъ воздеят елико есть требъ
(л. 17 об.).

Синод. собр., № 287:

Им же и мзда ти готовится в небѣ,
и здѣсъ воздеят Бог елико требъ
(л. 429).

В «Рифмологионе» «о нем» подчищено и исправлено на «им», «Бог» вписано рукой Симеона, «есть» зачеркнуто. О том, что писцы использовали рукопись ГИМ, Синод. собр., № 877 при написании «Рифмологиона», свидетельствуют и «Беседы со планиты», входящие в «Благоприветствование», а в рукописи ГИМ, Синод.

⁹ Текст издан. См.: Щеглова С. А. Русская пастораль XVII века: «Беседы настущеские» Симеона Полоцкого.— В кн.: Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Пг., 1923, с. 84—92.

собр., № 731 стоящие отдельно. На первый взгляд, как раз список «Беседы со планиты» (Синод. собр., № 731) соответствует «Рифмологиону»: здесь, как и в «Рифмологионе», проставлены наряду с латинскими греческие названия планет. Однако в «Рифмологионе» греческие названия планет вписаны рукой не писца, а Сильвестра Медведева, что указывает на то, что в первоначальном варианте их не было, а следовательно список Синод. собр., № 731 не мог служить писцу для переписывания «Беседы со планиты». О других стихах, имеющихся как в рукописи ГИМ, Синод. собр., № 877, так и в рукописи Синод. собр., № 731, с одной стороны, и в «Рифмологионе» — с другой, нельзя определенно сказать, что они переписаны именно из этой рукописи, а не из другой. Такие стихи, как «Пресвятей Богородице», «св. Николаю», «Екатерине», «Иакову Боровицкому», не имеют существенных различий во всех трех рукописях.

Наибольшее число общих стихов с «Рифмологионом» имеет рукопись ГИМ, Синод. собр., № 731. Целые части этой рукописи целиком вошли в «Рифмологион», например, 17 стихов на л. 231—240 помещены в той же последовательности в цикле стихов на Воскресение Христово «Рифмологиона» (л. 253—258). Из этой черновой рукописи Симеона Полоцкого подборки стихов зачастую перенесены в той же последовательности в «Рифмологион», что еще раз убеждает в том, что этот сборник был использован при составлении «Рифмологиона».

Нужно отметить, что в «Рифмологионе» по сравнению со сборником Синод. собр., № 731 значительно меньше полонизмов. Видимо, некоторые из них исчезли при замене польской графики кириллицей, например: «Den weselia polnyi nine sowerszaiem // iehda slonce istyppui w miri sozercaiem» (Синод. собр., № 731, л. 199) — «День веселия полный нынѣ совершаем, // егда солнце истины в мирѣ созерцаем» («Рифмологион», л. 124); «Kto widyie lubow toliko weliku // koliku imaiet Boh w czelowieku» (Синод. собр., № 731, л. 203) — «Кто видѣ любовь толико велику // колику имать Бог ко человѣку» («Рифмологион», л. 151). Конечно, многие полонизмы и белорусизмы, имевшиеся в черновых рукописях, перешли и в «Рифмологион». Сильвестр Медведев, редактировавший «Рифмологион», в определенной степени исправил ошибки Симеона, допущенные под влиянием белорусских и польских аналогий. Так, часто он исправляет «з» на «с» («готовляет», «сделати»), «слонце» на «солнце» и т. п. Многочисленна правка Сильвестра Медведева в случаях, касавшихся неправильного употребления «ѣ» и «е». Симеон до конца своих дней в должной степени не умел четко различать употребление «ѣ» и «е», у него встречаются употребление «тебе» и «тебѣ», «беды» и «бѣды» и т. п.

Рассмотренные черновые рукописи содержат небольшую часть стихов, имеющихся в «Рифмологионе». Большинство произведений, помещенных в «Рифмологионе», известно только по этому итоговому сборнику поэта. Однако даже та малая часть стихов, имеющаяся в «Рифмологионе» и черновых рукописях, приоткрывает тайны творческой лаборатории Симеона.

Открывается «Рифмологион» циклом стихов на «Рождество Христово». Это самый большой цикл по количеству стихов, объему, числу адресатов.

- Л. 11—15 об. Стиси краесогласии на Рождество Христово, глаголанныи в церкви преподобныя Марии Египетская ныни во славу Христа Бога;
- Л. 17—25 об. Стиси на Рождество Христово ко государю царю;
- Л. 25 об. Ко государю царю от государя царевича;
- Л. 26—30 От служащих;
- Л. 30 От сына к отцу в печали суща;
- Л. 30—31 об. К государю царю от служащих;
- Л. 32 От сына к отцу;
- Л. 32 об.—47 об. К государю царю от раб;
- Л. 47 об. От государя царевича к государю царю;
- Л. 48—54 — чистые;
- Л. 55 Стиси на Рождество Христово к государыни царице от государя царевича;
- Л. 56—58 От служащаго;
- Л. 58 От царевича;
- Л. 63—83 об. Стиси на Рождество Христово ко государю царевичу;
- Л. 84 Стиси на Рождество Христово ко государыни царевне от государя царевича;
- Л. 84—84 об. От раба;
- Л. 85—85 об. От старицы;
- Л. 86—86 об. К государыням царевнам;
- Л. 87 От государя царевича к тетушке;
- Л. 87 об.—94 — чистые;
- Л. 95—102 Стихи на Рождество Христово ко архиерею;
- Л. 103—103 об. Ко иреем;
- Л. 104—104 об. К монахом;
- Л. 105 Внук и дедушке;
- Л. 105 об. К родителем;
- Л. 105 об. К родителю;
- Л. 106 Сын ко отцу;
- Л. 106—107 об. К родителем;
- Л. 108—108 об. К стряпю;
- Л. 109 К благодетелю;
- Л. 109 об.—чистый;
- Л. 110 К родителем;
- Л. 110 об. К сроднику;
- Л. 111—117 — чистые;
- Л. 118 К боярыни;
- Л. 118 об.—чистый;
- Л. 119—174 об. Стиси общии на Рождество Христово;
- Л. 175—192 об.—чистые.

Цикл включает 32 стихотворных произведения, содержащих в себе от одного до 70 стихов. Заметим, что в «Оглавлении» указано только 25 названий. Следовательно 7 было вписано уже после составления «Оглавления»: «От государя царевича к тетушке», «К родителю», «К родителям» (дважды), «К сроднику», «От служащаго», «От царевича». Некоторые стихи первоначально также не были обозначены в «Оглавлении»: «Сына ко отцу», «К боярыни» были вписаны позже самим Симеоном.

Стихотворения расположены строго по иерархии. Начинается цикл со стихов «На Рождество Христово», обращенных к царю небесному, которые были включены в Рождественскую службу, совершаемую в дворцовой церкви преподобномученицы Евдокии. Затем следуют стихи, обращенные к царю, царице, царевичу, царевне, архиерею, иерею, монахам, далее мирским: «Внука к девочке», «К благодетелю», «К стрыю» и т. п. Симеон не только представлял от себя «приветства» царю и членам царской семьи по случаю праздника, но и писал соответствующие приветствия к царю и царице от имени царевича, «От служащих», «От раб». Приветствиями, написанными Симеоном, обменивались царевны и царевичи. Поэт хотел внести обычай стихотворных приветствий не только в дворцовую жизнь, но и в частную. Он включил в Рождественский цикл целый ряд приветствий («К родителю», «К благодетелю», «К стрыю», «К боярыни»), рассчитанных на всеобщее употребление. «Стихи общии на Рождество Христово» также могли быть приспособлены с минимальными добавлениями для всех случаев жизни. Как мы увидим ниже, сам Симеон охотно использовал свои старые стихи для новых приветствий. «Стихи общии» являлись для него арсеналом готовых форм при создании очередного «приветства». Об этом обычай употреблять старые стихи для создания новых Симеон писал в «Предисловии» к «Рифмологии»:

Особно сия книга есть списанна,
не во едино лъто начертанна;
В различных лътъх многи нужды быша,
яже ми сия писати бъдиша,
Яже в старости могут в ползу быти,
егда не лъть ми будет ся трудити
От труд готовых мощно будет взяти,
апче ми даст бог старости дождати.

Как мы покажем ниже, Симеон, не дожидаясь старости, широко использовал в приветствиях свои старые стихи, компонуя из них новые, а иногда просто брал старое приветствие и заменял только строчки с обращением к новому адресату.

Все приветствия содержат три части: вариации на тему праздника, панегирик адресату или испрошение ему милости у бога, прошение о любви и милости к автору. Соотношение частей в каждом из произведений свое. Обычно большими по объему являются первая и вторая части. В ряде случаев третья часть отсутствует, например, в первом произведении цикла «Стихи краесогласные на Рождество Христово», которые были включены в Рождественскую службу, нет и упоминания об авторе, поскольку оно было бы здесь неуместным. После рождественского ирмоса исполнялся соответствующий стих из данного произведения Симеона, который и развивал тему ирмоса. Об этом говорит помета в рукописи: «первое пети ирмос I Христос рождается. Также да глаголет стихи сия»:

Ирмос:

Христос рождается, славите;
Христос с небес, сръщите;
Христос на земли, возноситеся.
Пойте господеви вся земля
И веселием воспойте людие,
Яко прославися.

Симеон:

Христос родися, людие хвалите;
Бог воплотися, вся ся поклоните.
Истинный се Бог на землю приходит,
Его же Дева Пресвятая родит.
Приде истлевший род наш обновити,
И образ божий в людях направити,
Иже гръховным мраком очернися
И не подобен Богу сотворися (л. 1).

После 9 песен на тему рождественских ирмосов следут ходатайство перед богом за царя, царскую семью и русскую державу:

Царю нашему премилостив буди,
Даждь ему силу враги побъждати,
Царство во миръ сие утверждати,
Даруй здравие царю и царицѣ,
От тебе данной ему помощницѣ.

Утверди царство, всю Руску державу,
Укрепи, Боже, на Твою похвалу,
Да Тя возможем присно величати,
В миръ и в небѣ пѣснами воспевати (л. 15).

Этот панегирик царю Алексею Михайловичу, звучавший во время рождественской службы, был благосклонно принят монархом. Еще сильнее развита панегирическая часть в приветствии «на Рождество Христово ко государю царю», которое содержит 19 стихов. Панегирические метафоры Симеона достигают здесь космических масштабов:

Изрядне еже ты, царю тишайший,
Православия столпо прекрѣпчайший.
За не же в тебе напаче блистает,

Сей свыт мысленный, ибо пребывает
Во твоем сердци, яко в мысленном небъ.
Ты ему свытник, он свытилник тебъ,
Заповѣдь его ногам ти свытило
Воля Божия воли ти правило (л. 25).

Параллели между царем небесным и царем земным, между царским земным венцом и небесным проходят через все приветствие. Не случайно Симеон отмечает, что и его приветствие «возбуждено» торжеством Церкви, славящей рождение царя небесного:

Тѣмже весело церковь торжествует,
Нынъ всѣмъ царства того приветствует.
Ея образомъ и азъ возбудихся,
Передъ твоимъ лицемъ царскимъ проявихся,
Пресвѣтлый царю и благочестивый,
Расширителю правды всетщаливый,
То ты вѣща, яко и на небѣ
Царствие Христосъ заготовилъ есть тебъ (л. 24—24 об.).

Широко использует Симеон подстановки: «Корень Есеевъ иные прозябает, // Жеалъ бо от него бывший процвѣтает. // Жезлъ есть Мария, старость утверждая...» (л. 20 об.), «От горы камень иные отпадает // Нерукоѣчный идолы скрушаєт. // Гора есть Дева Мария святая» (л. 20), «Земля есть Дева, нива не оранна, // но Духомъ святымъ бысть уготованна. // Цветъ — Христосъ Господь благовониный зело // Вземляй святое от Марии тело» (л. 31), «Солнце есть Христосъ от Девы рожденный» (л. 38).

Необычное метафорическое соотнесение с царем Алексеем Михайловичем получает здесь образ Орла — символ Российской державы:

Орла ты крила суть, богомъ намъ данный
Пресвѣтлый царю, Богомъ увѣчанный.
Орелъ ко солнцу обычъе возлѣтати,
Очи лучами его насыщати.
На солнце иные ты весело ариши,
Крилома мыслей небо преходиши,
Зри убо вышу въ солнце, оно тебъ
Да озаряетъ всемъ мысленномъ небъ.
Еже бы тебъ во весь миръ свѣтити,
По мнозѣхъ лѣтъ звѣзды превыжити (л. 18).

Каждый год Симеону приходилось на Рождество являться к царю с очередным рождественским приветствием. Кроме того, он должен был обеспечивать ими царевича, царевен и др. Симеон хо-

рошо владел версификацией, в девятнадцати рождественских приветствиях нет ни одной повторяющейся строчки, хотя содержание первых частей этих приветствий — изложение Рождественского праздника — у них общее. Новизна достигается за счет необычных подстановок, смелых метафор и сравнений.

В тех случаях, когда адресат приветствий был не столь значителен, как царь Алексей Михайлович, Симеон позволял себе использовать свои старые, так называемые общие стихи. Например, для приветствия «Государю царю от раб» (л. 32 об.) Симеон взял готовое стихотворение из раздела «Стихи общие на Рождество Христово» — «Велия радость весь мир исполняет». Первую часть (20 строк, где идет речь о празднике) он оставил без изменения, а вторую — панегирик адресату — и третью — испрашивание милости для автора — он соответственно изменил:

*«Стихи общие
на Рождество Христово»*

Ту подражая и аз чадо ея
дерзнух престати честности твоей.
Лицу пречестнику со гласом привъта
о сиянии божественна свѣта//
Желая вѣрою да в тѣбѣ сияет
свѣт Христа Бога, иже ны спасает.
В том свѣтъ живи в мирѣ многа лѣта,
также вниди в дом невечернѧ
свѣта.
Мене за привѣтъ изволъ сохранити
в своей господстей присно
благодати.
Иже рад тебѣ любезно служити,
дондеже Бог даст во живых ми
быти (л. 140—140 об.)

«Государю царю от раб»

Ей подражая и аз чадо ея
дерзнух престолу свѣтлости твоей.
Престати с гласом усердна привѣта
о сиянии божественна свѣта.
Желая вѣрою царствей ти державъ
выну пребыти во пе мрачной славе.
Свѣта Христовы вѣрны благодати
да возможеши враги побѣждати.
Солице мысленно да просвѣтитъ тебѣ,
яко чиовствено Навинну
в потребѣ.
В его же свѣтъ живи лѣта многа
с помощницею данной от Бога.
З сыми и дщерьми купно и
з сестрами,
свѣт Христов выну да пребудет
с вами.
Князем, боляром, той же да сияет,
всѧ вои, люди он да озаряет.
Еже во воли Божией ходити,
без бѣд и скорбей многолѣтно
жити.
(л. 32 об.).

Иногда Симеон использовал отрывки не из одного, а из двух-трех стихов, посвященных общей теме. Вот как конструирует Симеон из готовых блоков «Стихов общих на Рождество Христово» «Стихи на Рождество Христово ко государю царевичу»:

«Стихи общие на Рождество Христово»
*Свѣт присносущный днесъ в мирѣ сияет,
превечно Слово вся ны освѣщает.*

*Христос Спаситель от Двыи рожденный,
усты пророков от вѣк прореченный,
Он Свѣт от Свѣта прежде вѣк родися
от Бога Отца, а днесъ плоть явися,
Яко человек на земли вигает,
обаче в небѣ с Отцем пребывает,
Сибо на землю Его схождение,
горна престола нѣсть оставление.
Сниде на землю во юдолъ плачевну,
да мы возведет в строну божественну,
Еже в блаженствъ вѣчно тамо жити,
Его без конца с ангелы хвалити.
Ты, государь наш, изволь здѣ начати,
Христа рождениа пѣсими величати.
За что Он тебѣ подаст лѣта многа,
в радость введет небесна чертога.
Еже с ангелы ликовати вѣчно,
того аз тебѣ желаю вѣчно (л. 144—144 об.).*

*Седай со Отцем Сын в превѣтной хвалѣ,
и с Духом Святым в присносущнй славѣ.
Выспрь на престолѣ ангелы хвалимыи,
от всѣх сил горных без конца славимыи.
В мирѣ в вергепѣ худѣ водворися,
яко отроча мало впелениса,
Вмѣсто престола в ясльх возлегает,
волом и ослом обстоим бываєт.
Величество си славы умалих есть,
во малѣй плоти Божество вмѣстило есть.
Да нашу милость велику сотворит
и во пространных небесых водворит.
О сем весь род наш должен ликовати,
честь, славу Христу Богу возсылати.
Сей долг изволь ты, мой благодѣтелью,
одиесь даяти Христу Спасителю.
Он же дарует долгий вѣк ти жити
и вѣчну радость в небѣ наслѣдити.
Ея же аз ти вседушно желаю,
сам ся до ножных стоп ти покланяю (л. 144 об.).*

Бог неприступный огнь Ся парицает,
яко вся злобы непадно сиѣдает.
Он же в лѣпоту огнь множества ся звати,
яко мрачную тму вѣсть просвѣщати.

Яко угль огнем Он человечество
разжег, осветил чрез свое Божество.
И яко солнце в звезды свет вливает,
тако Он вся ны светом исполняет
Богоизбрания с лучами благодати
и наставляет путь небесный знати.
Наипаче нынъ, егда Ся рождает
божие слово человекъ бывает.
Агтели славу возсыпают Ему,
и ты да будь хвалу Господу твоему.
Он же изволит тебе просветити
и греховныя злобы потребити,
Приложит льта в миръ и здравие
и помыслное дает благоденствие,
Даст небесное царствие прияти,
тое аз тебе желаю стяжати. (л. 144 об.—145).

«Стихи на Рождество Христово
ко государю царевичю»

Свет присносущный днесь в мире сияет,
превъечно солнце вся ны освещает.
Христос Спаситель от Девы рожденный,
от усты пророков от вѣк прореченный.
Он Свет от Света прежде вѣк родился
От Бога Отца, а днесь плоть явился,
яко человек на земли витает,
обаче в небѣ с Отцем пребывает,
Ибо на землю Его схождение
горна престола нѣсть оставление.
Сходит Он с Отцем в неприступной хвалѣ
и с Духом Святым в присносущнѣй славѣ.
Выспрь на престолѣ агелми хвалимы,
от всех сил горных без конца славимы.
А здѣ во вертеп худый водворися,
яко отроча мало впеленися,
Вмѣсто престола в яслех возлегает,
волом и ослом обстоим бывает.
Величество си славы умалил есть,
во малой плоти Божество вмѣстил есть.
Яко угль огнем Он человечество
разжег, осветил чрез свое Божество.
И яко солнце в звѣзды свет вливает,
тако Он вся ны светом исполняет

*Богознания лучми благодати
и наставляет путь небесный знати.
Изряднее же, свѣтлый царский сыне,
небесным свѣтом ты тѣм свѣтел иныъ,
яко свѣт вѣры не мрачен храниши
в сосудѣ сердца и нам тѣм свѣтиши,
и благодатей свѣт в тебѣ сияет,
иже тя солнце миру устрояет.
яко в зерцалѣ солнце образится,
тако в душе ти Христос нами зрится.
Ему же годъ в души твоей быти,
яко на горнем престоле си жити.
Храм еси Богу, иже жива в тебѣ
благостроит тя верна раба Себѣ.
Хощет ти роды многия вручити
и вѣнцем честным главу украсити.
И что аз присно к Его благодати
рук воздѣвати не имам престати.
Молю, да луну турския державы
свѣтом твоим преисполнит славы.
Темна луна их, не имут бо вѣры,
Ты освети я и отверзи двери
К рожденному днес истинному Богу,
до поклон творят к стопам Его ногу.
Яко же волсви с поклоном придоша,
честныя дары в вертеп принесоша.
О даждь то, Христе, твоей пресвѣтлости
и здраво жити много лѣт в радости.
Да даст ти Господь всякая благая
зде временная, в небеси вѣчная. //*

Здѣ да вѣничает честную ти главу
горѣ во вѣчну да вселит тя славу.
Сих благ аз раб твой вѣрно ти желаю,
празднством свѣтлым честно поздравляю.
Моля прильжно, да во благодати
благоволиши мене соблюдати.
Готова суща выну ти служити,
дондеже даст Бог во живых ми ^{за} быти
(л. 78 об.— 79).

Рождественский цикл является самым большим разделом «Рифмологиона». Второй праздничный цикл сборника, посвящен-

^{за} Приписано другими чернилами, по всей видимости рукой Симеона Плоцкого.

Глаголы въ Верхъ въ церквѣ
преподомученицы Евдокии при
великомъ государѣ въ лето 1680.
не говоренъ

Пометы Сильвестра Медведева и Симеона Полоцкого
на беловом поле листа «Рифмологиона».

ный главному православному празднику — Пасхе, — «Стиси на Воскресение Христово» значительно уступает Рождественскому циклу и по объему, и по числу адресатов. К этому циклу тематически примыкают две декламации, которые предназначались для произнесения «в церкви преподобномученицы Евдокии при великом государе в лето 1680». Декламации были вписаны на чистых листах, остававшихся между Рождественским и Воскресенским циклами, Сильвестром Медведевым. Им же были сделаны приписки. Против первой декламации: «Глаголаны в Верху в церкви преподобномученицы Евдокии при великом государе в лето 7188» (1680), против второй: «Глаголаны в Верху в церкви преподобномученицы Евдокии при великом государе в лето 7188 (1680)». Здесь же рукой Симеона сделана помета: «не говорен», т. е. вторая декламация по какой-то причине не была произнесена. Таким образом, общее содержание цикла:

- Л. 183—185 об. Стихи краесогласные во святую и великую субботу. Во славу Господа нашего Иисуса Христа;
- Л. 185 об.—187 об. Стихи краесогласные во святую и великую субботу во славу Христа Господа, нас ради умершаго и погребеннаго;
- Л. 188—192 об.—чистые;
- Л. 193—202 об. Стиси на Воскресение Христово ко государю царю;
- Л. 203—208 об.—чистые;
- Л. 209—216 об. Приветство в день Воскресения Христова благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичю всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу;

- л. 217—217 об. Стиси на Воскресение Христово к государыни царице;
 л. 218—222 об., 227 об.—228 об.—чистые;
 л. 223—227 Стиси на Воскресение Христово государю царевичю;
 л. 229—230 об. Стихи на Воскресение Христово к государыням царевнам;
 л. 231—235 об. Стиси на Воскресение Христово ко архиерею;
 л. 240 К отцу;
 л. 241 К Богдану Матвеевичю от внука его;
 л. 235 об.—239 об., 240 об., 241 об.—244 об.—чистые;
 л. 245—287 об. Стиси на Воскресение Христово общии.

Собственно Воскресенский цикл начинается приветственными стихами царю Алексею Михайловичу (24 стиха), за которыми следует декламация «от отрок». Стихи, декламированные 12 отроками, дополнялись пасхальными песнопениями, на л. 216 об. рукой Симеона сделана помета: «поется Христос воскрес и прочая». Декламация была создана, по всей видимости, после 1672 г.—в период обострения русско-турецких отношений. На эту мысль наталкивают следующие строки декламации:

Яко Константин Максентия злого
 Погрузи в Тивръ, сице ты гордаго
 Врага сотреши или потопиши,
 От томителства люди свободиши,
 Иже от тебе пособия чают,
 Руцъ ко Богу выпу воздъвают (л. 209 об.).

«Стихи на Воскресение Христово к государыням царевнам» были написаны между 1676—1678 гг., четвертый стих попал в цикл случайно. Четвертый стих «Царь славы свѣтло нынъ торжествует» обращен не к царевнам, а относится к самому царю. В этот раздел он попал, может быть, по недосмотру писца. Допустить, что стих был дописан позже, нельзя, так как все стихи цикла, обращенные к царевнам, и стих к царю написаны одной рукой, одними чернилами, между ними нет интервала. Рукой Симеона проведена черта, отделяющая этот стих от стихов «на Воскресение Христово к государыням царевнам», и приписано: «сии стиси глаголаны великому государю в церкви преподобномуученицы Евдокии 88» (1680).

Если в Рождественском цикле мы наблюдали, как Симеон использует свои старые стихи для составления новых приветствий в небольших по объему произведениях, то в Воскресенском цикле два приветствия — «Стиси на Воскресение Христово государю царевичю» и «Стиси на Воскресение Христово ко архиерею» — в первой основной своей части полностью совпадают в восьми из девяти имеющихся там стихов. Во втором стихе совпадают первые 24 строки из 40, в третьем стихе — первые 24 строки из 40, в третьем — 18 строк из 32, в четвертом — 22 строки из 40, в пятом — 22 строки из 30, в шестом — 20 строк из 36, в седьмом — 14 строк из 26, в восьмом —

17 строк из 32, в девятом — 30 строк из 42. Вторая и третья часть, которые, как видно из указанного соотнесения количества строк, уступают вместе взятые объему первой части, имеют незначительные разнотечения, вызванные тем адресатом, к которому обращался Симеон. Приведем, к примеру, вторую и третью часть 8-го стиха приветствий «Радость миру днесъ сияет». Напомним, что первые 17 строк этого стиха совпадают в обоих приветствиях.

*«Стиси на Воскресение Христово
государю царевичю»*

17 Равиъ и ты веселися,
18 царский сыне, и свѣтися
19 Сердцем купно и душою
20 торжественно днесъ твою.
21 Слави Христа, а он тебе
22 препроплатитъ здѣ и в небѣ
23 Даst ти многа лѣта жити
24 в благоденствѣ, в мире быти.
25 Чесого ти аз желаю,
26 сам ся низу покланяю,
27 Моля да мя сохраниши
28 во милости и щадиши.
29 Аз раб верен имам быти,
30 дондеже мне даst Бог жити.
31
32

*«Стиси на Воскресение Христово
ко архиерою»*

Рави и ты веселися,
отче святый, просвѣтися
Сердцем купно и душою
торжественно днесъ твою.
Слави Христа, а он тебе
воздаст славу здѣ и в небѣ
Даst ти многа лета жити
здраву, святу в мирѣ быти.
Добръ стадо управляти,
на путь жизни наставляти.
С ним же буди в сѣтлом небѣ,
аз желаю вѣрю тебѣ.
Днем пресвѣтлым поздравляю,
сам ся до стоп покланяю,
Моля, да мя в благодати
изволиши соблюдати.

Воскресенский цикл любопытен еще и тем, что в нем появляется конкретный адресат не царской фамилии — покровитель Симеона боярин Богдан Матвеевич Хитрово («К Богдану Матвеевичу от внучка его»). В «Оглавлении» этого стиха не значится, оно было приписано после 1678 г.

«Стиси на Воскресение Христово общии» включают 112 стихов. Некоторые из них были частично использованы при составлении приветствия «Стиси на Воскресение Христово ко государю царю»: «По темной нощи солнце днесъ сияет» (18 первых строк из 30), «Царь всея твары славно здѣ ликует» (16 первых строк из 30), «Кая бѣ радость Исаилску роду» (16 первых строк из 26), «Торжество свѣтло Христос совершаєт» (18 первых строк из 30), «Царь всѣх и Господь нынѣ воцарися» (24 первые строки из 36), «Торжество свѣтло днесъ мир совершает» (34 первые строки из 40). Ряд стихов имеется также и в сборнике Симеона «Книга вирши...» (ГИМ, Синод. собр., № 731): «Пастырь за овцы положивый», «Христос Спаситель нынѣ торжествует», «Свѣтлый день нынѣ вѣрным человеком», «Велию радость аз возвещаю», «По слезах радость миру даровася», «Пасха господня мир возвеселяет», «Аггел на гробъ свѣтло днесъ блестает», «Едемским

плодом Адам умерщвленны», «По темной нощи свѣтлый день сияет», «Бог всемогущий нѣбом владуций».

После Воскресенского цикла следуют «привѣтства» по слушаю богородичных праздников, знаменательных дней в царской семье, а также стихи тезоименитым святым покровителям Симеона Попоцкого: Федора Михайловича Ртищева, Богдана Матвеевича Хитрова, Иоанна Михайловича Милославского, Григория Алексеевича Долгорукого, Иакова Васильевича Стоянова, Иоанна Севастьяновича Хитрова, Григория Григорьевича Ромадановского, Федора Юрьевича Ромадановского, Михаила Тимофеевича Лихачева, митрополита Сарского и Подонского Павла и др. Перед богородичными стихами следуют «Стихи в день происхождения честнаго и животворящаго креста Господня» и «Привѣтство» царю Федору Алексеевичу по слушаю его женитьбы. Эти стихи были написаны в 1680 г., когда корпус книги «Рифмологион» уже оформленлся. Поместив «Привѣтство» царю Федору между Воскресенским циклом и богородичными стихами, Симеон подчеркнул то значение, какое он придавал этому привѣтству, которое он по болезни не мог прочитать и преподнести лично царю. Любопытно, что привѣтствие заканчивается двумя вариантами б-стиший:

Внутрь древес виноградных есть привѣтство сие,
желаю да будет вам в сердцах веселie
От Востока, Запада, от всякия страны,
ваша же милость царска да бываат на ны,
На велми убогую Спасову обитель,
в ней же сие написах аз грешный строитель.
Внутрь винограда есть привѣтство сие,
желаю да есть выну веселie
Свѣтлости вашей от всякие страны,
вы же призрите милостивне на ны,
На убогую Спасову обитель,
в ней же то писах аз грешний строитель (л. 300 об.).

Эта часть «Рифмологиона» самая разнообразная по форме и по содержанию стихов, большому количеству новых адресатов, кому поэт посвятил свои стихи. Ввиду разнообразия помещенных здесь произведений любая их группировка и классификация была бы односторонней и не давала бы полного представления о данном разделе сборника. Только в единичных случаях можно было бы объединить ряд стихов под общим названием, например, богородичные стихи, но это существенно не изменило бы положение. Поэтому мы должны дать полный перечень всех стихов раздела, невзирая на то, что перечисление названий займет много места:

Стісн кѣдь ны проиеромъднїа тѣнаго пако
 борашаго керта гана. 144
 Спісъ по похвалѣ прѣблѣда вѣцъ нашаго Іоасафа царѧ
 Индійскаго 145
 Преднеадкіе иѣюноша бутитнекъ дотайымъ. 146
 Нѣтъ шаніи. 147
 Въ Азіи столь великоматицы Екатерини. привѣтъ
 честію ѿна юв. мѣтринъ. 148
 Оубѣдженіе изъ членовъ кїжиніевъ захвѣта царя За-
 сика. Манседонника. 149
 Оубѣдженіе изъ Траволоринъ ѿ єрро подобаєтъ
 пѣвчимъ. 150
 Малкіе оубѣдженіи, и оубѣдженіе макитинъ 151
 Прѣблѣднѣе 152 и венчаніе изъ фаджидъ
 Аккілане въ Сія. Венчаніе и мѣднико и земледѣльца
 Оубѣдженіе изъ похвѣда Сія. Оубѣдженіе изъ
 въ Венчаніи пѣвца Петра. 153

Радостнѣи мѣръ похвѣда Сія похвѣда
 ѿ честіи Сія. Сія. Честіи похвѣда

- Л. 291—293 Стиси в день происхождения честного и животворящего креста Господня;
- Л. 283 об.—294 Вторая о том же;
- Л. 295 об.—298 Третия о том же;
- Л. 299—301 Приветство благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Феодору Алексиевичу, всем Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу о благословенном в святое супружество поити благоверныя царицы и великия княгини Агафии Симеоновны;
- Л. 303—304 Стиси на Рождество Пресвятые Богородицы;
- Л. 304 об.—307 Стиси краесогласии на Введение Пресвятые Богородицы;
- Л. 301 об.—302 об.—чистые;
- Л. 307—312 об. Стихи краесогласии на день Успения Пресвятой Владычицы нашея Богородицы и присподевы Марии от отроков глаголании;
- Л. 313—314 Стиси краесогласии в похвалу иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого;
- Л. 314—315 об. Стиси краесогласии на день святаго апостола Филимона;
- Л. 316—317 Утешение и боярину князь Георгию Алексиевичю Долгорукого по смерти брата его боярина князь Дмитрия Алексиевича;
- Л. 317 об.—318 об. Стиси краесогласии ко архиерею в дом пришедшему иного архиерея. От отроков глаголателнии;
- Л. 318 об. К двема или ко многим архирем ко своему и пришедшему;
- Л. 319—321 Целование господина из пути пришедша от его домочадец;
- Л. 321 об. Стиси, виегда чашу государеву пить;
- Л. 324—324 об. Отрок, чашу поднося, глаголет гостем сице;
- Л. 325—326 об. Моление увещательное и увещание молительное;
- Л. 327—328 об. Стиси краесогласии ко Пресвятей Богородице;
- Л. 329—330 об. Стиси краесогласии на день Успения пресвятых Богородицы;
- Л. 331—333 Метры краесогласии во похвалу Пресвятых Богородицы;
- Л. 335—338 Стиси краесогласии, сложении во стrettение иконы Пресвятых Богородицы из царствующаго града Москвы в Полоцк по первом возвращении в лето от Рождества Христова 1659 месяца апреля 1 день. Глаголанини от отрок училища монастыря Богоявленского Полоцкого в церкви соборной Софии святыя;
- Л. 333 об.—334 об., 338 об.—339 об., 340 об.—чистые;
- Л. 339 об.—340 На новое лето. К государю царю;
- Л. 341—342 Приветство 1 на новое лето;
- Л. 343—343 об. Приветство на день святых апостол Петра и Павла;
- Л. 344—344 об. Приветство на Преображение Господне;
- Л. 345 Стих краесогласный в день святаго апостола Иакова Алфеева;
- Л. 345 об. Приветство в день святаго и праведнаго Иова;
- Л. 346—349 Приветство на день Иова праведнаго;
- Л. 349—351 об. Стиси краесогласии в день иже во святых отца нашего Николая архиепископа Мирликийских чудотворца;
- Л. 352—354 Стиси краесогласии в день Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа;
- Л. 355—356 Приветство в день сбора святых Иоанна Предтечи;
- Л. 357 Стиси приветии благоверному великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу. В день святаго великомученика Феодора Стратилата;
- Л. 358 об.—359 Благородныя и благоверныя государыни царевны и великия княжны премилостивыя государыни наши;
- Л. 360—361 Стиси краесогласии в день святаго Григория Богослова;
- Л. 362—363 об. Стиси краесогласии в похвалу святаго апостола Прохора;

- Л. 364 В день преподобного Илариона. От сына ко отцу.
- Л. 365—371 Приветство благочестивейшему тишайшему самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичу всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу. В день тезоименного защитника его святаго Алексея человека божия. Месяца марта в 31 день;
- Л. 371 об.—372 К государю царю на именины;
- Л. 373—375 Стиси краесогласии ко пресветлейшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичу всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу. Отроки града Полоцка притекши во царствующий град Москву глаголанини. В лето от воплощения Бога Слова 1680, месяца япухария 19 дне;
- Л. 375 об. Приветство о новорожденной царевне Марии;
- Л. 376 Диалог краткий о государе царевиче и великому князь Алексии Алексиевиче;
- Л. 376 На новое лето здравствование. Боярину Богдану Матвеевичу Хитрому;
- Л. 378 В день святаго и преподобнаго Иова;
- Л. 380 К государю царю. Князю Феодору Юрьевичю Ромадановскому с хлебом ко государю царю приходишу. В день аггела его;
- Л. 380 об. К государю царю;
- Л. 381—383 об. Приветство благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу о вселении его благополучном в дом, велиим изживением, предивною хитростию, пречудною красотою в селе Коломенском новосозданный;
- Л. 383 об.—384 об. Приветство благоверной государыни царице и великой княгини Наталии Кириловне;
- Л. 384 об.—385 Приветство благородному государю царевичю и великому князю Феодору Алексиевичу и благородному государю царевичю и великому князю Иоаанну Алексиевичу и благородному государю царевичю и великому князю Петру Алексиевичу;
- Л. 385—386 Приветство благоверной царевне и великой княжне Ирине Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Ане Михайловне, благоверной царевне и великой княжне Татиане Михайловне;
- Л. 386—387 Приветство благоверной царевне и великой княжне Евдокии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Марфе Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Софии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Екатерине Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Марии Алексиевне, благоверной царевне и великой княжне Феодосии Алексиевне;
- Л. 387 об.—388 Целование ко гостю в дом пришедшу от сына господина;
- Л. 389—393 об. Приветство благородному и благоверному государю царевичю и великому князю Алексею Алексиевичю. В день же во святых отца нашего Алексея митрополита Киевского, всея России чудотворца. Месяца февруария в 12 день;
- Л. 394—394 об. К государю царевичю на именины;
- Л. 395—396 об. Вручение книги «Венца веры» благородной и благоверной государыни царевне и великой княжне Софии Алексиевне;
- Л. 397—397 об. В день Алексия митрополита Киевского и всея России чудотворца;
- Л. 398—399 об. Приветство о поятии супруги вторыя. Благородный и благочестивый господин государь Михаиле Тимофеевиче, близайший представителю пресветлого царскаго величества, а мне зело милостивый благодетелю;
- Л. 401—406 К государю царю приветство по новом браце (здесь же приветствия царице, царевичам, царевнам и двору);

- Л. 407 На книгу, именуемую «Мен духовный» Епиграмма;
 Л. 409 Приветство государю царю о втором браце;
 Л. 410—415 Приветство новоизбранному патриарху;
 Л. 416 На именины боярина Богдана Матвеевича Хитрого;
 Л. 416 об. К тому же на Рождество Христово;
 Л. 419 Стиси приветнии. Сын ко отцу из пути пришедшу;
 Л. 417—418 об.— чистые;
 Л. 419 Приветство в день Нового Лета ¹⁰;
 Л. 419 об. К великому государю царю в день 1 сентября 7176;
 Л. 419 об.—420 К новоявленному царевичю ¹¹;
 Л. 420 об. На импини государя царевича;
 Л. 421 Велия радость днесъ ны исполняет;
 Л. 422 Ликун, утехо российской страны;
 Л. 423—424 об. Песнь из полского диалекта преведенная на славенский.
 О прелести мира;
 Л. 425 Песнь Иоанну Богослову;
 Л. 426 Песнь Пресвятой Богородицы. Святому Николаю, великомуученице Екатерине, Иакову Боровицкому;
 Л. 427 В день святых великомученицы Екатерины от сына к матери.

Подавляющее большинство стихов этого раздела книги написаны по конкретному поводу и обращены к конкретному лицу. Об этом можно судить по содержанию стихов и приписок Сильвестра Медведева на полях рукописи, где он называет адресата: «На день святых апостол Петра и Павла» (л. 343) — «К преосвященному Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому»; «В день собора святых Иоанна Предтечи» — «К болярину Иоанну Михайловичу Милославскому». В ряде стихов имя адресата, хотя и не названо, но не вызывает сомнения: «В день святаго Григория Богослова» — Григорию Григорьевичу Ромадановскому; «В день Иова праведного» — Богдану (Иову) Матвеевичу Хитрово; «В день святаго апостола Иакова Алферова» — Иакову Васильевичу Стоянову.

Судя по стихам, особенно теплые отношения у Симеона были с Б. М. Хитрово, которому поэт посвятил в «Рифмологионе» целый ряд стихов на разные случаи жизни. Симеон не только являлся в день именин или большого церковного праздника в дом своего покровителя с очередным «приветством», но и писал их для членов семьи Хитрово. Услышать панегирик себе из уст любимого внука («К Богдану Матвеевичу от внутика его») было приятно и отвечало общей тенденции к внедрению «приветств» на все случаи жизни. Не только дети, но и взрослые включались в церемонию «приветств». Сошлемся хотя бы на «Стиси приветные. Сын ко отцу из пути пришедшу». На полях рукописи рукой Сильвест-

¹⁰ Заголовок вписан рукой Симеона.

¹¹ Заголовок вписан рукой Симеона.

ра Медведева сделана запись: «Сей стих глаголася к государю Иоанну Савостыяновичу (Хитрово.— В. Г.) от сына его Авраама Иоанновича. Когда возвратися с пути в дом свой».

Стихотворные панегирики «по случаю» так прижились при дворе, что сановитые «благодетели» Симеона заказывали ему «приветства», с какими они представляли перед царем. Симеон поместил одно такое стихотворение в «Рифмологионе»: «Князю Феодору Юрьевичу Ромадановскому с хлебом ко государю царю приходящу в день ангела его». Симеон не только быстро усвоил своеобразие церемониала русского двора, но и уловил тенденцию к обновлению и усложнению церемониала. Известно, что при дворе Алексея Михайловича обед следовал строго «чину», являя своего рода представление и имел символическое значение¹². Симеон внес добавление к этому церемониалу своими стихами: «Стиси, внегда чашу государеву пити». Симеон дает образец прославления существующего миропорядка, ибо «чины на небе Богом устроени», богоизбранности русского народа («мы род российский от Бога избранный») и русского царя Алексея Михайловича («Видим царя венцем увиязенна // и на престоле русском посаждenna»). Алексей Михайлович в выигрышном свете предстает в сравнении с библейскими и христианскими героями: «Соломон Богу един храм поставил, // Алексѣй многи созда и направи», «Вторый Константин царь наш проявися», «И Владимиром лѣпо его звати», «Кротость в Давидѣ не вищшая бяше, // яко Алексѣй имать солнце наше». Симеон верноподданически заявляет перед царем, что «вси готови цареви служити // за него главы своя положити» и просит бога даровать «царю Алексию здѣцарствовати над землею всею». Не только в чин царского обеда, но и в частный московский обиход хотел внедрить поэт свои приветственные стихи — «Отрок чашу поднося глаголет».

Форма тезоименитых приветствий, которые составляют подавляющее большинство этой части книги, та же, какую мы видели в первых двух частях: изложение событий праздника, параллели между адресатом и его тезоименитым святым с панегириком адресату и прошение о «милостях» к автору. Наряду с «дежурными восторгами» придворного поэта здесь иногда просматриваются проблемы, волновавшие русское общество. В своем панегирике царю Федору на день памяти великомученика Феодора Стратилата, почитавшегося как змееборца и идолоборца, Симеон обращается к царю с призывом побороть лютя змия — Турцию. Здесь Симеон опять прибегает к любимому своему образу «Орла Россий-

¹² Робинсон А. И. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 94—107.

скаго»: «Яко Орел твой имать тому Змию // гордую в конец сокрушити выю» (л. 358). Мечта об освобождении Константино-поля, усиленно внедряемая в сознание русских приезжими греками, мыслится Симеоном не путем вооруженной борьбы, а путем христианского просвещения:

Мрачна их дуна невѣрия тмою,
Да просвѣтится во вѣрѣ тобою.
Дар ты нам и царь от Бога поданный,
Буди же царь и дар и онъм посланный.
Да в Царьградѣ тобою ся славят,
Иже Христово имя вѣрю хвалят.
И гдѣ Константин древле обладаше,
С властию имѧ да есть везде ваше (л. 358).

Пример усложненной церемониальной формы приветствия представляет «К государю царю приветство по новом браце», которое является собой целое действие. Поэт приглашает всех принять участие в радостном торжестве: «Светлый день нынѣ Россия сияет // радость всѣм людем с небесе сплывает». Он обращается к царю — «яко ты солнце Российскія страны», к царице — «Радуйся, Наталия, светлая царица», к царевичам, царевицам, а также к боярам — «преславны роде рускии веселися», к духовенству — «архиереи истиннаго Бога». Эти обращения чередуются пением «многа лета». После чего снова идут двустишиные обращения ко всем присутствующим на торжестве (личные обращения к членам царской семьи и сословно-корпоративные ко всем прочим).

Театрализация приветствий особенно четко прослеживается в следующем разделе «Рифмологиона», который состоит из пяти приветственных «книжц», преподнесенных царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу.

- Л. 432—434 Благочестивейшему тишайшему самодержавнейшему государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу о ново богохарованном сыне государе нашем царе и великому князю Симеоне Алексиевиче. Благопри-
вѣтствование;
- Л. 434 Речь при вручении книжицы сея приветственная к великому госу-
дарю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия,
и Малыя, и Белыя России самодержцу;
- Л. 435—436 об. Увещание к читателю в книгу Завета царя Василия Маке-
донина;
- Л. 437—438 об. Речь до пресветлаго царскаго величества при вручении
книги «Орла Российской»;
- Л. 439—465 Орел Российский;
- Л. 467—515 Френы или Плачи всех санов и чинов православно российска-
го царства о смерти благоверных и христолюбивых государыни ца-
рицы и великия княгини Марии Ильиной. Ту же утешения различных
добродетелей ко всем саном и чином. По сих епитафия или надгроб-

ное слово последнего целования от гроба к оставшим. Напоследок емилата и их толкования стихами краесогласными равномерне сложения и благочестивейшему и тишайшему богомвенчаному великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичю всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержицу врученая в лето от создания мира 7176, от Рождества Христова 1669, апреля 20 день; л. 517—558 Глас последний ко господу богу; л. 559—591 об. Гусль добrogласная.

Отметим, что «Увещание к читателю в книгу Завета царя Василия Македонина» первоначально в «Оглавлении» отсутствовало, оно было приписано позже в конце «Оглавления» с указанием на соответствующие листы в тексте книги. «Увещание» было написано для книги «Тестамент» (М., 1680), по-видимому, в том же 1680 г.

«Книжицы» Симеона Погоцкого не были рассчитаны на произнесение, хотя по своему содержанию и построению, как мы уже отмечали, близки к пьесам школьной драматургии. Они были приурочены к радостным (три приветственные) и скорбным (две траурные) событиям в жизни царской семьи. Все они отлично оформлены, с парадными заголовками и подзаголовками. «Книжицы» можно было не только читать, но и рассматривать, они наполнены «графическими инкрустациями»¹², а иногда даже живописными картинами, сами стихи вписаны в определенные формы (звезда, сердце) или образуют своим построением определенную форму (крест). Заканчиваются композиции «лабиринтом» «царствуй многа лета» или акrostихом с этим же пожеланием для здравствующих или «лабиринтом» «вечная память» для умерших. Композиции «книжиц» при схожести многих черт различаются. Их архитектоника диктуется содержанием произведения. Первая «книжица» Симеона — «Благоприветование» по случаю рождения царевича Симеона (1665) — невелика по объему (5 листов), но эффектна по оформлению — здесь присутствуют графические и фигурные стихи, используются эффекты цветного письма. Начинается она с оды в честь царя Алексея (л. 429). За ней следует изображение креста со вписанными в него стихами (все киноварного цвета) (л. 430 об.) — подарок автора царевичу. За крестом следует стихотворение, заканчивающееся «лабиринтом» с «многолетием» царевичу Симеону. За «лабиринтом» следуют изображение двух звезд, их контуры составляют стихи (432—432 об.). После звезд с пояснительным стихом следует «Беседа со планиты» (л. 432 об. — 433), где каждая из планет сообщает автору, что она преподносит в дар царевичу «во место поклону»: Меркурий — премудрость, Афродита — красоту, Сатурн — приязнь, Луна — победу над турка-

¹² Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Погоцкого, с. 128.

ми («Аз турков знамя преклоняю роги//нося с выими турков Симеону в ноги»). За «беседой» следует «Апостроф ко преподобному» с просьбой к тезоименитому святому взять под свое покровительство царевича (л. 433). Заканчивается «книжица» многолетием царю в форме лабиринта с ключом к нему — «Начало в кентръ чтется во вся страны». Рукой Сильвестра Медведева сделана приписка: «Стихотворися в лето 7173 на день 23 априля». Помещенная следом за «книжицей» «Речь при вручении книжицы сея...» написана рукой Сильвестра Медведева.

«Книжицу» «Орел Российской» Симеон преподнес царю Алексею Михайловичу и царевичу Алексею Алексеевичу в день нового года 1 сентября 1667 г., когда царевич был объявлен наследником престола. Сохранился подносной экземпляр этой «книжицы», который находится в Петровском собрании Библиотеки Академии наук (16.5.7.). «Книжица» представляет рукопись в 4°, в шелковом хорошей сохранности переплете малинового цвета с золотым обрезом, 57 л., написана четким полууставом, иллюстрирована раскрашенными рисунками. Текст подносного экземпляра имеет незначительные различия с текстом из «Рифмологиона», разнотечения приводятся в издании «Орла Российского», осуществленного Н. А. Смирновым по тексту подносного экземпляра¹⁴. Главное различие подносной «книжицы» и «Рифмологиона» композиционное: подносной экземпляр начинается двумя стихотворными посвящениями царю Алексею Михайловичу и царевичу Алексею «Афиеросис», а «Орел Российской» «Рифмологиона» начинается с прозаического «Енкомиона» — похвального слова, которое в подносном экземпляре следовало после «Афиеросиса». Существенным является и то, что Симеон счел нужным в «Рифмологионе» поместить речь, которую он произнес при вручении «Орла Российского». В речи Симеон излагает содержание своей панегирической «книжицы», в которой он призывает всех радоваться объявлению царевича Алексея наследником престола. Автор, «неимея от зата аравитска даров, ниже от камней честных приношения... увещах Аполлона и его преславные музы, яко да его радости новой новую песнь своими сладкоозвучными возиграют гусльми». К этому автор добавляет «зодий духовный», чтобы указать «новоявленшемуся солицу» (царевичу Алексею) путь, «им же тещи подобает».

Начинается «Орел Российской» по списку «Рифмологиона» с «Енкомиона» — похвального слова царю Алексею Михайловичу,

¹⁴ Орел Российской: Творение Симеона Полоцкого / Сообщил Н. А. Смирнов. — ОЛДП. СПб., 1915, т. 133. Отметим еще один список «Орла Российского», описанный В. И. Малышевым (*Малышев В. И. Собрание рукописей псковского областного краеведческого музея. — ТОДРЛ. М.; Л., 1955, т. 11*).

который уподобляется солнцу: «В рясноту светолитному царие солнцу подоблени бывают». Тема царя-солнца многократно варьируется в «Енкомионе». Прославляя царя Алексея Михайловича, победившего Польшу и Литву и освободившего «Малую и Белую Россию», Симеон выражает надежду, что «угаснет, даст бог, Луна Бисурманская (Турция.— В. Г.) пред светом усугубленного солнца (русского царя.— В. Г.). Просвѣтися вѣры свѣтом мрачная пощь невѣрия Азиатических страны». От царя-солнца просветятся не только «Азиатические страны», но и «темного неверия исчезнут мечтания» раскольников.

Затем следует «Елогион» — похвальное слово в стихах «пресветлому Орлу Российскому» — царю Алексею Михайловичу и царевичу Алексею. Царевич Алексей тоже уподобляется солнцу — «Рекл бых един свѣт, но два созерца // солнца, обаче иным нарицаю». Подобно солнцу русский царь освещает своими добродеяниями весь мир: «Гдѣ златовласый Тытан (Солнце.— В. Г.) наляцает // четвероснузник и гдѣ разрѣшаєт», «Гдѣ Океану суть прѣдѣлы даны, // престол Нептунов аможе назданы», «Идѣже Еол повелѣтелствует», «Гдѣ Апилют, Меесис, Кекиа, Еур, Липс, Зефир...», «Откуда Керкий дышет»¹⁵. Если пределом славы Геркулеса служат «столпы во мре», то русский царь своим «правдолюбием, изгнанием лести» известен и в «Америцких странах». Своими добродетелями он превзошел известных исторических деятелей Александра Македонского (в талантах), римского императора Тита (в благодеяниях), библейского царя Соломона (в строительстве храмов). Свет русского царя и второго солнца — царевича Алексея в семь раз «седмижды светлише» лучей Феба. Объявление царевича наследником престола («Сына си аще ныне представляет») Симеон предлагает встречать «весело со лики, тимпаны, с гусльми, трубами, с кимвалы, органы». После провозглашения «многа лѣта» царю и царевичу следует изображение первом солнца с лучами, внутри надпись киноварью: «здесь орел двоголовый с скипетром и с мечем изобразися». Под рисунком подпись «Во солнце положи селение свое». Заметим, что в подноском экземпляре было изображение на отдельном листе солнца с 47 лучами, символизирующими добродетели царя, каждая добродетель вписана в луч солнца. В центре солнца живописное изображение двуглавого орла с мечом и скипетром, на груди орла — герб московского государства. В «Рифмологионе» дано лишь схематическое воспроизведение рисунка. Поэт

¹⁵ Еол (греч.) — повелитель ветров, Апилют (лат.) — восточный ветер, Меесис (греч.) — северо-северо-восточный ветер, Кекиа (греч.) — северо-восточный ветер, Еур (лат.) — юго-восточный ветер, Липс (греч.) — юго-юго-восточный ветер, Зефир (лат.) — западный ветер, Керкий (лат.) — северо-западный ветер.

просит Аполлона с музами «стиховещати», «что Орел в солнце хощет знаменати». Каждая из «мус» высказывается об изображенном. Девятая муз — «Полиимниа» разъясняет, что скипетр в деснице Орла Российского знаменует благодать, меч — укрепление державы. Она предрекает: «Ты, Византио, узришь от России // орла, расторгша главу лютой змии». Знаменитые поэты и философы Гомер, Вергилий, Демосфен, Аристотель «не способны воспеть славу» царевича Алексея, такое по силам только певцу от небесна лика, и Аполлон призывает «игреца Орфея з струнами своими, да поет нынѣ с мусами моими», приветствуя «новое солнце» — царевича Алексея, который должен пройти, как и небесное солнце, зодийный путь. На л. 451 об. помещено символическое изображение знаков зодиака в круге. Под каждым знаком подпись киноварью. В центре круга киноварная подпись: «Возрадуяся, яко исполн тещи путь». Отметим, что в подноском экземпляре изображение было на отдельном листе и знаки зодиака были изображены в рисунке, а не даны символами. Это касается и последующих в тексте символов знаков зодиака в «Рифмологионе» и рисунков зодиакальных знаков в подноском экземпляре. После каждого знака зодиака следуют пояснения, чем означается путь царевича, когда он вступит под «зnamя» того или иного зодия. Овен — смирение, Телец — «егда труд многий прямо возлюбили», Близнецы — «егда народы любовь проявиши», Рак — «егда расшириши, даст бог свою власть, морем и землею», Лев — когда победит «льва Желтополска вѣнцем увязенна, твоим предѣлом при мори сближенна», Дева — когда победит всех врагов и «град Царственный тобою будет от враг освобождены», Весы — когда «правосудством ти мир возвеселиши», Скорпион — «тогда наступиши на ошиб Скорпин // поперши яд лвов, василісков, змиин», Стрелец — «егда приимеш имѧ самодержца//Всєя Евроپы и Асии всея, //Град Константина чает Алексия», Казерог — «егда с темных лѣсов//дикия люди от поклону бѣсов//В свѣт истинныя вѣры приведши», Водолей — «тогда пройдеши знамя Водолия, //всех просвѣщая от твоего зодия», Рыбы — «когда в них вступиши // высоту небес, не дно вод узриши».

После зодиакальных стихов следуют figurные стихи в форме сердца. В «Рифмологионе» они помещены не на отдельном листе, как это имеет место в подноском экземпляре, а помещены сразу же после 6 последних строк, относящихся к знаку Рыбы. Эпиграф к figurному стиху «От избытка сердца уста глаголют. Лука: глава 6» выполнены, как и сам стих, киноварью. В следующих за figurными обычных стихах повторяется, что стихи исходят от сердца: «В моем есть сердци царя почитати». Следующий стих, «Фаефон и Ихо», представляет собой типичный для латинско-польской

и украинской «барочной» поэзии «сармен echo» — риторический вопрос Феба с ответами Эхо о добродетелях русского царя. Отметим, что в «Рифмологоне», в отличие от подносного экземпляра, ответы выделены киноварью. Затем следуют два посвящения царю «Афиеросис» (л. 462—462 об.). Это своеобразный силлабический стих-ребус: «на первой строке читаются только первые пять слогов, на второй — первые четыре, на третьей — первые два. Четвертая, пятая и шестая строки читаются в том же порядке, как и первые три строки. Седьмая — первые пять слогов. Восьмая — первые три. Девятая — первые три. Десятая — первые пять. Одинацдатая — первые два и двенадцатая — первые четыре. Затем надо вернуться к первой строке и читать по порядку с последнего слова каждого уже прочитанного стиха»¹⁶. На этом же листе (463) помещена «Программа „Царь Алексий Михайлович“», анаграмма 1 — «Царь Алексий чай ловимых», 2 — «Царь Алексий ловим их чай», 3 — «Царь Алексий лов их ми чай», 4 — «Царь Алексий лови а чим», 5 — «Царь Алексий очи хвалими». После программы «Муса» (в подносном экземпляре «Мусы») Симеон говорит, что он всегда будет «прославляти царьскую славу». Затем следует криптограмма «оξιφωκ» с указанием в стихах, как можно расшифровать имя «метротворителя». В заключение следует «Прилог», где автор отмечает, что «мусы» «право вещаша» — их пророчества «исполнит-ся»: «Се дарова бог Съвер уловити // и Украинъ в царский жребий прийти». Отметим, что в подносном экземпляре «Прилог» следует перед «оξιφωκ».

Отметим, что в «Орле Российском» встречаются отдельные белорусизмы (вгнѣждати, лебедзки, зготування, мужко) и полонизмы (едно, змочить, волую, однако)¹⁷. Они имеются как в подносном экземпляре, так и в «Рифмологоне». Сильвестр Медведев, редактировавший «Рифмологон», видимо, не обратил на них внимания, потому что они были вполне понятны для русского книголяба XVII в. Зато многочисленные мифологические фигуры требовали у читателя знакомства с античной мифологией, хотя бы в рамках школьной схоластической науки. Н. А. Смирнов в своем «Предисловии» к публикации «Орла Российского» приводит 81 понятие, относящееся к античной мифологии. «Зодийный путь», который должен был пройти царевич-«солнце», также нуждался в пояснении. Не случайно Симеон дает пояснение каждому знаку зодиака. В «Рифмологоне» он предносится каждому «зодию» не живописное изображение, как в подносном экземпляре, а символический знак. Едва ли знаки зодиака были широко известны гра-

¹⁶ Орел Российский: Творение Симеона Погоцкого, с. V.

¹⁷ См.: Там же, с. XXIII—XXIV.

мотному русскому человеку, но отметим, что уже во второй половине XVII в. в домах царской семьи и именитого боярства стали появляться изображения «звездочного небесного движения», «бегов небесных с зодиями»¹⁸. «Орел Российский», прославляя царя-«солнце» Алексея Михайловича и второе «солнце» — наследника престола царевича Алексея Алексеевича, знакомил русское общество с сокровищницей античной мифологии и давал некоторые образные понятия об астрологии.

Третья «книжица» Симеона Полоцкого «Френы, или Плачи всех санов и чинов православно Российского царства» о смерти царицы Марии Ильиничны была вручена царю Алексею Михайловичу в 1669 г. Подлинной экземпляр до нас не дошел, «Рифмологион» содержит единственно дошедший до нас список «Френов». Начинается «книжица» с прозаического предисловия к царю Алексею Михайловичу (л. 468—469 об.), где поэт просит принять от него утешение, как прежде приняли утешение евангельские Марфа и Мария по поводу смерти их брата Лазаря. Подпись в конце предисловия «многогрешный иеромонах Симеон Полоцкий» сделана рукой Сильвестра Медведева. Вполне вероятно, что предисловие представляет собой речь Симеона при вручении «книжицы».

На л. 469 об.—«Френ, или Плач первый» царя Алексея Михайловича, где умершая царица именуется «столпом всего царства, твердью всей державы». На плач царя отвечает «Параплisis, или Утешение Веры» — «Остави слезы, престани рыдати, царю върнѣши, время плачу стати» (л. 473 об.). Л. 474 — «Плач второй. Пресвятаго лика чад царских». Им отвечает «Утешение Надежды» (л. 475). Л. 476 — «Плач третий. Благородных царевен» — «Всяку лѣпоту весма отвергаем, // в худом вретищи жити избираем». На плач отвечает «Утешение Любви» — «Престаньте от слез аз вы увѣщаю, // ей подражати в любви завѣщаю». Л. 478 — «Плач четвертый. Всего чина царского». С утешением выступает «Благовеинство». Л. 481 — «Плач пятый. Всего пресвятаго сиклита». С утешением выступает «Премудрость» — «нѣсть требѣ плача о свѣтлой царицѣ, // в радостях она в божией десница». Л. 483 — «Плач шестой. Всех святых обителей Великороссийского царства». С утешением выступает «Воздержание». Л. 485 — «Плач седьмой. Всего православного воинства», которое скорбит, ибо без молитв царицы «не могли дерзати» на победу над врагом. Их утешает «Мир». Л. 489 — «Плач осмый. Всех градов благочестивых Великороссийских державы». Начинается плач с традиционного для барочной

¹⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895, т. 1, с. 179—180.

позиции риторического вопроса-ответа о тленности всех живущих на земле: «Где патриарси, царие, пророцы, // славныя жены, сильныя отроцы? // Вся смерть во гробах своих заключила, // и дева нѣкіх память оставила». «Заступление» утешает российские города и обещает заступничество Девы Марии. Л. 491 — «Плач девятый. Странных и пришелцов». «Страннолюбие» обещает всем странным любовь самого царя. Л. 497 — «Плач первый на десять. Всего православия царствие Российскаго». «Утешение Всех добродетелей» обещает: «Что тя, Россию славная, смущает, // кая ти печаль слезы вытикает. // С царскими жены святыми сочтожом: // с Еленою, с Олгою святою». Л. 500 — «Плач второй на десять. Церкве Ратующия». В этом плаче также ярко выражена барочная тема смерти: «Но иныѣ паки начах аз болѣти, // даде бо ми бог дщерь благу имѣти, // А смерть лютая ону похитила // и в темно гробъ увы заключила». С утешением выступает Церковь Торжествующая (л. 502—503). Вначале она объясняет плач своей сестры — Церкви Ратующей: «В солнце есть сестра моя облачenna и венцем звѣздным лѣпо украшеннa, // Но болѣзнует, егда чада рождит // и егда во гроб мертвага отводит». Затем сообщает, что господь «причте ликови царицъ благоверныхъ» умершую царицу Марию, и вместе с нею Церковь Торжествующая молит бога: «Да сбереждет царя своего чады, // ратующей ти пособствия ради. // Да пошлет крѣпость на враги побѣды, // избавит скорбей и всякие бѣды».

После плача реальных лиц (царя, царских детей и пр.) и аллегорических персонажей и утешений к ним от различных аллегорических персонажей слово получает умершая царица Мария Ильинична, которая обращается к «оставшим» из гроба.

Во-первых, царица объясняет присутствующим свои действия: условность и «реальность» происходящего:

Прииде время в землю возвратихся,
и во гробъ сем тѣлом положихся.
Из него же к вам имам глаголати,
целование последнее дати.
Гласа не имам, все глаголет тѣло
духовнымъ иѣкимъ гласомъ тихимъ зѣло.

Во-вторых, требует от присутствующих деятельного участия, наставляя всех находящихся здесь персонажей в том, что они должны сейчас делать и как обязаны вести себя в этой торжественной церемонии: «Приклони убо ухо твоя, царю, // к моему гробу свѣтлый государю», «Вы же, о чада, на гроб мой приидите, // слову моему прилѣжно внемлите», «Царский сигклите свѣтлая палато, // виждь те, что есмы — пепел, прах и блато». После монолога

га покойной царицы следует «лабиринт» с «вечной памятью» царице. После «лабиринта» помещен «Епитафion» царице Марии Ильиничне и «Епитафион» ее новорожденной дочери Евдокии, умершей вместе с матерью. За ними следует «Емлимата и их толкования, стихами краесогласными равномерне сложенныя». В «Рифмологионе» изображение эмблем отсутствует, однако для каждой из девяти эмблем оставлено соответствующее место в тексте, под ним следует девиз и «толкования стихами». Завершает «книжицу» — «желание стихотворца» (л. 515) — графема: квадрат, в который симметрично вписаны еще четыре квадрата, в каждом из них посвящения. По бокам, в промежутках, буквы, которые в разных сочетаниях составляют «многа лѣта» царю, царице, царевичам, царевнам, «всем православным христианом».

Вторая траурная «книжица» — «Глас последний ко господу богу святоочищшаго о господе благочестившаго, тишайшаго, пресветлейшаго великаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца ко ново богомданному великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу со заветом отчим. И ко святейшему и всеблаженнейшему великому господину кир Иоакиму, патриарху Московскому и всея Руси, и ко всему пресветлому царскому дому, и ко всем саном духовным и мирским православно российскаго царствия и от них же всех ответы. Наконец плачи общии православнаго рода российскаго. Трудолюбием многогрешнаго иеромонаха Симеона Полоцкаго равномерно и краесогласно сложеннии. В лето бытия мира 7184. От Рождества же господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1676. Месяца а[ннуария]» — была преподнесена бывшему ученику Симеона, а теперь царю Федору Алексеевичу в день похорон его отца царя Алексея Михайловича (ум. 29 января 1676 г.). Книга была создана в короткий срок, за 2–3 дня¹⁹. Конечно, за столь незначительный отрезок времени Симеон не сумел бы создать такое программное произведение с развернутой идеей просвещенного абсолютизма, если бы не вынашивал идеи «книжицы» всю жизнь. В форме завета умершего отца сыну Симеон высказал завет просветителя XVII в. своему царскому воспитаннику. В дальнейшем Симеон не раз будет возвращаться к этой идее духовного союза воспитателя-просветителя и царского наследника. В изданных им в Верхней типографии книгах «Теста-

¹⁹ Подносный экземпляр находится в БАН 16.5.5. (Петровское собр.). Рукоп. 1676 г., 4° л., полуустав одного почерка. Бумага та же, что и в подносном экземпляре «Орла Российскаго» (филигрань «лилия в щите» с буквами «WR» и «IHS», № 1785—1670 г. у Хивуда). Переплет — картон в черной коже с тиснением, золотой обрез, завязки оборваны.

мент» (1680 г.) и «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (1681 г.) можно усмотреть параллели между героями этих книг, с одной стороны, и Симеоном и царем Федором Алексеевичем, с другой. Следует отметить, что «Глас последний» состоит не из общих благих пожеланий, Симеон выступает с обширной программой деятельности своего царского воспитанника, исходя из внешнеполитических и внутренних задач России в последней четверти XVII в.

Начинается «книжица» эпиграфами из Псалтыри и апостольских посланий. Затем следует прозаическая речь Симеона, произнесенная, видимо, в день похорон при вручении «книжицы» царю Федору. В конце речи после обычной концовки «твоего пресветлаго царского величества присный и истинный богомолец» нет подпись Симеона Полоцкого.

Само произведение начинается с небольшого «Гласа последняго ко Господу Богу», а затем идет основная часть — «Глас последний со благословением на царство Богом данному великому государю царевичю и великому князю Федору Алексеевичу всей Великии, и Малыя, и Белыя России самодержцу». Свои просветительские идеи, свою программу абсолютской монархии Симеон вложил в уста умершего царя Алексея Михайловича, представив их как посмертную волю царя:

Ты же восприем благословение,
Прими купно сие вельние,
Или завѣт наш и тщися хранити,
аще хощени благословен быти (л. 521 об.).

Следующие за этим 80 пронумерованных велений царя неодинаковы по объему и значению, они охватывают практически все стороны деятельности будущего царя. К ним мы специально вернемся, когда будем рассматривать эволюцию Симеона Полоцкого от поэта «на случай» к поэту-просветителю и идеологу русского абсолютизма. В своем ответе будущий царь клянется отцу: «Вся вельния имам соблюдати, // ни на едину черту преступати». Далее (л. 532—543 об.) идут «Гласы» и «Ответы» соответственно к патриарху Иоакиму, к царице Наталье Кирилловне, царевичам Иоанну и Петру, царевнам, митрополитам, «сигклиту», архимандритам и всему причту церковному, князьям и боярам, всем православным христианам. Из них наибольший интерес представляет, пожалуй, ответ царицы Наталии Кирилловны. Ее монолог вполне сопоставим с аналогичными монологами из школьной драмы, когда героиня узнает о смерти любимого:

Трепет объят мя, полма умираю,
и весма мертваза быти желаю.

Что бо се слышу: яко отходиши,
царство и мене въдовствъ оставиши.
Вдовствуй ты паче, аз умру за тебе,
во твоем гробѣ аз положу себе (л. 534 об.).

После велений и ответов идут 12 плачей (л. 544—546), где много раз варьируется типичное для барочной поэзии обращение к смерти: «О смерти! Что ты во мире дееш!», «Лютая смерть, что убо твориши», «О смерти лютая! Что ты сотворила», «Коль мерзка еси смерть окаянина», «О смерти, что се ты нам сотворила,— мир ослепила», «О вселютая! Что ты сотворила». Присутствует здесь и типичный для барочной поэзии образ смерти с косою, посекающей «вся люди без разбора», как вечное напоминание «кому ждо, иже во мирѣ родися»:

О смерти! Яко горка память твоя
Мужу во мирѣ содершащу своя
Имѣния и весело живущу (л. 545 об.— 546).

Присутствуют в плачах барочные мотивы тленности земного счастья и богатства перед смерти:

Не видим его на свѣтлом престолѣ,
ниже во вѣрных совѣтников колѣ,
Ниже в полатах весело сѣдища,
о царствѣ бдяща.
Но увы, видим в гробѣ заключенна,
всѣх красот царских весма обнаженна,
Бездушна суща, измененна зѣло
во земли тело (л. 549).

Имеются в плачах и панегирические моменты, а восьмой плач целиком посвящен восхвалению царя Алексея Михайловича, даже день его смерти — суббота — обыгрывается поэтом для прославления царя. Господь в седьмой день (субботу) «почил» от трудов сотворения мира:

Во день субботний и царь наш престал есть
дѣлати дѣла, ниже царствовал есть
В мирѣ российstem преблаго, преславно,
якоже концем Вселенный явно.
Он бо о верѣ зѣло подвизася,
во вся тѣ концы разширить тища.
Зѣло по бозѣ выну ревноваше,
ересей прозябл скоро истребляше.

Красоты церкве он бише любитељ,
всяких дъяний преблагих творитељ...
Днесь же отиде по дѣлъх почити,
бога за помоћь возвлагодарити.
И возмездие за труды прияти,
въчно на небъ с богом пребывать (л. 552 об.).

Завершает « книжицу » « Заключение », где Симеон желает по-чivшему царю « в небе вечно жити » и приглашает « все люди » петь вместе с ним « царю Алексею Михайловичу вечная память ». Эти слова составляют « лабиринт ».

Следующая « книжица », « Гусль добrogласная », занимает л. 559—591 об. « Рифмологиона ». « Книжица » была подготовлена и преподнесена царю Федору Алексеевичу в день его венчания на царство 18 июня 1676 г. Подносной экземпляр до нас не дошел, но, по всей видимости, с него был сделан список, хранящийся в собрании Черткова, № 248 Гос. исторического музея ²⁰. Текст « книжицы » был издан по списку « Рифмологиона » И. П. Ереминым в 1953 г. ²¹ После пространного названия « книжицы » идут пять библейских эпиграфов. После них следует прозаическая речь автора к « богомвендчанному » царю Федору Алексеевичу, где он желает быть ему вторым Константином и Владимиром для церкви и царства, быть сильным, как Александр Македонский, добрым, как Тит император, кротким, как Давид, мудрым, как Соломон. За прозаической речью следуют стихи в форме креста, вручаемого царю. Стихи написаны киноварью. За стихами следуют: « желания благая » (заглавия киноварные), высказываемые царю поочередно патриархом Иоакимом, матерью Натальей Кирилловной, царевичами, царевнами, боярами и др. В последнем (20-м) « желании » « всех православных христиан » он объявляется солнцем — « Ты православных солнце ». Заключает « желания » « лабиринт » с пожеланием « царствуй многа лѣта ». Вторую часть « книжицы » составляют 24 приветствия. Их предваряет « предпривествие » и заключает « колофон ». Симеон Полоцкий собственно ручно сделал пояснение этому названию — « окончание ». После « колофона » помещено « Желание творца », которое появилось уже в процессе работы над « Рифмологионом », где на л. 591 рукой Симеон-

²⁰ Книга в 4°, доски в коже с тиснением, полуустав XVII в., 58 л. (II+54+II). На л. II запись: « Сия книга из библиотеки господина полковника Степана Ивановича его высокородия Тевенкова 1780 года, июня 20 дня ». На л. 1—9 скорописью XVIII в.: « Сия книга бригадира и гвардии маеора Василия Дмитриевича Корчмина ». Разночтения с « Рифмологионом » незначительны. Различаются формы крестов, в которые вписаны стихи: в списке Черткова перекладина косая поперечная в отличие от прямой поперечной « Рифмологиона ».

²¹ Симеон Полоцкий. Избр. соч., с. 108—159.

Но сделана запись: «Сие в книзе врученнай несть писано». В списке из собрания Черткова «Желание творца» также отсутствует. Подробнее об этом программном заявлении Симеона мы будем говорить дальше. Отметим, что полный титул царя Федора Алексеевича вписан рукой Сильвестра Медведева.

- Л. 592—594 Предисловие к юношам учится хотящим;
Л. 534 — чистый;
Л. 595—597 об. Благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всем Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу Благодарствие всесудерное за создание келии, написанное рифмически от многострадного Симеона Полоцкаго первомонаха недостойнаго в лето 7187;
Л. 599—602 об. Целование к гостем в дому господина своего;
Л. 603 — чистый;
Л. 603 об.—618 Комедия притчи о блуднем сыне;
Л. 619—625 Трагедия о Навходоносоре, о теле злате и о триех отроцех в пещи не сожжених.

«Предисловие к юношам учится хотящим» написано для «Букваря» (М., 1680 г.) Симеона. Оно также, как и «Целование к гостем в дому господина своего», не входило в первоначальное «Оглавление» «Рифмологиона». Обе комедии по списку «Рифмологиона» неоднократно переиздавались. В последнем издании дается полная библиография и подробный анализ содержания²². После трагедии «О Навходоносоре» следуют стихи 1679—1680 гг., включенные в книгу после написания «Оглавления».

- Л. 626 Увещание к правоверным о еже подаяние творити;
Л. 627 об.—чистый;
Л. 628—631 об.—638 Стихи краесогласии в похвалу святых преподобно-мученицы Евдокии²³;
Л. 632—638 Метры краесогласии в славу Христа господа нас ради умершаго и погребенного²⁴;
Л. 639—639 об. Отрок, перво представ государю, глаголет приветство;
Л. 640 К гостю в дом пришедшу целование от сына;
Л. 641 Стихи краесогласии. В день происхождения честнаго и животворящаго креста Господня²⁵;

²² Ранняя русская драматургия: XVII — первая половина XVIII в. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. /Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Дёмин, В. П. Гребенюк; Под ред. О. А. Державиной. М., 1972, с. 138—171, 313—329.

²³ На поле листа рукой Симеона: «Глаголаний в Верху в храме святых мученицы Евдокии в день праздника ея при великом государе царь и великом князе Феодоре Алексеевиче, в лето 7187».

²⁴ На поле листа рукой Симеона: «Глаголаний в Верху во храме святых мученицы Евдокии при великом государе царе и великом князе Феодоре Алексеевиче в лето 7187 в Субботу Великую».

²⁵ На поле листа рукой Сильвестра Медведева: «Глаголаний в Коломенском во церкви и на воде. В лето 7187 августа 1. При великом государе».

л. 649—651 Стихи краесогласии в похвалу преподобного отца нашего Иоасафа царя Индийского²⁶;

л. 651—654 Стихи краесогласии в похвалу преподобного Евдокии²⁷.

Хотя в 1679—1680 гг. Симеон усиленно работал над изданиями «Букваря», «Тестамента», «Повести о Варлааме и Иоасафе», продолжал трудиться над «Вертоградом многоцветным» и «Рифмологионом», он не прекращал своей поэтической деятельности, выступая в придворных церквях во время богослужений со стихами. Это видно из стихов, помещенных в «Рифмологионе» после пьес Симеона, а также ряда других, на которых мы останавливались выше. Наиболее злободневными стихами из этого раздела являются «Стихи краесогласии. В день происхождения честного и животворящего креста Господия», произнесенные в присутствии царя 1 августа 1679 г. в церкви царского села Коломенское. Отмечая праздник 1 августа, установленный византийской церковью в честь победы императора Мануила над сарацинами и связываемый в русском сознании также с победой князя Андрея Боголюбского над волжскими булгарами, Симеон говорит о той тяжелой борьбе с крымскими татарами и турками, какую приходится вести в эти дни русскому воинству:

Яко Амалик турчин наступает,
воинство наше избити желает.
Скифы на помошь ему приидоша,
върным в России бѣдство нанесоша.
В конѣх и в луках, в мечех уповают,
острыми стрѣлы лютъ изпускают,
Живо вѣрны хотят поглотити,
грады и весы в пепел обратити.
Бѣдство отвсюду, ах бѣда велика,
а нѣсть во помошь силы человека.
Ты един еси над вся человеки
человек и Бог хвалный во вся вѣки.
О Христе Боже, ты в помошь потишися,
на враги наша сам вооружися (л. 645—645 об.).

В стихах, помещенных в «Рифмологионе», Симеон Погоцкий показал себя мастером версификации. Большинство стихов отличает простое построение. Это объясняется не отходом Симеона от ба-

²⁶ На поле листа рукой Сильвестра Медведева: «Глаголаны в селе Измайлове в церкви Иоасафа царевича, что у великого государя на дворе, при нем великого государя той церкви при посещении. В лето 7188». Стихи напечатаны в книге «Повесть о Варлааме и Иоасафе».

²⁷ На поле листа рукой Сильвестра Медведева: «Глаголаны 1680 в церкви преподобномученицы у [великаго] г[осударя] в Верху». Здесь же рукой Симеона: «Лета 7188 при нем великому государю».

рочных традиций «сагмина curiosa», которыми он владел в совершенстве, а потребностями московских кругов, для которых стихи были в новинку. Следует помнить, что стихи большей частью произносились при большом стечении народа. Рифмовка обычно проста: аавв, авав, изредка аавсс. Реже попадаются рифмующиеся полустишия:

Христос бог правый, верных избрavyй,
Пасха велика, Христос владыка (л. 281 об.).

И. П. Еремин приводит образец такого же стихотворения из «Рифмологиона», написанного в еще более сложной форме,—«Песнь из польского диалекта, переведенная на славянский о прелести мира»:²⁸

Есть прелесть в свѣтѣ, як въ полномъ цвѣтѣ, ты ту остави,
възлюбленная, душѣ грешная, отъ злобъ воспряни.—
Проходитъ времѧ, а греховъ бремѧ тя угнетаетъ,
демонъ же смѣлый на тебе въ стрѣлы ядъ свой впушаетъ (л. 423).

Более сложные формы встречаются в приветственных стихах Симеона крайне редко, обычно они относятся к частным адресатам. Так, на именины Б. М. Хитрово им были написаны стихи-макаронизмы на церковнославянском и польском языках, а приветствие Б. М. Хитрово на Рождество Христово — на славянском, польском и латинском языках. Узел приветствий М. Т. Лихачеву по случаю «поятия супруги вторыя» можно было читать тремя вариантами: как восьмисложник с двойной рифмой и как два четырехсложника:

Богъ сый въ небѣ	Боже благий
Радость тебѣ	Свѣте драгий
Да даруетъ	Да храниши
Честь и славу...	Марфу здраву...

Весьма эффектно со сцены звучали «сагмина echium» — риторический вопрос и ответ на него («эхо»): «Где? Здѣ. // Какъ ему имя? Кто есть сий? Алексий». Но самые сложные стихи — фигурные, которые требовали внимательного рассматривания, разгадывания, — находятся в « книжицах» поэта. Это и понятно. «Книжицы» предназначались для внимательного прочтения, для любопытного рассматривания, а не для декламирования. Изобразительные и знаковые моменты в « книжицах» тесно переплетены и взаимодополняют друг друга. Уже в первой « книжице» — «Благоприветствования» — стихи образуют графическую композицию звезды, в «Орле Российском» — сердца. В «Гусли добrogласной» стихи вписаны в изобра-

²⁸ Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого, с. 142.

жение креста. Поэт широко использует цветное письмо не только для выделения, но и как композиционный прием, например, во «Френах» заголовки плачей выделены черной краской, а утешения — киноварью. В «книжицах» представлены такие жанры школьной поэтики, как «Елогион», «Енкомион», «Епитафон», «Еммиламата», «Афиеросис».

Симеон Полоцкий начал свою деятельность как поэт-панегирист, предложивший свои услуги русскому царю в обмен на «милость». В своем раннем стихотворении «Стихи утешные к лицу единому» он писал:

Видите мене, как я муж отраден,
Возрастом велик и умом изряден?
Кто ся со мною может поравняти,
Разве из мертвых Голиафу встати.
Ума излишком, аж нъгде дъвати,—
Купи, хто хочет, а я рад продати²⁹.

Своему покупателю царю Алексею Михайловичу Симеон Полоцкий служил верой и правдой за соответствующую «милость» до самой кончины царя. Ни одно сколько-нибудь значительное событие дворцовой жизни не осталось без внимания Симеона, который стал первым русским поэтом-профессионалом. «Дежурные восторги» придворного поэта уживались у Симеона со стремлением к просветительству. Он широко вводит в свои стихи мало знакомые на Руси понятия и образы античной и всемирной истории и «как пчела мед сладкий из цвет собирает», так и он черпает материал для своих произведений из мало известных русскому читателю литературных, исторических и философских источников. Конечно, просветительство Симеона Полоцкого ярче выражено в его проповедях, учительстве и издательской деятельности. Однако даже в панегирических стихах, как показывает анализ «Рифмологиона», просветительские моменты усиливаются от стиха к стиху. Несомненно, просветительством вызвано стремление Симеона приучить русское общество к обмену стихотворными приветствиями в праздничные дни или семейные торжества, ввести их в обиход широкого круга людей.

В «книжицах» Симеона просветительские идеи представлены более широко, чем в стихах. Особенно щедро представлено богатство историко-литературного материала, которым владел Симеон, в панегирике «Орел Российский», где поэт вспоминает Гомера, Вергилия, Демосфена, Аристотеля, Орфея. Свою последнюю «книжицу» «Гусль добrogласная» Симеон заканчивает «Желанием твор-

²⁹ ГИМ, Синод. собр., № 731, л. 97.

ца», где прямо указывает на просветительские задачи — воспеть славу России во всем мире, разрушить тьму незнания «скоротечным типом».

Знаменательно, что «Желание творца» было создано уже в процессе работы над «Рифмологионом». Стихотворение отвечает на вопрос, почему Симеон посвятил последние годы своей жизни созданию грандиозных сборников «Вертуграff многоцветный» и «Рифмологион» — чтобы прославить «род российский» и просветить русский народ. Издание сборников «скоротечным типом» принесет «славу и прибыток» автору-издателю.

«Книжицы» Симеона Полоцкого, где присутствовали необычные для русского читателя герои античной мифологии, где аллегорические персонажи, действовавшие наряду с реальными героями, вначале монолога объясняли читателю, что они значат и почему появились здесь, подготавливали царя и двор к восприятию будущих театральных постановок. Диалоги, декламации, разыгрываемые в церкви при большом стечении народа с использованием хора (возгласы «многа лета», ирмоса и пр.), подготавливали к восприятию звучащего слова со сцены, к условности театрального представления. Рождение русского театра в 1672 г. обязано не только пастору Грегори, поставившему первую пьесу «Артаксерсово действие», но и Симеону Полоцкому, будившему интерес к сцене своими малыми формами театральных представлений.

В своих первых панегирических обращениях к царю Алексею Михайловичу Симеон провозглашал: «Приими митру Литовску, приими и корону Польскую, Алексею, под свою оброну»³⁰. Эти пожелания Симеона отвечали чаяниям русского двора, но были далеки от реальных возможностей. В дальнейшем поэт избегает прямых политических рекомендаций, ограничиваясь общими призывами и надеждами на скорейшее освобождение от «тьмы неверия» азийского змия — Турции. Эта идея, поддерживаемая в русском правительстве приезжими греками, находит выражение во многих приветственных стихах «Рифмологиона». Но уже в «книжице» «Орел Российский» (1667), преподнесенной по случаю назначения наследником престола царевича Алексея, наряду со ставшим уже традиционным пожеланием возвращения Константинополя — «град Константинов чает Алексия», — выражается надежда, что царевич победит «Лва желтопольска вънцем увяззенна», // твоим предълом при море сближенна и получит выход к морю — «да океаном будеш владѣти». В этой «книжице» поэт представляет свой идеал правителя, который должен обладать «трудолюбием»

³⁰ Winszowanie obrania na Krolewstwo Polskie.— ЦГАДА, Синод. тип., № 1800, л. 7.

и «мудросуждением», «праволюбием» и любовью к ближним и народу, заботой о неимущих и щедростью. Все эти пожелания носят в большой степени панегирический характер, но за ними просматриваются и просветительские установки Симеона, его представления о просвещенном монархе, возлюбившем «труд учения», «правоуправления», «труд в мире, в брани мудрствования».

С развернутой программой абсолютистского правления Симеон выступает в своей четвертой «книжице» — «Глас последний». Здесь Симеон наставляет нового царя, что не царский скипетр, а добрые дела дают спасение. Для этого царь прежде всего «мудрости ищи и проси у Бога, // через ону помошь будет тебе много» (л. 524). Поскольку от мудрых мыслей, как от семян, произрастают добрые дела:

Прилеки мысли добрая хранити,
о честных вещех словеса творити.
Дѣло конечнѣ благо содѣши,
то бо пожнеши, еже посѣши.
Сѣмы суть мысли, стебли же слова,
класы суть дѣла. Се жатва готова (л. 523).

Мудрые мысли царь должен черпать из книг — «Книги истории возлюби читати, // от них бо мощно, что бѣ в мирѣ знати». Чтение свет во тьме — «само чтение многи умудряет, // яко бо свѣщу в тмѣ возжигает». Мудрые мысли берутся не только из книг, но и приходят во время бесед:

С доброправным бѣсѣда ти буди,
имѣй во чести премудрыя люди.
Да навыкнеш от них благодати,
и мудр будеши всяческая знати (л. 523).

Их советы «пиши на скрыжали сердца твоего», чтобы «во день печали» обрести путь ко «утешению и скорбей ко удалению». Просвещенным должен быть не только царь, мудрость рабов также прославит царя:

Мало есть правды царю мудру быти,
а подчиненных мудрости лишити.
Рѣчки малыя рѣку разширяют,
мудрии раби царя прославляют.
Вели и рабом мудрости искати
и тою тебе будут работати (л. 531).

Верность и любовь подданных царь должен приобрести милостью («тыщися людем ти милость проявляти»), щедростью («Благо есть купля за злато стяжати други»), а главное — отношением

к слугам не как к рабам («не яко раби чти, // но яко други»), только тогда «любовь в сердцах их к тебе родится, // яко во пользу тебе обратится», только тогда «вѣрность в онѣх утвердиши, // тебе безбедство в царствѣ сотвориши». Симеон настойчиво убеждает царя выдвигать в чины по достоинству, а не по родовой чести: «Верный службы тицися возвыжшати». Заметим, что царь Алексей Михайлович, который выступает здесь с этим «велением», как раз и страдал тем, что назначал на высокие посты родовых бояр и дворян, которых сам ценил очень низко. Призывает Симеон к справедливому для всех сословий суду: «на лице не зри, равен суд твой буди // всѣм, иже в твоей живут люди». Царь должен оберегаться от «мяхкословных» и не преследовать тех, кто будет говорить сюровую правду:

Аще кто чипно грѣх твой обличает
не враг ти, но друг, блага ти желает.
Даждь слову мѣсто, ниже возярися,
от мяхкословных паче отвратися,
Сии бо оток в изве уталяют,
овии в здравие вредность изтискают (л. 524).

Симеон советует царю проводить мирную политику с соседями: «Брани не ищи, разве понужденный // досадою враг, или ополченный», к побежденным призывает быть гуманным: «а побежденным яростън не буди, // милость прояви, досаду забуди». Однако к врагам внутренним — мятежникам пусть будет царь беспощаден:

Мятежи в царствѣ тицися утоляти,
мир в державѣ твоей утверждати.
Терзающия мир да изнежеши,
любящая и в дворѣ да блудеши (л. 529).

Это касается и церковных мятежников-раскольников: «Мятеж в церкви тицися изтребляти // и мятежники тощно укрощати».

Программа просвещенного абсолютизма, предложенная Симеоном своему бывшему ученику, а теперь царю могущественного русского государства, вызвала живой отклик в русском обществе. До сих пор ни одна из «книжиц» Симеона не получала распространения, а «Глас последний» известен в целом ряде списков. Среди них рукопись, принадлежавшая князю В. В. Голицыну³¹. Зна-

³¹ Отдел редких книг Харьковского ун-та, инв. № 129, сейф. № 186/с. Сборник 1677 г., 1°, 394 л., переплет кожаный, порван вдоль корешка. На л. 236 об. запись о принадлежности рукописи В. В. Голицыну: «185 (1677 г.— В. Г.) год генваря в 22 день написана сия книга в дому боярина-князя Василия Васильевича Голицына» (цит. по ст.: Осипова К. С. «История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицын-

менательно, что видный государственный деятель XVII в., который был влиятельным лицом в окружении царя Федора и станет самым влиятельным при правительнице Софье, повелел составить сборник, включавший «Историю о великом князе Московском» А. Курбского, переписку Курбского с Грозным, послания Курбского, книгу Гваньини «Гвагнина книга» (3-ю часть), «О описании царства Московского и государства, к нему прилежащих», а также «Глас последний» (л. 344–394). В. В. Голицына глубоко занимал вопрос о будущем московского государства, он вынашивал планы коренных реформ, которые в ряде случаев предвосхищали петровские преобразования. То, что Голицын наряду с сочинениями Курбского, Грозного, Гваньини по вопросам государственного устройства привлекает «книжицу» Симеона Полоцкого «Глас последний», показывает, что программа Симеона не осталась без внимания.

В собрании Московского Главного архива Министерства иностранных дел Центрального государственного архива древних актов № 462/930 имеется сборник XVII в., где после «Гласа последнего» Симеона Полоцкого помещен целый ряд правоучительных историко-легендарных повестей о «цесарях» и «королях»³². «Глас по-

ском сборнике.— Древнерусские литературные памятники. ТОДРЛ. Л., 1979, т. 33, с. 296). В этой же статье приводится подробное описание рукописи и дается полное описание содержания сборника.

³² ЦГАДА, ф. 181, № 462/930. Сборник XVII в., 4°, скоропись и полуустав XVII в. нескольких почерков. Переплет — доски в коже, оторван по краешку, 347 л. По нижнему полю листов владельческие записи: «сия книга Алексея Дмитриева сына Боголепова, что на Ивановской горе 1747 году ноября 2 дня», «В лето от создания мира 7248 году, а от воплощения 1773 сия книга сборник царствующаго града Москвы Ивановскаго сороки церкви Трех святителей, что на Кулышках дьячка Василья Алексеева». Сборник содержит: книгу о Сивиллах, перечень стран Евроцы, жития Василия Нового и Онуфрия Великого, выписку из книги «Руно Орошеннное» Дмитрия Ростовского (Черников, 1680 г.), сказание Варлаама Хутынского «Како хотя уведать премудрость божию», «Глас последний» Симеона Полоцкого (книжица обрывается на 36 велении — л. 62—173), «О здравии и болезнях: болезненный Иов описует житие человеческое», «Повесть о Евпиниане римском цесаре», «Повесть о цесаре Титусе», «Повесть о некоем князе иже и о купце», «Повесть короля Титуса», «Повесть о великом цесаре Доментиане», «Повесть о короле Дарие и о сыне его», «Повесть о короле Синаиле», «Повесть о некотором рыцаре», «Повесть о римском юноше Папириусе», «Повесть о короле Максимилиане», «Сказание о некоем короле полезно зело», «Повесть о создании Царьграда и о взятии его турками», «Сказание Ивана Пересятова о царе турском, како хотел сжечи книги греческие», запись о количестве приходских церквей в Москве, выписку из «летописца царских гранограф о зачатии и создании преславного царствующаго града Москвы», «Иное сказание о зачатии царствующаго града Москвы выписано из Степенной родословной книги», «Духовный вклад и душеспасительные повести, новопреведенные от Ве-

«последний» написан здесь без разделения на стихотворные строки. Рукопись, судя по владельческим записям, московского происхождения. «Книжица» Симеона распространялась в разных слоях общества. Дьячок Максимка Ермолаев Ожегов списал «Глас последний» «на продажу, кто изволит купить ради прочтания». Между прочим, свою рукопись он ошибочно озаглавил «Гусль добrogласная», по-видимому, дьячок списывал с рукописи, где были помечены обе последние «книжицы» Симеона³³. Переписывал «книжицу» и писец села Кулечеца Салачинской волости Ростовского уезда Алексей Иванов³⁴, вологодский семинарист Андрей Товоровский имел ее и переплел вместе с переписанной им «начима» рукописью «Учения о тайне святей покаяния»³⁵. В составном сборнике конца XVII в., принадлежащем Центральному государственному архиву

линого Зерцала», «Чудо Богородицы и Прокопия Устюжского о жене бесноватой Соломонии», поучение Иллариона о пользе души, «Беседы» Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, «Чудо Святителя Николая о юноше Николае».

³³ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 146/1223. Рукопись начата XVIII в. (до 1707 г.), полуустав одной руки. Заголовки и инициалы киноварные. Переплет — доски в коже с застежками. 20×16, 69 л. На л. 2 об. заглавие: «Сия книга глаголемая Гусль добrogласная и вельми умиленная и душеполезная и плачевна о представлении царя Алексея Михайловича». На л. 68 об. приписка скорописью: «Написана бысть сиа книга в доме Всемилостивого Спаса в Генадееве монастыре. А писал крыласской дьячек Максимка Ермолаев, а по прозвищу Ожегов. А писана на продажу, кто изволит купить ради прочтания». На л. 1 и л. 3—24 вкладная запись 1707 г. в Кирилло-Белозерский монастырь монаха Иринарха новгородца, написанная по приказанию архимандрита Иринарха иеродиаконом Феоктистом. На л. 2 несколько крюковых знаков, на обороте последнего листа проба пера — зачин царской грамоты Петра I к Гавриилу, архиепископу вологодскому и белозерскому, тем же почерком, что и приписка писца.

³⁴ ГПБ, собр. Погодина, 1575. Сборник составной из пяти рукописей XVII в., 4°, 168 л. «Глас последний» на л. 2—70. На л. 70 об. запись писца: «Ростовского уезду Салачинской волости села Кулечеца писец Алексий Иванов». Содержит: «Краткие беседы милости со истинною...» Андрея Белоцкого (1686 г.), «Видение страшное игумена Козмы», «Слово о богатом купце и о сыне премудром и о рабе его», «Азбука толковая», «Хождение Трифона Коробейникова в Царьград» (без конца).

³⁵ ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 654. Рукопись составная конца XVII — начала XVIII в., скоропись двух почерков, 4°, 165 л. Переплет — доски в коже с тиснением, застежки оборваны. Содержит: «Учение о тайне святей покаяния» (переписано с издания Киево-Печерской лавры 1671 г.) и «Глас последний». На бумаге, приклеенной к переплету, скорописью владельческая запись: «Сии грамматика Вологодской семинарии ученика Андрея Товоровского, сам писал сиа начима, чтоб никому не вступаться, а кто буде дерзит вступится, тому надлежит заплатить». Последние два листа, где должно находиться окончание 12 плача «Гласа последнего» и «Заключение» с «лабиринтом», отсутствуют. Судя по подсчету листов в тетради, они были оборваны.

древних актов, ф. 181, № 250/455, «Глас последний» имеет отдельную буквенную пагинацию и отличный от других частей рукописи почерк³⁶. После текста «Гласа последнего» имеется запись: «Совершился сие писание в лето 7203 году ноемврия в 11 на память святых Мины, Виктора и Викентия» (л. 199). Основной корпус произведений сборника был создан в 1692 г., а не в 1694 г., когда была написана рукопись «Гласа последнего», но то, что впоследствии объединили в один сборник произведения нравоучительного характера и «Глас последний», примечательно. Из составных рукописных сборников, содержащих в своем составе «Глас последний», отметим еще рукопись первой четверти XVIII в. из собрания Библиотеки Академии наук (16. 14. 29). Сборник состоит из пяти рукописей в 4°, 228 л., скоропись и полуустав нескольких почерков³⁷. Из рукописных книг, содержащих в своем составе только «Глас последний», укажем на рукопись 1681 г., находящуюся в собрании Общества любителей древней письменности Q — 51 Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и рукопись, бывшую в собрании Ф. Г. Баузе, № 107³⁸. Отметим, что «Глас последний» встречается в рукописях вместе с «Плачем на кончину царя Алексея Михайловича» Лазаря Барановича³⁹, вместе с «По-

³⁶ ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 250/455. Сборник составной конца XVII в., скоропись разных почерков, 4°, 478 л. Переплет новый 1947 г. На л. 12—18 запись скорописью: «Написалася лета 7200 году януария». Сборник содержит: повести из Римских деяний, «Повесть о хмельном питии», «Рифмы красогласные о прелести суетного сего мира и буйстве», «Молитва от осквернения», «Выздание о добронравии» Яна Запчица, сборник русских пословиц и поговорок, «Глас последний» Симеона Полоцкого, «Стоглавник» Федора, епископа Едесского, «Предисловие» и статьи из «Цветника», «Послание Максима Грека к Сильвестру попу и к Григорию диакону», «Повесть о благополезных», выписано из древних летописцев из римских книг», «Житие» и басни Эзопа, «Азбуковник, или Предисловие».

³⁷ БАН, 16.14.29. Сборник составной из пяти рукописей, первая четверть XVIII в., 4°, 228 л., скоропись и полуустав нескольких почерков. Содержит: «Страсти Христовы», «Слово о разбойнике, иже со Христом пострада», отрывок из «Звезды пресветлой», «Повесть о Петре и Февронии», «Глас последний» (л. 125—206). Заглавие «Гласа последнего» в печатной гравированной рамке. «Лабиринт» с вечной памятью царю Алексею Михайловичу отсутствует.

³⁸ О рукописи см.: *Моисеева Г. Н.* Собрание рукописей Ф. Г. Баузе.— В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. ТОДРЛ. Л., 1980, т. 35, с. 320; а также рукопись псковского областного краеведческого музея № 142 (см.: *Малышев В. И.* Собрание рукописей псковского областного краеведческого музея.— ТОДРЛ. М.; Л., 1955, т. 11, с. 476).

³⁹ ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 676. Рукопись начала XVIII в., полуустав, 4°, 68 л. Содержит «Глас последний» Симеона и «Плач на кончину царя Алексея Михайловича» Лазаря Барановича (изд. в Киеве в 1676 г.) На л. 49 об. рисунок акварелью с изображением государственного герба и плачущей и лиющейся толпы народа.

вествью о Варлааме и Иоасафе», изданной Симеоном⁴⁰. Интересным представляется и тот факт, что «Глас последний» Симеона был включен составителем «Русского летописца» за 1618–1682 гг. в состав летописи⁴¹.

«Рифмологион» явился первым энциклопедическим сборником панегирической поэзии, призванной расширить славу России и русского царя (понятия для Симеона Полоцкого равнозначные). Начав как придворный поэт, Симеон завершает свой творческий путь писателем-просветителем, который дает уроки царю и русскому обществу. Многочисленные примеры «метротворения» так и остались не известными широкому кругу общества, но свою лепту в дело приобщения русского общества к поэзии и театру Симеон внес. Гражданственность и высокие идеалы панегирической поэзии Симеона Полоцкого найдут достойное продолжение в панегирической литературе петровского времени, сыгравшей немаловажную роль в борьбе за преобразование и рождение России нового времени.

⁴⁰ ГПБ, собрание Общества любителей древней письменности, Q — 25. Рукопись начала XVIII в., 8°, полуустав, 122 л. Содержит «Глас последний» и «Повесть о Варлааме и Иоасафе».

⁴¹ ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 542/1025. Рукопись первой половины XVIII в., скоропись, 8°, 246, переплет — доски в коже, на корешке золотым тиснением «Летописец том». Сборник содержит «Русский летописец» 1618–1682 гг. В состав летописца включено стихотворение Симеона на рождение Петра I, письмо турецкого султана к украинским казакам под Чигирином и ответное письмо казаков 1618 г. и «Глас последний» (л. 171–238).

Глава одиннадцатая

Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого

В. К. БЫЛИНИН

Симеон-драматург известен главным образом двумя пьесами, написанными им для придворного театра царя Алексея Михайловича между 1673—1678 гг. Это драма «О Навходоносоре царе, теле злате и отриех отроцех, в пещи не сожженных» и «Комедия притчи о блуднем сыне»¹. К ним примыкает более ранняя (приблизительно 1660 г.) пастораль «Беседы пастуские»². Кроме того, к произведениям, прямо или потенциально рассчитанным на театральную реализацию, следует отнести многочисленные стихотворные декламации Симеона³. Все это несомненно указывает на постоянный, неослабевавший интерес белорусского поэта к сценическому искусству. Однако до сих пор из собственно драматических его произведений внимательно изучались только две вышеупомянутые пьесы («О Навходоносоре царе...» и «О блуднем сыне»). В их основе лежат традиционные для школьной драматургии XVII в. мотивы моралите. Причем в первой пьесе эти мотивы выступают как закономерное следствие светской сценической обработки популярного мартиологического сюжета «Пещного действия», тогда как в комедии о блудном сыне они уже значительно осложнены сюжет-

¹ См.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.: Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.) / Изд. подг. О. А. Державина, А. С. Дёмин, В. П. Гребенюк, под ред. О. А. Державиной. М., 1972, с. 138—170.

² См.: Щеглова С. А. Русская пастораль XVII в.— В кн.: Старинный театр в России XVII—XVIII вв. / Сб. статей под ред. акад. В. Н. Перетца. Иг., 1923, с. 84—92.

³ См.: Еремин И. П. «Декламация» Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8; Прашкович Н. И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ, М.; Л., 1965, т. 21; Робинсон А. Н. Политическое и эстетическое значение ранней поэзии Симеона Полоцкого (1656).— В кн.: Philologica: Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского. Л., 1973, и др.

ными коллизиями авантюрио-романного типа. Иначе говоря в работе со сценическим материалом Симеон шел по пути все большего «обмирщения» и усложнения драматического сюжета, интенсификации динамики действия, расширения системы героев, атрибутов-символов, совершенствования риторико-поэтических средств, хотя семантическое ядро, скрытый идеинный движитель в его пьесах неизменно определялись этико-эстетическими принципами аллегории, притчи, моралите, т. е. важнейшими принципами барочной школьной драмы.

Театроведами и литературоведами-медиевистами давно признано огромное значение драматургического творчества Симеона в формировании первого русского придворного, а также школьного театра⁴. В этом плане большой интерес приобретает изучение новых, малоисследованных (особенно ранних) его опытов в области драматургии. Возможно, именно в них нагляднее и ярче окажутся представленными те начала, которые в конечном итоге обусловили своеобразие, известную жанрово-стилистическую природу его зрелых драматических произведений.

В рукописном отделе ГИМ хранится рукопись Синодального собрания № 731. Рукопись представляет собой сборник в 4⁰, в коричневом кожаном переплете, который содержит автографы ранних стихотворений Симеона на старобелорусском, польском и латинском языках, а также подшивные тетрадки со стихотворными и прозаическими «экзерцициями», по-видимому, его учеников. Тексты сборника написаны польской, старобелорусской скорописью и, частично,— полууставом XVII в. На листах 294—301 рукописи находится автограф Симеона — Пасхальный диалог «Вирши в Великий Пяток при выносе плащаницы», составленный в билингвическом (польско-белорусском) ключе. Данная пьеса не публиковалась и не изучалась исследователями.

То обстоятельство, что Симеон назвал свое произведение «Виршами», не является исключительным в практике школьного театра XVII в.: мы знаем немало пьес, в титулах которых фигурируют определения, имеющие весьма далекое отношение к театральным жанрам (например, —«история», «беседа», «диспут», «повесть», «слово»^{5—6} и т. п.). Рассматриваемая же пьеса Симеона

* Пекарский П. П. Мистерии и старинный театр в России. СПб., 1857; Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения: 1672—1725. СПб., 1874, т. 1; Старинный спектакль в России. Л., 1928; Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург.— В кн.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.; Л., 1953 и др.

^{5—6} См.: Резанов В. И. Из истории русской драмы: Школьные действия XVII—

принадлежит к тому многочисленному корпусу театрализованных диалогов, что возникали на стыке практической риторики и поэтики. Их жанр не получил четкого теоретического обоснования⁷. Фактически, это были пьесы небольшого объема школьно-католического типа, представлявшие собой аллегорическо-символические вариации на темы, чаще всего, из «священной истории». Так, дифференцируясь по тематическому признаку, особую группу составляли Пасхальные диалоги (ср.: польский «Диалог на Великий Пяток»⁸, краткий «Диалог о муке Господней» XVI в.⁹, драму М. Довгалевского «Властотворный образ человеческого Божия», поставленную в Киевской академии 10 апреля 1737 г.¹⁰ и др.), к числу которых конкретно относятся и «Вирши в Великий Пяток при выносе плащаницы». В то же время, несмотря на явную зависимость от школьно-католической традиции, пьеса не лишена примечательного своеобразия. Но прежде чем приступить к ее поэтическому анализу, обратимся к двум имеющимся здесь авторским надписям чисто информативного характера. Сразу под заглавием помещена ремарка, где Симеон сообщает о том, что пьеса была поставлена (или предназначалась для постановки) «в монастыре отца ксендза Шем[бек]а», а завершается пьеса по католическому образцу — криптограммой, которая в расшифрованном виде выглядит следующим образом: «В честь смерти Господней: [составил пьесу] некий базилианин, в Вильне, на Пасху». Приведенные заметки, сделанные самим драматургом, являются очевидным доказательством справедливости давнего предположения С. Голубева о том, что Симеон после окончания Киево-Могилянской коллегии учился в Виленской иезуитской академии¹¹ (приблизительно с 1650 по 1653 г., когда и были написаны «Вирши в Великий Пяток»), — по всей видимости, одно из самых первых драматических произведений Симеона.— В. Б.). Наконец, еще одно подтверждение получают указания советских исследователей Н. П. Киселева и А. Н. Робинсона на действительную принад-

XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910; *Он же. Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий*. Нежин, 1916.

⁷ См.: Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—XVIII вв.: Польша, Украина, Россия. М., 1981, с. 128—130.

⁸ См.: *Pamiętnik Literacki*, 1908, zesz. I—II, s. 170.

⁹ См.: Резанов В. И. Из истории русской драмы..., с. 155.

¹⁰ Там же, с. 253.

¹¹ Голубев С. Отзыв о сочинении В. О. Эйнгорна «Очерки из истории Малороссии в XVII в. 1. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича». М., 1899.— Записки имп. Академии наук, т. 6, № 2, СПб., 1902, с. 87—137.

лажность Симеона к «латиноуниатскому монашескому ордену Базилиан»¹².

В начале 50-х годов XVII в. среди студентов Виленской академии большой популярностью пользовались философско-эстетические концепции местных профессоров Сигизмунда Лауксмина и Казимира Кояловича, суть которых сводилась к идеи «разумной гармонии»¹³.

Вероятно, именно их влиянием следует объяснить то, что своей пьесе Симеон придал внешне простую и в то же время удивительно правильную, искусно организованную форму. Подобно тому, как это можно видеть в большинстве драматизированных диалогов, здесь обозначены лишь так называемые универсальные части (*ragtes universales*) — пролог и эпилог (офи же — персонажи пьесы), основной же ее состав не имеет деления на акты и сцены¹⁴. Тем не менее при внимательном рассмотрении пьесы Симеона наличие в ней логически и композиционно означенных частей становится совершенно очевидным. Так, первый «акт» характеризуется циклически замкнутым сюжетом: действие в нем получает развитие со сцены плача Души Благочестивой под крестом и, после последовательной смены сцен в Гефсиманском саду, у первосявященников Анны, Кайафы и у Пилата, завершается на том же месте, откуда было начато. К этому надо добавить, что действия, картины, выведенные в первом «акте», как явствует из ремарок драматурга, представлялись, по-видимому, на открытой сцене, расположенной на монастырском дворе (ср. следующее замечание Симеона: «Тут уже Ангел с Душою пойдут за занавес, а все хоры будут говорить...» — л. 297); дальнейшее же действие пьесы переносится в помещение «Большой церкви», оформляясь тем самым в самостоятельную часть представления или во второй — заключительный «акт». В отличие от первого «акта», где зритель мог наблюдать хорошо известных ему евангельских персонажей (вероятно, выста-

¹² Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века. — В кн.: Книга: Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960, с. 166; Робинсон А. И. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 49 (см. там же примеч. 101, 102, 103).

¹³ См.: Чернышева Л. А. Латиноязычная традиция в культуре белорусского барокко. — Белороссика: Книговедение, источники, библиография. Минск, 1980, с. 70—73. К. Коялович Симеон упоминает в своем конспекте «Практической риторики», датированном им 20 марта — 22 июля 1653 г. — см.: ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1791, л. 170.

¹⁴ Ср.: Пролог объявляет зрителям, что они увидят просто «акт» (действие), не уточняя его сценической структуры. Здесь и далее цитация текста пьесы приводится в переводе со старопольского языка на русский. Перевод В. К. Былинина и Л. А. Софоновой.

влявшихся в качестве «немых фигур»¹⁵), следить за эмоционально насыщенным диалогом Души и Ангела, заключительный «акт» имеет сюжет, всецело сфокусированный на церемонии возложения символических атрибутов смерти Христа.

Обе части («акта») пьесы соединены между собой торжественной церемонией взятия и несения хорами «орудий страстей» в церковь, сопровождаемой общим пением отроков. Главным же семантическим связующим части пьесы, ее композиционным центром выступает *крест*. Этот традиционный христианский символический атрибут действует здесь как самостоятельный герой, образуя параллельно с Душой Благочестивой сквозной мотив драмы. Настойчивое акцентирование Симеоном внимания зрителей на этом атрибуте, заставляет считать, что образное раскрытие символики распятия есть основная идея данной пьесы — та высшая дидактическая цель, достижение которой, безусловно, являлось главной задачей молодого драматурга. Крест окружен несколько менее значимыми пассионарными атрибутами-символами, «немыми фигурами» мифических мучителей Христа, но вместе все они образуют верхний ряд в иерархии системы героев, скомпонованной Симеоном. По отношению к ним Душа Благочестивая и Ангел (аллегорические персонажи, непосредственно движущие действие пьесы) занимают подчиненное положение, поскольку сентенции и жесты последних оказываются реакцией на само молчаливое появление (или же присутствие) первых. Таким образом, главные герои Пасхального диалога Симеона — статичны, второстепенные — активны. В этом он не выделяется из других современных ему пьес польско-католического толка. Правда, среди театрализованных Пасхальных или Рождественских диалогов XVII в. трудно найти такой, где аллегорический персонаж — Душа проявляла бы столь повышенную активность, как в пьесе Симеона (ср.: здесь она вопит, падает лицом, ее поднимают, затем она еще три раза падает на колени, сокрушается, рыдает, берет крест и идет и т. д.).

Напротив, авторы школьных диалогов XVII в. имели обыкновение выводить на сцену героев не действующих, а рассказывающих, беседующих между собой о тех или иных библейских событиях, как, например, в польских диалогах «Беседа скалы с душою жестокосердой при Христе распятом», «Диалог или беседа человека грешного с ангелами» Мартина Пащковского¹⁶ и др.

¹⁵ «Немые фигуры» — своеобразные элементы часто выводимые в школьных драмах XVII в. «живых картин» («немых сцен»), сближавших театральное искусство с эмблематической живописью (ср.: «живые картины» в пьесе Симеона «О Навходоносоре царе». — См.: Софронова Л. А. Поэтика славянского театра..., с. 220).

¹⁶ Резанов В. И. Из истории русской драмы..., с. 157.

Это обуславливалось не только возникшими порой реальными техническими сложностями в сценическом воплощении данных событий, но, прежде всего, находилось в прямом соответствии с теорией школьной драмы¹⁷. У Симеона Ангел тоже рассказывает, хотя это не рассказы в собственном смысле слова: Душа Благочестивой и всем зрителям им представляются краткие тенденциозные описания известных евангельских эпизодов: «А вот... место Кайафово, где и состоялось отречение Петрово» (л. 296); «А вот Пилат с Иродом... Пилат господа посыает к Ироду злому, а Ирод, бесстыдный и жестокосердый, отсылает к Пилату, волк хищный, позорно оболгавши и осромотивши агица» (л. 296 об.); «Вот место, вот крест, где господа распяли, пять раз его с позором убивали» (л. 297), — на что Душа Благочестивая, подавая наглядный пример присутствующей публике, отвечает подчеркнуто аффектированными движениями, громким рыданием и т. д. Активность Души, быстрая смена не перегруженных образными хитросплетениями сцен создают впечатление динамично развивающегося действия, делают пьесу Симеона по-своему увлекательной, определяя всем этим главное, на наш взгляд, ее своеобразие. Знаменательно, что как раз такие эстетические качества спустя почти четверть века определят важные специфические черты зарождающихся в России придворного и школьного театров¹⁸.

Особую группу второстепенных персонажей «Виршей в Великий Пяток» составляют четыре хора. Каждый из них выполняет роль персонифицированного толкования, «говорящей подписи» к определенному символическому атрибуту смерти Господней (венцу, гвоздям, трости, копью). В результате такой зависимости священные атрибуты и раскрывающие их значение хоры действуют как четыре семантически взаимосвязанные эмблемы, обрамляя стержневой эмблематический образ пьесы (крест).

Наряду с хорами — «действующими лицами» в пьесе включены эпизодические хоральные партии, исполняемые несколькими отроками «на деревенский манер» (т. е. на белорусском языке, изобилующем полонизмами): «Креста честный скарбница всех добру невозбрани // Трона цара вышнего неошацованы» (л. 297); или: «Иисуса пред Кайафом гды постаповили // На тело му блознерди

¹⁷ Ср. определение, данное диалогу авторитетным теоретиком барокко Фр. Лангром: «Диалог — это ровная простая беседа на какую-либо тему». — См.: Лангр Фр. Рассуждение о сценической игре. Цит. по кн.; Всееволодский В. (Гернгросс). История театрального образования в России. М., 1913, т. 1.

¹⁸ См.: Дёмин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977, с. 27—31, 42—57 и сл.

нёмющи тяжко положили // Але и Петр вёрою тёплейши запри-
ся // Учителя своего при всех завстыдися // Ты человече вызнавай
пред кролми и паны // Же богу человек си стал се притерпел за ны»
(л. 299) и т. п. Перед пами распространенный в школьном като-
лическом театре прием использования *chorus rusticorum*, цель
которого была не столько художественного, сколько пропагандист-
ского свойства,— привлечь на свою сторону широкие массы публи-
ки и донести до них глубокий смысл возвышенных религиоз-
ных идей.

Аллегоричность содержания пьесы, ее связь с драматической
поэзией XVII столетия намечаются уже в первом монологе Души
Благочестивой, воспроизводящем космогоническую картину кру-
шения мироздания, всеобщего плача по усопшему Христу в ти-
пичных для произведений подобного рода художественных оборот-
тах и образах («Солнце с месяцем померкли, цветистые, они
плачут мрачным себя покрыли, звезды заблудились на небосводе,
а земля необычайно потрясается; скорби глыбы кремнистые помо-
гают, когда, со скал осыпаясь, падают грохоча на землю...» —
л. 294 об.). Такой же традиционностью отличаются фигурирую-
щие в пьесе образы-символы «львов жестоких», «волка хищного»,
«прелестного сада», «яблока [греха]», «Адамова племя», «терни-
стого пути», «смертельной бездны». Особенно широко представ-
лены здесь метафорические синонимы Христа: «врачеватель искус-
ственный», «мудрый учитель», «жених любимый», «связанный невин-
ный агнец», «неисчерпаемая сокровищница», «единственная
радость», «надежда искупления», «клейнот бесценный», «жемчуг
неоплатный», «честное богатство», «кровь обильно пролитая»,
«чистый источник», «царь неба и земли» и т. п. Молодой белорус-
ский драматург демонстрирует прекрасное владение современным
ему польским литературным языком. Художественный язык его
драматического произведения изобилует тропами, изящными по-
этическими фигурами, организованными по всем правилам бароч-
ной поэтики. Эта приверженность Симеона эстетическим прин-
ципам барокко прослеживается на всех лингвистических уровнях
пьесы. Это можно видеть и на уровне синтаксиса, где авторская
мысль, вероятно, в силу общей дидактической целеустановки, стре-
мится к оформлению в разнообразные конструкции параболиче-
ского характера. Вот фрагмент, который наглядно иллюстрирует
отмеченную тенденцию:

Прекрасные кущи, где Адам хотел быть вознесенным,
Но, познав вкус яблока, пал.
А здесь пред тобой — Сад лучший, более прекрасный
И к спасению твоему всегда открытый;

Как раз здесь-то, упав наземь,
Господь молил бога-отца за Адамово племя (л. 295—295 об.).

Однако в целом текст пьесы не перегружен сложными смысловыми построениями. Чаще всего Симеон обращается к приему контрастной антитезы и к рефреину, с помощью которых старается яснее проакцентировать наиболее важные свои положения, закрепить их в сознании каждого слушателя. Например, во время торжественной процессии хоры декламируют:

Вышние жители вместе с земными
И водные с воздушными, подивитесь,
Как бог от человека, ах! смутную
Смерть принял постыдную, иkestокую.

Душа Благочестивая, Душа справедливая,
В которой явилась любовь непорочная
К господу, да такая, что его ей уж очень жаль.
И, вот, она рыдает, источая обильные слезы.

Душа Благочестивая, Душа справедливая,
В которой явилась любовь непорочная,
Ангела имея проводником,
С ним она охотно пути господни познаёт.

Душа Благочестивая, Душа справедливая,
В которой явилась любовь непорочная,
После этих своих трудов, приняла утешение —
Крест господа своего на вечную радость (л. 297—297 об.).

Очевидно, ту же назидательную функцию выполняет часто используемый в пьесе поэтический прием повторения одного и того же слова в начале нескольких стихов (строф) — анафора или эпистрофа:

1. Пойдем же на место, где то древо свято
Руками Души Благочестивой взято.
2. Пойдем же посмотрим оставшиеся святыни,
Достойную им честь воздадим и хвалу.
3. Пойдем же скорее, поспешим к ним
И, взяв их со страхом, ко гробу понесем (л. 297 об.— 298).

Все это свидетельствует о том, что «Вирши в Великий Пяток» были рассчитаны на действительно широкую аудиторию. Не исключено даже, что, работая над этой пасхальной пьесой, Симеон в какой-то мере ориентировался на народные пасхальные традиции. Так, скажем, действие в первой части пьесы развивается по сценарию, напоминающему сюжет очень популярных в Литве и

Белоруссии XVII в. Зебжыдовских кальварий, представлявших собой массовое шествие с пением гимнов по «местам страстей Христовых», обычно начинавшееся от креста и там же заканчивавшееся.

Пьеса написана правильным тринацатистоложным изосиллабическим стихом, размером, который Феофан Прокопович признает идеальным для трагедий, а В. К. Тредиаковский назовет «российским экзаметром». Вряд ли подлежит сомнению, что этот ранний опыт в области драматической поэзии не остался бесследным для Симеона. Он мог послужить примером и другим поэтам и драматургам. Хотя, конечно, говоря об общепоэтической значимости рассмотренного нами произведения, не следует забывать, что представляемое им сугубо религиозное направление, имевшее место в практике польского школьного театра, в России XVII в. не привилось и развития не получило. Только в петровскую эпоху, уже в начале XVIII столетия, пасхальная (успенская) драма и, в частности, ее разновидность — Пасхальный диалог впервые появляются на школьной сцене московской Славяно-греко-латинской академии, а еще позднее входят в привычный репертуар ростовского, тверского, новгородского и других русских провинциальных учебных театров¹⁹.

¹⁹ См.: Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889; Перегуц В. П. Памятники русской драмы Петра Великого. СПб., 1903; Абрианова-Перегуц В. И. Новые материалы из истории русского школьного театра XVIII в.— ТОДРЛ, М.; Л., 1940, т. 4; Ранняя русская драматургия: XVII — первая половина XVIII в. Т. 4. Пьесы столярных и провинциальных театров первой половины XVIII в./Под ред. А. Н. Робинсона, М., 1975.

Глава двенадцатая

Симеон Полоцкий и русская историко-литературная мысль XVIII в.

А. С. КУРИЛОВ

Перед каждым национальным литературоведением в процессе его формирования встает целый ряд проблем и вопросов, без решения которых невозможно его самоопределение, превращение в самостоятельную науку, в особую специфическую область познания. Важнейшими среди них являются вопросы об исторических границах и далах отечественной словесности, о том, «откуда есть пошла» родная литература, кто был первым по времени ее поэтом. Не ответив на них, не выявив, когда и где берет свое начало национальное литературно-художественное сознание, нельзя представить себе картину исторического движения родной литературы, характер, направление, этапы ее развития. Собственно говоря, с ответа на эти вопросы и начинается рождение национальной историко-литературной мысли в каждой стране и, в конечном счете, формирование национальной историко-литературной науки.

У нас первым шагом на этом пути становится предположение, высказанное В. К. Тредиаковским в 1752 г. в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще». Русская литература, полагал он, как и литература других народов, началась с поэзии, с устного поэтического творчества, истоки которого теряются в глубине веков. И «вероятно по всему... — писал он,— первыми у нас стихотворцами» были «наши поганские (языческие.— А. К.) жрецы»¹. Правда, в подтверждение своих слов Тредиаковский не приводит ни одного примера, ни одного, как он сам пишет, «образчика языческой нашей поэзии», тем не менее определенные основания для такого рода утверждения у него были.

Вместе с многочисленными русскими и зарубежными своими предшественниками Тредиаковский считал, что поэзия как спо-

¹ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 1752, т. 1, с. 170.

собность «творить, вымышлять и подражать» заключена в самой природе, «естестве» человека, что она «родилась с человеками»². Человеческое же естество (в чем он нисколько не сомневался) от бога, следовательно, у всех одинаково, а значит в известной мере одинаковыми должны быть у каждого народа и процесс возникновения его поэзии, и характер ее бытования, распространения, и этапы развития. Этот вывод подкреплялся соответствующими суждениями и свидетельствами историков, философов, самих древних поэтов и ораторов, к сочинениям которых обращался Тредиаковский, работая над своей статьей.

Вырисовывалась приблизительно такая картина истории первоначальной поэзии. Изобретателями ее и распространителями были пастухи, потому что «пастушеское состояние,— цитирует Тредиаковский Фонтенеля,— есть старее всех состояний». Они пели «увеселения свои и любовь», а также «стада свои, леса, источники и все вещи, кои знакомее им были». Однако это еще была поэзия, так сказать, естественная, непроизвольная, ритмическая. Пастухи не знали стопосложения, не имели представления о стихе, поэзии метрической. Подлинная «стиховная поэзия» появляется только с возникновением богослужения, становясь в этом качестве «священнейшою и первейшою философию, которая с начала веков образу жития научала, путь показывала к добродетелям и провождала по нем; а особливо прославляла бога, и его величие, и свойства»³.

Мысль о том, что рождение нашей поэзии, «наших самых первоначальных стихов» совершалось аналогичным образом и что первыми стихотворцами, т.е. создателями «стиховной поэзии», у нас также были священнослужители — жрецы, приходит к Тредиаковскому почти как озарение в момент написания им этой статьи. И, по-видимому, для него самого неожиданно, потому что делится он ею с читателями в подстрочных примечаниях, как бы между прочим, не вводя рассуждение о начале русской поэзии в основной текст, дабы не нарушить уже продуманную заранее композицию статьи. Но пришла она отнюдь не случайно, о чем говорят последующие его работы, и прежде всего — «О древнем, среднем и новом стихотворении российском».

Если бы Тредиаковский в это время не размышлял над тем, откуда берут свое начало русская поэзия, русский стих, тоиническую природу которого он выявил уже в 30-х годах⁴ и подробно

² Там же, с. 157, 159.

³ Там же, с. 165, 161—162.

⁴ См.: Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего надлежащих званий. СПб., 1735.

обосновал в своем труде «Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправленный и дополненный», увидевшем свет под одной обложкой с «Мнением о начале поэзии и стихов вообще»⁵, ему просто незачем было прилагать отмеченные им закономерности возникновения поэзии у разных народов к истории нашей древней поэзии. А он приложил, в результате чего сумел сделать открытие, глубину и важность которого он на первых порах еще и сам не осознавал (иначе сообщил бы о нем не в подстрочных примечаниях, не петитом, а корпусом), но которое в дальнейшем позволило ему в самые, как говорится, сжатые сроки — два с небольшим года, — провести соответствующее исследование и написать *первую историю отечественной поэзии с древнейших времен до середины XVIII в.*

Я хочу подчеркнуть это слово — «сумел», потому что быть в чем-то первым всегда трудно. Для этого нужно преодолеть инерцию привычного, остановившегося, несомневающегося взгляда на вещи, задаться таким вопросом, получение позитивного ответа на который кажется практически невозможным, подойти к рассматриваемому явлению с новой, порой совсем неожиданной стороны. Именно так и поступил Тредиаковский, пытаясь ответить на вопрос о том, какие были у нас «первоначальные стихи» и первые по времени поэты. А затем, впервые в истории отечественной филологии, он применил типологический подход к решению этой важнейшей историко-литературной проблемы, сделав одновременно и первый шаг на пути формирования у нас сравнительно-исторического литературоведения. Новым, даже можно сказать, новаторским было и то, что в своем решении он опирался не только на зарубежную историко-литературную мысль, но и на национальный художественный опыт, русский фольклор, «мужицкие песни»⁶, как он называл произведения устного народного творчества, которые выступали для него реальным свидетельством существования поэзии и вдохновляли христианской, языческой Руси.

К работе над статьей о «российском стихотворении» Тредиаковский приступил уже в известной мере обогащенный собственным опытом историко-литературной типологии. И это сразу же сказалось на методологии его исследования. Типологический подход становится основой принципа вероятности, который он, впервые в нашем литературоведении, применяет непосредственно при решении проблем, связанных с освещением истории древнерусской поэзии (литературы).

⁵ См.: Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы..., т. 1, с. 93—155.

⁶ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы..., т. 1, с. 170.

Тредиаковский и сам прекрасно понимал, что именно этот принцип уже отчасти был использован им и небезуспешно при разговоре «о начале поэзии и стихов вообще». В статье же «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» он выдвигает его в качестве одного из важнейших и в то же время единственно возможного и продуктивного в тех случаях, когда исследователь сталкивается с явным недостатком или даже полным отсутствием соответствующих исторических фактов. Предлагая читателям «историческое описание, касающееся особливо до российского нашего стихосложения,— древняго, средняго и новаго», Тредиаковский прямо заявлял: «...к показанию и определению первобытного нашего сложения стихов, послужит мне, за неимением надлежащих и достопамятных, оставшихся от древности нашей, обрасцов, одна только вероятность...»⁷

Реализуя этот принцип, Тредиаковский не только создает первую картину исторического бытия и судьбы «самого древняго стихотворения нашего», но кладет начало разработке методологических основ национального историко-литературного познания. Причем становление методологии совершается буквально на наших глазах, вместе с решением тех задач, которые возникали при изучении и освещении им последовательно сменявших друг друга этапов исторического развития русской поэзии.

Повторив, но с большей категоричностью — «бесспорно», — слова о том, что «во всех человеческих обществах, от самыя первоначальная древности, богослужители были первенствующими стихотворцами и владели стихами всюду, как законным и природным своим наследием», Тредиаковский заметил: «По сему и наши языческие жрецы, без сомнения, такое ж равно преимущество имели, и были главныи и лучшии в наших обществах, слагатели стихов» (503). Здесь вероятность существования у нас языческих поэтов и языческой поэзии доказывается исключительно положением о типологическом сходстве самой сущности древней поэзии у всех народов, ее назначения, а также социальной природы древних поэтов. Положение это, по глубокому убеждению Тредиаковского и современных ему теоретиков, имело всеобщий и абсолютный характер. Им же руководствовался Тредиаковский и при объяснении того факта, что «не осталось нигде для нас, по крайней мере неизвестно нам всем поныне ни о самом малом образчике, оставшемся от языческого нашего стихотворения: истребило его насташнее благополучно христианство» (503—504).

⁷ Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском.— Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, 1755, июнь, с. 503 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

Допустив, по принципу вероятности, неизбежность истребления языческой «стиховной поэзии» в период утверждения на Руси христианства, Тредиаковский в результате получает своего рода ключ и для объяснения своеобразия литературной жизни и художественного развития нашей страны на протяжении последующих «без мала шести сот лет», которое заключалось в том, что народ, как ни в чем не бывало, продолжал распевать свои «старинные песни» и сочинять новые в духе старых, языческих, другие же слои русского общества, и прежде всего священнослужители, церковь, пребывали все это время — «с X века по XVI включительно, без стихов, собственно так называемых по составу, имея, впрочем, стихи, только ж в прозе» (506, 508).

Одновременное сосуществование двух различных видов поэзии — «стиховной» и «прозаической» — оказывалось возможным лишь при условии неполного, выборочного уничтожения произведений языческой поэзии. Это была вероятность, к осознанию и обоснованию которой Тредиаковский пришел уже не типологическим, а чисто логическим путем, бросив ретроспективный взгляд на историю русской литературы с высоты своего столетия. Христианство, отметил он, «искоренило все многобожные служения и песенные прославления мнимым богам и богиням; однако с пренебрежения, или за упражнениями, не коснулось к простонародным обычаям: оставило ему забаву общих веселительных песен, и с ним способ... сложения стихов». Именно поэтому «стихосложение, пребывающее и доднесь в простонародных, молодецких и других содержаний песнях, живо и цело» (506).

В то же время, продолжал Тредиаковский, «уничтожившее вконец сплетенные песни стихами в похвалу идолам», христианство «награждало нас духовными песнями», сочиненными или переведенными с других языков прозой. «От сего, сверх природных способности, вкоренилась между нами проза за единственный способ речи; а заключенное мерами и числами слово, то есть стихотворение оное важнейшее, совсем позабыто: ибо простонародное стихосложение, за подлость (т. е. низкое происхождение.— А. К.) стихотворцев и материй, от чесных (т. е. высокого происхождения.— А. К.) и саном знаменитых людей, презираемо было всеконечно...» (506, 507).

Так принцип вероятности послужил Тредиаковскому при построении и объяснении им картины исторического развития нашей древней — языческой и средневековой — поэзии. И хотя принцип этот в методологическом отношении отличался, как мы видели, известным разнообразием своего применения, открывая, по крайней мере, два пути в решении историко-литературных проблем (один — основанный на типологии, другой — на внутренней логике разви-

тия явлений), тем не менее возможность того или иного факта, события утверждалась при помощи его умозрительно, «мысленно», как говорил сам Тредиаковский. Иначе и не могло быть, потому что принцип вероятности служил орудием познания, имел силу и применялся лишь в тех случаях, когда в распоряжении филологов, ученых, исследователей оказывалось слишком мало либо вообще не было никаких конкретных исторических данных и сведений, необходимых для соответствующих заключений, суждений, выводов, что неизбежно предполагало их умозрительность.

Но вот наступает момент, когда изучение истории национальной литературы подходит к той черте, той ее временной границе, где кончалась область возможного и вероятного и открывались просторы действительного и реального, оставившего свой более или менее заметный след в аниалах отечественной истории. При этом существенно, если не сказать — принципиально, менялась и методология историко-литературного познания: принцип вероятности уступает место принципу достоверности, согласно которому все суждения, заключения и выводы делаются не умозрительно — логически или типологически, — а на основании точных, конкретных, определенным образом зафиксированных данных — фактов, свидетельств, сведений и т. п.

Стремление к достоверности представляло собою первый шаг к научности. И его делает Тредиаковский, приступив к освещению «среднего нашего стихотворения». Именно с этого момента существование отечественной «стиховой поэзии» и ее история становятся неопровергимым, достоверным фактом. И лучшим тому доказательством выступает творчество Симеона Полоцкого — первого русского поэта-стихотворца, большая часть произведений которого, а не только их «обрасцы», дошла до потомков.

Уже в самом начале своей статьи Тредиаковский обещал — «потщусь» — «среднее» и «новое» российское стихотворение «изъяснить, при всей возможной твердости, самою точною достоверностью» (503). Теперь же, выполняя свое обещание, он старается быть предельно, даже можно сказать, до педантичности точным и пунктуальным. «Ровно 72 года», пишет он, «с 1663 до 1735», пребывал у нас «состав стиха», который «перешел от белоруссов и поляков в Малую Россию, а из Малыя к нам» (513). Этот «состав стиха» Тредиаковский называет «средним», тем самым довольно четко обозначив и «средний» период в истории русской «стиховой поэзии».

Нижнюю границу этого периода определила дата выхода Московской библии, где были помещены «самые первые» наши «рифмические стихи». И хотя данная их публикация была повторной, являясь по сути перепечаткой из Острожской библии 1584 г. (на

что указывает и сам Тредиаковский), тем не менее он выделяет именно ее. И не случайно.

Дело в том, что в свое время острожская публикация не оказала практически никакого влияния на процесс формирования письменной русской поэзии, как не оказала его и последующая затем попытка Мелетия Смотрицкого ввести у нас греко-латинский способ стихосложения, образцы которого он поместил в своей «Грамматике», изданной в 1619 г. Процитировав два стиха, сочиненных Смотрицким,— гекзаметр и геродегический (пентаметрический),— Тредиаковский скажет: «Но коль ни достохвальное сие тщание Смотритского, однако, ученыи наши духовныи люди не приняли сего состава его стихов: остался он только в его Грамматике на показание потомкам примера; а те утверждались от часу более на рифмических стихах средняго состава, приводя их в некоторую исправность с обрасца польских стихов» (516). И вот утверждение у нас «рифмических стихов» было, как казалось Тредиаковскому, самым непосредственным образом связано с публикацией их «обрасца» в «заглавии Московской библии».

С установлением верхней границы «среднего» периода было проще: ее определил год выхода из печати работы самого Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов, с определением до сего надлежащих званий», где обосновывалась тоническая, «ударительная» природа русского стиха и отвечающая ему система стихосложения, пришедшая на смену силлабической — «польской», по выражению Тредиаковского.

Дата появления печатной Московской библии, зафиксированная в выходных данных книги с точностью до дня и месяца — 12 декабря 1663 г.⁸, представлялась нашему историку литературы достаточно удобной и надежной для обозначения начала нового периода в развитии отечественного стихосложения и «стиховной поэзии». Она была наглядной и по-своему бесспорной: название издание Библии действительно открывалось первыми русскими «рифмическими стихами», в чем легко мог удостовериться каждый. И вместе с тем она свидетельствовала о выполнении им обещания быть достоверным и точным при изъяснении указанного периода.

На самом деле подлинную историю «средняго российского стихотворения» открывала поэзия Симеона Полоцкого, о чём в своей статье Тредиаковский скажет достаточно определенно. Казалось бы, и начало нового периода естественнее и правильнее было бы связать с конкретными фактами его творчества. Однако Тредиа-

⁸ См.: Библия. М.: Печатный двор, 1663, титульный лист.

ковский этого не делает и не делает сознательно, и поступает он так потому, что не знает, когда, в каком конкретно году поэт написал свои первые стихи. Без таких сведений любая приведенная им цифра оказывалась даже не вероятной или возможной, а предположительной, на что Тредиаковский, стремясь к достоверности, пойти никак не мог. И останавливается он на дате, хронологическая точность которой ни у кого не могла вызвать сомнений.

Выделение и установление именно такой даты было не только важно, но крайне необходимо. В противном случае никак нельзя было привязать, приковать, как говорится, воображение, внимание и взоры читателей к определенной эпохе и показать, внушишь им, что существует реальная веха для отсчета времени, выпавшего на долю нашего «среднего» стихотворения. Это была своеобразная исследовательская уловка, рассчитанная на то, чтобы завоевать доверие читателей, расположить их к себе своей точностью и однозначностью суждений. Добившись такой цели, скорее эффекта, сконцентрировав внимание читателей на годе издания Московской библии, эпохе 60-х годов XVII в., Тредиаковский тут же дает понять, что в действительности Симеон Полоцкий, и никто другой, кладет начало новому периоду в истории нашей «стиховой поэзии». И этот факт немедленно заслоняет, перекрывает собой названную ранее конкретную дату. Она оказывается всего лишь точкой, местом, своего рода площадкой, встав на которую вместе с автором читатели получили возможность наблюдать, следить за тем, как шло последующее, вплоть до их времени, развитие отечественной поэзии.

В результате такой нехитрой «операции» нужный для Тредиаковского акцент на достоверности рассказываемого сохранялся, переключалось лишь внимание читателей с сообщения о том, что «среднее» наше стихотворение берет свое начало вместе с изданием названной Библии (этот вывод являлся в известной мере умозрительным), на тот уже несомненно бесспорный факт, «что с времен Симеона Полоцкого, иеромонаха, жившаго в Москве, польского состава стихи начали быть в составлении постоянны и одноличны на нашем языке», и что «вероятно... он был и первый самый стихотворец у нас в Великой России на славенском языке». А первым он может быть назван потому, так как «не видно в московских книгах, польских исправным образом, рифмических стихов, бывших прежде Полоцкого, выключая некоторые в народе старинные присловия, в коих, так называемая, фигура гомеотелевтон играет» (521).

Все это и, можно сказать, главным образом это и оказывается самым что ни на есть достоверным свидетельством начала и существования «средняго российского стихотворения».

Чтобы закрепить данную мысль в сознании читателей, Тредиаковский затем еще раз повторит слова о первенствующем значении Симеона Полоцкого: «Но настало время: завелся и у нас сей состав стихов, и завелся при Симеоне точно Полоцком; а училищем потом Московским в Заиконоспасском монастыре, называемым также по богословскому факультету, Академию, и все-конечно уже оный утвердился» (521). Именно обращение к творчеству Симеона Полоцкого позволило Тредиаковскому достоверно и точно определить время возникновения на Руси «стиховой» «рифмической» поэзии, которая была основана на силлабическом стихосложении, и заявить об этом прямо и недвусмысленно, «при всей (обещанной.—А. К.) возможной твердости».

Тредиаковскому принадлежит и первое известие о поэтическом наследии Симеона Полоцкого. Говоря о произведениях, написанных «рифмическими стихами» по «польскому образу», он скажет, что первой среди них была «Псалтирь, составленная от Полоцкаго сими стихами, и напечатанная в Москве 1680 года. В ней,— подчеркнет Тредиаковский,— сие удивительно, что и Святцы или Месяцеслов царьковный, состоящий в именах только святых, почитаемых в церкви на каждый день, сочинен также есть стихами. Вторая,— отметит далее Тредиаковский,— Верт или Вертоград многоцветный, его ж, Полоцкаго; превеликая рукописная книга, хранящаяся в императорской академической библиотеке: написана она 1678 года. Сия книга писана толь чистым и преизрядным письмом, что уже ныне таких рук у наших писцов не видно: упоминает о сей книге сам Полоцкий в предисловии на Псалтирь» (522).

Таким образом, уже в середине XVIII в. Симеон Полоцкий был осознан отечественной историко-литературной мыслью как основоположник национальной, шире — «славянской», «стиховой» поэзии, как «первый самый стихотворец... на славянском языке» не только «в Великой России», но и в «Малой России и в Белой Руси» (521).

Обращение к творчеству Симеона Полоцкого способствовало качественному изменению и самой методологии исследования и объяснения нашими филологами литературных явлений: умозрительное в ней начинает уступать место конкретно-историческому, вероятное — достоверному. Особенно наглядно проявилось это при разговоре Тредиаковского о книгах, написанных и изданных, «частью от белоруссов, а частью от малороссийцев», — Кириллом Транквилионом и Иоанном Максимовичем, а также о произведениях, созданных «великороссийскими стихотворцами» в конце XVII — первой трети XVIII в. до времени выхода его «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» — Медведевым,

Карионом Истоминым, Федором Поликарповым, Леонтием Магницким, Иоанном Илинским, Антиохом Дмитриевичем Кантемиром, Петром Буслаевым и им самим (522—526).

Оставив в стороне какую бы то ни было умозрительность и предположительность, Тредиаковский говорит здесь только о том, что действительно было. И он не просто указывает реальные исторические факты, но и сопровождает их своего рода библиографическими справками, где приводит название, год и место издания каждой книги, давая тем самым возможность любому читателю, при желании, легко найти то или иное произведение или саму книгу, упоминаемую в тексте статьи. Все же другие источники сведений им также специальными оговариваются.

В этом отношении показательна его характеристика Медведева. «Монах некто, прозванием Медведев,— пишет Тредиаковский,— ученик Симеона Полоцкого, много, как говорят, писал стихами; но печатных я не видал нигде. Один токмо огромный эпитафий Симеону Полоцкому, погребенному в Заиконоспасском монастыре в нижней церкви, им сочиненный, вырезан на большом стоячем, или, помнится, на двух стоячих камнях. Его же рукописный плач и утешение о преставлении государя царя и великого князя Феодора Алексиевича» (523). Здесь приводятся сразу три источника: слухи («как говорят»), рукописи и публикация, в высшей степени оригинальная: высеченная на надгробном камне эпитафия.

Все это говорит не только о последовательном стремлении нашего филолога к достоверности, но является и лучшим свидетельством его необычайной добросовестности как ученого, который, собрав все известные ему сведения, выделяет и подчеркивает то, что видел собственными глазами и в чем может удостовериться каждый, отграничивая при этом увиденное от устных преданий, за достоверность которых он не может ручаться. Тредиаковский по праву стал первым русским академиком.

Обращение Тредиаковского к творчеству Симеона Полоцкого сыграло непреходящую роль в процессе становления отечественной историко-литературной мысли. Именно при характеристике творчества этого писателя у Тредиаковского впервые при изучении им русской поэзии и «российского стихосложения» так четко и определенно прозвучало слово «точно», а приводимые им факты и сведения были действительно точными и достоверными. Точность, как известно, это первое требование научности. Следовательно, именно с момента обращения Тредиаковского к творчеству Симеона Полоцкого у нас начинает формироваться уже в известной мере научное историко-литературное сознание.

Нельзя не поразиться той стремительности, с какой развивалась в те годы историко-литературная мысль Тредиаковского, пройдя за несколько лет путь от сравнительно-исторической аналогии, имевшей место в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще», через типологию принципа вероятности к хронологической точности принципа достоверности, которыми он уже пользуется при написании статьи «О древнем, среднем и новом стихотворении российском». Так закладываются у нас основы научной методологии историко-литературных исследований.

Одновременно формируется и первое представление о русской «стиховой поэзии» и поэтах-стихотворцах XVII — первой трети XVIII в. (если говорить о начале процесса рождения отечественной историко-литературной науки). Если в «Эпистоле к Аполлону» (1735) Тредиаковского и эпистоле «О стихотворстве» (1748) А. П. Сумарокова вопрос о существовании у нас в XVII в. «правильного» стихотворения, письменной, искусственной, а не устной, народной, естественной «стиховой поэзии» даже не ставился, то после выхода статьи «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» ее существование у нас по крайней мере со временем Симеона Полоцкого можно было считать доказанным. А сам Симеон при этом выступал как первый в России поэтический стихотворец и крупнейший представитель «среднего российского стихотворения».

Такое представление о Симеоне Полоцком и времени возникновения на Руси «стиховой поэзии» будет разделять и С. Г. Домашнев, — младший современник Тредиаковского, автор статьи «О стихотворстве» — самого раннего у нас очерка истории всемирной литературы. В этой статье он скажет: «В России понятие о стихотворстве начали иметь в прошедшем веке». Однако, считает Домашнев, это совсем не значит, что на Руси вплоть до XVII в. вообще не было никакой поэзии. «Стройность в сложении речей (есть ли сие позволено назвать стихотворением), — отмечает он, — была россиянам известна тогда, как еще многие писать не умели. Доказательством тому служат старинные русские песни: в них почти везде было наблюдаемо ударение, а в некоторых и рифмы». И это понятно, потому что «естество само у всех народов было предводителем в стихотворстве»⁹. Таким образом, Домашнев полностью согласен с положением Тредиаковского, что «ритмическая» поэзия известна у всех народов, в том числе и русского, с самой древности, и что поэзия «метрическая» и «рифмическая», т. е. собственно стихотворство, возникает везде значительно позже.

⁹ Домашнев С. Г. О стихотворстве.— Полезное увеселение 1762 года на июнь месяц, с. 235.

В России это происходит лишь в XVII в., и у истоков нашей «стиховой поэзии» стоит не кто иной, как Симеон Полоцкий, который «переложил на российском языке псалтилью стихами»¹⁰.

Подтвердив тот факт, что именно Симеон Полоцкий первым начал писать у нас стихи и тем самым дал русской литературной общественности первое понятие «о стихотворстве», Домашнев тут же заметит, что стихотворство наше «тогда не только не имело нынешней чистоты, нежности и великолепия, но ниже рода стихов», что «стихи от прозы в то время отличались одними рифмами и ударениями; и употреблялись обыкновенно в приношении (т. е. в посвящении.— А. К.) книг»¹¹. Тем самым Домашнев, наряду с критерием исторической ценности произведений того или иного писателя, вводит критерий их ценности художественной, эстетической. И первым у нас писателем, творчество которого показывало необходимость введения такого критерия, становится Симеон Полоцкий.

Действительно, он дал нам первое понятие «о стихотворстве», но не о поэтическом искусстве. В его стихах были рифмы и ударение, но не было «чистоты, нежности и великолепия». Да, это уже были стихи, но в то же время они были еще далеки от того, что в дальнейшем получило название изящной словесности. Так, в процессе непосредственного изучения творчества отечественных писателей, и прежде всего Симеона Полоцкого, совершенствуется методология историко-литературного познания, обогащаясь критерием эстетической, художественной ценности произведений искусства.

Важнейшей составляющей этого критерия оказывается понятие о современности, что, по мнению Домашнева, является неотъемлемым качеством «хорошего стихотворения», которое должно быть «современно просвещенному рассуждению и тонкости вкуса»¹². Здесь Домашнев фактически высказывает мысль о том, что современность — это свойство подлинного произведения искусства и, следовательно, подлинное искусство всегда современно, так как представляет определенный художественный интерес для всех последующих поколений. На этом основании, не обнаружив ничего современного и близкого их поколению в стихах Симеона Полоцкого, а также учитывая, что они написаны по правилам «стихосложения польского», уже давно оставленного нашими поэтами, Домашнев не находит возможным говорить о какой-либо эстетической, художественной ценности произведений российского стихотворца XVII в. Симеон Полоцкий, считает он, останется в па-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 236.

мятии потомков не как первый русский поэт-художник, а лишь как создатель первых «на российском языке» стихов, давший россиянам своим стихотворным переложением Псалтыри только самое первое «понятие о стихотворстве».

Такая оценка роли и места Симеона Полоцкого в истории отечественной поэзии получит известное распространение среди русских филологов XVIII в. В «Рассуждении о российском стихотворстве» (1772) М. М. Херасков, например, говоря о том, что «почти до начала сего (т. е. XVIII.—А. И.) века Музы не дерзали вступить в отечество наше и науки, которые воцарения Петра Великого ожидали, света своего представить нам не могли», замечает: и хотя был у нас «род пинтов до вступления сего великого монарха на престол и во время его царствования; но творения сих сочинителей только что по имени были стихи»¹³. К такого рода сочинителям он относит и Симеона Полоцкого.

«В правление царя Алексея Михайловича,— пишет Херасков,— все псалмы были преложены стихами, ни меры, ни падения, ни приятности не имевшими, и лишь, по обыкновению древних пинтов польских, оканчивались рифмою. Монах Симеон Полоцкий, преложивший псалмы стихами, был, быть может, изобретатель сих безобразных стихов. Он сочинил „Плач“ на смерть Алексея Михайловича и другие творения в таком же вкусе; многие были подражатели в сем роде стихотворства, где правила пинитические ни в какой мере не соблюдались»¹⁴. Отметив, что именно Симеону Полоцкому принадлежат первые стихотворные сочинения, созданные на русском языке, Херасков, однако, как мы видим, более критично по сравнению со своими предшественниками оценивает значение данного факта для развития нашей поэзии. Для него это значение скорее отрицательное, чем положительное.

Симеон Полоцкий, полагает он, пойдя за «древними пинтами польскими», «преложил псалмы» не просто стихами, а «безобразными», в которых не было «ни меры, ни падения, ни приятности» (этот упрек, как мы видели, слышится уже у Домашнева). Написав же и «другие творения в таком же вкусе» и оставив после себя многих подражателей «в сем роде стихотворства», Симеон Полоцкий оказал неважную услугу отечественной поэзии, которая довольно длительное время (начиная с правления Алексея Михайловича и кончая царствованием Петра Первого) создавалась не только без соблюдения «правил пинитических», но и без учета просодических, версификационных («меры» и «падения») свойств русского языка. Это прямо сказалось на творчестве А. Д. Кантемира.

¹³ См.: Русская литературная критика XVIII в.: Сб. текстов. М., 1978, с. 278.

¹⁴ См.: Там же.

мира и раннего Тредиаковского. Лишь ломоносовская «Ода на взятие Хотина в 1739 году» обучила россиян «правилам истинного стихотворения»¹⁵.

Такая строгая оценка Херасковым творчества Симеона Полоцкого была обусловлена прежде всего дальнейшим развитием нашими филологами критерия художественной, эстетической ценности произведений искусства, его углублением и обогащением. Именно высота этого критерия дала основание Хераскову назвать стихи первого российского поэта «безобразными» и дать его сочинениям в целом довольно-таки снисходительную характеристику, фактически выведя их за черту подлинной поэзии.

Возрастание роли эстетического начала в оценке творчества писателей не могло не сказаться и на характере исторической их оценки. И вот анонимный автор «Известия о некоторых русских писателях», увидевшего свет в Лейпциге в 1768 г. на немецком языке, начинает свой рассказ об отечественных поэтах не с Симеона Полоцкого, а с Феофана Прокоповича¹⁶. А И. Ф. Богданович в статье о Симеоне Полоцком, написанной по просьбе Я. Я. Штелина, собиравшего материалы по истории русской литературы, говорит о нем уже как «об одном из древних русских поэтов»¹⁷.

Вместе с тем надо сказать, что Богданович более объективно и более исторично, нежели Херасков, подходит к характеристике творчества Симеона Полоцкого. Приведя уже известные всем факты о стихотворных сочинениях Симеона и отметив, что в переложении псалмов наш поэт шел во след другим, учитывая опыт стихотворных их переводов на другие языки (чего, кстати, не скрывал и сам Симеон), Богданович особо выделит то обстоятельство, что именно Симеону Полоцкому «первому удалось зарифмовать Святцы, несмотря на то, что имена святых гораздо больше приспособлены для рая, чем для версификации» и что на это его могла подвигнуть лишь «великая склонность к поэзии»¹⁸. Отсюда недалеко и до мысли, что Симеон Полоцкий для своего времени был поистине великим поэтом.

Здесь же Богданович скажет, что стихотворные переложения Симеона Полоцкого отвечали уровню поэзии той эпохи и были выполнены «хорошо размеренными стихами, хотя и без стоп, которых тогда не знали»¹⁹. Последняя фраза замечательна. Она говорит, что историко-литературным взглядам и суждениям Богда-

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Немецкое известие о русских писателях (1768). М., 1862, с. 5, 25.

¹⁷ См.: Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980, с. 250.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

новича был присущ подлинный историзм, в то время как Херасков подходил к оценке стихов Симеона Полоцкого с чисто эстетической точки зрения, а потому и требовал от них того, что стало достоянием нашей поэзии только в 50–60-е годы XVIII в. и чего во времена Симеона не только не знали, но просто и не могли знать.

Своеобразным итогом изучения и познания творчества Симеона Полоцкого в XVIII в. становится статья Н. И. Новикова, помещенная в его «Опыте исторического словаря о российских писателях». И хотя при ее написании Новиков не смог учесть точку зрения Хераскова и соответствующим образом на нее отреагировать, так как херасковское «Рассуждение» увидело свет почти одновременно с его «Опытом», и ему также не была известна статья Богдановича, которая была изложена в частном письме, да к тому же адресованном его идейному противнику, тем не менее в сказанном Новиковым был ответ и на попытку принизить значение Симеона Полоцкого в истории отечественной поэзии и одновременно развивалось и углублялось то позитивное, что имелось в суждениях об этом поэте других наших писателей и филологов, и прежде всего Тредиаковского. В этом отношении мысль Новикова работала, как говорится, в одном направлении с мыслью Богдановича.

Подчеркнув, что Симеон Полоцкий «писал много стихами» и приведя почти дословно слова Тредиаковского о «Псалтыри» и «Вертограде многоцветном», Новиков затем называет еще несколько произведений Симеона: стихотворные «Орел российский в солнце представленный», которое «содержит в себе похвальное сочинение царю Алексею Михайловичу», и «Глас последний ко господу царя Алексея Михайловича, к царевичу Феодору Алексеевичу, с наставлением, как в России царствовать; ко всем особам царского рода, к патриарху, к архиереям, к боярам и властям, к воинству и ко всем сынам Российского царства, с их ответами; а на последок с присовокуплением двенадцати плачей о кончине помянутого царя», и две «прозаические книги: *Обед духовный* и *Вечеря духовная*». Кроме того, Новиков отметит: «...Должно объявить к чести сего писателя то, что он был учителем российской грамоты и богословии Петру Великому: он сочинил и предсказание о рождении сего императора»²⁰. Так расширяется представление о сферах деятельности и творчества Симеона Полоцкого, о его вкладе в отечественную литературу и культуру XVII в.

Новиков соглашается с мнением Тредиаковского, заявляя, что

²⁰ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 166–167.

«стихи сего Полотского суть средниго российского стихотворства, которого состав при нем точно... и утвердился»²¹. Однако этим он не ограничивается и идет дальше Тредиаковского и других своих предшественников, видя в Симеоне Полоцком не только первого по времени слагателя стихов «на российском языке», но и первого у нас поэта-художника, которому удалось создать или запечатлеть «стихотворчески» определенные, современные ему образы-характеры. «В книге *Глас последний*, — пишет Новиков, — достойно примечания, что он по приличию (т. е. соответственно положению каждого. — А. К.) всем дал характеры, а может быть, и подлинные поставил и расположил ее как разговорами». И тут же Новиков дает очень высокую оценку творчества Симеона: «Во всех сочинениях его видна острота его разума, искусство и дух стихотворческий»²².

Если принять во внимание шкалу ценностей, какой пользовался в своем «Словаре» Новиков при характеристике отечественных писателей, то нельзя не признать, что подобная оценка стала Симеона Полоцкого в один ряд с виднейшими русскими поэтами-лириками, отличавшимися самобытным направлением своего творчества. Достаточно сказать, что «стихотворческий дух» он еще находит только в произведениях Василия Майкова, который «почитается в числе лучших наших стихотворцев», а «стихотворческий огонь» — только в одах М. М. Хераскова, который «по справедливости почитается в числе лучших наших стихотворцев»²³.

Таким образом, обращение к творчеству Симеона Полоцкого способствовало становлению в России XVIII в. историко-литературной мысли и методологии исторического познания литературы. В свою очередь, развитие отечественной историко-литературной мысли и совершенствование методологии историко-литературного познания открывали возможности для более глубокого проникновения в сущность творческого наследия поэта и объективной оценки его художественного своеобразия, а также той роли, какую он сыграл в процессе формирования у нас поэзии как особого вида искусства, в поисках путей к самобытному «российскому стихотворству», что и было прослежено в данной работе. А уже в начале XIX в. Н. М. Карамзин, включая Симеона Полоцкого в свой «Пантеон российских авторов», назовет его «просвещеннейшим мужем своего времени», который «имел дар слова» и мимо произведений которого не может проходить ни один «философический исследователь нашего языка»²⁴.

²¹ Там же, с. 167.

²² Там же.

²³ Там же, с. 135, 250.

²⁴ Карамзин Н. М. Пантеон российских авторов. СПб., 1802, л. 6.

Указатель имен*

- Аввакум Петрович, протопоп 16, 18, 43, 44, 131, 187
Августин Блаженный, среднев. ученик 171, 275
Автомонов Иван, печатник 50
Агафья, царица 186, 200, 264, 282
Адриан, патриарх 204, 205
Адрианова-Перетц В. П. 9, 68, 95, 203, 317
Аквиинский Фома 17, 170
Алексеев В. 305
Алексей Алексеевич, царевич 93, 95, 97, 98, 247, 261, 267, 283, 288—290, 292, 302
Алексей Михайлович, царь 8, 10, 12, 17, 20, 21, 25, 26, 31, 40, 57, 61, 93, 95, 98, 106, 117, 159, 160, 185, 186, 245, 255, 259—261, 264—267, 271—273, 277, 278, 283, 285—289, 291, 292, 294—297, 301, 302, 304, 306, 307, 309, 311, 330, 333
Алексей Петрович, царевич 114
Альберт Великий 170
Альберт Кранций, историк 170
Андреев Иван, словолитец 51
Анна Михайловна, вел. княгиня 283
Ансельм Кентерберийский, архиепископ 170, 171, 174
Анатович Адам, польск. проповедник 170
Аристотель 34, 85
Аристип 85
Арсений Грек 16
Артемий, игумен 71

Баранович Лазарь, архиепископ 14, 52, 70, 157—160, 170, 193, 194, 307
Бароний 170, 248
Баталин Н. 251
Баузе Ф. Г. 307
Бекетов П. И. 147
Белецкий А. И. 13, 203, 205, 206, 208, 224, 226

Беллармин, иезуит 170
Белоброва О. А. 46
Белокуров С. А. 53
Бельский Мартин, историк 170
Берков П. Н. 9, 95, 203
Берында П. 15
Бесс Петр 154, 170
Бессонов П. А. 49, 52
Бирковский Ф., проповедник 153
Борброва Е. И. 204
Богданов Л., наборщик 55, 201, 202
Богданович И. Ф. 331, 332
Боголепов А. Д. 305
Бодэн Жан 170
Боэтий (Боэций), христ. философ 215
Браиловский С. А. 162
Буало Н. 34
Бузескул В. П. 203
Бурцов В. Ф. 96, 99, 100, 103
Буслаев Петр 327
Буслаев Ф. И. 203, 206, 215, 251
Былинин В. К. 309, 312

Варлаам архимандрит печерский 49
Варлаам Хутынский
Варфоломеев И., наборщик 50
Васильев А. 47
Вахрамеев И. А. 257
Величковский И. 15
Веронезе Паоло 122
Веселовский А. 134
Вивес Иоанн Людовик 170
Викентий из Бове (Винцент из Бовэ) 170, 225
Виноградов В. В. 29, 33, 34, 68
Вишокур Г. О. 30
Виргилий 169
Вишевский И. 14, 70
Владимир Всеволодович Мономах 116
Владимир Святославович, вел. князь киевский 137

* Учитываются фамилии исследователей и писателей, когда приводятся их мнения по данной литературоведческой проблеме, а также исторических лиц круга Симеона Полоцкого. Указатель составил М. А. Айвазян.

- Воинов М., дьяк 54
 Вольтер 26, 41
 Вомперский В. П. 34
 Всеволодский В. 314
 Ворагинский (Ворагине) Яков 136, 225
 Востряков Н. П. 257
 Вуек Я., проповедник 170
- Гавриил, архиепископ вологодский и белозерский 306
 Галятовский И. 14, 70, 153—157, 160, 169—171, 187, 193, 194, 252
 Ганибал А. П. 25
 Гваньини 305
 Геннадий, патриарх константинопольский 76, 99
 Герасимов Дмитрий, толмач 170
 Гизель И. 70, 159, 160, 170
 Глинка И. Ф. 27
 Глокке К. 123, 133
 Голенищев-Кутузов И. Н. 117
 Голенченко Г. Я. 46, 47, 53, 55, 56, 58
 Голицын В. В. 133, 304, 305
 Голицын Д. М. 132, 133
 Голубев С. 57, 311
 Гомер 26, 127
 Гомулка Никола, композитор 117
 Горский А. В. 78, 162—164, 170, 176, 184, 204, 206, 242, 248, 261
 Горский А. М. 5
 Грабарь И. Э. 196
 Грациан, западноевр. богослов 170, 175
 Гребенюк В. П. 6, 118, 259, 298, 309
 Грегори, пастор 302
 Григорий Двоеслов 77
 Григорий Назианзий 152, 250
 Григорий Нисский 152, 215
 Гришанович Василий, ученик Симеона 266, 267
 Гудзий Н. К. 208
 Гуковский Г. А. 35
 Гусева А. А. 62, 105
 Гутовский Симон, органных дел мастер 47, 48
 Гюи, франц. поэт 136
- Дамиан, пресвитер 106
 Демкова Н. С. 209
 Денисов Г. А., капитан 132
 Державин Г. Р. 27, 32, 41
 Державина О. А. 6, 116, 118, 298, 309
 Десницкий В. А. 147
- Дёмин А. С. 6, 60, 73, 83, 88, 92, 118, 298, 309, 314
 Джамбони Бено 255
 Дмитрий Ростовский (Туптало), митрополит 49, 305
 Довгалевский М. 311
 Долгорукий Г. А. 280, 282
 Долгорукий Д. А. 282
 Домашнев С. Г. 328—330
 Домецкий Гавриил, архимандрит 257
 Дробленкова Н. Ф. 209
- Евгений (Болоховитинов) 78
 Евдокия Алексеевна, вел. княжна 283, 294
 Евтропий, римск. писатель 170
 Ефимьев Харитон, тередорщик 55
 Екатерина II, царица 24
 Екатерина Алексеевна, царевна 99, 283
 Екимов Дмитрий, дьякон 132
 Елеонская А. С. 6, 53, 60, 75, 152
 Елизавета Петровна, царица 24, 37
 Епифаний, расколоучитель 16, 209
 Еремин И. П. 9, 13, 94, 203, 205, 206, 208, 220, 226, 228, 261, 262, 266, 287, 297, 300, 309, 310
 Ефимов Петр, лаборщик 55, 201, 202
 Ефремов Михаил, ученик Симеона 266
- Жирмуниский В. М. 11, 309
 Жуков Д. 13, 57, 94
 Жуковский В. А. 148
- Забелин И. Е. 258, 292
 Запчиц Ян 307
 Зейредан Ян, живописец из Лейдена 122
 Зернова А. С. 62, 64, 65, 78, 106
 Зизаний Лаврентий 96, 97, 99, 100
 Зизаний Стефан 15, 99
 Зиновьев Климентий, укр. писатель 252
 Змес Л. Ф. 257, 258
 Зотов Н. И., дьяк 8
- Иван Алексеевич, царевич 59, 99, 113, 161, 196, 245, 283, 295
 Иван Грозный, царь 21, 26, 71, 188, 305
 Иванов Алексей, писец 306
 Иванов Богдан, печатник 50, 55
 Иванов Михаил, батырщик 50
 Иванова Ж. Н. 79
 Иевлевич Игнатий, игумен 9, 11

- Иероним 225
 Илинский Иоанн, поэт 27, 327
 Иннокентий XI, папа римский 133
 Иоаким, патриарх 21, 49, 58, 78, 141,
 196, 204, 230, 294, 295, 297
 Иоанн Дамаскин 135, 137, 138, 141,
 169
 Иоанн Златоуст 105, 106, 152, 169, 171,
 236, 282
 Иоанн, инок Саввина монастыря
 Иоасаф II, патриарх 61, 65
 Иовий Павел 170
 Иона, игумен 132
 Иосиф Флавий 225
 Ипатий Потей, уннат 71
 Ирина Михайловна, вел. княжна 283
 Иринарх, монах 306
 Исаевич Я. Д. 96
 Истомин Каирон 13, 20, 104, 113, 114,
 205, 210, 257, 327
 Итигина Л. А. 6, 138, 140
 Иустин Философ 82, 83

 Кальвин Ж. 27
 Каменева Т. Н. 105
 Каменевич-Рвовский Тимофей 257
 Капустин Савва, ученик Симеона 266,
 267
 Кантемир А. Д. 26, 27, 38, 41, 327, 330,
 331
 Карамзин Н. М. 43, 333
 Карапаева И. 106
 Кирилл Александрийский 152
 Кирилл Туровский 136
 Кирпичников А. 134
 Киселев Н. П. 49, 61, 311, 312
 Клепиков С. А. 48
 Ковтун Л. С. 251
 Козьма, герцог тосканский 8
 Кокорев А. В. 36
 Колосова В. П. 15
 Коонстантин Болгарский 152, 153
 Копинский И. 252
 Копыстенский Захарий 170
 Корибут Михаил 257
 Коршунов А. Ф. 11
 Корчмин В. Д., майор 297
 Кохановский Я. 27, 117, 118, 122–125,
 127, 129, 130, 133
 Коховский Воспасиан 127
 Коялович К., профессор Виленской
 академии 312
 Крачковский И. Ю. 135
 Крекотень В. И. 15
 Кузнечов Б. И. 135

 Кузмин Василий, ученик Симеона
 267
 Кукушкина Е. Д. 209
 Купала Я. 5
 Курбский Андрей 71, 137, 304, 305
 Курилов А. С. 6, 318
 Курций Квинт 169

 Лабынцев Ю. А. 6, 62, 64, 79
 Лаврентьев Дмитрий, ученик Симеона 266
 Лазарь, публицист раскола 60, 61, 71,
 160, 187
 Ланг Фр. 314
 Ландсберг Геррад фон, аббат 255
 Ларин Б. А. 7
 Лауксмин С., профессор Виленской
 академии 312
 Лебедев И. Н. 136, 137
 Ленин В. И. 24, 25, 40, 41, 132, 144,
 147
 Леонид (Кавелин) 66, 256
 Леонтьев Григорий, разборщик 50
 Лигаид Паисий, митрополит газ-
 ского 66
 Липатов А. В. 15
 Лихачев Д. С. 13, 68, 69, 91, 92, 204
 Лихачев М. Т. 280, 283, 300
 Лихуды Иоанникий и Софоний 79
 Ломоносов М. В. 24, 26, 27, 32–34,
 36–38, 41, 117, 332
 Локк Джон 94
 Ломунов К. Н. 6
 Лудольф Г.-В., англ. лингвист 7, 38
 Лукьяненко В. И. 62, 64
 Луппов С. И. 66
 Людкович Иоанн, ученик Симеона
 266
 Людовик XIV, король 13, 23
 Лютий 52

 Магницкий Л. Ф. 36, 327
 Майков А. Н. 148
 Майков Василий 333
 Майков Л. Н. 66, 74, 162, 203, 205, 226,
 255
 Макарий, митрополит 137
 Макаров Ф. А., кузнец 132
 Максим Грек 37, 307
 Максимович Иоанн 252, 326
 Малек Э. 204
 Малышев В. И. 288, 307
 Мамонич Л. 15
 Маринич Андрей, ученик Симеона
 266

- Мария Ильинична, царица 159, 185
 259, 260, 286, 292—294
 Мария Алексеевна, царевна 99, 283
 Маркс К. 40, 94
 Маро К., гугенот 27
 Мартирий, инок 16
 Мартынов И. Ф. 208, 209
 Марфа Алексеевна, царевна 283
 Марфа, царица 200
 Марханти Якоб 255, 258
 Матвеев А. С., боярин 12
 Матхазерова С. 13
 Маяковский В. В. 30
 Медведев Сильвестр 9, 13, 20, 49, 56,
 58, 93, 143, 161—164, 171—178, 183,
 187—189, 198, 200, 202, 205, 215, 237,
 241, 242, 245—248, 252, 258, 261, 262,
 264, 265, 268, 277, 284, 285, 288, 291,
 298, 299, 326, 327
 Мелешко М. 15
 Мельников-Печерский П. И. 148
 Меффрет, проповедник 170, 225, 255,
 256
 Минифоров Андрей, подьячий 258
 Милославский И. М. 280, 284
 Михаил III, царь греческий 110
 Михайлов А. 153
 Михайлов Никита, наборщик 55, 202
 Михайлович Иоанн, ученик Симеона
 267
 Могила Петр, митрополит 17, 192, 193
 Моисеева Г. Н. 133, 307
 Мокреевич Самоил, укр. писатель 257
 Морозов А. А. 192
 Морозов Б. И., боярин 12
 Морозов П. О. 317

 Наливайко Дамиан 105
 Наталья Кирилловна, царица 8, 160,
 245, 283, 286, 295, 297
 Науклер 225
 Невлевич Игнатий, игумен 9, 41
 Невоструев К. И. 78, 162—164, 171,
 176, 184, 204, 206, 242, 248, 261
 Немирич Кристоф, польск. поэт 127
 Нероновский Василий, ученик Симеона
 266
 Нефедьев Алексей, резец 51
 Никита (Пустосвят), деятель раско-
 ла 60, 61, 64, 71, 187
 Никифор, монах 147
 Никон, патриарх 16, 61, 159, 160
 Новиков Н. И. 29, 332, 333

 Овидий 169

 Овчинникова Е. С. 120, 141, 144
 Ожегов М. Е., дьячок 306
 Онофрьевич Кондратий, ученик Си-
 меона 266, 267
 Ориген, христ. философ 171
 Орлов А. С. 117, 135, 136, 205
 Осипов Григорий, тередорщик 55
 Осипов К. С. 304
 Остен 50, 59, 204
 Острожский К., князь 24, 37
 Отлох Эммерамский 251

 Павел, митрополит сарский и подон-
 ский 78, 79, 186, 187, 235, 280, 284
 Павловец Никита 122, 214
 Наисий Хилендарский 111
 Панченко А. М. 9, 13, 19, 75, 81, 85,
 87, 203, 205
 Пекарский П. П. 310
 Пересветов Иван 71, 305
 Перетц В. Н. 22, 105, 208, 309, 317
 Пермяков Г. Л. 66
 Петр I Алексеевич, царь 8, 10, 20, 21,
 25, 40, 56, 59, 113, 114, 196, 204, 245,
 256, 283, 295, 306, 308, 317, 330, 332
 Петр Альфонс 170
 Петр Клюнийский 170
 Пласковицкий Георгий 235
 Платон, философ 85, 127
 Плиний Старший, римск. писатель
 169, 225
 Плутарх, др.-греч. писатель 225
 Покровский А. А. 47, 48, 51, 53
 Поликарпов Федор, директор моск.
 Печатного двора 327
 Половицкий 37
 Полуденский М. 204, 258
 Полякова С. В. 215
 Попов В. Е. 78, 162
 Попович Михаил, ученик Симеона
 166
 Потоцкая Анна 192
 Потоцкий Вацлав 127, 256, 257
 Прашкович Н. И. 264, 309
 Прозоровский А. 9, 58, 163, 171, 193
 Прокопович Феофан (Елеозар) 16, 17,
 32, 147, 317, 331
 Протасьева Т. Н. 204, 206, 241, 261
 Публий Сирин 250
 Пушкирев Л. Н. 57, 68, 94
 Пушкин А. С. 24, 34, 35, 43, 44, 117

 Радивиловский Антоний 170, 214, 256
 Радищев А. Н. 24, 25, 30, 31, 36, 37
 Раймбант III, граф Оранский 28

- Резанов В. И. 311, 313
 Рейтенфельс Яков, курлянд. аристократ 8
 Робинсон А. Н. 11, 13, 16, 23, 27, 31, 33, 45, 56, 57, 60, 84, 99, III, 209, 285, 309, 311, 312, 317
 Родосский А. 60, 78
 Родостамов Михаил, подьячий 52
 Розен П. Э. 135
 Ромадановский Г. Г., князь 280, 284
 Ромадановский Ф. Ю., князь 259, 280, 283, 285
 Ртищев Ф. М., окольничий 12, 57, 98, 280
 Рублев Андрей 217
 Румянцев И. 61
 Рыбаков Б. А. 68, 69
- Савва, архимандрит** 204, 206
Савватий, справщик 12, 100
Савельев Елизар, столяр 47, 53, 54
Сазонова Л. И. 6, 203, 209
Салтыков-Щедрин М. Е. 132, 147, 307
Сальмерон Альфонсо, исп. иезуит 170
Самойлович, гетман 160
Сантис де 255
Сатановский Арсений, монах, учитель Симеона 12, 255, 256
Сахаров И. П. 78
Семениников Матвей, дьяк 54
Сенека, философ 127, 169
Сетин Ф. И. 93, 105
Сидоров А. А. 120, 143, 190, 195, 196
Сидорова Л. П. 134
Симеон Алексеевич, царевич 99, 245, 259, 260, 265, 267, 286, 287
Симон, архиепископ 51
Скарга Петр 14, 70, 153, 170
Скида Афанасий 265
Славинецкий Епифаний 12, 20, 37, 38, 98, 235
Слейдан Ян, историк 170
Сменцовский М. Н. 79
Смирнов Н. А. 9, 288, 291
Смотрящий Герасим 15, 37
Смотрящий Мелетий 36–38, 96, 154, 170, 324
Собесский Ян 257
Соболевский А. И. 206
Соболь Спиридон 96, 97, 99, 100, 106, 108
Соловьев С. М. 203, 255
Сопиков В. С. 78
Софонова Л. А. 6, 192, 311, 313
- Софья Алексеевна**, царевна 8, 93, 95, 132, 159, 161, 283, 305
Счафарий Николай 46
Сперанский М. Н. 203, 250
Старовольский Симон, катол. проповедник 153
Станкевич А. А.
Стефанов Гавриил 259
Стоянов И. В. 280, 284
Строев П. М. 78
Стрыйковский, польск. историк 170
Субботин И. И. 64
Сумароков А. П. 27, 29, 38, 41, 117, 328
Сумцков И. Ф. 154, 159, 160, 169, 170
Сухарев Арсений 16
Сычев Н. П. 122
- Табор Михаил**, ученик Симеона 266
Тассо Т. 26
Татарский И. 43, 49, 64, 65, 78, 122, 160, 162, 205, 214, 216, 239, 240
Татьяна Михайловна, вел. княгиня 283
Творогов О. В. 69
Тевенков С. И., полковник 297
Тимофеев Михайлович 251
Титов А. А. 254
Титов Василий, дьяк 127, 132
Титов Ф. И. 241
Тихонравов Н. С. 208, 310
Товоровский А., семинарист 306
Толстой Н. И. 39
Толстой Ф. А. 133, 248
Транквиллон-Ставровецкий К. 14, 326
Тредиаковский В. К. 27–29, 38, 41, 117, 204, 317–328, 331, 332
Третий, нем. богослов 170
Тромошин Корнелий 262
Трухменский Афанасий 120, 141, 143, 195–197, 199
- Ундорльский В. М.** 78
Ушаков Симон 58, 120, 122, 141, 143, 195–198
- Фабер** 225
Фалес, философ 85
Федор, епископ едесский 307
Федор Алексеевич, царь 8, 9, 13, 21, 26, 32, 46, 48, 49, 52, 54, 56, 58, 93, 95, 99, 106, 113, 117, 120, 130, 131, 133, 140–144, 159–161, 175, 186, 196, 200, 204, 245, 260, 261, 264, 280, 282,

- 283, 285, 286, 294, 295, 297, 298, 305,
327, 332
Федор Иванов, деятель раскола 187
Федоров Василий, ученик Симеона
266
Федоров Денис, батырщик 50
Федоров Евдоким, наборщик 55, 201
Федоров Иван, печатник 37, 96, 99,
100
Феодор Мих 105
Феодосия Алексеевна, царевна 99,
285
Феоктист, иеродиакон 306
Фикари 256
Филарет Х. 14, 15
Филиппов Т. И. 64, 66
Филофей, патриарх 153
Флакк Валерий 169, 170
Флор 170
Флоринский В. М. 258
Фотельвейде Вальтер фон дер 28
Фопвизин Д. И. 41
Фонтенель 319
Фролов Г. А. 144
- Хагенау Рейнмар фон 28
Херасков М. М. 26, 330–333
Хиберник Фома 251
Хитрово А. И. 285
Хитрово Б. Г. 122
- Хитрово Б. М. 278—280, 283, 284, 300
Хитрово И. С. 280, 285
Хлудов А. И. 280
Храпченко М. Б. 27
- Цезарь Бароний 225, 248
Цибульский Иоанн 266
Цицерон 169
- Черкасский М. А. 67
Черная Л. А. 6, 46
Чернышева Л. А. 312
Чертков 297, 298
- Шахматов А. А. 208
Шлейсингер Георг Адам 59
Шляпкин И. А. 49
Штелин Я. Я. 331
- Щеглова С. А. 267, 309
Щербатов Ю. Ф. 132
- Эйнгорн В. О. 57, 159, 160, 311
Эманс Рудольф, нем. поэт 139
- Юриевич Матфий 267
- Языков Н. М. 27, 117
Якович Василий 267
Ясинский Варлаам 49, 160

Указатель произведений*

- «Аарон» Симеона Полоцкого, цикл стих. 87, 91
- «Азбука», изд. В. Ф. Бурцова (М., 1634) 96, 99
- «Азбука», изд. В. Ф. Бурцова (М., 1637) 100, 103, 96
- «Азбука» Ивана Федорова (Львов, 1574) 96, 99, 100
- «Азбука о голом и небогатом человеке» 251
- «Александрия» 69
- «Алфавитарь» Григория Назианзина, алфавитный флорилегий (IV в.) 250
- «Алфавит духовный в пользу иконом и мирским» Исаии Копинского (Киев, 1710) 252
- «Алфавит о дурных священниках», соч. (IX в.) 250, 251
- «Алфавит о тщетности жизни», соч. (XIV в.) 251
- «Алфавит о хороших священниках», соч. (IX в.) 251
- «Алфавит собранный, рифмами сложенный» Иоанна Максимовича (Чернигов, 1705) 252
- «Алфавитный патерик» (ГБЛ, Собр. Моск. духовн. академии, фунд., № 58) 251
- «Анналы» Барония, соч. (XVII в.) 170
- «Апофигматы», сб. 85, 225
- «Арифметика» Л. Ф. Магницкого (М., 1703) 36
- «Артаксерсово действие» 302
- «Беседа о том, что есть сын отечества» А. Н. Радищева 25
- «Беседы на 14 посланий ап. Павла» Иоанна Златоуста (Киев, 1623) 236
- «Беседы пастуские» Симеона Полоцкого, пастораль 267, 309
- «Беседы скалы с душою жестокосердой при Христе распятом» Мартина Пашковского, школы, диалог 313
- «Беседы со планиты» Симеона Полоцкого, диалог (ГИМ, Синод. собр., № 731) 260, 268, 287
- Библия 38, 116, 142, 156, 169
- Библия (М., Печатн. двор, 1663) 37, 38, 123, 171, 323, 324
- Библия (М., 1759) 37
- Библия (Острог, 1581) 37, 323
- «Благодарствие» Симеона Полоцкого, стих. 126
- «Благоприветование царю Алексею Михайловичу по случаю рождения сына Симеона» Симеона Полоцкого, стих. (1665) 259, 260, 265, 267, 287
- «Благословение отроков во училище» Симеона Полоцкого, молебен в «Букваре» (1679) 104
- «Боги поганския» Иоанникия Галятовского (Чернигов, 1686) 159
- «Большой букварь» Кариона Истомина (М., Печатн. двор, 1696) 104, 115
- «Брань» Симеона Полоцкого, стих. 223
- «Букварь» (М., 1657) 96
- «Букварь», изд. Симеона Полоцкого (М., 1680) 298, 299
- «Букварь славенороссийских письмен» Кариона Истомина (М., 1694) 210
- «Букварь языка словенска» (М., 1664) 95, 96, 98, 100
- «Букварь языка словенска» (М., 1667) 94, 96, 97, 98, 100, 103
- «Букварь языка словенска» (М., 1669) 53, 57, 76, 77, 94, 95, 97, 98, 100, 103

* Учитываются самостоятельные произведения. Названия отдельных произведений, входящих в книги Симеона Полоцкого, даются в том случае, когда они цитируются в тексте. Указатель составил М. А. Айвазян.

- «Букварь языка словенска» Симеона Полоцкого (М., Верхн. тип., 1679) 48, 50, 56, 76, 94, 95, 99, 100, 101, 103, 114, 115, 299
- «Букварь языка словенска» Спиридона Соболя (Могилев, 1636) 96, 97, 99
- «Веждество», стих. Симеона Полоцкого 95
- «Великое зерцало» 225, 251
- «Венец веры кафолический...» Симеона Полоцкого (1670) (ГИМ, Синод. собр., № 285) 77, 161, 162, 210, 283
- «Венец веры кафолический... «Симеона Полоцкого (1670) (ГИМ, Синод. собр., № 285) 212, 213
- «Вертоград» Тимофея Каменевича Рвовского (1680) 257
- «Вертоград духовный» Гавриила Домецкого (1685) 257
- «Вертоград духовный» Леонида (Кавелина) (ГБЛ, ф. 557, № 83) 256
- «Вертоград душевный» Фикари (Вильно, 1620) 256
- «Вертоград Марии богородицы» Антония Радивиловского (ГИМ, Собр. рукоп. Успенского собора, № 77, ичв. № 1054) 214
- «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (1678) 33, 39, 58, 84
- «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (БАН, ПА 55) 204, 205, 208, 220, 231, 242, 244, 247, 248, 254
- «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 288) 85—91, 95, 117, 146, 203—205, 241—244, 247, 254
- «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 659) 206—216, 218—220, 222—226, 228, 231—237, 239—242, 245—250, 252—254, 256, 258
- «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого, рукоп. книга, антология-энциклопедия 7, 77, 203, 226, 228, 299, 302, 326, 332
- «Веселье мира есть суета», стих. Симеона Полоцкого 226
- «Вечерний плач» Лазаря Бараповича 159
- «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого (М., Верхн. тип., 1683) 7, 51, 58, 77—80, 82, 94, 152, 153, 161, 162, 178, 182, 183, 187—189, 194—197, 202, 224
- «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого, промежк. рукопись (ГИМ, Синод. собр., № 657) 78, 79, 163, 181, 184—188, 200
- «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого, автограф (ГИМ, Синод. собр., № 658) 163, 178, 181, 184—186, 188, 189
- «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого, белая книга (ЦГАДА, ф. 381, Синод. тип., № 503) 163, 190
- «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого, первая корректура (ЦГАДА, Синод. тип., № 503) 163, 196, 200
- «Виноград домовитом благим насяженный...» Самоила Мокреевича (Чернигов, 1697) 257
- «Вирши в Великий пяток при выносе плащаницы» Симеона Полоцкого, диалог 310, 311, 314, 316
- «Властотворный образ человека любия Божия» М. Довгалевского, пасх. диалог 311
- «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского, роман 148
- «Вольность» А. Н. Радищева, ода 24
- «Вразумление стихотворными словесы», стих. Кариона Истомина 115
- «Гвагнина книга» 305
- «Генриада» Вольтера, поэма 26
- «Гистория альбо правдивое выписание святого Иоанна Дамаскина о житии святых преподобных отец Валаама и Осафа...» (Тип. Кутейнского монастыря, 1637) 137, 140, 142
- «Глас народа» Симеона Полоцкого, стих. (ГИМ, Синод. собр., № 288) 87
- «Глас последний» Симеона Полоцкого, стих. (1676) 26, 213, 259—261, 294, 295, 303—308, 332, 333
- «Глас последний» Симеона Полоцкого, стих. (БАН, 16, 14, 29) 307
- «Государю царю от раба» Симеона Полоцкого, стих. 273
- «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (Вильна, 1629; Кременец, 1638; М., № 1648; Угровлахия, 1697; Рымник, 1755) 37
- «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (Евью, 1619) 37, 38, 96, 324

- «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (М., 1721) 36
- «Гусель доброгласная» Симеона Полоцкого, стих. (1676) 46, 47, 259, 261, 287, 297, 300, 301, 306
- «Два поучения» книга, приписываемая Симеону Полоцкому (М., 1672–1675) (ГИМ, Синод. собр., № 657) 57, 78, 79, 81, 82
- «Детские вирши» Савватия, спроводника Моск. Печатн. двора 100
- «Диалог или беседа человека грешного с ангелами» Мартина Пашковского 313
- «Диалог краткий» Симеона Полоцкого (ЦГАДА, Собр. Тип. биб-ки, № 1800) 264
- «Диалог о муке Господней», драма XVI в. 311
- «Древняя российская вивлиофика» (2-е изд. М., 1788) 12, 54
- «Езда в остров любви» В. К. Тредиаковского (СПб., 1849) 29
- «Епископ» Симеона Полоцкого, стих. 230, 231
- «Епитафion» Сильвестра Медведева (БАН, ПIA 55) 9, 93, 245
- «Жезл правления» Симеона Полоцкого (ГБЛ, Собр. Моск. духовн. академии, № 68) 66
- «Жезл правления» Симеона Полоцкого полемич. книга (М., Печатн. двор, 1667) 17, 57, 60–77, 80–84, 86, 88, 160–162, 213
- «Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама и Иоасафа» 137
- «Житие протопопа Аввакума» 43, 209
- «Заутренняя радость» Лазаря Барановича 159
- «Зерцало истории» Викентия из Бове (XIII в.) 170
- «Золотая легенда» Якова Ворагине (XI в.) 136
- «Изборник Святослава» (1076) 68
- «Известия о некоторых русских писателях» (Лейпциг, 1768) 331
- «Илиада» 26
- «История, или Повесть святого и пребодного отца нашего Иоанна, иже от Дамаска, о преподобном отце Варлааме Пустынножителе и о Иоасафе царе Индийском» (ГИМ, Синод. собр., № 144) 438
- «История о великом князе Московском» Андрея Курбского 305
- «История царствования императора Петра Великого, сочиненная г-ном Вольтером» (М., 1810) 41
- «Казанье на сретение господне» Иоанникия Галятовского 156
- «Казанье на успение пресвятой Богородицы» Иоанникия Галятовского 156
- «Казнь сыну за отца» Симеона Полоцкого, стих. 229, 230
- «Како хотя уведать премудрость божию» Варлаама Хутынского 305
- «К гаждателю» Симеона Полоцкого, стих. 130, 131
- «Ключ разумения» Иоанникия Галятовского (Киев, 1659) 153, 154
- «Книга Вертуоград разглаголаний Зерелиевых, латинская» 258
- «Книга вирши...» Симеона Полоцкого, сб. стих. (ГИМ, Синод. собр., № 731) 265, 279
- «Книга вирши...» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 877) 265
- «Книга глаголемая Цветник, вкратце собраны различныя повести и нравоучения» (БАН, ПIA 55) 248
- «Книга, именованная Благопрощальный цветник, вертуоград здравию сотворение», рукопись (1616) 257
- «Книга Огородок духовной, полской печати» (ЦГАДА, Ф. 1251, инв. № 1199) 258
- «Книга о исхождении святаго духа и о иных святых вещех» Симеона Полоцкого (частично), книга бесед (ГИМ, Синод. собр., № 289) 75, 76
- «Книга о пастырском попечении» Симеона Полоцкого, сб. перевод Григория Двоеслова (ГИМ, Синод. собр., № 663) 77
- «Книга пословиц» Отлоха Эммерамского 251
- «Книга приветствы» Симеона Полоцкого, рукопись (ГИМ, Синод. собр., № 229) 77, 97
- «Книга Силва, или Вертуоград ино-глаголаний» 258
- «Книга сказаний об иконах» Симе-

- она Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 542) 77
- «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого, пьеса 87, 88, 90, 259, 298, 309
- «Крокодил» Симеона Полоцкого, стих. 231
- «К юношам учится хотящим» Симеона Полоцкого, стих. в «Букваре» (1679) 57, 100
- Лекарство на оспалый умысел человеческий..., сб. (Острог, 1607) 105
- «Лицевой букварь» Кариона Истомина (1694) 104
- «Любочество» Симеона Полоцкого, стих. 227
- «Мария дева» Симеона Полоцкого, стих. 222
- «Мессия правдивый» Иоанникия Галитовского (Киев, 1672) 159
- «Месиаслово» Симеона Полоцкого (М., 1680) 9
- «Метры» Симеона Полоцкого (Вильнюс, 1659) 26
- «Метры» Симеона Полоцкого (Витебск, 1658) 10, 11
- «Метры» Симеона Полоцкого ЦГАДА, Собр. Тип. биб-ки, № 1800) 264
- «Меч духовный» Лазаря Барановича (Киев, 1666) 157, 159, 193
- «Мир с богом человеку» Иппокентия Гизеля (1669) 159
- «Мир» Симеона Полоцкого, стих. 223
- «Мистерии о Варлааме и Иоасафе» (XI в.) 136
- «Моление» Даниила Заточника 69
- «Молитва св. Иоасафа, в пустыни входящая» Симеона Полоцкого, стих. 144, 146, 149
- «Мудрец и дурак», буддийский сб. 135
- «Мысли о воспитании» Джона Локка (1693) 94
- «На рождество Христово» Симеона Полоцкого, стих. 269—271, 273
- «Наука албо способ зложения казане» Иоанникия Галитовского 154, 157, 169
- «Наука по чтению и разумению писма словенского» Лаврентия Зизания (Вильно, 1596) 96, 97, 99
- «Небо новое» Иоанникия Галитовского (Львов, 1665) 192, 193
- «Новый завет», изд. Тимофея Михайловича (Острог, 1580) 251
- «Новый и краткий способ к сложению российских стихов...» В. К. Тредиаковского (СПб., 1735) 319
- «Обед душевный» Симеона Полоцкого, книга проповедей (М., Верхн. тип., 1681) 7, 51, 53, 58, 77, 80, 83, 94, 152, 153, 160—162, 168—170, 178, 181, 184, 185, 190, 194—197, 199—202
- «Обед душевный» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 655) 163, 164, 174, 175, 177, 186
- «Обед душевный» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 656) 163, 164, 176, 177
- «Обед душевный» Симеона Полоцкого (ЦГАДА, ф. 381, Синод. тип., № 504) 163, 189, 191, 196, 198
- «Обед душевный» Симеона Полоцкого (ЦГАДА, Синод. тип., № 612) 163, 200, 201
- «О благоговейном стоянии в храме» Симеона Полоцкого, поучение (М., Печат. двор, 1668) 57, 78—82, 152
- «Огородок Марии Богородицы» Антония Радивиловского (Киев, 1676) 214, 256
- «Ода на взятие Хотина в 1739 году» М. В. Ломопосова 331
- «Одиссея» 26
- «О добром сеятеле», притча 137
- «О должностном чаде воспитании» Симеона Полоцкого, проповедь 94
- «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» В. К. Тредиаковского (1735) 321
- «О ежи не петь бесовских песен» Симеона Полоцкого, поучение (М., Печат. двор, 1668) 57, 78, 82, 152
- «О ипороге», притча 137
- «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроеках, в пещи не сожженых» Симеона Полоцкого, пьеса 26, 87, 89, 259, 264, 298, 309, 313
- «О несогласии самих с собою новых книг» Лазаря, соч. 61
- «О описании царства Московского в государства, к нему прилежащих» 305

- «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (СПб., 1772) 332, 333
- «Опыт о человеческом разуме» Джона Локка (1690) 94
- «Орел Российский» Симеона Полоцкого, поэма (М., 1667) 9, 22, 31, 259—261, 285, 286, 288, 291, 292, 294, 300—302, 332
- «Орел Российский» Симеона Полоцкого, подноси. эказ. (БАН, 16.5.7) 288
- «Освобожденный Иерусалим» Т. Таско, поэма 26
- «О соловье», притча 137, 148
- «О стихотворстве» С. Г. Домашнева, статья 328
- «О стихотворстве» А. П. Сумарокова, эпистола (1748) 328
- «Осыннадцатое столетие» А. Н. Радищева, стих. (1801) 30
- «О сыне, взявшем отчее имение», притча 137
- «Ответ Никону...» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 602) 160
- «Отпис» аноним. клирика (Острог, 1598) 71—73
- «Отражения» Лигарида Паисия 66
- «О трех друзьях», притча 137
- «Отче наш» Симеона Полоцкого, стих. 218
- «О царе и добром советнике», притча 137
- «О царе и его дочери», притча 136, 137
- «О четырех ковчегах», притча 136, 137
- «Памятник» Г. Р. Державина, стих. 41
- «Пантеон российских авторов» И. М. Карамзина (СПб., 1802) 333
- «Патерик алфавитный», сб. житий 251
- «Петр Великий» М. В. Ломоносова, поэма 26
- «Петрида» А. Д. Кантемира, поэма 26
- «Штук и жемчужина» В. К. Тредиаковского, басня 36
- «Плач на кончину царя Алексея Михайловича» Лазаря Бараповича (Киев, 1676) 307
- «Повести и пословицы всенароднейшие по алфавиту» 251
- «Повесть об Исмии и Исминии» Евмафия Макремволита 215
- «Повесть (История) о Варлааме и Иоасафе» Симеона Полоцкого (М., Верхи, тип., 1680) 76, 94, 115, 134, 138—141, 144—148, 294, 299, 308
- «Повесть о Варлааме и Иоасафе» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 114) 138
- «Покрите грех» Симеона Полоцкого, стих. 230
- «Поучение» Владимира Мономаха 116
- «Поучение избрания от святого Евангелия и от многих божественных писаний...», сб. 153
- «Поучение от иереев супцым под ними в наставстве...» Симеона Полоцкого, проповедь (1670) 78—80
- «Поэтика» Аристотеля 34
- «Поэтическое искусство» И. Буало (1674) 34
- «Практическая риторика», конспект Симеона Полоцкого (ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1791) 312
- «Предисловие к благочестивому читателю» Симеона Полоцкого, стих. 262, 270
- «Предисловие к читателю благочестивому» Симеона Полоцкого, стих. в сб. «Вечеря душевная» 181
- «Предисловие к читателю благочестивому» Симеона Полоцкого, стих. в сб. «Обед душевный» 177
- «Предисловие» Симеона Полоцкого к сб. «Вертоград многоцветный» (ГИМ, Синод. собр., № 288) 39, 85
- «Предисловие к читателю» Симеона Полоцкого к сб. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» 146, 148
- «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова (1757) 33
- «Приветство» Симеона Полоцкого стих. 264, 280
- «Приветство брачное» Симеона Полоцкого, панегирик 57
- «Привилей славяно-греко-латинской академии» (1685) (ГИМ, Синод. собр., № 44) 241
- «Приложение слов по различные нужды» Симеона Полоцкого 78
- «Приповести, або теж присловия посполитые...» К. Зиновиева 252
- «Пролог», лит. сб. XVII в. 6, 138
- «Псалтир рифмовторная» Симеона

- Полоцкого (М., Верхи, тип., 1680). 7, 27, 36, 38, 51, 53, 76, 115—123, 125, 130, 132, 133, 144, 203, 210, 211, 216, 239, 242
- «Псалтырь» 38, 116—118, 120, 122, 123, 127—129, 131, 201, 239, 295
- «Псалтырь рифмованный» Симеона Полоцкого (БАН, ПИА 66) 132, 133
- «Псалтырь рифмованный» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 237) 241
- «Псалтырь рифмованный» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 661) 214, 236
- «Псалтырь рифмованный» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 847) 241
- «Пустозерский сборник» 209
- «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева 36
- «Радость миру днес сияет» Симеона Полоцкого, стих. 279
- «Рассуждение о российском стихотворстве» М. М. Хераскова (1772) 330
- «Риза» Симеона Полоцкого, стих. 228, 229
- «Римские деяния» 225, 307
- «Риторика» Аристотеля 34
- «Риторика» епископа Макария (1623) 34
- «Рифмологион» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 287) 8, 13, 32, 39, 77, 87, 88, 95, 146, 203, 216, 240, 242, 259—270, 276, 277, 280, 281, 284—286, 288—292, 294, 297—299, 301, 302, 308
- «Родосские песни любви» (XIV—XV вв.) 251
- «Роспись вкратце нововводным церковным раздором...», соч. Лазаря 61
- «Россияда» М. М. Хераскова, поэма (1779) 26
- Рукописные книги Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 731) 265, 267, 268, 279, 301, 310
- Рукописные книги Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 877) 264, 265, 267, 268
- Рукописные книги Симеона Полоцкого (ЦГАДА, Собр. Тип. биб-ки, № 1800) 264—267, 302
- «Рукопись» (1681) (Собр. Об-ва любителей древней письменности Q=51, ГПБ) 307
- «Рукопись князя В. В. Голицына», сб. (1677) (Отдел редких книг Харьк. ун-та, инв. № 129, сейф № 186(с)) 304
- «Рукопись конца XVII—начала XVIII вв.» (ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 654) 306
- «Рукопись начала XVIII в.» (ГПБ, Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 146/1223) 306
- «Рукопись начала XVIII в.» (ГПБ, Собр. Об-ва любителей древней письменности, Q=25) 308
- «Рукопись начала XVIII в.» (ГПБ, Собр. Соловецкого монастыря, № 676) 307
- «Рукопись первой половины XVIII в.» (ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 542/1025) 308
- «Рукопись (Псковский обл. краев. музей, № 142) 307
- «Рукопись» (Собр. Ф. Г. Баузе, № 107) 307
- «Руно Орошеннное» Дмитрия Ростовского (Чернигов, 1680) 305
- «Русская грамматика» Г.-В. Лудольфа (Оксфорд, 1696) 7, 38
- «Сад наслаждения» аббата Геррада фон Ландсберга (XII в.) 255
- «Сад пастырский» Яакоба Марханти (XVIII в.) 255
- «Сад утехений» Бони Джамбони (XIII в.) 255
- «Садик душъ», европ. сб. (XV в.) 255
- «Садик Царицы» Меффрета (XV в.) 255, 256
- «Сборник бесед и переводов» Симеона Полоцкого, рукопись (ГИМ, Синод. собр., № 660) 242
- «Сборник поучений XVI в. на воскресные и праздничные дни» (РКП ГИМ, Синод. собр., № 76) 153
- «Сборник XVIII в.» (ГИМ, Собр. Черткова, № 248) 297
- «Сборник XVII в.» (ГПБ, Собр. Погодина, 1575) 306
- «Сборник XVII в.» (ЦГАДА, ф. 181, № 462/930) 305
- «Сборник составной конца XVII в.» (ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 250/455) 307

- «Сборник составной начала XVIII в.» (БАН, 16.14.29) 307
- «Сборник черновых документов и посланий Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 130) 77
- «Симфония на Псалтыри» А. Кантемира 27
- «Синодик» патриарха Адриана (ГИМ, Синод. собр., № 291) 204, 205
- «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Москве» Якова Рейтевельса (Падуя, 1680) 8
- «Скарбница потребная» Иоанникия Галятовского (Новгород-Северский, 1676) 193
- «Скрижали» 61, 69
- «Слова» Кирилла Туровского (XII в.) 136
- «Словеса похвальная купно же...» Симеона Полоцкого, сб. посланий (ГИМ, Синод. собр., № 130) 77, 160
- «Слово» Симеона Полоцкого, стих. 234
- «Слово в день Николы чудотворца» Симеона Полоцкого, проповедь 94
- «Слово в день преподобных Ксенофonta и Марии» Симеона Полоцкого, проповедь 94
- «Слово в день Саввы Звенигородского» Симеона Полоцкого, проповедь 94
- «Слово еже всве мятется всяч человек» Иоанна Златоуста 106
- «Слово к люботщательному иконното писанию» Симеона Полоцкого 58
- «Слово на Благовещение» Лазаря Барановича (Новгород-Северский, 1675) 158
- «Слово на Воскресение Христово» Лазаря Барановича (Новгород-Северский, 1675) 158
- «Слово на святую Троицу» Лазаря Барановича (Новгород-Северский, 1675) 158
- «Слово о полку Игореве» 28
- «Слово учительное» патриарха Иоакима (1690) 50
- «Служебник» (М., 1667) 61, 65
- «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» В. К. Тредиаковского (СПб., 1752) 318, 320
- «Стихи краесогласные» Симеона Полоцкого 142, 146
- «Стихи на Рождество Христово ко го-
- сударю царевичу» Симеона Полоцкого 273
- «Стихи о Иоасафе прекрасном», скитские стихи 147
- «Стихи о недели честь субботы премышей» Симеона Полоцкого 169, 172, 174, 177
- «Стихи утешные к лицу единому», раннее стих. Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр. № 731) 301
- «Стословец» Геннадия Константинопольского 76, 99, 104, 106, 108
- «Считание удобное» (М., Верхн. тип., 1682) 51—53
- «Тестамент», изд. Симеона Полоцкого (М., Верхн. тип., 1680) 50, 76, 94, 105—111, 114, 115, 287, 294, 299
- «Тестамент», изд. Спиридона Соболя (Могилев, 1638) 106, 108
- «Тестамент» (М., Печатн. двор, 1661—1663) 106
- «Тестамент», пер. с греч. Дамиана Наливайко (Острог, 1607) 105, 106
- «Требник» (М., 1655—1658) 61
- «Требник киевский» 52
- «Трипостная» (М., 1655—1658) 61
- «Три правды» А. Н. Майкова, стих. 148
- «Триумф, или Торжество победное» Симеона Полоцкого, стих. 219
- «Трубы» Лазаря Барановича (Киев, 1668—1674) 157, 158, 160, 193
- «Трубы» Лазаря Барановича (Киев, 1679) 159
- «Увещание» Симеона Полоцкого, стих. в «Букваре» (1679) 103
- «Увещание к читателю» Симеона Полоцкого, стих. к «Тестаменту» (1680) 108
- «Устав церковный» (М., 1682) 54
- «Утешение» Лазаря Барановича 159
- «Учение о тайне святей покаяний», рукопись (ЦГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 654) 306
- «Учительное Евангелие» (Заблудов, 1569) 153
- «Учительное Евангелие» (Вильно, 1595) 153
- «Учительное Евангелие» Константина Болгарского 153
- «Учительное Евангелие» (Крилос, 1606) 153

- «Учительное Евангелие» (Москва, 1637, 1652, 1686) 153
«Фелица» Г. Р. Державина, стих. 41
«Философия» Симеона Полоцкого, стих. 215, 229, 239, 245
«Френы, или Плачи всех санов и чинов православно российского царства...» Симеона Полоцкого (1669) (ГИМ, Синод. собр., № 287) 259, 260, 286, 292, 301
«Хлеб» Симеона Полоцкого, стих. 218, 246
«Хроника баварских герцогов» Триадия 170
«Царство» Симеона Полоцкого, стих. 224
«Цветы священных книг» Фомы Хиберника (XIV в.) 251
«Часовник» 94
«Часослов» 77, 99
«Челобитная» Никиты Пустосвятя (1665) 61, 66
- «Четын-Минеи» митрополита Макария (XV в.) 137
«Четын-Минеи» Дмитрия Ростовского (ЦГАДА, ф. 381, № 420) 49
«Чин венчания на царство», книга (1676—1677) 144
«Чиновник патриарха Иоакима» 79
«Чистота» Симеона Полоцкого, стих. 246
- «Щастию не верити» Симеона Полоцкого, стих. 225
- «Экзетезис» Мелетия Смотрицкого (1629) 154
«Элеинхос, или Оглавление словес в книге содержанных» Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр., № 602) 160
«Энеида» Вергилия 26
«Эпистола к Аполлону» В. К. Тредиаковского, стих. (1735) 328
«Эпистола о русском языке» А. П. Сумарокова 29

Указатель географических названий и учреждений *

- Азия Средняя 135
Азия Центральная 135
Амстердам 262
Андреевский монастырь в Москве 98
Афины 76
Базилианский монашеский орден 8
Белоруссия 96, 137, 255, 316
Библиотека Академии наук 288, 307
Богоявленский монастырь в Полоцке 9, 93, 235, 282
Болгария 111, 136
Братцево, село 185
Брест 10
Варшава 123, 127
Венеция 16
Верхняя типография в Кремле 21, 29, 46—48, 50—59, 99, 106, 108, 114, 118, 120, 133, 134, 138, 141, 144, 152, 153, 196, 203, 224, 239, 294
Византия 136
Виленская иезуитская академия 311, 312
Вильна 26, 37, 96, 99, 153, 256
Вологда 306
Воронеж 251
Гарвардский университет (США) 96
Генадеев монастырь 306
Греция 127
Европа 13, 19, 22, 117, 136, 258, 305
Евью 96
Египет 127, 135
Заблудов 153
Заиконоспасская школа в Москве 57, 326
Заиконоспасский монастырь в Москве 258, 326, 327
Земский приказ 258
Иезуитская греческая коллегия 16
Иерусалим 257
Измайлово, село 299
Индия 135, 148, 149
Иран 135
Италия 8, 257
Казанское ханство 26
Казань 204, 258
Киев 9, 12, 15, 16, 108, 123, 132, 153, 160, 206, 214, 236, 241, 252, 307
Киево, село 184, 185
Киево-Могилянская коллегия 9, 16, 39, 40, 98, 311
Киево-Печерская лавра 57, 108, 157, 158, 193, 241, 256, 306
Киево-Печерский монастырь 49
Киевская духовная академия 133, 311
Киевское братство 192
Кирилло-Белозерский монастырь 306
Клирос 153
Кожеозерский монастырь 147
Коломенское, село 122, 283, 298, 299
Константинополь 286, 302
Краков 255
Кременец 37
Кремлевская царская библиотека 204
Кремль 55
Крымское ханство 22
Куличец, село 306
Курская пустынь 161
Кутейский монастырь в Белоруссии 137, 138, 140, 142
Лейден 122
Лейпциг 331
Литва 71, 117, 289, 316
Литовское княжество 8
Львов 96, 192, 251
Минск 11, 312
Могилев 96, 106
Молдавия 16
Монастырь св. Саввы в Палестине 135, 136
Москва 7, 8, 10, 12, 15, 16, 18, 22, 37—40, 49, 51, 57, 59, 60, 66, 93, 97, 103, 106, 117, 132, 138, 141, 152, 153, 159, 160, 164, 170, 187, 188, 192, 196, 203—205, 209, 210, 224, 230, 235, 248, 257, 266, 267, 283, 289
Московское государство 135, 257, 305
Московская духовная академия 66
Московская духовная семинария 147

* Указатель составил М. А. Айвазян.

- Московская патриаршая библиотека 204, 242, 248
Московская Славяно-греко-латинская академия 27, 317
Московский Печатный двор 12, 16, 21, 47, 48—55, 57, 58, 65, 66, 96, 100, 106, 114, 120, 152, 324

Назарет 156
Нежин 311
Никольская палата 55
Новгород-Северский 158, 193
Нюриберг 8

Обитель св. Михаила, именуемая Чудовской 187
Общество истории и древностей российских 147
Озиобишено, село 122
Оксфорд 7
Оружейная палата 47, 122
Острог 37, 105, 106
Оттоманская порта 422

Падуя 8, 16
Палестина 135, 257
Патриарший двор 265
Петербург 16, 108, 203, 204
Полоцк 7, 9, 11—13, 23, 93, 235, 266, 282, 283
Польша 117, 194, 255, 289, 311
Посольский приказ 52
Прага 13
Преображенское, село 184
Приказ Большого Дворца 47, 50, 53—55
Приказ Верхней типографии 54
Приказ тайных дел 18, 57, 93
Псков 307

Речь Посполитая (Польша) 10, 12, 13, 16, 21, 38, 41
Рим 16, 18, 127, 257
Романов-Борисоглебск 61
Россия 10, 12, 14, 15, 19, 21, 22, 36, 38, 40, 41, 43, 47, 59, 75, 92, 96, 106, 108, 111, 113, 117, 131, 135, 136, 141, 153, 196, 202, 205, 258, 271, 277, 282, 283, 286, 287, 289, 292, 294, 311, 328, 329
Ростов 306
Румянцевский музей 147
Русь Киевская 137
Русь Московская 194, 195
Рымник 37

Сергиев-Посад 61
Симонов монастырь 257
Синодальная типография в Москве 55, 163, 196, 200, 202
Сирия 135
Соловецкий монастырь 8, 16
Сорбонна 27
Спарты 127
Спасский монастырь в Москве 184, 185
Стамбул 16
Суздаль 61

Типография Киево-Печерской лавры 52, 241, 256
Траколе 16
Троице-Сергиев монастырь 71
Турция 261, 289, 302

Углич 257
Угровлахия 37
Украина 10, 22, 49, 70, 96, 252, 255, 291, 311
Уписала 97, 144
Успенский собор 214
Училище Богоявленского монастыря в Полоцке 282

Харьков 13, 134, 159, 203, 304
Хитан 135

«Церковь дворцовая» 185
«Церковь Иоасафа царевича, что у великого государя на дворе» 299
«Церковь преподобной мученицы Евдокии в Верху» в Москве 185, 277, 278, 298, 299
Церковь «Рождества пресвятой Богородицы, что у великого государя на сенях» 159
«Церковь св. Духа за Пречистинскими воротами» 184
Церковь «св. Спаса за Иконным рядом» в Москве 184, 185
«Церковь соборной св. Софии» в Полоцке 282
Церковь «трех святителей, что на Кулишках» 305

Чернигов 252, 257, 305
Чигирин 308
Чудов монастырь в Кремле 16

Швеция 97

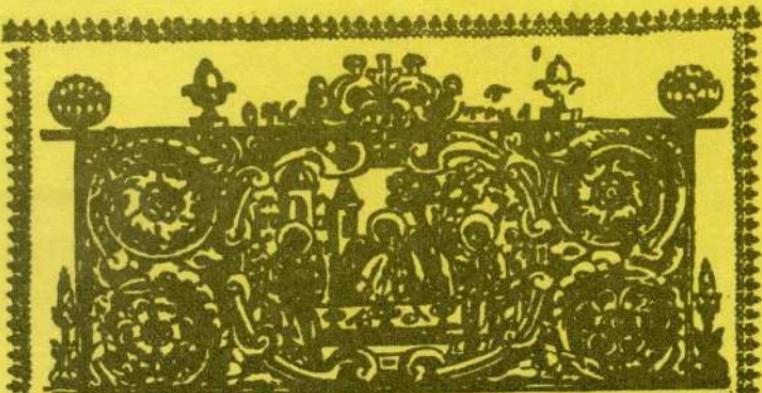
Список иллюстраций

Симеон Полоцкий. Букварь языка словенска. М., 1679. Титульный лист.	101
Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, к сыну его Льву Философу. М., 1680. Титульный лист.	107
Симеон Полоцкий. Псалтырь рифмовторная. М., 1680. Титульный лист.	119
Симеон Полоцкий. Псалтырь рифмовторная. М., 1680. Гравюра Афанасия Трухменского по рисунку Симона Ушакова.	121
Симеон Полоцкий. Повесть о Варлааме и Иоасафе. М., 1680. Титульный лист.	139
Симеон Полоцкий. Повесть о Варлааме и Иоасафе. М., 1680. Гравюра Афанасия Трухменского по рисунку Симона Ушакова.	145
Симеон Полоцкий. Обед душевный. Титульный лист беловой рукописи. ЦГАДА, Синод. собр., ф. 381, № 504. Публикуется впервые.	191
Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Гравюра Афанасия Трухменского по рисунку Симона Ушакова.	197
Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Гравюра Афанасия Трухменского по рисунку Симона Ушакова.	199
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Авторская рукопись. ГИМ, Синод. собр., № 659, с. 1 (л. 4).	207
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Первый писарский список. ГИМ, Синод. собр., № 288, л. 18.	243
Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Первая страница указателя стихотворений. ГИМ, Синод. собр., № 659, л. 488.	249
Симеон Полоцкий. Рифмологион. М., 1678—1680. Титульный лист.	263
Симеон Полоцкий. Рифмологион. Автограф Сильвестра Медведева и Симеона Полоцкого. ГИМ, Синод. собр., № 287, л. 6 об.	265
Пометы Сильвестра Медведева и Симеона Полоцкого на беловом поле листа «Рифмологиона». ГИМ, Синод. собр., № 287, л. 185 об.	277
Симеон Полоцкий. Рифмологион. М., 1678—1680. Последний лист белового оглавления. ГИМ, Синод. собр., № 287 (почерки: первая часть листа — писца, вторая часть — Сильвестра Медведева, приписка на нижнем поле листа — Симеона Полоцкого).	281

Оглавление

От редактора	5
Глава первая	
Симеон Полоцкий и русский литературный процесс	7
А. Н. РОБИНСОН	
Глава вторая	
Верхняя типография Симеона Полоцкого	46
Л. А. ЧЕРНАЯ	
Глава третья	
«Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого	60
А. С. ДЕМИН	
Глава четвертая	
«Буквари» Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI—XVII вв.	93
Ф. И. СЕТИН	
Глава пятая	
«Тестамент» в издании Симеона Полоцкого	105
Ф. И. СЕТИН	
Глава шестая	
Симеон Полоцкий в работе над «Псалтырю рифмованной»	116
О. А. ДЕРЖАВИНА	
Глава седьмая	
«Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Полоцкого	134
Л. П. СИДОРОВА	
Приложения. Симеон Полоцкий. Предисловие к читателю. Молитва святого Иоасафа в пустиню входяща	148
ПУБЛИКАЦИЯ Л. П. СИДОРОВОЙ	
Глава восьмая	
Работа Симеона Полоцкого над подготовкой к печати книг «Обед душевный» и «Вечеря душевная»	152
А. С. ЕЛЕОНСКАЯ	

Глава девятая	
«Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла)	203
Л. И. САЗОНОВА	
Глава десятая	
«Рифмологион» Симеона Полоцкого. (История создания, структура, идеи)	259
В. П. ГРЕБЕНЮК	
Глава одиннадцатая	
Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого	309
В. К. БЫЛИНИН	
Глава двенадцатая	
Симеон Полоцкий и русская историко-литературная мысль XVIII в.	318
А. С. КУРИЛОВ	
Указатель имен	334
Указатель произведений	340
Указатель географических названий и учреждений	348
Список иллюстраций	350

Ро́бо́во и́мя та́ци . О́ца , и
Сына , и Свято́го Духа : Начата бысть
пічатати книга та́к , вчера
с діненіем , на праздники гдіжім ,
вігодніни , и ста́хъ наочитыу́ть ,
из пишь слова бжїа душамъ христіанъ
предбогадніихъ въ наслідніє дхобное ,
бжїимъ пособіемъ приготованія :
Повелініе бажиння памяти , Баго-
тигнієшшаго Великаго Града нашіш
Ця , и великаго Кизя , Абодара
Алехієнта , илля вілкія , и
малла , и в'єма рюкін самодріца :
Багословінієже въ дхобномъ чинѣ
Оца єрѡ и еромола , великаго
гдина , от'єншаго Куръ ішакія .
патріарха мокомікаш . и егіа рюкін :
Въ цетавиціи великомъ градѣ
мокомѣ , въ тупографії вірдики :

Родакъ отъялъ тѣцы . Оца . и Сына .
и Свѣтишь Духъ : Душамъ же Христіанъ
предображеныхъ въ национальный Ахомис :
Предсѣніемъ Еаготинѣншаго вели-
каго гдѣа, нашаго Цара . и великаго
кнзя Абодира АлеѢбенита , въсѧ
блажкія . и мѧсѧ . и сѣлья . речеши
Багбеніемъ же въ Ахомисат
тимъ Оца єго и етомоца , великаго
гдѣа , отъеншаго Курѣ Шакіма .
Патріарха аюковскаго , и всѧ россіи :
Книга ѿбѣдъ душевныи , на всѧ дни
вогорныя аингѡ лѣта . и з піцре Слова
єкія , єго пособіемъ , трудоанеимъ
представиша Оца Іеромонаха Сумѣши
полоцкаго . въ цргавнциамъ градѣ
Моневѣ ѿкитанциаго . ѿозданиїа
мїа . въ лѣто зѣпл . и ѿготованый :
Измѣниѧ етомъ же цргавнциамъ віланко
градѣ Моневѣ . въ тупогрѣїи ѿхнѣи :
Епъ лѣто ѿзоврїиа мїа . зѣпл .
Съ рютьи же по плоти Ега слово . ахла .
індкета . є . Мїа Онтишерѣ .

Симеон Полоцкий

Издательство «Наука»